
С Е Р И Я Д И А Л О Г

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ – АПОСТОЛ ДЛЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Сборник, посвященный
800-летию перенесения мощей
в Амальфи (Италия)

Под редакцией Михаила Талалая
и Ирины Языковой

М О С К В А

ББК 86.2
УДК 261.8
А 65

Издание осуществлено при поддержке
Католического комитета по культурному сотрудничеству (Рим)

Андрей Первозванный – апостол для Запада и Востока / Под ред.
Михаила Талалая и Ирины Языковой. (Серия «Диалог»). – М.: Издательство
ББИ, 2011. – xii + 242 с.

В книгу, посвященную 800-летию перенесения мощей св. Андрея Первозванного из Константинополя в Амальфи (2008 г.), вошли статьи богословов, историков, филологов и искусствоведов, посвященные роли апостола в истории христианства, разным аспектам его церковного и народного почитания и его современной общехристианской миссии.

ISBN 978-5-89647-262-9

Обложка: Дмитрий Купреев
Верстка: Татьяна Дурнова

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011.
Ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Предисловие (Алексей Бодров, ректор ББИ)	ix
--	----

I. Духовное путешествие апостола Андрея как символ церковного единства

Андрей Робинсон «Маршрут» апостола Андрея.....	3
Адальберто Майнард Андрей — «первый ученик» Христа. Вселенский взгляд на ученичество и общину в четвертом Евангелии.....	19
Стефано Каприо Апостольское призвание Андрея и Симона как источник христианского единства	30
Йоханнес Эльдеманн Диалог между Востоком и Западом: опасность или возможность? От «псевдоморфоза» к «обмену дарами»	39
Ирина Языкова Апостольские объятия. Размышления над образом свв. апостолов Андрея и Петра.....	47
Эрнст Суттнер Икона святых апостолов и братьев Петра и Андрея.....	52
Виктор Малахов Традиция апостола Андрея и некоторые особенности христианского понимания призвания	55
Владимир Зелинский Евангелие от Андрея и вера третьего тысячелетия	59

II. Личность апостола Андрея в церковной истории и преданиях разных стран

Андреа Милано Андрей, один из Двенадцати, первозванный в Новом Завете.....	71
Луиджи Сакконе «Деяния апостола Андрея» и их исследования.....	87

Эрнст Суттнер

- Мощи св. апостола Андрея и их почитание в Патрах, Константинополе,
Амальфи и Риме 90

Александр Доброер

- Петр и Андрей — история, опрокинутая в вечность (Актуальность
«иконы» святых апостолов в фокусе проблем украинских церквей) 104

Ирина Багратион-Мухранели

- Святой Андрей Первозванный в Грузии 114

Валерия Косякова

- Реликвии апостола Андрея в Шотландии 121

Стефано Каприо

- Память апостола Андрея в Южной Италии..... 130

Михаил Талалай

- Амальфитанская святыня и ее обрамление..... 141

III. Андрей Первозванный и Россия**Александр Моторин**

- Святые апостолы Андрей и Петр в русской христианской
историософии 151

Кирилл Копейкин

- Церковные и народные традиции почитания
св. апостола Андрея в России..... 157

Михаил Шкаровский

- Орден св. апостола Андрея Первозванного и Андреевский флаг..... 176

Ирина Шалина

- Образ Андрея Первозванного в византийской и древнерусской
иконографии..... 188

Михаил Талалай

- Российские афонские обители как источник культа
апостола Андрея 204

Александр Берташ

- Андреевские храмы в России и Украине 209

Михаил Шкаровский

- Апостол Андрей в исторической и церковной традиции
на Северо-Западе России..... 227

- Послесловие (Михаил Талалай) 236

- Sant'Andrea: un apostolo per L'Oriente e L'Occidente*..... 239

- Об авторах..... 240

Светлой
памяти епископа
Пьера Дюпре

*In Fond Memory of
Bishop Pierre Duprey*

Предисловие

Апостол Андрей Первозванный – уникальная личность для всего христианского мира. Он был первым апостолом, призванным Иисусом, и его миссия покрывала огромные пространства в Европе и Азии. Он был объявлен святым покровителем Византии и его мощи покоились в церкви Двенадцати апостолов в Константинополе.

В процессе христианской истории апостол Андрей стал ключевой фигурой для многих национальных церквей. Его глубоко почитали греки и посвятили ему один из самых больших соборов на месте его мученичества в Патрах. Он был первым миссионером на протославянских территориях и был провозглашен святым покровителем России, поскольку считалось, что он первый проповедовал здесь Евангелие. Румыны почитают его как крестителя своего народа. Апостол Андрей очень популярен на Кавказе – в Грузии и в Армении.

Традиционно апостол Андрей считается святым покровителем христианского Востока, тогда как апостол Петр – покровителем Запада. Однако и Запад имеет особые духовные связи с Андреем Первозванным. Перенесение его мощей из Константинополя в Амальфи в 1208 году можно назвать новым миссионерским путешествием апостола, которое способствовало развитию его почитания на Западе. Он считается святым покровителем Шотландии и Бургундии и глубоко почитается в Италии.

Почитание апостола Андрея в разных странах и христианских традициях символически выражает страстное стремление к духовному единству христианского мира. Сама личность и миссия апостола объединяют христианские Восток и Запад поверх догматических, политических и прочих разделений. По русской агиографической традиции¹ апостол Андрей отправился в большое путешествие в земли, где позднее были основаны Киев и Новгород, а оттуда морем, огибая всю Европу – христианскую ойкумену того времени, отправился в Рим к своему брату Петру, дав нам тем самым образец братской любви между восточной и западной церквями. Это «духовное путешествие» апостола может быть вдохновляющим примером

¹ См. ниже Андрей Робинсон. «Маршрут» апостола Андрея, с. 3.

движения к «брату своему», важнейшего для построения христианского единства в начале третьего тысячелетия.

В то время как многие люди сейчас разочарованы «институциональным экуменизмом», они, тем не менее, стремятся к глубокой духовности общения, которая, по словам Ионна Павла II, «означает способность думать о наших братьях и сестрах по вере в глубоком единстве Мистического Тела, ... принимать наших братьев и сестер, нося бремена друг друга (Гал 6:2)». Духовный экуменизм очень важен для жизни современной церкви. Это сердце любого серьезного диалога и межцерковного сотрудничества. Это обращение наших сердец, которое может помочь обратить конфликты, часто возникающие из-за наших различий, во взаимную дополняемость, обогащающую наши церкви и христианство как целое. Очень важно показать и подчеркнуть действительный духовный опыт тех верующих, которые переживали разделение церкви не только как историческую драму, но и как их личную трагедию, и пускались в длительное, трудное и опасное духовное путешествие, чтобы встретить и обнять своего брата, следуя примеру св. Андрея Первозванного.

Часто говорят о кризисе самой идеи церковного единства. Однако слово «кризис» имеет не только негативное значение расстройства, но и позитивный смысл обновления, появления новых возможностей для ответа на вызовы современности. Молитва Иисуса «да будут все едино» указывает на самую суть здорового экуменизма. Мы не можем «организовать» церковное единство – это дар Святого Духа, который лишь один может открыть сердца для примирения. Без взаимного прощения, очищения памяти и усилий понять друг друга не может быть никакого экуменизма, и истинный экуменизм означает совместное чтение Библии, обмен духовным опытом, размышление над духовным наследием святых, которые никогда не отделили себя от вселенской церкви во всем мире².

Личность апостола Андрея приобретает особую значимость в свете диалога любви между Востоком и Западом, который был инициирован более 50 лет назад патриархом Афинагором и папой Павлом VI. 800-летний юбилей переноса мощей апостола Андрея из Константинополя в Амальфи, который отмечался в 2008 году, совпал с 50-летним юбилеем инициации *Tomos Agapis*³, который знаменовал новую стадию диалога между Православной и Католической церквями. Такое символическое совпадение дало хороший повод для углубленного многостороннего богословского размышления о личности и деяниях одного из первых учеников Христа и об уроках духовного экуменизма, которые апостол Андрей дает современной церкви.

В этой связи Католический комитет по культурному сотрудничеству (Рим) и Библейско-богословский институт св. апостола Андрея в сотрудничестве

² Вальтер Каспер. *Руководство по духовному экуменизму*. М: ББИ, 2008, 75 с.

³ *Томос Агапис*. Ватикан-Фанар (1958-1970). Брюссель-Москва: Жизнь с Богом, 1996, 278 с.

с другими церковными, общественными и научными организациями из разных стран⁴ организовали серию коллоквиумов⁵, которая завершилась большой международной конференцией «Апостол Андрей и христианская ойкумена: богословское, культурное и историческое значение св. Андрея Первозванного для современного мира и христианского единства», проведенной во Фрайзинге (Германия) 7–11 июня 2008. Одиннадцать православных церквей прислали своих представителей на эту конференцию, что еще раз подчеркнуло важность и актуальность данной проблематики.

Эти научные встречи дали возможность рассмотреть личность апостола Андрея с разных сторон. Их участники, богословы и специалисты, работающие в областях древней и современной истории, агиографии, церковной истории, иконографии, литургии, филологии и др., вместе размышляли о том, как значение апостола Андрея понималось в светской и церковной истории, культуре, богословской и литургической традициях и, особенно, как его символическое послание раскрывается в диалоге современной церкви. Мы говорили об апостоле как символе христианского единства и духовного экуменизма, о его почитании в разных местах христианской ойкумены и о диалоге любви между нашими церквями и необходимости развивать сотрудничество в областях культуры, науки и образования.

Вовлечение христианских студентов и молодых исследователей – залог успеха такого сотрудничества – то, что является одним из основных направлений работы Библийско-богословского института св. апостола Андрея на протяжении всех двадцати лет его существования. Сотни студентов и специалистов из разных христианских конфессий участвуют в наших Летних богословских институтах, которые оказались чрезвычайно успешным и важным инструментом для развития академического богословского образования и диалога науки и богословия. Более трехсот богословских книг, изданных ББИ, представляют разные христианские традиции и широко используются студентами многих конфессий. Важным мотивом организации наших международных конференций является развитие диалога и сотрудничества в образовательной и академической сферах.

⁴ Архиепископия Амальфи – Кава-де-Террени, Ассоциация «Рондине – крепость мира» (Ареццо), Монастырь в Бозе (Маньяно), Румынский патриархат и богословский факультет Бухарестского университета, благотворительная организация «Реновабис» (Фрайзинг), Институт Восточных церквей (Регенсбург), Экуменический фонд св. Андрея (Лондон), Христианский образовательный центр им. свв. Мефодия и Кирилла (Минск), Институт всеобщей истории РАН (Москва), Центр культуры и истории Амальфи и Ассоциация «Человек и Церковь» (Амальфи), англиканская церковь св. Андрея (Москва), православная церковь св. апостола Андрея (Неаполь), при участии представителей Греции, Грузии, Украины, Шотландии.

⁵ Первый коллоквиум «Значение апостола Андрея для диалога любви между Востоком и Западом и духовного экуменизма» был проведен в Ареццо (Италия) 1–4 февраля 2007, второй «Апостол Андрей на Востоке и Западе: история, иконография, литература, места почитания» – в Амальфи (Италия) 6–9 мая 2007 и третий «Апостолы Андрей и Петр – икона будущего» – в Бозе (Италия) 25–28 октября 2007.

Весь наш опыт показывает жизненную важность такого сотрудничества и ни один из перечисленных проектов не был бы возможен без тесного взаимодействия со многими людьми и организациями – светскими и церковными – в разных странах.

В связи с этим я бы хотел выразить глубокую признательность и благодарность организаторам прошедших конференций – Католическому комитету по культурному сотрудничеству и проекту «Живые источники: узы братства и сотрудничества, пути единства и мира» (Рим), а также кардиналу Вальтеру Касперу, бывшему президенту Папского совета по развитию христианского единства, архиепископу Амальфи Орацио Соричелли, Енцо Бьянки, настоятелю монастыря в Бозе, д-ру Альберту Рауху, директору Института Восточных церквей в Регенсбурге, и проф. Франко Ваккари, директору Ассоциации «Рондине – крепость мира» в Ареццо. Мы очень благодарны спонсорам конференции о. Дитгеру Демуту, президенту Реновабис, д-ру Дэниэлу Шмидту, директору *Bradley Foundation* (США), и фонду *Fidel Götz Stiftung* (Германия).

Особую благодарность я хотел бы выразить д-ру Паоле Фабрици из Католического комитета за ее вдохновение, энтузиазм и поддержку при подготовке и осуществлении всего проекта и д-ру Михаилу Талалаю за первоначальную идею юбилейной конференции, которая родилась несколько лет назад в Бозе.

Мы были очень рады получить такой хороший отклик от православных церквей и благодарны всем их представителям, принявшим участие в юбилейной конференции и привезшим приветствия глав церквей. Но более всего мы благодарны всем участникам коллоквиумов и итоговой конференции, которые привнесли свое знание, результаты многолетних исследований, вдохновение и духовный опыт, без которых эти конференции не были бы возможны.

Книга, которую мы теперь представляем русскому читателю, подобрала в себя многие доклады, сделанные на конференциях, и другие статьи ведущих специалистов. Мы посвящаем сборник памяти епископа Пьера Дюпре (1922–2007), который так много сделал для восстановления общения церквей и тесного сотрудничества между католиками и православными. Он был основателем (1963 год), первым секретарем, а впоследствии президентом Католического комитета по культурному сотрудничеству и основателем и со-председателем проекта «Живые источники». Он был одним из самых активных попечителей и большим другом ББИ.

Алексей Бодров,
ректор ББИ
Москва, Пятидесятница 2011

I.

Духовное путешествие апостола Андрея как символ церковного единства

Андрей Робинсон

«Маршрут» апостола Андрея*

На память моему внуку Андрею М. Робинсону

Древние предания об апостоле Андрее принадлежат к вечным темам науки, так как в них всегда был и навсегда останется момент загадочности. Среди этих преданий особое место занимает киевская «Легенда об Андрее», изложенная в «Повести временных лет»¹. По византийским преданиям, Андрей, проповедуя христианство, совершил три путешествия по северо-восточному побережью Черного моря: посетил Синоп, Пантикапей, Керчь, Феодосию, Херсонес, вернулся в Синоп, отправился в Византию (Константинополя еще не было), где поставил епископом своего ученика Стахия, затем в Патрах был распят на иксообразном кресте². Авторитеты восточной церкви, например Иоанн Златоуст, признавали Андрея основателем христианства в Византии. Это предание, по мнению А. А. Шахматова, было принесено «корсунскими попами», которых привез в Киев из победоносного похода на византийскую колонию Корсунь (Херсонес)³ Владимир Святой⁴. Новая киевская «Легенда об Андрее», думается, могла возникнуть (в порядке циклического развития греческого предания) в проповедях Анастасия Корсунянина, поставленного Владимиром во главе церкви. При крещении Руси было уместно предварить этот исторический акт апостольским благословением, а

¹ Далее — «Повесть». «Легендой» занимались многие ученые. Наиболее содержательной является статья: Мюллер Л. «Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Новгород», в: *Летописи и хроники*. М., 1974. С. 48–63.

² Epiphanius. *Vita Sancti Andreae*. Migne PG 120. Parisiis, 1864. col. 229–244; *Acta Andreae Apostoli cum laudatione context*, hrsg. von M. Bonnet. Analecta Bollandiana 13. Bruxelles, 1894; Петровский С. *Сказание об апостольской проповеди по северо-восточному Черноморскому побережью*. Одесса, 1898.

³ Правильное написание — Владимир; в Киевской Руси (по «Повести» и др. источникам) имени Владимир не было. Исландские саги относились к Владимиру с большим уважением: «Правил на Востоке, в Гардарике (Русь. — А.Р.) Вальдамар конунг, и был он славный муж». См. Рыдзевская Е. А. *Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования)*. М., 1978. С. 59. Далее обозначено в скобках (Р) в тексте с указ. стр.

⁴ Шахматов А. А. «Повесть временных лет и ее источники», в: *Труды отдела древнерусской литературы*. М.-Л., 1940. С. 29, 149–150.

* Статья была опубликована в: *Страницы*. 1996. № 2. С. 57–74.

для этого описать путешествие Андрея, «направив» его от Корсуня до места будущего Киева, то есть по маршруту, который был только что преодолен греческими священниками. По предположению Д. Герхардта и Л. Мюллера, в Киеве существовал, кроме того, занесенный из Новгорода фольклорный рассказ, который отражал обряд омовения в банях, и поэтому мог быть добавлен к историографическо-религиозной «Легенде об Андрее»⁵.

А. А. Шахматов предполагал, что «Легенда» была вставлена Нестором при создании «Повести» (1113). М. Д. Приселков полагал, что вставку сделал редактор «Повести» игумен Сильвестр (1116) по желанию Владимира Мономаха⁶. Объединение устных произведений: церковной киевской «Легенды об Андрее» и фольклорного (в истоках, вероятно, языческого) рассказа о банях, произошло, скорее всего, при литературном внесении их в «Повесть», что дало возможность летописцу, «направив» апостола по пути «из варяг в греки и из греки», описать эту главную магистраль Руси. Шахматов обосновал теорию летописных «сводов» и предложил гипотетическую «реконструкцию» «Повести», а также некоторых, по-видимому, ей предшествующих летописей, которые не сохранились⁷. Затем «Повесть» подвергалась «реконструкциям» и интерпретациям историков, упростивших методику Шахматова и видоизменяющих текст согласно своей логике и мнениям. «Повесть временных лет» нуждается не в «реконструкции», а в реабилитации.

Как филолог я считаю текст «Повести» неприкосновенным (кроме учета разночтений по 8 спискам.) «Реально дошедший до нас текст "Повести", — справедливо писал И. П. Еремин, — может стать предметом анализа и независимо от его родословной, ибо какую бы сложную историю ни пережил текст того или иного литературного произведения, текст в своей окончательной редакции никогда не теряет своего единства как по содержанию, так и по форме: отрицать это единство в данном случае значило бы рассматривать дошедший до нас текст "Повести", легший в основу всего древнерусского летописания, как механический сплав разного рода напластований, как текст неполноценный и по содержанию, и по форме. Реально дошедший до нас текст "Повести" должен лечь в основу анализа именно потому, что он реальный, т. е. безусловно достоверный»⁸. Повесть является фактором обществен-

⁵ Gerhard D. *Das Land ohne Apostel und seine Apostel*. Festschrift für Dmytro Cyzevskyi zum 60. Geburtstag, Berlin, 194. (=Veröffentlichungen der Ableitung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Ableitung versität Berlin 6). S. 129 след.; он же. *Über Vorkommen und Wertung der Dampbaerder*. Zeitschrift für slavische Philologie 24, 1955. S. 82–90. Мюллер Л. Указ. соч. С. 55–57. Далее стр. указ. в скобках в тексте.

⁶ Приселков М. Д. *Очерки по церковно-политической истории Руси X–XII вв.* СПб., 1913. С. 162. Он же. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940. С. 42–43.

⁷ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908; он же (изд.). *Повесть временных лет. Водная часть. Текст. Примечания*. Пг., 1916.

⁸ Еремин И. П. *Повесть временных лет: Проблемы исторически-литературного изучения*. Пг., 1916. С. 9.

ного сознания Древней Руси и даже позже (XIII – сер. XVIII вв.), а в некоторых идеологическо-патриотических моментах — и до настоящего времени. Хотя Л. Мюллер «Легенду об Андрее» считает «рафинированной и тенденциозной выдумкой отдельного лица <...>», она скорее является продуктом историографического мышления»⁹.

В «Повести» говорится сначала по традиции: «Ондрэю учащу въ Синопии и пришедшу ему в Корсунь»¹⁰. Но далее следует нечто новое и интересное для читателей того времени: Андрей «увэздэ яко ис Корсуня близэ Днэпрьское, и въсхоте пойти в Римъ». Поводом для этого, как отметил Л. Мюллер, могло быть желание навестить брата – апостола Петра или же, как кажется мне, поклониться его праху. Осторожный летописец не намекнул на возможность свидания в Риме (а не в Иерусалиме, по греческой версии) столь знаменитых братьев. Но Рим был для европейцев, включая Русь, средоточием мировой славы, невзирая на вероисповедные различия. В Житии св. Александра Невского сказано, что после его победы над католическим Ливонским орденом (1242) «нача слыти имя его <...> обону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Риму»¹¹. Так же трактовалась в «Повести» победа Владимира Мономаха над половцами в 1111 г. (перед самым составлением «Повести»): князя возвратились «съ славою великою», которая «къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима пройде» (195).

Итак, апостол направился «въ вустье Днэпрьское и <...> поиде по Днэпру горэ», приблизился к цели, ради которой его «пригласили» на Русь: «и ста подь горами на березэ». И сказал он «ученикомъ»: «Видите ли горы сия? — яко на сихъ горахъ восияеть благодать божья; имать градъ великъ быти и церкви многи». И въшедь на горы сия и благослови я, и постави крестъ» (12).

Казалось бы, Андрею следовало вернуться и идти в Рим старинным путем через Босфор. Но в этом случае он не мог бы миновать столицу православия — Константинополь. Ему пришлось бы основать христианство и там (после посещения Руси). Возникал, как может показаться, парадокс: получив культ Андрея от греков, киевляне не хотели «отпустить» Андрея к грекам. Но для средневековой логики подобных противоречий не существовало. Поэтому Андрею надлежало идти далее на север.

«Легенда» была помещена летописцем в предназначенный для нее контекст, мотивирующий ее содержание. Перед «Легендой» излагались географические сведения. «Поляномъ же жившимъ по горамъ симъ (которые благословил Андрей. — А.Р.), бэ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днэпру, и верх Днэпра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь (Ильмень. — А.Р.) озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечетъ в озеро великое Нево, и того озера внидетъ устье в море Варяжское. И по тому морю ити до

⁹ Мюллер Л. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ *Повесть временных лет. (Литературные памятники).* / Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Л. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.–Л., 1950. С. 12.

¹¹ Бегунов Ю. К. *Памятники русской литературы XIII в.* М.–Л., 1965. С. 173.

Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду (Константинополю. — А.Р.) , а отъ Царягорода прити в Понт море в не же втечет Днепръ река» (11). Затем приводятся пояснения: «Днепръ бо потече из Оковъскаго лэса <...> а Двина ис того же лэса потечет, а <...> внидетъ в море Варяжское <...> а по Двине въ Варяги до Рима <...>. А Днепр втечетъ в Понетъское море <...> еже море словеть Руское, по нему же училь святыи Оньдрей, братъ Петровъ, яко же реша» (т.е. «как говорили» — аорист 3-го лица мн. ч.).

Летописец подчеркнул, что имеет в виду двусторонний характер движения (и на юг, и на север): «изъ Варягъ въ Греки и изъ Грек по Днепру и верхъ Днепра». В данном случае, воспроизводя «Легенду», он описал движение Андрея с юга на север. Корсунь был греческой колонией, и потому Андрей начал свой путь «из Грекъ».

Путь «из варяг в греки» был описан еще выдающимся писателем — императором Константином Багрянородным (913-959)¹². Это было движение из Новгорода — «Невогарды», в которой «сидел Святослав, сын русского князя Игоря» (до занятия Святославом киевского престола в 945 г.). Константин точно описал разнонациональных участников движения: лодки — «однодревки» делают «славяне» и продают их в Киеве «русам». Он привел двуязычные названия каждого днепровского порога: «русские» (скандинавские) и «славянские». Например, порог, называемый «по-русски увлорси, а по-славянски островунипраг, что значит остров порога»; или «четвертый порог, большой, называемый по-русски айфор, а по-славянски неясуть, потому что в камнях порога гнездятся совы» (8). Различие между скандинавами-«руссами» и «славянами» Константин наблюдал лично, поскольку он принимал во дворце вдову Игоря Ольгу с ее свитой. Такое же различие между «русью» и восточнославянскими племенами (словенами, полянами и др.) отчетливо наблюдается в «Повести», а по «Вертинским анналам» — «руссами» (Rhos) называли себя сами шведы¹³. До сих пор финны называют шведов Ruossi, что в славянском дало слово «Русь», как финское Suomi — «Сумь». В Швеции есть часть побережья Roslagen.

Олег Вещий, возвращаясь в Киев после победы над Царьградом (907), предоставил своей «руси» привилегию. «И рече Олег: <...> Исхийти парусы паволочиты (шелковые. — А. Р.), и бысть тако» (125). Обыкновение знатных скандинавов делать паруса из дорогих тканей подтверждается сагами. Об Олаве Трюггвасоне, будущем короле Норвегии, говорится, что он воспитывался у конунга Вальдамара (Владимира Святого) и, командуя его дружиной, «после одной великой победы возвращался <...> домой в Гарды (Русь. — А. Р.) и плыли

¹² Константин Багрянородный. Об управлении государством, в: *Известия Гос. академии истории материальной культуры*. М.-Л., 1934. 91. С. 8–10. Далее стр. указ. в скобках в тексте. Адам Бременский (ок. 1075 г.) тоже описал этот путь с его началом из г. Волина-Юмны (устье р. Одер), далее Новгород-Киев-Константинополь (Magistri Adam Bremensisgersta Hammamburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae-Lipsiae, 1917. P. 79–807).

¹³ *Annales Bertiniani*, hrsg. von G. Waitz. Hannover-Leipzig, 1883.

они с большой пышностью, и паруса на кораблях у них были из драгоценной ткани» (Р 33). Паруса кораблей короля Сигурда Йорсалафари, иерусалимского путешественника, были парчевые¹⁴.

Послы Олега, знатные варяги (славянских имен у них не было), заявили византийским императорам Льву VI († 912) и Александру (царствовал в 912–913 гг.) о своем этническом происхождении: «Мы от рода рускаго, Карлы, Инегельдъ, Фарлаф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнь, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга великого князя рускаго» (25). «Мы Русь, <...> мы, Русь» (26–27) повторяли свое именование эти первые дипломаты, проследовавшие путем «из варяг в греки». В вопросе о названии «Русь» нужно принять во внимание и восточные источники, которые заставляют искать страну русов где-то на севере Восточной Европы¹⁵. «Конкретная информация большинства арабских географов посвящена главным образом северу Древней Руси <...>. Титул Хакана, на который указывает ряд авторов, мог принять скорее глава северного (с центром, предположим, в Новгороде) племени»¹⁶.

Вернемся, однако, к условиям путешествия Андрея. Константин оценивал путь «из варяг в греки» как «многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание» (8). Можно представить себе, каким ужасным было такое путешествие при апостоле.

Различия в описании пути у Константина и у летописца показательны. Константин описывал движение на юг, согласно направлению миграции скандинавов. Изложение летописца следует порядку с юга на север, так как оно имело идеологическое значение для первой империи Рюриковичей, уже переживавшей начало государственного распада при прекратившейся миграции скандинавов.

Поскольку летописец взялся «привести» Андрея в Рим, а до Рима он должен был посетить будущих новгородцев, то «маршрут» апостола проходил через Ильмень, Волхов, озеро «Нево» (Ладожское с р. Невой. — А. Р.) в «море Варяжское». Этот этап «маршрута» был обусловлен родовыми и политическими причинами: по нему двигались все удачливые претенденты на киевский престол — скандинавские конунги, превратившиеся в древнерусских

¹⁴ Стурлусон С. *Круг земной*. М., 1980. С. 482. Далее в тексте страницы указаны в скобках.

¹⁵ Новосельцев А. П. «Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв.», в: Новосельцев А. П., Пашуто Б. Т., Черепнин Л. В. *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 404.

¹⁶ Калинина Т. М. *Древняя Русь и страны Востока X в.* (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1976. С. 12, 13, 20. После моей лекции в Гарвардском университете (США) 8 апреля 1981 г. проф. О. Прицак сообщил, что ему известен древний арабский текст, в котором князь Игорь (Рюрикович) назван «каганом». Ср.: в «Слове и благодати» Илариона — «великаго кагана наша земля Владимирова, внука старого Игоря...»; в *Слове о полку Игореве* — «Ольгова коганя хоти» (видимо, о жене-половчанке Олега Святославича).

князей¹⁷. Описывая Варяжское море, летописец указывал: «По сему же морю сядять варязи семо ко вѣстоку до предада Симова, по тому же морю сядять къ западу до земли Аглански и до Волошьски» (10), то есть до Италии, куда и стремился Андрей: «иде въ Варяги», а оттуда (морем через Гибралтар. — А.Р.) «прииде въ Римъ» (12). Подходя к будущему Новгороду, как очевидно полагали читатели XII в., Андрей начинал приближаться к варяжским землям «римского» (католического) мира.

И вот Андрей «приде въ словени, идеже ныне Новъгородъ». Он не благословил это место, как сделал на «горах», но обратил внимание лишь на странное поведение аборигенов: «как ся мыють и хвоцются (хлещут себя березовыми вениками. — А.Р.), и удивися имъ». Было чему удивляться человеку, привыкшему к античным термам. Но летописцу и читателям-киевлянам удивляться не приходилось: бывая в Новгороде, они знали местные (и скандинавские) банные обычаи, да и сами едва ли мылись иначе¹⁸.

Пройдя по морям и рекам, как идеальный путешественник (от Синопа до Синопа) Андрей будто бы охватил всю средневековую Европу. Это и было реальное норманнско-варяжское «кольцо» вокруг Европы, образно выражаясь, тот «Круг земной», о котором знаменитый исландец Снорри Стурлусон написал книгу саг, по объему в три раза превосходящую «Повесть».

Согласно другой устной легенде, позже Андрея и только небольшую часть его пути прошел Кий, происхождение которого, как и само имя (а также имена «братьев» — Щек и Хорив) еще не нашло достаточно объяснений¹⁹. Имена Кий, Щек, Хорив не повторялись в традиции русских княжеских имен и никаких следов династии, восходящей к Киеву, не существует. Если считать, что Киев основан Кием в 482 г., то остается неизвестным, кто там княжил в течение четырех веков до прихода Олега.

Поход Кия византийскими источниками не отмечен, имя «царя» неизвестно, и эта легенда не может служить исходным основанием для изучения «маршрута» Андрея. Летописец переходит к уверенному историческому повествованию, когда оно начинает опираться на представление о Руси как о европейском государстве, связанном с известными феодам европейскими событиями.

¹⁷ «С превращением отдельных пришельцев-варягов в древнерусских князей тенденции к отрыву княжеской власти от народа, наметившиеся в восточнославянском обществе, получили новый импульс» (Фроянов И. Я. *Киевская Русь: Очерки социально-политической истории*. Л., 1980. С. 20).

¹⁸ Л. Мюллер отметил, что в Переяславле одновременно (1089 г.) с церковью св. Андрея было воздвигнуто «строение банное камено, сего же не бысть прежде в Руси» (с. 58, прим. 36).

¹⁹ См. Марр Н. Я. Книжные легенды об образовании Куара в Армении и Киева на Руси. Речь, произнесенная на торжественном годовом общем собрании Академии истории материальной культуры 18 мая 1922 г., в: Марр Н. Я. *Избранные работы*, 5. М.–Л., 1935. С. 62; Рыбаков Б. А. *Древняя Русь: Сказания, былины, летописи*. М., 1963. С. 26–27; Айвазян К. *История Тарона и армянская литература IV–VII вв.* Ереван, 1976. С. 234–328.

В Европе наступила эпоха викингов (кон. VIII – сер. XI вв.)²⁰ Она означала постоянную и непреодолимую миграцию скандинавов (норвежцев, шведов, датчан — «норманнов», «варягов») в южные европейские земли по водным путям. Викинги двигались до Рима, Константинополя, Иерусалима, по морю (через Гибралтар) и по рекам — Шельде, Сомме, Сене, Луаре, Гаронне, Роне. Они смело нападали во франкских землях на Париж (грабили его в 845, 857, 861 гг., сняли осаду в 885 г., получив откупные), Суассон, Тур, Орлеан, Анжер, Шалон, Дижон; в германских землях разорили Гамбург (845), двигаясь вверх по Рейну, напали на Ксентен (863), Кельн и Бонн (892), также Аахен, Трир, Вормс. В Англии викинги появились в 825 г., не раз грабили Лондон и Кентерберри (836, 851–852), захватили Шотландию (866), королевства Нортумбрию, Восточную Англию, часть Мерсии и Эссекса. Они заняли Оркнейские острова, заселили Исландию, Гренландию. Около 1000 г. открыли Америку. В Испании викинги разорили Астурию и Севилью (844). Они основали свое королевство в Сицилии и Южной Италии. Точно так же викинги устремились в восточноевропейские земли. Они двигались вдоль побережья Балтийского моря, вели войны друг против друга (норвежцы — датчане — шведы), а также междоусобные войны внутри каждого из скандинавских государств: нападали на племена северо-европейские, угро-финские, балтийские и, наконец, восточнославянские. Как и на Западе, викинги шли на Восток водными путями: из Балтийского моря, по рекам Неве, Волхову, Ловати до Днепра или по Западной Двине до Днепра, затем по Днепру, Черному и другим морям к Константинополю, Иерусалиму, Африке, Италии. Они нападали на города Ладогу, Новгород, Смоленск, Муром, Любеч, Чернигов, Киев и др. Историческая типология событий несомненна: одновременно с действиями шведского конунга Олега Вещего (Русь, Константинополь, 907–911) норвежский конунг Роллон захватил земли в устье Сены и в 911 г. заключил договор с французским королем Карлом Простоватым, основав герцогство с названием от «норманнов» — Нормандию, как и Олег империю с названием от «руси» — Русь.

В связи с общеевропейской историей необходимо рассматривать и значение скандинавских наемных дружин как типичной гвардии князей, королей, императоров. Образование империй осуществлялось гениальными узурпаторами, обычно иностранцами, обладавшими гвардией количественно небольшой, но качественно великолепной по сравнению с военными силами новых подданных, из состава которых затем формировались большие армии. Можно вспомнить македонские фаланги Александра Великого, монгольскую гвардию Чингис-хана, римских императорских преторианцев, египетских султанских мамлюков-половцев (вошедших потом в гвардию Наполеона), турецких

²⁰ Из новой литературы предмета: Гуревич А. Я. *Походы викингов*. М., 1966; Simpson J. *Everyday Life in the Viking Age*. London, 1967; Foote P. C., Wilson D. M. *The Viking Achievement*. London, 1970; Capelle T. *Die Wikinger*. Stuttgart, 1971; *История Норвегии*. М., 1980; von Fircks J. *Wikingerschiffe: ueber ihren Bau, ihre Vorgaenger und ihre Eugene Entwicklung*. Bielefeld, 1979 (русс. пер.: фон Фиркс И. *Суда викингов*. Л., 1982).

янычар, папских швейцарцев и др. При реализации имперских проблем централизованной государственности и преодоления феодального сепаратизма социально-политическое значение гвардейских частей из профессионалов-наемников, в частности скандинавских, нередко было решающим.

Следуя летописной иерархии перечисляемых ценностей, «Повесть» всегда при исчислении войск первыми называет варягов. Аскольд и Дир «много варяги совокуписта» (19), других дружин у них не было. Олег первым в походе на Киев «поим вой многи, варяги, чюдь, словэни, мерю, весь, кривичи» (20). Он же в походе на Константинополь «поя же множество варяг, и словень, и чюдь <...> и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны» (23). После первой неудачи под Константинополем Игорь «посла по варяги мнози за море, воюю на греки», затем он, «совокупив вой многи, варяги, русь, и поляны, словэни, и кривичи» (33), принудил греков к выгодному для Руси миру. Владимир «собра вой многи, варяги и словени, чюдь и кривичи» (54). Ярослав «приведе варягы» (89), «събра Ярославъ варягъ тысячу» (96). Диспозиция варягов перед сражением была самой ответственной. Ярослав (1036) против печенегов «събра вой многи, варяги и словэне (новгородцы. — А. Р.) <...> и постави варягы посередэ, а на правой сторонэ кыяне, а на левем криле новгородцы» (101).

Прекращение варяжской миграции имело в Европе военно-политические последствия. Так, в Византии императорам пришлось заменить варяжскую гвардию англосаксами, бежавшими из Англии после покорения ее (1006) Вильгельмом Завоевателем — правнуком норманнов. На Руси возможности такой замены не было. Поэтому после смерти Ярослава сразу обнаружилась беспомощность военно-политических действий его сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода. Не обладая свежими варяжскими дружинами, никто из Ярославичей не смог стать, подобно отцу, «самовластием» Руси. Объединенные их усилия при сопротивлении внешней агрессии оказались неэффективными: при первой же войне с половцами (1068) все трое были сразу разбиты. Внутренняя политика братьев оказалась еще пагубнее для государства. Ярославичи арестовали полоцкого князя, волхва Всеслава. Когда Изяслав и Всеволод бежали от половцев в Киев, произошло городское восстание. Дружина подала Изяславу разумный совет — убить Всеслава: подзвать к оконцу «поруба» и «пронзить» мечом. (Дед Ярославичей Владимир Святой пригласил сводного брата Ярополка в киевский дворец якобы для переговоров о мире, но как только тот вошел, два варяга подняли его «под пазусе» на мечах, а по приказу дяди Ярославичей Святополка Окаянного другие два варяга добили его сводного брата св. Бориса). Но Изяслав уже не имел варягов. Нарушая родовые традиции, он не убил Всеслава, дал возможность киевлянам провозгласить его киевским князем, позволил им разграбить несметные сокровища Владимира и Ярослава, и государственная казна исчезла. Князья бежали от половцев в Киев, затем от киевлян из Киева, куда вернулись при помощи поляков. Равновесие внутри империи было нарушено. Войны князей-братьев за киевский престол стали превращаться в войны суверенных удельных князей (после Любечского съезда 1097 г.).

которые часто велись с привлечением в качестве союзников половецких ханов, обычно — княжеских родственников.

Исчезновение у киевских князей варяжской гвардии стало одной из предпосылок крушения первой империи Рюриковичей. К середине XI в. «варяжское кольцо» вокруг Европы вообще стало распадаться, и в том числе его восточная сторона, путь «из варяг в греки и из грек». Это вновь ослабило юго-восточные рубежи Руси по отношению к азиатскому военному и кровнородственному воздействию. С третьей четверти XI в. и позже по крайней мере 14 знатных князей женились на дочерях половецких ханов, и, следовательно, появилось не менее 70 князей и княжон полуполовецкого происхождения, 350 половецких внуков княжеского достоинства. Герои «Слова о полку Игореве», князя Ольговичи, были родственниками половецких ханов. Ранее этого Владимир Мономах женил своих сыновей — Юрия Долгорукого и Андрея Доброго — на половецких ханшах. Если основателем первой империи Рюриковичей был Олег Вещий, то зачинателем создания их второй империи стал полуполовец князь Андрей Юрьевич Боголюбский.

И в прежние времена на европейских путях, в неустанных поисках «добычи и славы», викинги вовлекали в свое движение местные племена, особенно языческие. С каждым движением скандинавов на юг повсюду оставались их дети, рожденные туземками.

На Руси в ближайшем географическом соседстве и тесных кровнородственных отношениях со скандинавами оказались словени (новгородцы, ладожане и др.). «Повесть» указывает на обычный факт эпохи (1015): «варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женам их»²¹. У правящих феодалов Руси и у их летописцев сношения с варягами (драки и грабежи, союзы и торговля, браки и связи) воспринимались как отношения не с чужестранцами, а с опасными родственниками.

Для понимания «маршрута» Андрея важно учесть, что в IX в. племена восточнославянские, балтийские и угро-финские не были объединены в империю. «Повесть» показывает, что племена были разделены на две сферы влияний: «имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенехъ, на мери и на всех, кривичехъ», а «козари (хазары. — А. Р.) имяху на полянехъ, и на северехъ, и на

²¹ Более чем четырехвековые родственные сближения скандинавов и словен-новгородцев способствовали формированию характера последних, буйного и свободолюбивого: традиционные побоища на мосту р. Волхов; победы (во главе со св. Александром Невским) над родичами-шведами (1240), немцами и эстонцами (1242); последние отголоски традиций викингов — дальние речные походы ушкуйников (XIV-XV вв.) с нападениями на крупные русские города. Новгород первым (1132) освободился от власти киевских монархов, и его республиканское «вече» напоминало исландский альтинг, ранее освободившийся от норвежских королей. Былинный образ Василия Буслаевича с его, как у скандинавов, морским паломничеством в Иерусалим через «море Верейское», где он (как и Харальд Суровый) купался в «Ердан-реке». Только вторая, Московская империя Рюриковичей, свергнув монголо-татарское иго, смогла уничтожить и феодальную демократию Новгорода путем жесточайших репрессий великого князя Ивана III Васильевича и его внука, царя Ивана IV Васильевича Грозного.

вятичехъ» (18). Новгород и Ладога с их областями отходили таким образом к Европе; Киев, Чернигов и некоторые другие города — к Азии. Вдоль пути «из варяг в греки и из грек» развернулась почти четырехвековая борьба европейских и азиатских сил. Сначала только новгородцы (словене) могли и противиться скандинавской экспансии, и приглашать варягов на договорных началах. Они «изгнаша варяги за море», но затем началась междоусобная война. Послы отправились «къ варягомъ, къ руси» («Повесть» последовательно называет часть шведов «русью»²²) и сказали историческую фразу: «Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ» (18).²³ Приглашенный на княжение, явился Рюрик²⁴ (видимо, конунг Рёрик) со своим домом и верной дружиной, он «пояше в собе всю русь» (18). Рюрик сначала захватил часть побережья во Фрисландии (860), затем, в 862 г., перешел на законных условиях на то место, где и был в 864 г. заложен Новгород (в это же время норманны заложили Йорвик, будущий Йорк, в Англии). Вероятно, Рюрик первым положил начало восточного пути «из варяг в греки». Цель варягов была дальней, но точной: «бояре» Аскольд (имя скандинавское) и Дир (имя неясное) отпросились у Рюрика в Царьград. По пути они захватили «градок мал» (Киев), в котором не было князя, так как горожане сказали варягам: «мы седимъ родъ ихъ (т.е. Кия с «братьями», — А. Р.), платяче дано козаромъ» (18). Европейцы-варяги стали «владети польской землею», т.е. европейцами-полянами, несколько оттеснив азиатов-хазар. С малыми силами (по «Повести» и византийской хронике 200 кораблей, примерно 8 тыс. воинов) Аскольд и Дир напали на столицу Византийской империи. Но буря «безбожных Руси корабля смете» (19), и они вернулись в Киев. Аскольд и Дир — первые достоверные путешественники, прошедшие «из варяг в греки и из грек» через Новгород²⁵. Третий импульс скандинавского движения возглавил конунг-князь Олег, из «рода» Рюрика. Он убил своих бывших сослуживцев Аскольда и Дира

²² См. Харбугаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского этногенеза. М., 1979. С. 216–222.

²³ Эта фраза близка к сообщению монаха-сакса Видукинда Корвейского в «Истории саксов» (сер. X в.) о призвании саксов бриттами: «Terra nostra spatiosa et fertilis», однако здесь нет специфического для Руси представления о том, что нужен какой-то порядок («наряд»).

²⁴ Имя Рюрик повторялось в традиции княжеских имен: Рюрик Ростиславич (†1092), Рюрик Ростиславич (†1215). По древнейшему списку «Задонщины» Боян «пояше русскими: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу...» (Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.–Л., 1966. С. 548). В «Степенной книге» (XVI в.) об Иване Грозном сказано: «самодержец всея Руси <...> бысть от святого первого Владимира седьмой на десять степенъ, от Рюрика же двадцатый». Сам Иван Грозный возводил свое происхождение к Августу. Еще в «Сказании о князьях владимирских» (нач. XVI в.) говорилось, что Август послал брата своего Пруса на р. Вислу, от него произошел Рюрик: новгородцы «обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суща от рода римска царя Августа» (Дмитриев Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.–Л., 1955. С. 162).

²⁵ По византийским хроникам и Вертинским анналам «русы» (шведы) ранее Аскольда и Дира посетили Константинополь: в 820 г. — с нападением; в 839 г. — с дружественным визитом) но, видимо, они шли морским западным путем; в 895 г. викинги (62 корабля под командованием Хааштейна) дошли до Константинополя.

и принялся сначала за устройство новой империи, способной бороться с Византией. Олег еще решительнее оттеснил на юго-восток хазар²⁶. Спустя 20 лет после того, как Аскольд и Дир захватили «градок мал», Олег превратил его в столицу обширной европейской державы. Олег стал первым общепризнанным (русскими и иностранными источниками) киевским князем²⁷. «И седе Олег, княжа в Киеве, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ». И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася Русью» (20). Для успеха такого общего переименования нужно было уничтожить древнее славянское название центрального в империи (Киев и Среднее Поднепровье) и наиболее культурного племени — поляне. Это могло быть сделано только актом государственной власти: «поляне, иже ныне зовомая русь» (21), что и показано летописцем в форме наречия («зовомая»). Летописец отметил и важный факт ославянивания варягов: «А словеньский язык и русский одно есть, отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словеньска речь бе» (23). Олег в широких масштабах повторил ту смену именований, которую начал Рюрик в Новгороде: «И от тех варягъ (Рюрика с «братьями». — А. Р.) прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноукородьци от рода варяжска, преже бо беша словени» (18). Эти два племенных названия исчезают из «Повести»: столичные «поляне» (до 944 г.), «словене» (до 1036 г.), так как жители двух важнейших городов империи, через которые проходил путь «из варяг в греки», стали называться — кияне и новгородцы.

Олег прошел весь путь «из варяг в греки», одержав имперскими (многоплеменными) войсками (2 тыс. кораблей, примерно 80 тыс. воинов) первую победу над Константинополем. В сознании Владимира Мономаха и его предшественников (и летописцев) великие события княжеского рода решались на пути предков, проложенном Олегом. Частично путь «из варяг в греки» прошли Игорь Рюрикович и его сын Святослав (до предместий Константинополя); жена первого и мать второго — Ольга, крестившаяся в столице православия; Владимир Святославич — до Корсуня, его внук, Владимир Ярославич — почти до Константинополя. Однако ни скандинавам, ни славянам не удалось, подобно Олегу, повесить в Царьграде «тцить свой въ вратехъ, показуя победу» (25).

По мере приближения ко времени создания «Повести» «маршрут» Андрея становился всё более актуальным для Владимира Мономаха, так как ему, вероятно, всё чаще приходилось с грустью думать о подвигах прадеда Владимира (в честь которого он получил свое имя) и деда, «самовластца»

²⁶ Святослав Игоревич затем взял хазарскую крепость Саркел (Белая Вежа) и восстановил античную европейско-азиатскую границу по Дону. Древнейший путь варягов шел, видимо, через исток Волги, волоком Волга, Дон, затем Азовское и Черное моря. Победы Олега, Игоря и Святослава перенесли этот путь на Днепр как более короткий и государственно перспективный.

²⁷ «Олег объединил Новгород и Киев, вследствие чего образовалась огромная территория, управление которой предъявляло несколько иные запросы к княжеской власти, требуя от нее большей активности и самостоятельности. И мы видим, что Олег преуспевает в этом» (Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 201).

Ярослава. Летопись повествует, что после убийства Святослава Игоревича печенежским князем Курей началась первая на Руси борьба князей-братьев за киевский престол. Еще при жизни Святослава старшие его сыновья, Ярослав и Олег, совершили роковую ошибку: никто из них не пожелал княжить в далеком от столицы Новгороде. Туда был послан младший, и как казалось, неполноценный сын — Владимир, матерью которого была рабыня-славянка, «ключница» княгини Ольги, Малуша. Когда, будучи в Новгороде, Владимир узнал, что брат его Ярополк убил брата Олега, он «убоявся бежа за море» (54), очевидно, к родичам-варягам, что и определило его победу. Юный князь Владимир, скандинав по отцовской линии, был хорошо принят «за морем», ибо его личные интересы совпали с интересами скандинавского движения по восточному пути. Спустя три года он повторил деяние Рюрика: «Приде Володимеръ съ варяги Ноугороду» (54). Изгнав посадников киевского князя Ярополка, Владимир восстановил свою власть и двинулся на юг. Забегая вперед, отметим историческую обратимость событий, разворачивавшихся на пути «из варяг в греки». Сначала Владимир бежал к варягам и с их помощью завоевал престол. Потом, после гибели норвежского конунга Олава Святого (1030), на Русь бежал его единоутробный брат Харальд Суровый Правитель, который при поддержке своего тестя Ярослава стал норвежским королем.

Итак, Владимир, подобно Олегу Вещему и деду Игорю, укрепил варяжское войско: «варяги и словени, чюдь и кривичи» (54). Он двинулся тем же путем и завоевал Киев. На этом пути происходила 20-летняя борьба за власть его сына Ярослава. Когда Ярослав, подобно Владимиру, княжил в Новгороде и возмужал (35 лет), он отказался в 1014 г. платить ежегодную дань (2000 гривен) в Киев «отцу своему». Владимир собирался идти знакомым путем войной «на сына своего» (88). По традиции «Ярославъ же пославъ за море, приведе варягы» (89), но в это время Владимир умер. В Новгороде события развивались по обычаю: в ответ на насилия со стороны ярославовых варягов новгородцы «избиша» их (95). Ярослав защитил варягов и «исече» знатных новгородцев. Узнав о том, что после смерти их грозного отца брат Святополк убил брата Бориса, затем братьев Глеба и Святослава, Ярослав помирился с уцелевшими новгородцами. «И собра Ярослав Варягъ тысячу, а прочихъ вой 40 тыс. (видимо, 4 тыс. – А. Р.), и поиде на Святополка» (96).

Противясь этому традиционному европейскому движению с севера, Святополк первым из Рюриковичей, бывших уже христианами, решил опереться на азиатов-язычников. Он возглавил печенегов, убивших некогда его деда Святослава. «И бысть сеча зла <...> и одоле Ярослав» (96). Не владея северным путем, Святополк пересек его, бросившись с Востока на Запад, «въ Ляхы». Это была тоже европейская апелляция. Однако поляки (в отличие от варягов) не передвигались по всей Европе и в наемной гвардии не служили. Опора на них со стороны претендента на киевский престол не могла быть прочной. Со Святополком пришел (на короткое время, 1018 г.) князь Болеслав I Храбрый. Ярослав был разбит, казалось, окончательно. И однако, не боясь возмездия за погубленное войско, Ярослав твердо держался традиции предков — «убежа

с 4-ми мужи Новгороду» (97). По примеру отца Ярослав «хотяше бежати за море» (97). Но посадник Константин Добрынич (племянник Малуши, бабушки Ярослава), поняв опасность такого шага для себя и новгородцев, решил подержать беглеца: новгородцы «расекоша лодье Ярославле» (97). Однако без варягов обойтись было нельзя, так как самостоятельно никто (словене, чудь, кривичи, меря, весь) не ходил по пути «из варяг в греки». Разумнее всего было не ждать нападения вольных варягов во главе с Ярославом (как сделал Владимир), а пригласить их снова, обусловив это договором. Богатые и деловитые новгородцы, раздобыв такую высокую плату для суровых наемников, сами «приведоша варягы, и вдаша им скоть, и совокупи Ярослав воя многы» (98). И новое неудержимое движение по имперскому пути началось. Двигаясь по пути антиимперскому, «бежа Святополкъ в Печенегы» и вернулся «съ Печенегы въ силе тяжьце» (97). И на этот раз азиаты были отражены: в битве «яка же не была в Руси <...> одоле Ярославъ» (98).

Другой брат Ярослава, храбрый Мстислав, двинулся из Тмутаракани с хазарами (предки которых властвовали над Киевом) к столице империи, повторяя ориентацию Святополка. Ярослав снова ушел в Новгород (1024) и «посла за море по варягы. И приде Якун (конунг Хакон. — А. Р.) съ Варягы и идее Ярослав с Ягуном на Мстислава» (100). Но Мстислав, прославленный военный герой (каковым Ярослав не был), сумел перебить варягов. И снова Ярослав бежал в Новгород, а «Якун идее за море» (100). Важно, что еще до этой войны, когда Ярослав посылал за варягами, сами киевляне «не прияша» Мстислава. (99) Но в 1036 г., когда Ярослав по обыкновению был в Новгороде, печенеги самостоятельно подступили к Киеву. Старый князь «събра вси многи, варяги и словени <...>. И бе печенег без щисла». Бой шел в самом Киеве «идее же стоять ныне святая София <...>. И бысть сеча зла <...>. И побегоша печенеги <...>» (102). Это была последняя битва варягов за Киев.

Последним проделал весь восточный путь (Норвегия, Швеция, Дания, Русь, Византия, Палестина, Африка, Сицилия) и часть западного пути (Норвегия, Англия) знаменитый король-викинг Харальд Суровый, начальник византийской гвардии.

Сведения «Повести» и исландских саг во многом совпадают, хотя и получают различное литературное воплощение. По «Эдмундовской саге» (XIII в.) конунг Эймунд, спасаясь от своего побратима Олава Святого (который сам был связан с Ярославом), вместе с ярлом Рюриком поступил на службу к «Ярицлейву конунгу», который сказал им: «Нам очень нужна от вас помощь, потому что вы — норманны — мудрые мужи и храбрые». (Р 92) При Ярицлейве норвежский «конунг и 600 норманнов» (Р 93), а по летописи — 1000 варягов. Норманны обеспечили победу Ярицлейва над двумя его братьями (по летописи — Святополком и Мстиславом). Согласно саге, Ярицлейв, был тяжело ранен в ногу, а по летописи и по научному обследованию скелета, Ярослав был хромым. Брат его, «Бурислав», говорит сага, «был в Тюрклянде <...> и у него <...> войско, которое не станет бежать, и это — турки <...> и мы, норманны, не побегим первыми» (Р 97). Бурислав был убит Эймундом.

Сага смешивает здесь братьев — Бориса и Мстислава (Борис-слав). Первый боролся с Ярославом, а второй княжил в Тмутаракани, входившей в тюркоязычный Хазарский каганат.

В упомянутой битве, по «Повести», «трудишася варяги, секуще север». Еще Олег Вещий силами варягов «победи северяны» (20), потом они участвовали в его походе на Царьград. Но теперь этих славянизированных иранцев Мстислав противопоставил слабейшим варягам. Он увидел — «лежачие сечены от своих съверъ и варягы Ярославле, и рече: «Кто сему не рад? Тагда свежая азиатская дружина Мстислава стал «сечи варягы» (100). Мстислав умер в том же году, и Ярослав «бысть самовластец в Русьстей земли» (101), а по саге — «весь народ в стране перешел под руку Ярицлейва конунга» (Р 100).

Престарелый Ярослав начал, видимо понимать, что его империя, достигшая расцвета, стала неспособной к завоеваниям и вступила в период неустойчивого развития внутренних политических сил. Двухвековая эра героических походов по пути «из варяг в греки и из грек» миновала. Ярославичи совсем освободились от варяжской зависимости, а потому никто из них и всех их потомков уже не располагал надежными силами для завоевания киевского престола и сохранения целостности империи. Именно поэтому Ярослав выступил в качестве первого из идеологов нового этапа государственности Руси. Он стал проповедовать в завещании братолюбие, чуждое его предкам и ему самому. Ярославу не оставалось ничего иного, как вспоминать о славе предков и пугать сыновей: «Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ <...>, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дедъ своихъ, юже налезоса трудомъ своимъ великимъ» (108). Поставленный Ярославом первый из русских митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» апеллируя к славе предков, вспомнил даже самого незадачливого из них, язычника «старого Игоря». Повторяя формулу Ярослава о великом труде «отцов и дедов», митрополит-грек Николай пытался увещевать Владимира Мономаха и враждующих князей. Мономах, подобно Ярославу, но в еще более обстоятельной форме «Поучения» наследникам, и в письме врагу (дворянину брату Олегу Святославичу) обращался к примеру «отцов и дедов». Так грозная сила варяжских дружин уступила место утопической морализации — верному признаку ослабления империи.

В такой идеологической атмосфере мысленное обращение к прошлой славе отчества искало своего хронологического предела и идейной кульминации. Необходимо было освятить путь «отцов и дедов» высшим духовным авторитетом: вспомнили и о греческой легенде об апостоле Андрее, и об утратившем свое значение пути «из варяг в греки». Оба этих сюжета не могли превратиться в идеологическую реальность без их объединения и обработки, что и было сделано при Владимире Мономахе, который стремился удержать империю от распада и был заинтересован в создании такого великолепного предания.

«Маршрут» апостола Андрея требует изучения передвижений по этому пути исторических лиц, происхождение, взаимоотношения и деятельность

которых поясняются генеалогическими наблюдениями. Важность генеалогии для познания всего феодального мира велика потому, что сами феодалы (и их историографы) мыслили историю как смену поколений, династий и аристократических родов²⁸. Путь «из варяг в греки» был и свадебной магистралью. Так, с севера в Киев прибывали из Пскова Ольга — к Игорю, из Полоцка — Рогнеда (дочь князя Рогволода, пришедшего «и(з) заморья», норвежка Адлага — к Владимиру, шведка Ингигерд (дочь короля Олава) — к Ярославу, англосаксонка Гита (дочь короля Харальда, из Англии, через Данию) — к Владимиру Мономаху, шведка Кристина (дочь короля Инги) — к Мстиславу. А из Киева пошел в Швецию на свою погибель Всеволод Владимирович — к княгине Сигрид Гордой. Елизавета Ярославна уехала с Харальдом Суровым; Мальмфрид Мстиславовна поехала к норвежскому королю Сигурду Йорсалафари (затем она вышла замуж за датского короля Эйрика Эймуна); Ингибьёрг Мстиславовна — к датскому герцогу Кнуту Лаварду. На юг отправилась из Киева Мария Владимировна (дочь Мономаха) к византийскому царевичу Леону, не названная по имени дочь Мстислава — к царевичу из династии Комнинов. С юга тем же путем плыли к Киеву царевна-гречанка Анна и неизвестная по имени болгарка — к Владимиру Святому, гречанка — к Ярополку Святославичу, гречанка Мария (дочь императора Константина IX Мономаха) — к Всеволоду Ярославичу. Все эти и другие родственные связи были европейскими.

Говоря о генеалогии, нельзя не обратить внимания и на скандинавскую этимологию имен князей. Рюрик от древнескандинавского — «славный», «знаменитый»; Олег — «святой»; Ольга — «святая»; Игорь (Ингвар) — «защитник Ингве» бога; Рогнеда (Рагхильд) — от основ «боги», «державка», «сражение», ее отец Рогволод-Рангвальд. Владимир (Володимер) — из готского Вальдемар (летописное «мер» производное от «мар») — «знаменитый властитель». Имени «Владимир» (в поздней орфографии, с народной этимологией «владеющий миром») в «Повести» и других источниках нет²⁹.

Первым на Руси из князей получил греческое имя Андрей сын Ярослава Всеволод, в 1086 г. он заложил в Киеве церковь во имя св. Андрея. А 1089 г. в Переяславле, принадлежавшем Всеволоду, митрополит Ефрем основал церковь св. Андрея.

Варяжские силы давно иссякли, и Всеволод не ходил родовым путем «из варяг в греки и из грек». Сын его Владимир в «Починении» отметил, что отец, «сидя дома, изумеше пять языкъ». Очевидно, это были языки русский и «словеньский» (от отца, церкви и подданных), шведско-норвежский (от матери принца Магнуса), греческий (от жены Марии), половецкий (от второй жены, половецкой ханши). При дворе Ярослава, Всеволода и Владимира сложилась типичная для Средневековья интернационально-национальная культура, которая в

²⁸ Baumgarten N. *Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe siècle*. Orientalia Christiana, 35. Roma, 1927.

²⁹ Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964. С. 76–89; здесь имеется научная библиография.

данном случае была связана со старославянской и греческой книжностью, что обеспечивало благоприятные условия для культа св. Андрея.

По всем эти историческим, генеалогическим, культурным и политическим обстоятельствам «маршрут» апостола Андрея, охвативший все европейское варяжское «кольцо», для Руси практически утраченный, настолько импонировал мечтам Владимира Мономаха, что оказался соединенным с киевской и новгородской темами (при их антиномической оценке) в единую «Легенду», которая была даже занесена в великокняжескую «Повесть временных лет», как казалось, навечно³⁰.

³⁰ Иван Грозный, отвергая католичество, предлагаемое ему папским легатом Поссевино, заявил, что Россия приняла веру от апостола Андрея; см. Possevinus A. Moscovia. Antwerpen, 1597. P. 139. Писатель-игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий (кон. XV в.) в «Сказании о новоявившейся ереси» повторил легенду об Андрее (см. Козакова Н. А., Лурье Я. С. *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – нач. XVI в. М.–Л., 1955. С. 486*). При царе Алексее Михайловиче о том же говорил грекам посланный на Афон (1653) писатель и дипломат Арсений Суханов (см. Белокуров С. А. *Арсений Суханов. Изд. 2-е, М., 1894. С. 137-139*). Первый российский император Петр Великий основал первый и высший орден России (1698-1917 гг.) Андрея Первозванного, с надписью на нем: «S. Andreas Patronus Rossiae». Андреевский белый флаг с голубым крестом по диагоналям был установлен Петром для российского морского военного флота.

Адальберто Майнард

Андрей — «первый ученик» Христа. Вселенский взгляд на ученичество и общину в четвертом Евангелии

Корпус Иоанна содержит очень важное для вселенского богословия глубокое видение единства церкви как общины¹, в которой первенство Симона-Петра, «Камня», понято как «служение общине». Игнатий Антиохийский, «в посланиях которого мы видим наиболее ранние отголоски Иоанновской мысли» (Браун)², определил церковь Рима как «церковь, первенствующую в любви» (προκαθήμενη τῆς ἀγάπης, Послание к Римлянам, Пролог). По сути это модель отношений церквей, близкая к богословию четвертого Евангелия: так, в Ин 21 мы читаем, что Симону-Петру вверено «пасти овец» Господних, ибо он «любит Господа более других». Но есть и другой ученик, «которого любил Иисус», на него Петр указывает Господу (Ин 21:7), и он находится в поразительной симметрии с другим учеником, Андреем, который в начале Евангелия приводит Петра к Иисусу (Ин. 1:42). За многообразием личностных проявлений в четвертом Евангелии открывается богословие, укорененное в определенной исторической традиции³. Также не следует забывать, что Андрей — брат Симона-Петра.

Анализ фрагментов Евангелия от Иоанна, где упоминается Андрей, по сравнению с синоптической традицией и традицией ранней церкви, поможет нам пролить свет на глубокую связь между ученичеством и общиной Христа, с одной стороны, и общением учеников и их общинами, с другой стороны. В заключение мы попытаемся предложить вселенский взгляд на именование апостола Андрея как «первого ученика Христа», как именует его Иоанн.

•

¹ Например, только в первой главе *Unitatis redintegratio* есть четыре ссылки на Иоанна (1 Ин 4:9; Ин 11:52; Ин 13:34; Ин 16:17) и цитата Ин 17:21: «ἵνα πάντες ἐν ὧσιν, καθὼς σύ πάτερ, ἐν ἐμοὶ καὶ ἐν σοὶ, ἵνα καὶ αὐτοὶ ἐν ἡμῖν ὧσιν, ἵνα ὁ κόσμος πιστεύῃ ὅτι σύ με ἀπέστειлас».

² Brown R. E. *The Gospel according to John (i-xii)*. Garden City-New York, 1966 (1982) (The Anchor Bible 29). P. 475.

³ См. Vignolo R. *Personaggi del quarto Vangelo: figure della fede in san Giovanni*. Milano, 1994.

В Восточных церквях апостол Андрей именуется Первозванным, ὁ πρωτόκλητος. Этот эпитет впервые встречается в гностических «Деяниях Андрея» (кон. II в.)⁴, но вошел в литургические тексты Великой церкви только после переноса мощей апостола в Константинополь в конце IV в. (356 или 357 н.э.)⁵. Первые изображения Андрея в ранней христианской иконографии мы находим во фресках катакомб и на саркофагах IV–V вв., но всегда вместе с апостолом Петром, также в иллюстрациях евангельских текстов (например, Россанский кодекс). Отдельно изображение Андрея как «апостола Востока» появляется только к концу VII в. в периферийных областях Восточной империи (например, в Абхазии)⁶.

В синопитической традиции, однако, «первым» (πρῶτος, Мф 10:2) становится Симон, прозванный Петром, так во всех списках учеников Иисуса (Мк 1:16–20 и параллельных местах: 1:29; 3:16–19; 5:37; 9:2; 13:3; 14:33, Лк 22:8, Ин 20:2; 21:2). Как справедливо отмечает Рудольф Пеш, это не только отражает ведущую роль Петра в первоначальной церкви, но это отражает также его исключительное положение среди всех учеников, равно как и среди Двенадцати при жизни Иисуса⁷.

В самом раннем литературном источнике о призвании Петра — Мк 1:16–18 — имя его брата Андрея упомянуто вторым:

Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним.

В параллельном тексте Мф 4:18–19 воспроизводится та же последовательность, при этом в третьем Евангелии Андрей не упоминается вообще (Лк 5:1–11), хотя употребление множественного числа (Лк 5:6–7), возможно, предполагает присутствие обоих братьев. Некоторые экзегеты (Дибелиус, Шмитхальс) утверждают, что первоисточник Марка в эпизоде о призвании Симона вообще не упоминал его брата и появлению двух братьев мы обязаны редакции евангелиста⁸.

⁴ Lampe G. W. H. (ed.) *A Patristic Greek Lexikon*. Oxford, 1989. P. 1200.

⁵ Aprile R. s.v. 'Andrea, apostolo', в: *Bibliotheca Sanctorum I*.

⁶ Ендольцева Е. *Ранняя иконография св. апостола Андрея*. Материалы международного colloquium «Апостолы Петр и Андрей — икона будущего» (Бозе, Италия, окт. 2007), не опубликовано.

⁷ Pesch R. *Simon-Petrus. Geschichte und geschichtliche Bedeutung der ersten Jünger Jesu Christi*. Stuttgart, 1980 (цит. по итал. пер.: *Simon Pietro. Storia e importanza storica del primo discepolo di Gesù Cristo*. Brescia, 2008. P. 43).

⁸ Андрей не упоминается в основном тексте, оказываясь не в числе Двенадцати; а Иаков и Иоанн встречаются только в 10:35 и на следующих страницах, где они, прежде анонимные, получают имена; Симон, напротив, подается в основном тексте как образцовый апостол; и если в евангелии Мк появляется Симон-Петр (с Андреем) вместе с Иаковом и Иоанном, то это благодаря редакции евангелиста, который знает о иерусалимских «столах» (Гал 2:1–10) — самом близком круге Иисуса, посвященных в его предвечную тайну, и о призвании сыновей Завета.

Лука вводит интересующую нас сцену после первой проповеди Иисуса (Лк 4:21-37) и первых чудес в доме Симона (Лк 4:38-41), благодаря чему выстраивается поясняющий контекст и призвание кажется не столь неожиданным, каким выглядит оно у Марка и у Матфея. Параллелизм этой сцены с сюжетом о чудесном улове в Ин 21 очевиден, поэтому, при всех разногласиях касательно литературной зависимости четвертого Евангелия от синоптиков⁹, большинство библеистов склонны видеть здесь различные разработки одного и того же источника.

В любом случае, на наш взгляд, есть все основания полагать, что Андрей вместе с Петром и сыновьями Зеведеевыми, Иаковом и Иоанном, принадлежал к ближайшему кругу учеников Христовых. С ними он был свидетелем первых чудес (Мк 1:29-33), адресатом «сокровенного эсхатологического учения» Иисуса (Мк 13:3) — в домарковой традиции, Андрей был, возможно, единственным учеником, расспрашивающим Иисуса о «конце мира»¹⁰, и он, конечно, был важным членом в ранней христианской общине. Андрей назван четвертым в списке апостолов в Евангелии от Марка (Мк 3:17; ср. Мк 13:3)¹¹, но вторым у Матфея и Луки (Мф 10:2; Лк 6:13-16; Деян 1:13). Первым он назван в апокрифическом Евангелии Марии¹².

Папий Иерапольский (Церковная история III, 39, 3-4) приводит другой порядок апостолов, полностью отличающийся от синоптических Евангелий:

если когда-либо кто-либо приходил, кто следовал за пресвитерами, я расследовал слова пресвитеров, что Андрей или Петр или Филипп или Фома или Иаков или Иоанн или Матфей, или другие из учеников Господа, сказали, и что говорили Аристион и пресвитер Иоанн, ученики Господа¹³.

Как показал в своем исследовании, посвященном авторству Иоаннова корпуса, Мартин Хенгель, поразительный параллелизм между последовательностью, приведенной в Ин 1:35-51, списком апостолов в Ин 21:2 и порядком именования, который находим у Папия, вряд ли можно считать случайным

деевых (19 след.), Евангелисту принадлежат и последующие аналогии 2:13 след. и параллели с 16:18 формулировки (Dibelius 108 след.; Schulz 98); Schmithals W. *Das Evangelium nach Markus I*, Kapitel 1-9,1. Gütersloh, 1979. S. 106.

⁹ См. дискуссию в: Denaux A. (ed.) *John and the Synoptics*. Leuven, 1992, и особенно Fortna R. T. *Diachronic Synchronic Reading John 21 and Luke 5*, в: Там же. P. 387-399. Лука сконцентрирован на фигуре Петра, которого именует Симоном-Петром только здесь и в Мф 16:16, тогда как в четвертом Евангелии имя Симон-Петр упоминается 17 раз.

¹⁰ Pesch R. *Das Markusevangelium II* (Herders Theologischer Kommentar zum Neuen Testament II,2). Freiburg-Basel-Wien, 1965. S. 264.

¹¹ См. Pesch R. *Die Apostelgeschichte I* (Apg 1-12). Zürich-Einsiedeln-Köln, 1986. S. 78.

¹² Hennecke E., Schneemelcher W. *Neufestamentliche Apokryphen I*. Tübingen 1959. S. 253.

¹³ Eusebius. *The Ecclesiastical History*, with an English Translation by Kirsopp Lake. Cambridge (Mass.)-London, 1980 (Loeb Classical Library 153). Vol. I. P. 292-293.

совпадением¹⁴. В отличие от Петровой традиции, представленной Марком, Папий и Иоанн придают наибольшее значение в среде учеников Андрею (называя его первым!), а далее Петру, Филиппу и Фоме. Также примечательно, что Андрей, когда его имя появляется в четвертом Евангелии, всегда соотносится с Филиппом (Ин 1:40, 43; 6:7, 8; 12:22). Впрочем, это объяснимо: оба апостола сыграли большую роль в дальнейшей жизни христианских общин Малой Азии¹⁵. Значимость Андрея для Иоанновой традиции подтверждена, как отмечает Мартин Хенгель, также фрагментом Канона Муратори (Canon Muratorianus, rr.13 ss.: eadem nocte reuelatum andreae ex apostolis ut recogniscentibus cunctis (sic) iohannis suo nomine cuncta describeret) и «Деяниями Андрея» (конец II в.), где область миссии апостола (северная Малая Азия, Ахайя, Македония) обозначена недалеко от Эфеса¹⁶. Можно также упомянуть исследователя исторической традиции четвертого Евангелия Чарльза Гарольда Додда, который утверждает, что во II в. в Малой Азии всё еще существовала традиция, корни которой восходят к апостолу Андрею и чьи следы ведут к Евангелию от Иоанна¹⁷.

Мы не станем обсуждать здесь тезис Хенгеля о происхождении корпуса Иоанна, но то, что он приписывает Евангелие от Иоанна и Первое послание Иоанна — Иоанну Старшему, Иоанну Пресвитеру (ὁ πρεσβύτερος упоминаемый у Папия), представляется нам в высшей степени спорным¹⁸. Однако в данном случае нас более интересует то, что пишет Хенгель о свидетельстве церкви II столетия и первоначальном восприятии Евангелия от Иоанна¹⁹. На его взгляд, внимание евангелиста к не столь значимым для синоптического повествования отдельным ученикам или группе апостолов указывает на связь с исторической традицией, внутри которой осуществлялась работа над текстом. Кроме того, если Хенгель прав, признавая руку одного автора в богословской и повествовательной линии четвертого Евангелия²⁰, то выделение некоторых учеников (или замалчивание других: например, сыновей Захвеевых), возможно, не просто разница текстовых традиций, но фактически это указывает на истинные намерения евангелиста. Данная предпосылка позволяет более обоснованно интерпретировать образ «первого ученика»

¹⁴ Hengel M. *Die johannische Frage. Ein Lösungsversuch mit einem Beitrag zur Apokalypse von Jörg Frey*. Tübingen, 1993; цит. по итал. версии: *La questione giovannea*. Brescia, 1998. P. 67. Обзор исследований, посвященных Евангелию от Иоанна, см., например, в: Schmithals W. *Johannesevangelium und Johannesbriefe. Forschungsgeschichte und Analyse*. Berlin-New York, 1992. S. 1–214.

¹⁵ Hengel. *La questione...* P. 68.

¹⁶ Там же. P. 71.

¹⁷ Dodd C. H. *Historical Tradition in the Fourth Gospel*. London, 1963 (приводится в итал. пер.: *La tradizione storica nel quarto Vangelo*. Brescia, 1983).

¹⁸ См. Maloney F. J. Review, в: *Biblica* 76 (1995), 2. P. 270–273.

¹⁹ См. также: Hill Ch. E. *The Johannine Corpus in the Early Church*. Oxford, 2004.

²⁰ См. Hengel. *La questione...* P. 214–251; здесь содержится полемика со сторонниками чрезмерно скептического подхода к Евангелию от Иоанна.

Христов в четвертом Евангелии с учетом той роли, какую играл Андрей в истории ранней церкви.

В рассказе Иоанна о призвании первых учеников, значительно отличающемся от синоптических Евангелий²¹, сохраняются следы автономной, «предканонической» традиции, сохраняющей достоверную информацию²²: например, то, что Андрей, Петр и Филипп происходили из Вифсаиды²³, иудейского города в языческой земле, у которого были тесные взаимоотношения с греческой культурой; это объясняет, почему у апостола греческое имя Андрей (Ἀνδρέας)²⁴, а также его ходатайство от имени эллинов, упомянутых в Ин 12:22. Об историчности других деталей (например, о первенстве Андрея, встрече Иисуса и Нафанаила) экзегеты спорят по сей день²⁵.

В любом случае Андрей — первый ученик, который упоминается в той части текста (Ин 1:35-51), где задаются некоторые из главных богословских тем четвертого Евангелия.

На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, — что значит: Учитель, — где живешь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа. Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона-Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр). На другой день Иисус восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною. Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром. Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойдй и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею. Я видел тебя. Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я

²¹ Иисус встретил двух первых учеников «в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн» (Ин 1:28), а не на Галилейском море; из двух пар братьев, названных синоптическими Евангелиями, Иоанн сохраняет только Андрея и Петра и т.д.

²² Brown. *The Gospel...* P. 77.

²³ Dodd. *La tradizione...* P. 374-375; Schnackenburg R. *Das Johannesevangelium, Erster Teil. Einleitung und Kommentar zur Kap. 1-4*. Freiburg-Basel-Wien, 1972. S. 313; другие версии: Haenchen. *Johannes Evangelium...* S. 181.

²⁴ Cullmann O. *Petrus. Jünger — Apostel — Märtyrer*. Zürich-Stuttgart, 1952; итал. пер. San Pietro. *Discepolo-Apostolo-Martire*, в: Prandi A. (ed.) *Il primato di Pietro nel pensiero contemporaneo*. Bologna, 1965. P. 22.

²⁵ Dodd. *La tradizione...* P. 373-374; Haenchen E. *Johannes Evangelium. Ein Kommentar*. Tübingen, 1980. S. 178, 184.

видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому.

Как уже отмечалось, ученики вовлечены в разворачивающееся христологическое откровение: оно начинается свидетельством Иоанна Крестителя (Ин. 1:35), дополняется исповеданием Андрея (Ин. 1:41) и также Филиппа (Ин. 1:45) и достигает кульминации в словах Нафанаила (Ин. 1:49), подкрепленных ответом Христа (Ин. 1:51).

Свидетельству Иоанна Крестителя принадлежит в интересующем нас фрагменте исключительная роль. Именно Иоанн, «возрев на Иисуса» (ἐμβλέψας τῷ Ἰησοῦ, Ин. 1:36)²⁶, указывает Его ученикам «Се Агнец Божий» (ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ, Ин. 1:36)²⁷. Показательно, что с самого начала Иисус предстает не как «Учитель», но как «Агнец». В Ветхом Завете агнец — не только искупительная жертва, но также «животное Исхода». Новый Исход теперь происходит через Иисуса-Агнца; эта символика будет развита в книге Откровения (14:4). Иоанн Креститель узнаёт Агнца, и два его ученика, слыша слова, которые их учитель Иоанн произносит в Духе (Ин. 1:32), также видят в Иисусе Агнца Божьего.

Евангелист называет имя только одного из двух, услышавших исповедание Иоанна и последовавших за Христом — это Андрей, брат Симона-Петра (Ин. 1:40), естественно предположить, что Петр уже знаком читателю. Имя другого ученика остается неизвестным, хотя в первой редакции текста, возможно, это был Филипп²⁸.

Ученики, которых Иоанн, «умалаясь», отдает Иисусу (Ин. 3:30), совершают три последовательных действия, в Иоанновом словаре обозначающих ту духовную перемену, с которой начинается «ученичество» и «дружба» (Ин. 15:15) с Богом: «они пошли» (Ин. 5:2; 5:40; 6:35; 7:37; 8:21), «и видели» (Ин. 8:56-57), «и оставались» (ср. Ин. 6:56; 12:26; 15:4; 15:9). Как следует из Евангелия, происходит это лишь потому, что обращенное к ним «Что вы ищете?» (τί ζητεῖτε; Ин. 1:38)²⁹

²⁶ Термин ἐμβλέψας часто используется в рассказе призвания (например, Мк. 10:21), и встречается при наречении Иисусом Симона Кифой (10:42): ἐμβλέψας αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς εἶπεν αὐτῷ Σίμων Ἰωαννοῦ, σὺ κληθήσῃ Κηφᾶς (ὁ Πέτρος).

²⁷ Об этом термине см. Brown, *The Gospel...* P. 58-63. Иоахим Иеремияс предполагает, что греческое ἀμνός является переводом арамейского talja, означающего одновременно и «агнец», и «служитель» (греч. ταῖς); *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament*, hrsg. von G. Kittel, G. Friedrich, Stuttgart, 1933 (1979) (ThWNT). T. V. S. 685-698; также Schnackenburg, *Das Johannesevangelium...* S. 286; но см. Dodd C. H. *The Interpretation of the Fourth Gospel*. London, 1953. P. 235-236; Bultmann R. *Das Evangelium des Johannes*. Göttingen, 1964. S. 67.

²⁸ Личность анонимного ученика была проблемой уже для отцов церкви (Иоанн Златоуст. Гомилия XVIII, 3, PG 59, 117): его традиционно отождествляют с «учеником, которого любил Иисус» (Ин. 13:23; 19:26; 20:2; 21:7,20), о котором говорится в четвертом Евангелии (Ин. 21:24), и затем с Иоанном, сыном Заведее (Irenaeus. *Adversus Haereses* III, 1, 1-2; Eusebius. *Historia Ecclesiastica* V, 8,4), что сегодня отклоняется экзегетами: Dodd, *La tradizione...* P. 168, n. 6; Becker J. *Das Evangelium nach Johannes*. Kapitel 1-10, Gütersloh, 1979. S. 102.

²⁹ В более поздней версии (IX в.) читаем: τίνα ζητεῖτε — «кого вы ищете?»

стало их сокровенным вопросом, и, движимые им, они отвечают новым вопросом: «Равви (что значит Учитель), где Ты живешь?» (ῥαββί ... ποῦ μένεις;). Употребленный в данном фрагменте глагол μένειν, (Ин 1: 38 и 39 μένει, ἔμειναν) который относится ко Христу и к ученикам, вводит нас, как замечает Раймонд Браун в толковании на Ин 14:10-11 и 17:21.23, «в проблематику Иоаннова богословия имманентности, то есть пребывания друг в друге, неразрывно связующего Отца, Сына и тех, кто идет за Христом». Таким образом, продолжает исследователь, «использование μένειν для того, чтобы передать мысль о взаимопребывании, дает право утверждать, что и в других случаях, например в Ин 1:39, где речь идет о том, что ученики «остаются» со Христом, этот глагол можно интерпретировать не только в житейском, но и в духовном смысле»³⁰.

Только «оставаясь» с Иисусом, слушая Его слово, эти два ученика могли признать в том «раввине», к которому их послал Креститель, Христа, Мессию Израиля. В этом «пребывании» с Иисусом, как ветви пребывают на виноградной лозе (Ин 15:4), и в этом, всё более глубоком взаимопребывании наконец находят то, что неосознанно искали. Вопрос Иисуса («Что вы ищете?»), получает ответ через признание сначала Андрея: «Мы нашли (εὐρήκαμεν) Мессию — то есть Христа», Ин. 1:41), а затем и Филиппа (Ин 1:45).

Отношения со Христом качественно меняются (от «с Ним» — к «в Нем»), и в это вовлекаются и другие ученики, и все вместе они постепенно дорастают до наивысшей точки эсхатологического откровения: «узрите небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин 1:51). Андрей «сначала» (πρῶτον)³¹ находит (εὐρίσκει) своего брата Симона (Ин 1:41) и приводит его к Иисусу (Ин 1:42): На другой день <...> он находит (εὐρίσκει) Филиппа³² и говорит ему: иди за Мною (Ин 1:43). Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром. Филипп находит (εὐρίσκει) Нафанаила и говорит ему: мы нашли (εὐρήκαμεν) Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки... (Ин 1:45)» В этом круговом движении, как это ни парадоксально, произведенном пребыванием Иисуса (μένειν ἐν), каждый ученик находит

³⁰ Brown, *The Gospel...* P. 510. О богословии пребывания у Иоанна, см. Scholtissek K. *In ihm sein und bleiben. Die Sprache der Immanenz in den Johannischen Schriften*. Freiburg-Basel-Wien-Barcelona-Rom-New York, 2000.

³¹ О разных толкованиях и переводах см: Schnackenburg, S. 310 (πρῶτον, adverb: в первом значении); Cullmann, Pietro... P. 30 and Schenke L. *Johannes: Kommentar*. Düsseldorf, 1998. S. 46-47 (πρῶτον, прилагательное, винительный падеж относится к Симону: «он нашел своего брата Симона первого», ἀδελφόν τόν ἴδιον Σίμωνα); πρῶτος (Андрей находит своего брата первым), что засвидетельствовано в Синайском кодексе и поздних греческих манускриптах.; третий вариант (πρῶ — лат. mane) обнаруживается в трех списках Vetus latina, но это, возможно, «упрощение», сознательно допущенное писцом, чтобы прояснить смысл непонятого слова πρῶτον (Brown, p. 75-76). πρῶτος, является предпочтительным прочтением для греческих отцов: Кирилл. О Евангелии от Иоанна II, PG 73,217.

³² Не до конца ясно, где в ст. 43 подлежащие, отчего возможны разные предположения: безымянный ученик (Bultmann, S. 68); Филипп (Schnackenburg, S. 312; Becker, S. 100; Schmifhals, S. 325); Иисус (Haenchen, S. 180-181); Андрей (Brown, *The Gospel...* P. 85; Dodd... *La tradizione...* P. 366).

своего брата, и эти отношения братьев определяются связью со Христом. Предвосхищая первосвященническую молитву Иисуса в Ин 17, в нем со всей очевидностью намечен образ христианской общины как общения (κοινωνία) в Троице.

Заметим также, что именно здесь, а не после Симонова исповедания веры (ср.: Мф 16:13–19 и паралл.; Ин 6:69) евангелист говорит о новом имени апостола: «Ты — Симон, сын Ионин. Ты наречешься Кифа»³³ (Ин 1:42). Петр занимает исключительное место в сюжете движения учеников ко Христу, равно как и в евангельском повествовании как таковом. Он предаст, раскается и будет прощен (Ин 21); научится служить, омывая ноги братьям (Ин 13:6–7), пасти стадо Господне (Ин:21,15,16,17), пока, наконец, он не станет тем, что значит его имя — Камнем, Скалой, опорой веры для всех, кого верит ему Христос. Неслучайно, в конце четвертого Евангелия, в главе 21 (вставка «Иоанновой школы»), воскресший Христос, доверяя Петру свое стадо — «Паси моих овец», — снова называет его «Симон, сын Ионин» (Σίμων Ἰωαννου, Ин 21,15,16,17), и этот фрагмент зеркально симметричен рассказу о новом призвании «ученика, которого Иисус любил» — ему предстоит пребывать (μένειν) до пришествия Господня (Ин 21:23)³⁴.

В этой связи тем более важно помнить, кто привел Симона к Иисусу и первым признал в Нем Мессию. Чтобы придти ко Христу, надо встретить Его свидетеля, каким был Иоанн Креститель для Андрея и другого, оставшегося неизвестным, ученика, Андрей — для Петра; Филипп — для Нафанаила и т.д. Исключительная значимость фигуры Петра уравнивается в четвертом Евангелии не только присутствием «ученика, которого Иисус любил» (что неудивительно — оно складывалось внутри Иоанновой общины), но также неповторимостью отношений каждого из апостолов со Христом, и это, в первую очередь, относится к Андрею.

•

Теперь мы должны упомянуть диалог Иисуса, Филиппа и Андрея в Ин 6:5–9³⁵. Среди ученых нет единого мнения о том, традиционна или изменена идентификация учеников — Филиппа и Андрея, к которым обращается Иисус в этой главе. Рудольф Бультман приписывает первоисточнику (Semeia Quelle) суще-

³³ οὗ ἐῖ Σίμων ὁ υἱὸς Ἰωαννου, συ κληθήσῃ Κηφᾶς: арамейское *k'fā'*, в синоптических Евангелиях отсутствует, однако весьма распространено у Павла, что объясняется влиянием Иоанновой традиции и, в свою очередь, свидетельствует о ее древности. (Schnackenburg, S. 310–311; Dodd, La tradizione... P. 373). В Мф 16:17, Симон именуется «сыном Иониным» (Σίμων Βαριωνᾶ) — не исключено, что это допустимое в устной речи сокращения от «сын Иоаннов» (*bar-jōhānān*): см. Jeremias J. ThWNT, III, 410; Dodd, La tradizione... P. 372–373; Haenchen, S. 179–180.

³⁴ См. Bianchi E. Amici del Signore. Torino, 1990. P. 201; он же. *Pietro e Giovanni. L'apostolo roccia e il discepolo amato* (Giovanni 21, 15–23), в: *Alle origini dell'Occidente. Parabole e personaggi del Vangelo*. Brescia, 2002. P. 67–76.

³⁵ Konings J. The Dialogue of Jesus, Philip and Andrew in John 6,5–9, в: Denaux (ed.). John and the Synoptics. P. 523–534.

ственные элементы Ин 6:1-15³⁶, включая диалог Иисуса, Филиппа и Андрея, тогда как Р. Т. Фортна утверждает, что имена учеников добавлены евангелистом³⁷. Чарльз Додд и Рэймонд Браун усматривают в именах Филиппа и Андрея «след эллинистическо-азиатского присутствия (Sitz-im-Leben), характерный для Иоанновой традиции»³⁸. С точки зрения Дж. Кониингса, мы видим здесь действие одного из приемов драматизации, свойственных для Иоаннова корпуса: «индивидуализация людей в группе, предлагаемой традицией»³⁹. Торжественные вводные слова Ин 6 экспрессивно очень хорошо отражают «инициативу и суверенитет» действий Иисуса. Кажется, это работа редактора, а не исходный текст⁴⁰. В любом случае упоминание об Андрее — будь это традиционный текст или отредактированный — его важность для общины Иоанна засвидетельствована.

Следует подчеркнуть богословскую остроту вопроса, который Филипп задает Иисусу: «Где нам купить хлеб, что они могут поесть?» (τὸθεν ἀγοράσωμεν ἄρτους ἵνα φαῶσιν οὗτοι;). В описанном эпизоде из Ин 1:48 τὸθεν-question относится не к материальному хлебу, но непосредственно к Иисусу (см. например, 2:9; 3:8; 4:11, и в особенности 7:27; 8:14; 9:29; 19:9, где богословское значение ясно)⁴¹. В этом диалоге с учениками Филиппом и Андреем Иисус «Иоанна» являет свою божественную личность: Он — хлеб небесный, Единородный Сын Небесного Отца.

Андрею принадлежит особая роль еще в одном, исключительно важном для христологии четвертого Евангелия фрагменте, а именно в Ин 12:20-33, возвещающем о том, что «пришел час прославиться Сыну Человеческому». Как и Филипп, так и Андрей — ходатай вопрошающих «некоторых эллинов», которые хотят «видеть Иисуса»:

Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Эллины. Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп сказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому (Ин. 12:20-21).

«Эллины», о которых в данном случае идет речь, — эллинизированные иудеи. Им нужно «увидеть самим». Ответ был шокирующим: «Пришел час про-

³⁶ Bultmann, S. 156 след.

³⁷ Fortna R. T. *The Gospel of Signs. A Reconstruction of the Narrative Source Underlying the Fourth Gospel*. London, 1970. P. 63 след.; он же, *The Fourth Gospel and Its Predecessors: From Narrative Source to Present Gospel*. Edinburgh, 1989. P. 80 след.

³⁸ Konings. *The Dialogue of Jesus, Philip and Andrew...* P. 525.

³⁹ Ibid., p. 527.

⁴⁰ Ibid., p. 528.

⁴¹ Ibid., p. 530, и сноска 34 на p. 529. «Очевидно, что здесь присутствует реминисценция на сюжет о пророке Илии <...> поначалу неясное τὸθεν создает фон для верного истолкования многочисленных аллюзий на Моисея и Илию, равно как и диалога в целом» (там же. P. 533).

славиться Сыну Человеческому, когда он будет вознесен» (Ин 3:14; 8:28): крест — единственное место, где в распятом человечестве явлена полнота Божества. Эллинам — как и всем остальным — предстоит теперь увидеть Иисуса только как Распятого и Вознесенного. Можно сказать, что Филипп и Андрей выступают здесь не только ходатаями за «эллинов», но и проводниками в эсхатологическую реальность, которую открывает распятие: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин 12:32). Однако и сами ученики еще не готовы к этой реальности; им только предстоит сполна осмыслить и принять грядущую смерть Христову: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин 12:24). Это миссия «раба Божия», предсказанная в главе 53 пророчества Исаии (см также Ин 12:38), (Ис 53; ср. начальные стихи этого пророчества в Ин 12:38) — слуги Господни, слуги Агнца, раба Яхве ('ebed *ym*). Именно за Ним, «услышав» от Иоанна Крестителя: «се Агнец Божий», пошел Андрей.

Итак, можно сказать, что Андрей и Филипп — прообраз первой церкви, в которой «эллины», равно как и все прочие, могут «видеть Иисуса». Пол Бошам пишет: «Ученики совершат еще большие "дела" (Ин 14:12): то есть достигнут язычников. Главным образом "час" Страсти совпадает — превосходя любые ожидания! — со встречей Иисуса и эллинов, но символично, что это достигает Иисуса через двух апостолов».⁴²

Чтобы увидеть «славу» Сына Человеческого, о которой говорит Иоанн, ученикам предстоит усвоить логику пшеничного зерна, которое, умирая, дает жизнь, постичь тайну креста, вне которой ученичество невозможно — «где буду Я, там и мой слуга будет» (Ин 12:26b).

Быть братьями означает служить друг другу, мыть ноги друг другу, можно утверждать, что евангелист предполагает, что такие отношения среди христианских общин, среди церквей остаются в логике креста и умаления, чтобы дать расти другому. В четвертом Евангелии «первенство» всегда интерпретируется как первенство служения:

Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете (Ин 13:14-17).

Если в синоптических Евангелиях Петр появляется как «основание апостолов», как «скала», исповедавший веру церкви, в Евангелии от Иоанна, Симон-Петр — это тот, кто служит общине братьев. Каждое служение, каждое призвание и харизма должны быть связаны с Христом — «слугой Божиим» и «Агнцем Божиим»: «Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник (Απόστολος) не больше пославшего его» (Ин 13, 16). Заметим, что понятие «апостол» нигде, кроме этого фрагмента, в Евангелии от Иоанна не встречается.

Евангелист «вписывает» Петра в своеобразный групповой портрет. Рядом

⁴² Beauchamp P. *L'un et l'autre Testament II. Accomplir les Écritures*. Paris, 1990. P. 417.

с ним — неназванный по имени «ученик, которого любил Иисус», Андрей и Филипп, Нафанаил и Фома, Лазарь, Марфа и Мария, друзья Господни... Пастырь добрый знает каждого поименно «и зовет своих овец по имени» (Ин 10:3) с самой первой встречи, и «овцы слушаются голоса его»...

Именно таким — слышащим, внемлющим и способным откликаться — предстает в Евангелии от Иоанна уроженец Вифсаиды, брат Симона, рыбак Андрей, ученик Иоанна Крестителя и спутник Филиппа. По слову равви Иоанна он идет за Агнцем, находит в толпе мальчика, у которого были «пять хлебов ячменных и две рыбки» (Ин 6:8-9), передает Христу просьбу «эллинов» (Ин 12:22), наконец, первым узнает и исповедует во Христе Мессию, и это, как видно из четвертого Евангелия, возможно лишь потому, что Андрей настойчиво ищет Бога. В конце концов, он встречает Его в «Иисусе из Назарета, сыне Иосифа» (Ин 1:45), в Сыне Божьем, явившем Отца.

Однако эти поиски никогда не заканчиваются. Только в бодрствовании и внимании, преданности и любви мы можем познать путь к Отцу (Ин 14:4), мы можем видеть Отца в деяниях Сына (Ин 14:9-10), и поэтому мы можем обрести нашего брата и привести его ко Христу. Андрей первым, согласно Евангелию от Иоанна (Ин 1:40), последовавший за Учителем из Назарета, напоминает нам о том, что во Христе мы находим не только Бога, но и брата, и лишь встретившись с Ним, мы можем по-настоящему узнать наших ближних.

*Перевод с англ.
И. К. Языковой, С. М. Панич*

Стефано Каприо

Апостольское призвание Андрея и Симона как источник христианского единства

Христианское событие как встреча

Икона обаяния между братьями Андреем и Симоном удивительным образом выражает многообразное и первоначальное единство Церкви Христа, которое со времен первых учеников Учителя из Назарета реализуется как братское общение между личностями и общинами с различными особенностями и характером, со своей историей и собственным обликом, по закону воплощения Самого Бога в простоте и повседневности человеческого опыта. В самом деле, что изображено на этой иконе? При каких обстоятельствах Св. Писание повествует о сердечной встрече двух братьев-рыбаков из Галилеи? Речь идет об исключительной ситуации, согласно евангельскому повествованию Иоанна 1:40-42:

Один из двух, слышавших от Иоанна о Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона-Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: «Мы нашли Мессию, что значит «Христос». И привел его к Иисусу. Это призвание первых учеников, за которым затем последуют все остальные: сами Петр и Андрей будут вновь призваны, согласно повествованию синоптиков, в связи с их родом деятельности: Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков (Мф 4:18-20, Мк 1:16-18, Лк 5:1-11)¹.

Отрывок из Иоанна позволяет нам предположить, что между двумя братьями имел место обмен эмоциями особой силы, вызванными воодушевлением Первозванного из-за сделанного великого открытия. То, что Андрей «первым» идет навстречу, напоминает о другом порыве дружеской сердечности между двумя этими людьми: об этом повествуется в Евангелии от Луки в притче о блудном сыне: Когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился, и подбежав, пал ему на шею и целовал его (Лк 15:20б).

¹ Разные эпизоды этого призвания представлены удивительным творением Гирландайо, которое сопровождает на стенах Сикстинской капеллы шедевры Микеланджело.

В человеческом объятии отражается отношение милосердного Бога к грешному человеку: это спасительное объятие. Иоанн Златоуст поясняет:

Андрей, после того как остался с Иисусом и усвоил все то, чему научил его Иисус, не закрывает в себе это сокровище, а торопится к своему брату, чтобы поделиться тем богатством, которое он получил. Слова Андрея — это слова человека, с томлением ожидавшего прихода Мессии, ожидавшего его сошествия с небес, преисполнившегося радости, увидев его, и поспешившего сообщить другим великую новость. Передав незамедлительно брату то, что он узнал, он тем самым показывает, насколько он любит его, насколько он привязан к своим близким, насколько искренне он старается подать им руку в духовном пути².

Впрочем, встреча двух братьев — это только способ двух встреч с Иисусом, Андрея и Иоанна («другого ученика») и самого Симона. Таким образом, речь идет не о простом братском обмене чувствами, а о признании последующей и высшей причины единства: мессианское исповедание превосходит всякое заявление человеческого успеха или удовлетворенности. Подобное признание происходит как раз в рамках встречи, без каких-либо идеологических или религиозных надстроек: это настолько простая и радушная человеческая встреча, что апостольские воспоминания, хотя и отмечают точное время события, не приводят слова, увещания и тем более чудесные знамения, которые могли бы некоторым образом объяснить уверенность Андрея, с которой он сообщает об этом брату. *Пойдите и увидите* (Ин 1:39) — это формула христианского метода, которая порождает уверенность веры, превосходящую любую попытку толкования.

Комментируя этот эпизод, Луиджи Джуссани пишет:

Как Андрей мог сказать брату: «Мы нашли Мессию»? Должно быть, Иисус, говоря им, произнес это слово, которое, впрочем, было в их словаре: иначе было бы невозможно сказать и так неожиданно утверждать, что это был Мессия. После того как они часами слушали этого человека и смотрели на него, когда он говорил, очевидно ли, кто это, говорящий такое? Кто другой когда-либо так говорил? Постепенно в их душе сложилось ясное впечатление: если я не поверю этому человеку, я не поверю больше никому, даже своим глазам³.

Этот человек, вероятно, среди прочего утверждал, что он Мессия, тот, кто должен был прийти. Но это было настолько очевидно при всей исключительности утверждения, что они сохранили это в себе, словно это было нечто простое для понимания. И Андрей привел Симона к Иисусу: «Иисус же, взглянув на него, сказал: «ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа» (что значит «камень», греч.: Петр» (Ин 1:42). Евреи имели обыкновение менять имя человека либо для того, чтобы указать на его характер, либо по причине какого-то случившегося с ним события.

Здесь есть кажущаяся несоразмерность между простотой совершившегося и уверенностью двух братьев. Следовательно, если это событие произошло,

² Giovanni Crisostomo. *Le omelie su san Giovanni Evangelista*. Torino, 1944. P. 53.

³ Giussani L. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano, 1998. P. 8-9.

то признать этого человека, не до конца и детально, но в его уникальной и бесподобной значимости («божественной»), было просто. Почему было просто признать его? В силу ни с чем не сравнимой исключительности; они соприкоснулись с исключительным человеком, совершенно незаурядным, не подлежащим какому-либо анализу. «Исключительным» можно назвать то, что соответствующим образом отвечает изначальным ожиданиям сердца, каким бы смутным и туманным ни было бы сознание этого. Исключительное — это, как ни парадоксально, явление того, что наиболее «естественно». Таким образом, первая глава Евангелия от Иоанна подтверждает ту простоту и глубину появления христианства в истории: установление человеческого события, встреча с явлением исключительного присутствия. Христианство — это «событие»: то, чего не было раньше и в какой-то момент возникло. Не существует другого слова, чтобы выразить его природу: это не закон, не идеология, не концепция или проект. Христианство — это вообще не религиозное учение, и не совокупность нравственных законов или обрядов. Христианство — это факт, событие: все остальное — следствие. Христианство — это событие, с которым сталкивается «я» и обнаруживает, что является ему «единокровным»⁴, это событие, которое открывает «я» себе самому. «Когда я встретил Христа, я обнаружил, что я человек», говорил римский ритор Марий Витторин⁵. То, что человек «спасен», означает, что он признает, кто он, признает свою судьбу и знает, как к ней идти. И, как писал Альбер Камю, «не в силу своей добросовестности человек становится великим. Величие наступает, по воле Бога, как прекрасный день»⁶.

Этот столь эмпирический и потрясающий способ общения Учителя с учениками не останавливается на первой встрече, которая могла бы показаться некоторым образом случайной, но при всем том постоянно применяется Иисусом, именно это и формирует их отношения.

Следующая и решающая для Петра встреча происходит в Капернауме, в месте на западном берегу Тивериадского моря. Сюда он и его брат переместились для рыбной ловли. Иисус увидел их, вошел в их лодку и попросил отплыть немного от берега, чтобы народ, который следовал за Ним, мог Его слушать. Затем, закончив проповедь, Иисус попросил их сделать то, что в силу их опыта профессиональных рыбаков казалось совершенно неразумным: закинуть сети среди белого дня, когда, в более благоприятных условиях, то есть ночью, им ничего не удалось поймать. Здесь Лука впервые передает прямую речь Петра. Это слова, которые передают его характер: сначала протест по причине абсурдности просьбы (рыбаки Капернаума прекрасно знали, насколько сложна рыбная ловля на глубине вулканического озера, на глубине более 200 м), затем склоняет голову и подчиняется. Чудесный улов — это на-

⁴ Cp. 2 Петр 1:4.

⁵ Vittorino M. "In Epistola ad Ephesios", Liber secundus, в: *Marii Victorini Opera esegetica* (cap. 4,14). Vindobone, 1986.

⁶ Camus A. *Taccuini*, III (1951–1959). Milano, 1992. P. 34.

стоящий перелом в жизни Петра. Лука пишет кратко, что он и его товарищи, «вытащив лодки на берег, оставили все и последовали за Ним» (Лк 5:11).

На картине Караваджо «Призвание Петра и Андрея», недавно обнаруженной в коллекции английской королевы, Петр словно с изумлением спрашивает Иисуса, указывающего путь, по которому нужно следовать: «Ты хочешь, чтобы это были именно мы?»

Евангельская традиция упоминает имя Андрея еще в трех местах, о чем напоминает и папа Бенедикт XVI в своей лекции об апостоле 14 июня 2006 г. Первое — это умножение хлебов в Галилее. В тот трудный момент именно Андрей сказал Иисусу о мальчике, у которого было пять ячменных хлебов и две рыбки: слишком мало — отметил он, — для того множества народа, которое пришло в это место⁷. В данном случае заслуживает внимания реализм Андрея: он заметил мальчика, но тут же задал вопрос: «Но что это для такого множества?», осознавая недостаточность запасов. Однако Иисус смог сделать так, что этого хватило для того множества народа, которое пришло слушать Его.

Второй случай произошел в Иерусалиме. Выйдя из города, один ученик указал Иисусу на мощные стены, подпирающие Храм. Ответ Христа был поразительным: Он сказал, что от этих стен не останется камня на камне. Тогда Андрей вместе с Петром, Иаковом и Иоанном спросили его: «Когда это будет, и какой признак, когда все сие должно совершиться?» (Мк13:1-4). В ответ на этот вопрос, возможно, обусловленный эсхатологией ессеев, которой Андрей мог быть не чужд, Иисус произносит важную проповедь о разрушении Иерусалима и о конце света, призывая Своих учеников с осмотрительностью истолковывать знамения времени и непрестанно бодрствовать. Отсюда, по словам папы Бенедикта, «мы можем заключить, что мы не должны бояться задавать вопросы Иисусу, но в то же самое время должны быть готовы принимать поразительные и трудные наставления, которые Он предлагает нам»⁸.

И, наконец, в Евангелиях отмечен третий эпизод с Андреем. Действие снова происходит в Иерусалиме, незадолго до Страстей. На праздник Пасхи, — рассказывает Иоанн, — в святой город пришли и некоторые эллины, вероятно, прозелиты или «боящиеся Бога»⁹, пришли, чтобы поклониться Богу Израилеву в праздник Пасхи. Андрей и Филипп, два апостола с греческими именами, выступают переводчиками и посредниками этой группы эллинов перед Иисусом. Ответ Господа на их вопрос кажется, как часто случается в Евангелии от Иоанна, загадочным, но именно таким образом выражается все его богатство смысла. Иисус говорит двум ученикам, и через них греческому миру: «Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно

⁷ Cp. Ин 6,8-9.

⁸ Benedetto XVI. *Catechesi su s. Andrea apostolo*. Roma, 2006. P. 2.

⁹ «Боящимися Бога» (Деян 10:2,22) в НЗ названы благочестивые люди, а также те, кто посещал иудейское богослужение, но, в отличие от прозелитов, не до конца ощущал свою принадлежность к богоизбранному народу. — Прим. ред.

говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин 12:23-24). И снова отмечает папа:

Что означают эти слова в данном контексте? Иисус хочет сказать: Да, встреча между Мной и эллинами произойдет, но не как простая и краткая беседа между Мной и некоторыми людьми, движимыми прежде всего любопытством. Благодаря Моей смерти, сравнимой с падением пшеничного зерна в землю, наступит час Моего прославления. Моя смерть на кресте принесет много плода: «умершее пшеничное зерно», — символ моего распятия, — станет в момент Воскресения хлебом жизни для мира: станет светом для народов и культур. Да, встреча с греческой душой, с греческим миром произойдет на той глубине, на которую намекает история с пшеничным зерном, привлекающим к себе силы земли и неба и становящимся хлебом. Другими словами, Иисус предвещает Церковь эллинов, Церковь язычников, Церковь мира как плод Своей Пасхи¹⁰.

Церковь, расцвет новой общины

Первые христиане, начиная с самих апостолов, вполне осознавали то новое, исключительное, поразительное, что происходило с ними по сравнению с той жизнью, которую вели многие вокруг них, и это не было плодом их согласия, их ума или их воли, это был дар Духа Святого, дар свыше, охватившая их таинственная сила. Исполненное чувства объятие Андрея и Петра выражает именно это сознание — твердое убеждение, что реальность Христа живого захватывала их жизнь, искупая ее, вбирая в свою собственную и делая тайной единого строения. Таким образом, община образуется не в силу физического пребывания вместе и не на более возвышенных с нравственной точки зрения законах поведения, а прежде всего относительно способа понимания самих себя. Господствующая идея заключалась в том, что их жизнь была сподвигнута и преобразована неким верховным действием, которое указывалось, как устанавливало событие Пятидесятницы, именно как «дар Духа»:

При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух им давал проповедовать» (Деян 2:1-4).

Дар Духа Святого делает очевидным то, что мы вливаемся в новый порожденный Иисусом поток энергии, показывает, что мы становимся частью нового явления, силы, охватывающей людей, которых Иисус призвал в Свою Церковь — Ecclesia. Он наделяет их новым содержанием, в связи с непосредственной целью их призвания, созиданием общины, залога нового мира.

Наш современный менталитет, и прежде всего менталитет западного мира, истощаемый веками неорганичным акцентированием человеческого

¹⁰ Ibid., p. 3.

фактора, может ощущать противостояние содержания личности отдельного человека и содержания общинной реальности. Это очень остро отмечает Романо Гуардини:

Истинное христианское понятие общины и личности следует не из обособленных утверждений и особых духовных предположений, а из всей свободно принимаемой совокупности реальной жизни. Человеческое существо создано одновременно как личность и как способность к общению. Одно от другого неотделимо, скорее община живет и присутствует как предрасположение в личности, так же как и последняя обязательно вовлекается в коллектив, при этом относительная независимость двух изначальных форм жизни нисколько не умалется... Следовательно, община церкви, по сути, связана с личностью; а христианская личность, по сути, ориентирована на общину. Вместе они образуют новую жизнь¹¹.

Есть одно слово, определявшее тот образ жизни, к которому пробуждалась воодушевленная Духом Святым община. В самом деле, не общинное явление как таковое отличает христианское событие, а скорее общинное явление, воспринимаемое и переживаемое определенным образом. То слово, которое означает этот определенный образ — на греческом — *koinonía*, на латинском *communio*, позже в русском языке появится соборность — определяет ту структуру отношений, которая представляет термин, определяющий в Новом Завете образ существования и действия, собственный образ жизни христианской общины, манеру строить отношения с Богом и людьми. Термин *koinonía*, как это случилось и со словом *ekklesia*, был заимствован из обычного словаря, из нормальной лексики народного греческого языка. Следовательно, это слово намекает не на особый духовный или психологический опыт, а скорее на нечто привычное в жизни людей.

Это возвращает нас к опыту двух братьев из Геннисарета, Андрея и Симона-Петра, и их друзей: Лука, повествуя о некоторых рыбаках из Галилеи, которые были совладельцами рыболовецких лодок, говорит: «Иаков и Иоанн, сыновья Заведеевы, бывшие товарищами Симону» (Лк 5:10) и использует слово *koinonoi*, на латинском *communicantes*: это похоже на то, что мы назвали бы партнерами. Он, значит, указывает на действительно взаимные отношения между людьми, которые по определенной причине имеют что-то общее, участвуют в общем деле. По всей видимости, Петр и Андрей делили и дом в Капернауме, где они жили со своими семьями, который благодаря посещениям Иисуса стал первым *domus-ecclesia* христианского мира. Этот термин сообщает нам два момента: первый, что быть *koinonoi* подразумевало общее имущество, второе, что из этого общего имущества вытекала солидарность между ними. В случае Евангелия от Луки, товарищи имели общие лодки для рыбной ловли, откуда вытекала солидарность в таком поведении, чтобы лодки приносили доход. Эти рыбаки из Галилеи были заинтересованы в совместном имуществе, мы сказали бы, в кооперации.

¹¹ Guardini R. *Il senso della Chiesa*. Brescia, 1960. P. 50–51.

Почему та группа христиан, которая, согласно Деяниям Апостолов, имела обыкновение появляться вместе в притворе Соломоновом (Деян 3:11; 5:12), названа тем же самым словом, что и впоследствии появившаяся община? Что, в их понимании, у них было общего? Общим у них было некое единое основание жизни, определенное основание жизни, то есть Иисус Христос. Таким образом, *koīnōnía* прежде всего означает существующую реальность, Христа, которой обладают сообща признающие ее люди. Поэтому она прежде всего имеет онтологическую значимость, иными словами, подразумевает нечто, что интересует и вовлекает бытие человека, становящегося новым творением, существом, которым обладает явленная Тайна, и поэтому в единстве бытия с другими людьми, призванными к божественному избранию.

Исследователь Библии Ринальдо Фабрис отмечает: «во времена Иисуса существуют и те, кто в Талмуде называется *talmidim*: ученики, которые посещали учителя, ведя совместную жизнь, чтобы внимать ему и следовать его традиционному толкованию и применению Закона. Но ученики Иисуса собирались вокруг Него не только для изучения Закона, но и для того, чтобы разделить Его миссию, устанавливая особые отношения с Его личностью. Кроме того, перспектива тех, кто следует за Ним, заключается не в том, чтобы сделать карьеру учителя, перейти из учеников в «мудрецы», *hakamim*, или учителя. Отношение учитель–ученик в случае Иисуса постоянно, а соотношение роли учитель–ученик необходимо лишь для того, чтобы подчеркнуть необратимую солидарность их судьбы: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего...» (Мф 10:24; ср. Ин 13:16)»¹². Папа Бенедикт XVI в своей книге «Иисус из Назарета» также подчеркивает, что

на всех этапах деятельности Иисуса, оставалась очевидной тесная связь между Иисусом и «нами» новой семьи, которую Он собирает Своей вестью и Своими деяниями. Было также ясно, что это «мы», согласно своей принципиальной постановке, понимается как универсальное: и основывается уже не на генеалогии, а на общении с Иисусом, который есть, Он Сам, живая Тора (*Torah*) Бога¹³.

Согласно Оскару Куллману, апостол «являясь свидетелем, находится в прямых отношениях с Господом. Единственное достоинство апостола заключается в том, что он получил непосредственное откровение (*apokalipsis*). Однако это относится не только к богословскому пониманию истории спасения, но и к фактам как таковым, образующим эту историю. <...> Для Двенадцати речь идет о том, чтобы свидетельствовать о событиях, произошедших, когда воплотившийся Иисус «пребывал и общался с ними» (Деян 1:21)»¹⁴.

¹² Fabris R. *Gesù di Nazareth. Storia e interpretazione*. Assisi, 1991. P. 155.

¹³ Ratzinger J. (Benedetto XVI). *Gesù di Nazareth. Città del Vaticano*, 2007. P. 203. Русский перевод — «Иисус из Назарета» — вышел в издательстве «Азбука-классика» (2009 г.).

¹⁴ Cullmann O. *Studi di teologia biblica*. Roma, 1969. P. 223.

Апостольство как примиренное разнообразие

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы из этого размышления об апостольском призвании, которые просветили бы реальность современной церкви, все еще разделяемой многочисленными проявлениями непонимания. Единство, которое рождается в общине верующих, предшествует возникающим в ней разделением: это удивительное и потрясающее явление, следствия которого заранее невозможно представить. Апостольство церкви, прежде всего, понимается исходя не из исторического преемства ее иерархии, оно непрестанно предлагается в спасительной встрече с Господом, которая происходит вновь и вновь каждый день в самых разных исторических условиях. Петр и Андрей становятся апостолами не путем официального назначения или принятия на себя должности, а благодаря готовности к встрече, которая перестраивает все их существование, начиная с самой банальной и непосредственной повседневности. Созерцание иконы братского объятия должно вновь привести нас к евангельской свежести представленного на ней события.

Призвание — это не заслуга или завоевание, объясняемое личностью или поступками апостолов: это чистая тайна избрания, безусловного предпочтения со стороны Господа. Евангелие от Марка очень точно подчеркивает это: «Потом вззошел на гору, и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были, и чтобы посылать их на проповедь, и чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов» (Мк 3:13-14). «Кого Сам хотел» — это онтологическая основа, фактор, образующий христианское призвание как определенную задачу в мире. Во главе всего стоит избрание, выбор, сделанный Христом. Слово «избрание» устанавливает границу, порог, между небытием и бытием. Бытие расцветает из небытия как выбор, как избрание: не существует иного условия, которое можно было бы предложить, не существует иной мыслимой предпосылки. Такой выбор, такое избрание — это чистая свобода Тайны Бога в действии, абсолютная свобода выражающей себя Тайны.

Заново открыть призвание означает также заново открыть природу христианского общения, *koinonia*. Оно тоже показывает динамику свободы, это не нужда, а безвозмездное событие. Если встреча со Христом — это тайна избрания, то единство, порождаемое ею, является даром примирения, сложения человеческого разнообразия в совершенно новом измерении. Объятие двух братьев — Андрея и Симона — является свидетельством этой новизны: не кровное родство толкает их в объятия друг к другу, а сознание нового начала их существования, которое связывает их так, как ничто другое, пережитое ими ранее. Они никогда не обнимали так друг друга, это не было каким-то привычным и необходимым жестом, это встреча во Христе, примирение в новой семье.

История разделений между христианами показывает, насколько трудно примирить то, что кажется близким: много ли католиков и православных в

состоянии подробно перечислить те различия, которые препятствуют полному общению церквей, именуемых «сестрами»? И все же подобное разделение в различных обстоятельствах возникает и сегодня, несмотря на четкое осознание его неуместности. Папа Павел VI в одном выступлении по случаю 400-летия римской Греческой коллегии отмечал:

Необходимо питать чувство единства Церкви в особом разнообразии различных церковных выражений. Это чувство означает иметь ясное сознание всего того, что существует в частях и правильного размещения частей в целом; означает понимать, что такое объединение и каковы законы, его регулирующие; иными словами, обязательство взаимной солидарности; иными словами непрестанная взаимопомощь, что значит, очевидно, искреннее уважение и должная защита законного разнообразия. Следовательно, необходимо видеть и понимать, каким образом существенное и конституциональное единство Церкви стройно складывается с упомянутыми церковными проявлениями, пытаясь проникнуть в суть тайны Церкви¹⁵.

Необходимость единства утверждается всеми, но это не приводит к действительному преодолению разделений. Впрочем, это потребность, которая лежит в основе всего выражения жизни человека, относится к определению «я». Высшим идеалом любой человеческой революции была всеобщность: сделать из всего человечества единое целое. Высшим идеалом любой великой философии также было единство между всеми людьми: единство, где каждый оставался бы самим собой и в то же самое время одним целым с другими. Но ни одна философия никогда точно не могла представить это, и никакая революция никогда не смогла это реализовать: и в итоге отчаяние разрушает революционный идеал, поскольку он оказывается недостижимым. В церкви обнаруживается такая же динамика: экumenизм — это стремление к единству, это не революция или реформа, которую необходимо осуществить, это чудо, благодать События, которое начинается заново каждый день, как утро Пасхи, как та встреча, которая заставила апостолов заключить друг друга в объятия и посмотреть друг на друга по-новому.

¹⁵ Paolo VI. *Discorso in occasione del IV centenario del Collegio Greco*. Roma, 1977. P. 5.

Йоханнес Эльдеманн

Диалог между Востоком и Западом: опасность или возможность? От «псевдоморфоза» к «обмену дарами»

Размышляя о значимости апостола Андрея для христианской ойкумены, многие из нас, возможно, вспомнят икону, на которой изображены апостолы Петр и Андрей в братских объятиях. Эта икона была написана более 40 лет назад по просьбе патриарха Афинагора в память о его исторической встрече с папой Римским Павлом VI в Иерусалиме, которая ознаменовала начало новой эры в отношениях между Православной и Католической церквями. Жесты обоих апостолов символически выражают готовность к прощению, диалогу и примирению между церквями Востока и Запада. Однако есть все же в наших церквях люди, которые смотрят на подобный диалог и на любые экуменические контакты с недоверием. По их мнению, диалог – это не благо, дающее нам возможность взаимного обогащения, а напротив – зло, несущее опасность для индивидуальной веры. Если мы желаем продвигаться вперед по пути экуменизма, а другими словами – к единству церкви, то мы не можем игнорировать эти сомнения, нам придется с ними разобраться.

С течением времени взаимное влияние богословия на Востоке и Западе, которое, несомненно, существовало, иногда воспринималось как угроза, а иногда как шанс. Тот факт, что православные богословы нередко рассматривали западное влияние как опасность для их доктринальной целостности, в то время как западные теологи нередко говорили об обогащении своих взглядов восточной богословской мыслью, дает нам пищу для размышления. Ниже я попытаюсь рассмотреть наши сегодняшние суждения в исторической перспективе и вывести из нее заключения для будущего богословского диалога между Востоком и Западом.

1. Тезис о «псевдоморфозе» православного богословия

Изучая богословско-исторические учебники, которые описывают отношения между церквями Востока и Запада, мы часто отмечаем их однобокий взгляд на историю. После Золотого века греческой патристики, ее интеллек-

туальных исследований и систематизации в Византийской империи, наступил период упадка восточной теологии, все более поддававшейся западному влиянию – как католическому, так и протестантскому. Православные богословы всерьез не задумывались о своем наследии вплоть до XX века, когда католические и протестантские влияния стали рассматриваться как угроза сохранению аутентичной православной веры. Особенно ясно эту мысль выдвигал о. Георгий Флоровский. На Первом конгрессе православных богословов в Афинах в 1936 году он представил свой тезис о том, что «русское богословие полностью искажено западными влияниями»¹ до таких пределов, что принятие протестантских идей и схоластических мыслей означало бы «раскол между богословским “изучением” и опытом церкви»². Результатом этого процесса может стать «насилиственный псевдоморфоз»³ православной теологии, которую заставляют «мыслить совершенно чуждыми категориями и выражаться иностранными концепциями»⁴. Термин «псевдоморфоз» Флоровский взял из известной работы историка и философа Освальда Шпенглера «Закат Европы»,⁵ этот термин в дальнейшем подхватили многие православные богословы, и он получил большое развитие, особенно в греческом богословии. Единственным спасением от западных влияний радикальные сторонники концепции «псевдоморфоза» — к которым сам Флоровский себя не относил — пропагандировали возвращение к истокам учения отцов церкви: только в писаниях отцов явлена подлинная православная вера. Таким образом, во второй половине XX века концепция «неопатристического синтеза» превратилась в идеал православного богословия.

Какие выводы можно сделать из такого беглого анализа тезиса о «псевдоморфозе» православного богословия? Сказанное до сих пор, похоже, ведет к столь жесткой формулировке, что всё хорошее идет с Востока, а всё плохое – с Запада. Но если взглянуть на этот вопрос более дифференцированно, то позицию православных богословов-«неопатристов» следовало бы сформулировать так: все хорошее берет свои корни в ранней церкви, в то время как всё худшее было добавлено позднее, в период развития позднего Средневековья и раннего Нового времени. В любом случае, по моему мнению, подобный пример аргументации, который можно обнаружить в трудах многих православных, но также и некоторых западных богословов, основан на упрощении истории. Поскольку такой взгляд на вещи рассматривает отдельный период развития церкви и определенную стадию развития богословия как безоговорочный идеал, на который мы всегда должны

¹ G. Florovsky, *Western Influences In Russian Theology*, in: *Aspects of Church History*, Volume Four in the *Collected Works of G. Florovsky*, Belmont 1975, p. 157–182, here: P. 158.

² Ibid. P. 167.

³ Ibid. P. 170.

⁴ Ibid. P. 170.

⁵ O. Spengler, *Der Untergang des Abendlandes, Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*, Munich 1963, p. 784 ff.

ориентироваться. Эта позиция весьма сомнительна, так как утверждает, что церковь и богословие развивались лишь до определенного момента истории в творческом исследовании исторического контекста и окружения. Идеализация же того времени последовательно ведет к убеждению, что дальнейшее развитие и углубление христианского понимания веры в ходе истории кажется практически невозможным.

В противовес этому я хотел бы выдвинуть тезис о том, что взаимное влияние богословия Востока и Запада ведет не к отдалению от прежнего идеала – вероятно, вымышленному по большей части, — но к более глубокому пониманию веры.

2. Взаимные влияния в истории богословия

Уже в ранней церкви богословская мысль развивалась в разных направлениях. В качестве примера я хотел бы указать на жаркие дискуссии между Антиохийской и Александрийской богословскими школами, которые периодически провоцировали взаимные обвинения, но в итоге привели церковь к более глубокому пониманию Тайны Христа. Во II веке между церквями Востока и Запада постоянно возникали споры о дате празднования Пасхи. Однако взаимное исследование богословской мысли на Востоке и на Западе воспринималось в то время как должное. Живой пример этому мы находим в личности св. Ириния Лионского (ум. 202 н.э.) — он родом был из Малой Азии, а служил епископом на Западе. Ириней внес свой восточный образ мышления в западную церковь, став пионером всей церкви в сражении с гностическими ересями своего времени⁶. Его жизнь и богословие являются выдающимся примером плодотворного симбиоза Востока и Запада. По этой причине Международная православно-католическая рабочая группа, которая была основана в июне 2004 г. в Падерборне для обсуждения еще не разрешенных проблем диалога между православием и католицизмом, избрала св. Ириния Лионского своим покровителем⁷. В то же время важно вспомнить, что уже в ранней церкви существовало не только принятие восточного богословия западной мыслью, но также и принятие западного богословия восточными церквями. В качестве примера можно упомянуть Киприана Карфагенского (ум. 258 г. н.э.), чей диспут с донатистами привел к глубоким размышлениям о понимании церкви⁸ и результаты которого были приняты и восточным богословием.

Взаимное влияние богословия на Востоке и на Западе можно отметить и в переходном периоде от ранней церкви к Средневековью. Наиболее ярким представителем богословской мысли в западной части христианского

⁶ N. Brox, Art. Irenaeus von Lyon. In: RAC 18 (1998) p. 820–854.

⁷ Irénikon 77 (2004) 338–339; 78 (2005) 571; 70 (2006) 560–562; cf. www.moehlerinstitut.de/sites/eng/12orthoe/12akie.html

⁸ P. Hinchliff, Cyprian of Carthage and the Unity of the Christian Church. London, 1974.

мира является папа Григорий I (ок. 540 – 604 г. н.э.), позднее прозванный Великим⁹, который стал первым монахом на папском троне, чьи сочинения также были широко распространены в восточных церквях¹⁰. Тот факт, что Григорий до восшествия на папский престол шесть лет был апокрисиарием своего предшественника во дворце Византийской империи, вероятнее всего, повлиял на его литературную деятельность и ее восприятие на Востоке. С восточной же стороны – св. Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ок. 753) является одним из отцов раннего средневекового периода, его труды были не только приняты всем православным миром, но начиная с XII века и западным тоже¹¹. На сегодняшний день он признан великим автором греческой патристики на Востоке и на Западе.

Однако к IX веку отчуждение между Востоком и Западом зашло так далеко, что полемический пафос полностью вытеснил плодотворный обмен. В первой половине II тысячелетия недостаточное знание языков наряду с последствиями событий 1054 и 1204 годов практически свели диалог между Востоком и Западом на нет. На этом фоне по иронии судьбы именно падение Константинополя в 1453 году открыло путь к богословскому диалогу между Востоком и Западом. Вначале просто из-за того, что греческие богословы Османской империи не имели доступа к высшему образованию и потому переезжали в знаменитые образовательные центры Запады. В университетах Рима и Падуи, Оксфорда и Галле отмечается в то время значительный рост числа греческих студентов. Венеция и Вена постепенно превратились в культурные центры греков. Поэтому неслучайно знаменитая «Филокалия» была впервые издана в виде книги в 1782 году именно в Венеции. На этом фоне теория о том, что одним из важнейших факторов развития эпохи Возрождения была эмиграция значительного числа греческих ученых в Италию, выглядит вполне обоснованной. Таким образом восточное христианство снова оказало заметное влияние на развитие западной церкви в XV веке.

Даже когда западное христианство было более или менее поглощено собственными проблемами в связи с Реформацией и Контрреформацией в XVI веке, контакты с восточными христианами не прерывались. Самым известным примером этого является греческая версия «Аугсбургского вероисповедания»¹², разработанная Меланктоном благодаря его общению с православными богословами, которые учились в Германии. Можно привести также в качестве примера переписку протестантских профессоров теологии

⁹ В восточной традиции св. папа Григорий титулуется Двоесловом, по его знаменитым «Диалогам» (беседам). – *Прим. ред.*

¹⁰ R.A. Markus, Art. Gregor I. In: TRE 14 (1985), p. 135–145.

¹¹ B. Kotter, Art. Johannes von Damaskus. In: TRE 17 (1988) pp. 127–132; H.-G. Beck, Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, Munich, 1959, p. 476–486.

¹² R. Slenczka, Melancthon und die orthodoxe Kirche des Ostens. In: J. Haustein (Ed.), Philipp Melancthon. Ein Wegbereiter für die Ökumene (= Bensheimer Hefte 82). Göttingen 1997, p. 96–118.

из Тюбингена с патриархом Константинопольским Иеремией II¹³. Из-за разделения внутри западного христианства Православная церковь вынуждена была заявить о своей позиции в диспуте Рима и реформаторов. «В то время стало привычным использовать аргументы протестантов против Рима и аргументы Рима против протестантов, совершенно не сверяя те и другие с восточной традицией»¹⁴, — утверждает о. Георгий Флоровский. Главными действующими лицами этой «псевдоморфозной» восточной теологии Флоровский называет Кирилла Лукариса (1570–1638), с одной стороны, патриарха Александрийского (с 1601 г.) и позднее Константинопольского (с 1620 г.), подверженного влиянию кальвинистских идей, и с другой — Петра Могила (1596–1647 гг.), митрополита Киевского. В 1631 году последний основал богословскую школу в Киеве, где лекции читались на латыни. Позднее эту систему богословского образования переняли все духовные школы в России, так что схоластический метод преподавания стал характерным в широких слоях российского богословия. Критики тех событий видят причину упадка православного преподавания богословия в XIX веке именно в этих западных влияниях.

Но разве подобное принятие западной структуры образования и способов богословской аргументации действительно непременно ведет к отчуждению от православной веры? Как бы то ни было, латинские школы в Киевской церкви основывались преимущественно православными братствами, то есть не сторонниками, а противниками единства с Римом, крайне озабоченными сохранением своей собственной православной уникальности. «Сам Петр Могила, несмотря на тесную зависимость от римских источников в своих богословских и литургических публикациях, был главой Православной церкви в Польше, и главной его целью и устремлением было противостояние Униатской церкви в этой стране»¹⁵, — пишет Георгий Флоровский.

Наконец, оценивая западное влияние на православное богословие, не стоит забывать, что западная богословская мысль также дала огромный толчок развитию православной богословской мысли. Так, например, православные богословы в России имели абсолютно ясное понимание современной богословской ситуации на стыке XIX и XX веков, следя за полемикой, ведущейся в западных церквях: не только протестантизма с католицизмом, но и, например, «старокатоликов» с англиканами¹⁶.

¹³ Cf. D. Wendebourg, *Reformation und Orthodoxie. Der ökumenische Briefwechsel zwischen der Leitung der Württembergischen Kirche und Patriarch Jeremias II. von Konstantinopel in den Jahren 1573–1581*. Göttingen, 1986.

¹⁴ G. Florovsky, *The Orthodox Churches and the Ecumenical Movement Prior to 1910*, in: *Christianity and Culture*, Volume Two in the *Collected Works of G. Florovsky* (1974) p. 161–232, here: p. 181.

¹⁵ Там же. С. 189.

¹⁶ K. Chr. Felmy, *Die Auseinandersetzung mit der westlichen Theologie in den russischen theologischen Zeitschriften zu Beginn des 20. Jahrhunderts*. In: *Zeitschrift für Kirchengeschichte* 94 (1983) pp. 66–82; J. Wasmuth, *Der Protestantismus und die russische Theologie. Zur Rezeption und Kritik des Protestantismus in den Zeitschriften der Geistlichen Akademien an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert*. Göttingen, 2007.

Конец «Золотому веку» русского богословия был положен Октябрьской революцией 1917 года. Однако его наследие хранилось и развивалось русскими богословами в изгнании, прежде всего в богословских школах — св. Сергия в Париже и св. Владимира в Нью-Йорке. Имена многих выдающихся и влиятельных православных богословов связаны с этими двумя школами. В XX веке они оказали почти столь же сильное влияние на западное богословие, каким было влияние западной мысли на восточную в прошлых веках. Так Восток смог вернуть Западу плоды того процесса роста, в котором «семена» православной веры созрели к урожаю через «методы культивации» западного богословия.

3. Взаимодополняемость традиций как экуменический потенциал

В прошлые времена взаимовлияние восточного и западного типов богословской мысли было процессом, растянувшимся на века, так что периоды сильного воздействия Востока на Запад и времена, когда Запад оказывал большее влияние на Восток, трудно разделить отчетливо. В XX же веке процесс взаимного влияния — как и вся социальная жизнь в целом — значительно ускорился, и теперь практически не представляется возможным различить эти периоды вообще. Более того, в XX веке происходил постоянный обмен между богословскими школами, который смог открыть путь нового сближения между церквями Востока и Запада. С моей точки зрения, экуменический потенциал этого обмена до сих пор не был использован в полной мере.

Хорошим примером раскрытия экуменического потенциала может служить Парижская школа: как было упомянуто выше, православные богословы в изгнании, преподававшие в Свято-Сергиевском институте в Париже, оказали большое влияние на развитие богословской мысли на Западе. И небезосновательно о. Николай Афанасьев стал одним из немногих современных богословов, упомянутых в документах Второго Ватиканского Собора¹⁷. С другой стороны, православные богословы Свято-Сергиевского института вряд ли достигли бы столь высокого уровня богословских размышлений, если бы не находились в постоянном обмене мыслями с западными теологами, прежде всего с представителями «nouvelle theologie» во Франции. Решающее издание работ церковных отцов во Франции наряду с исследованием литургических источников в Германии повлияло со своей стороны на рост православного богословия в эмиграции. Поэтому Иоанн Зизиулас, один из самых известных богословов православного мира после Александра Шмемана, который самым тщательным образом перенял и углубил мысли Афанасьева о развитии евхаристической экклесиологии, утверждает: «Православное

¹⁷ Acta Synodalia Sacrosancti Concilii Vaticani Secundi, Vol. 2, Pars 1. Vatican, 1971, p. 251 f.

богословие смогло преодолеть свою собственную схоластику средствами богословского развития на Западе»¹⁸.

После падения «железного занавеса» отголоски Парижской школы в развитии богословия в православных странах заметны в последнем десятилетии XX века, когда исследование патристических и литургических источников в православном контексте стало, наоборот, поощряться.

Таким образом, Парижская школа служит хорошим примером того, как взаимные влияния Востока на Запад и Запада на Восток, происходившие в ходе развития богословия, не обязательно ведут к отдалению от собственных традиций, как предполагали сторонники тезиса о «псевдоморфозе». Этот взаимный процесс скорее является «обменом дарами», открывающим путь к углубленному пониманию различных традиций, и потому он способен обогатить обе стороны. «Декрет об экуменизме», принятый на Втором Ватиканском Соборе, особо подчеркивает «справедливое разнообразие» богословских проявлений доктрины и в этом контексте подчеркивает, что «время от времени одна традиция подходила ближе к полному осознанию некоторых аспектов таинства откровения, чем другая, или выражала его более удачно». В подобном взаимообмене традиций в православно-католическом диалоге¹⁹ для успешного общения необходимо наличие богословов, знающих не только свои традиции, но знакомых также с традициями собеседников во избежание огульных негативных утверждений в адрес собеседника, с одной стороны, и нереалистичной идеализации своей собственной традиции, с другой²⁰.

Наконец, позвольте мне снова вернуться к о. Георгию Флоровскому. Его предупреждение о «псевдоморфозе» православной богословской мысли под влиянием западной теологии и его требование неопатристского синтеза зачастую понимались неправильно. Если Флоровский призывает преодолеть западные влияния на православное богословие, то он не имеет в виду отрицание метода западной теологии в целом. Более того, в конце своей известной лекции в Афинах он утверждает: «Недостаточно просто повторять западные ответы, натравливать один западный ответ на другой. Напротив, мы должны в точности признавать, переживать и проникать в эти западные вопросы, мы должны ознакомиться со всей драматической проблематикой западной религиозной мысли»²¹. Посему Флоровский не намеревается

¹⁸ J. Zizioulas, Die Eucharistie in der neuzeitlichen orthodoxen Theologie. In: Die Anrufung des Heiligen Geistes im Abendmahl. Viertes Theologisches Gespräch zwischen dem Ökumenischen Patriarchat und der Evangelischen Kirche in Deutschland, published by Kirchliches Außenamt der EKD (= Beiheft zur Ökumenischen Rundschau No. 31). Frankfurt a. M. 1977, p. 163–179, here 172.

¹⁹ M.M. Garjjo-Guembe, Die Komplementarität der Traditionen als methodisches Prinzip für den Dialog zwischen Orthodoxie und Katholizismus. In: R. Taft (Ed.), The Christian East. Its institutions and its thought (= Orientalia Christiana Analecta 251). Rome, 1996, p. 613–630.

²⁰ Cf. J. Oeldemann, Orthodoxe Kirchen im ökumenischen Dialog. Positionen, Probleme, Perspektiven (= Thema Ökumene, Vol. 3), Paderborn, 2004, p. 177 ff.

²¹ G. Florovsky, Western influences in Russian Theology (cf. note 1), p. 181.

отвергать результаты западной теологической мысли в принципе, но он озабочен тем, что православное богословие «должно подходить к Западу творчески и духовно»²². В другом отрывке он пишет: «Восстановление подлинного экуменического единства станет возможным только через новое взаимное открытие Востока и Запада и более широкий синтез, попытки к которому иногда предпринимались, но достигнут который так еще и не был»²³. Поэтому нельзя призыв Флоровского к обновлению православного богословия на основании писаний святых отцов свести просто к лозунгу «Возвращение к отцам». Позвольте мне еще раз процитировать его: «Вернуться к отцам не значит удалиться от настоящего или от истории. <...> Это не только сохранение и защита отеческого опыта, но и также само раскрытие этого опыта и воплощение его в жизнь»²⁴. Это требование о. Георгия Флоровского о «воплощении в жизнь» святоотеческого опыта актуально сегодня, как никогда, учитывая вопрошания современного человека, но оставаясь на фундаменте традиций церкви.

На мой взгляд, вопрос о правильном определении отношений между традицией и современностью является центральным вызовом, брошенным сегодня всем христианским церквям. Православные и католики, англикане и протестанты — все стоят перед задачей сообща защищать христианские ценности, на которых была и продолжает быть основана европейская культура. Взаимные богословские влияния Востока и Запада, как мы могли убедиться, ясно показывают, что европейская культура не только дышит западным духом, но также пульсирует энергией православного Востока. Вот почему диалог между Востоком и Западом не несет в себе угрозы «псевдоморфоза», а напротив, может привести к «обмену дарами», обогащающему обе стороны. Если христианская ойкумена осознает этот экуменический потенциал взаимодействия Востока и Запада, то мы встанем на путь, ведущий к жизни духа в диалоге и братской любви, которую столь ярко иллюстрирует икона свв. братьев-апостолов Петра и Андрея.

Перевод с англ. Н. Комардиной

²² Там же.

²³ G. Florovsky, *The Orthodox Churches and the Ecumenical Movement* (cf. note 12), p. 163.

²⁴ G. Florovsky, *Western influences in Russian Theology* (cf. note 1), p. 181.

Апостольские объятия. Размышления над образом свв. апостолов Андрея и Петра

Икона «Объятия свв. апостолов Андрея и Петра» была написана в память о встрече папы Павла VI и патриарха Афиногора, состоявшейся 5 января 1964 г. на Святой земле. Икона была подарена патриархом Святейшему отцу в годовщину этой исторической встречи. Этот образ стал предвестием и своего рода пророчеством другого исторического события, последовавшего вскоре за встречей глав церквей, — взаимного снятия анафем. 7 декабря 1965 г. одновременно в Риме и в Константинополе (Стамбуле) папа и патриарх торжественно сняли анафемы, взаимно наложенные в 1054 г. друг на друга представителями западной и восточной церквей, на тот момент еще епископами церкви неразделенной. Эти анафемы на протяжении многих веков омрачали жизнь христиан Востока и Запада, став символом раскола и противостояния внутри христианского мира. Икона свв. Андрея и Петра не только знаменует собой удивительный факт встречи церквей Востока и Запада в лице их предстоятелей, свершившейся через девять веков после схизмы, веков противостояния и вражды, но она, несомненно, есть пророчество о единстве и любви, к которому призваны все христиане по слову Спасителя.

На иконе современного греческого мастера (его подпись стоит в правом углу иконы)¹ мы видим изображение обнявшихся апостолов Андрея и Петра. Апостольские объятия, целование мира символизируют их единство в любви. Как известно из Евангелия, Петр и Андрей были родными братьями, и на иконе они изображены похожими, в то же время каждый из них — неповторимая личность. Их единство символизируют жесты объятий, соприкосновение ликов — щека к щеке, их индивидуальность подчеркнута разными чертами личного письма (форма бороды, волос), зеркальными цветами одежд, но, более всего, символами их подвига. Слева изображен перевернутый крест, на котором принял мученическую кончину Петр, справа — х-образный крест Андрея, на котором он был распят; оба претерпели смерть за проповедь

¹ Помимо подписи мастера на иконе есть надпись: «(Поднесена) Его Святейшеством папой Римским Павлом VI Афиногору патриарху Константинопольскому на память о встрече 5 января 1964 года».

Евангелия, за свидетельство о Христе, но каждый по-своему. В верхней части иконы расположен сегмент, символизирующий небо, где изображен Иисус Христос, благословляющий апостолов. Причем Спаситель благословляет двумя руками: это т. н. архиерейское благословение, ибо Христос — глава церкви и соединяет всех в Едином Теле — церкви, которую символизируют апостолы.

Поскольку икона написана в память об исторической встрече Павла VI и Афиногора, то понятно, что Петр символизирует Рим и, следовательно, папу, Андрей — Константинополь, Рим Новый или Рим Второй и, следовательно, патриарха. Но этот образ не просто символическая иллюстрация исторического события, но молитвенное и пророческое послание, чаемый образ будущего.

Для христианского Востока икона всегда была чем-то большим, чем живописная иллюстрация Св. Писания или символ какой-то идеи, икона всегда выражала то, во что верит церковь, то, о чем она молится и что проповедует миру. Так, отцы собора 843 г., собравшегося, чтобы подтвердить истинность и непреложность решений VII Вселенского собора, принявшего догмат об иконопочитании, не стали добавлять что-либо к оросу Собора иконопочитателей, а просто вынесли к народу образ Спасителя и обошли с ним Константинополь крестным ходом. Тем самым они подчеркнули, что истина не доказывается, а показывается, Бог явил Себя миру в лице Богочеловека Иисуса Христа, и образ Божественного Лица есть непосредственное исповедание истинной веры, что и являет церковь миру.

Так же поступил и патриарх Афиногор, достойный наследник отцов Вселенских соборов, он преподнес папе икону, на которой Петр, символизирующий христиан Запада, и Андрей, символизирующий христиан Востока, представлены обнявшимися как родные братья и Христовы апостолы.

Иконография этого образа новая, она создана специально по заказу патриарха Афиногора, и в то же время весьма традиционная. В основе ее лежит образ апостольских объятий свв. Петра и Павла. В церковной традиции именно эти два апостола символизировали полноту церкви: Петр — поставленный Самим Христом во главе апостольской общины, и Павел, призванный Христом уже после Его смерти и воскресения. Петр, как известно, проповедовал в основном евреям и утверждал общину, собранную Христом. Павел — апостол язычников, он открыл двери церкви для представителей разных народов, с Павла начинается вселенское измерение христианства. Именно их встреча, описанная в книге Деяний Апостолов и в посланиях Павла, была тем фактом, который давал древней церкви основание, что Господь соединяет в Едином Теле евреев и язычников. Неслучайно в русской традиции Петра и Павла именуют первоверховными апостолами, так как они являют собой полноту и фундамент церкви. Их изображали вместе еще в катакомбах, на раннехристианских саркофагах, на костяных и стеклянных пластинках, на иконах и фресках. Впрочем, изображение всех двенадцати (и даже семидесяти) апостолов вместе также всегда символизировало полноту церкви, основание, заложенное Христом. Два апостола, как и двенадцать, число символическое, это те двое, собранные во имя Господне, среди которых присутствует Сам Господь.

На проповедь Господь посылал апостолов также по двое, чтобы помимо слов они проповедовали собой, являя миру любовь друг ко другу: «По тому узнают, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13:35).

Сегодня, как и прежде, христиане должны являть миру свою любовь, заповеданное Христом единство в любви, это главное свидетельство церкви на все времена. Но сегодня, как и в прошлые века, разногласия между братьями вступают в противоречие с Божьей заповедью о любви и Благой вестью Христа. Разница только в том, что для нынешней ситуации характерен уже не конфликт евреев и язычников, а трагическое размежевание христиан Востока и Запада. Вот почему объятия Петра и Андрея стали тем образом, который возвращает нас к изначальной проповеди Евангелия, звучащей как призыв к единству и любви.

Вернемся к тому, что оба брата-апостола символизируют две церкви — Православную и Католическую. О римской символике Петра сказано уже много, стоит добавить только то, что в образе Петра-камня есть некая незыблемость: «Ты еси камень (Петрос), и на сем камне созижду Церковь Мою» (Мф 16:16-18), — сказал Господь простому рыбаку, который сделался ловцом человеков и краеугольным камнем самой большой в мире церкви, большой и в смысле численности, и в смысле монолитности организации, и в смысле распространения в мире. Римская кафедра, утвержденная на авторитете апостола Петра, являет пример верности и устойчивости: сменялись века и народы, возникали и рушились империи, исчезали целые культуры и цивилизации, а Рим как наследие Петра стоит по сей день на том же месте.

Напротив, в образе апостола Андрея выражена идея подвижности, в нем мы можем видеть не только Константинополь, как новый центр христианской ойкумены, но всю христианскую ойкумену в целом. Предание говорит, что Андрей не остался в Византии, но поставил там епископом своего ученика Стахия, а сам пошел далее нести Слово Божье. Тем самым Константинопольская кафедра, пусть и косвенно, освящена апостольским преемством, и это давало ей право занимать почетное место в системе древней пентархии. Но важно и то, что Андрей отправился далее, оправдывая тот образ первооткрывателя, который нам известен из Евангелий. Неслучайно в истории возникла целая цепь преданий о том, какие страны посетил Андрей в своих апостольских путешествиях. Он обошел и тем самым объединил христианский Восток. Среди стран, отмеченных апостольством Андрея, — Греция, где он не только проповедовал, но и принял в Патрах мученическую кончину. Грузия, вернее Абхазия, где, согласно преданию, Андрей проповедовал вместе с апостолом Симоном Кананитом, после смерти которого он отправился в Скифию, а далее, как сообщает «Повесть временных лет», поднявшись по Днепровским порогам, очутился на горах, месте будущего Киева, и предрек ему великую славу. Далее апостол Андрей прошел по тому пути, который впоследствии называли «путем из варяг в греки», только двигался он в противоположную сторону: от греков — к варягам, и, как повествует предание, он пришел к северным морям, в страну варяжскую, здесь он освятил своим присутствием землю будущего

монашеского подвижничества, в частности место Валаамского монастыря. Затем его путь лежал в Западную Европу, и, как указывают уже западные предания, апостол Андрей побывал в Шотландии и Бургундии, после чего двинулся в Рим, где навещил своего родного брата — Петра. Таким образом, совершив по тем временам почти кругосветное путешествие, во всяком случае в пределах Старого Света, он объединил собой многие страны и народы. Восток и Запад, Север и Юг. Этот символический путь вокруг Европы похож на апостольские объятия, он символизирует единство в любви всего христианского мира, не только Рима и Константинополя, но всей христианской ойкумены, в которую входят самые разные страны, культуры и народы.

В число стран, которым покровительствует апостол Андрей, входит и Италия, традиционно считающаяся уделом Петра. Перенесением в 1208 г. мощей апостола Андрея в Амальфи Италия приобщилась к странам андреевской традиции. Так что апостола Андрея трудно даже назвать только восточным апостолом, тогда как Петра ассоциируют прежде всего с Западом. Собственно, уместно вспомнить, что и ко Христу Петра привел не кто иной, как его брат Андрей, таким образом Андреево апостольство началось с самого Петра.

Но в любом случае образ апостольских объятий, это образ церкви, во встрече братьев явлен образ единства в любви — Томос Агапис. В этом единстве Петр символизирует незыблемость веры, ее основательность и неизменность, а Андрей подчеркивает вселенский и миссионерский характер христианства, его постоянную готовность идти дальше, нести свет Христов в новые страны и к новым народам. Можно сказать иначе: Петр знаменует единство, Андрей — многообразие, а вместе они — то самое единство в многообразии, без которого церковь превращается в секту, замыкается в гетто. Это две координаты христианства, вне которых оно духовно скудеет и изменяет своей первой любви.

После знаменательной встречи в 1964 г. папа Павел VI писал: «То, что может и что должно продвигаться вперед уже теперь, это — братская любовь, способная находить новые формы своего проявления, любовь, извлекающая уроки из прошлого, готовая прощать, склонная с большой охотой верить в добро, чем во зло, заботящаяся прежде всего о том, чтобы быть в согласии с Божественным Учителем и предоставить Ему привлекать ее к Себе и преобразовывать»².

Ему вторит патриарх Афиногор: «Веками христианский мир живет среди ночи разделения. Глаза его устали смотреть во мрак. Да будет эта встреча зарей светлого и благословенного дня, когда будущие поколения, приобщаясь от единой чаши Святого Тела и Честной Крови Господней, восхвалят и восславят в любви, в мире и единстве единого Господа и Спасителя»³.

Символично, что встреча 1964 г. папы и патриарха состоялась на Святой земле — той земле, что хранит память о земной жизни Спасителя, откуда на-

² См. *Россия и Вселенская церковь*. 1964. № 3 (62), С. 28.

³ Там же. С. 28.

чался девятнадцать веков назад апостольский путь Андрея и Петра. «Духовное значение этого события остается и по сей день совершенно уникальным в истории христианства как реальная победа животворящего духа любви над духом вражды и разделений. Победа, совершенная в паломничестве к первоистокам жизни всякого христианина — реальной встрече со Христом», — писал об этой встрече исследователь современной церковной истории Алексей Юдин в статье «Тридцать лет спустя. Легко ли жить без анафем»⁴.

Прошло еще десять лет, мы живем уже спустя сорок лет после знаменательной встречи папы и патриарха и снятия взаимных анафем. Что изменилось? Не стала ли наша память менее чувствительной к важности совершившегося исторического перелома? Думаю, нет. Об актуальности призыва к единству свидетельствует как раз иконописный образ апостольских объятий Петра и Андрея. Этот образ получил распространение у современных иконописцев, к нему обращаются в разных странах. Один из таких образов весьма примечателен: он написан ведущим российским иконописцем архим. Зином (Теодором) для итальянского центра «Христианская Россия» (Russia Cristiana) в Сериате (Бергамо). Этот центр много сделал и продолжает делать для диалога и взаимопонимания христиан Востока и Запада. Образ апостольских объятий — это выражение смысла служения этого центра.

Церковь в своей истории переживала самые разные этапы, времена вдохновения и духовного подъема сменялись периодами охлаждения и равнодушия, прозрение уступало место невниманию к знамениям времени. Но во все времена икона свидетельствовала не только о свершившемся в истории, но и являла пророчество о будущем. Такова и икона свв. апостолов Андрея и Петра, написанная в память о встрече папы Павла VI и патриарха Афиногора, призывающая открыть объятия друг другу их преемников, равно как и всех христиан.

⁴ А. Юдин. *Тридцать лет спустя. Легко ли жить без анафем*, в: Страницы. 1996. № 2. С. 26.

Эрнст Суттнер

Икона святых апостолов и братьев Петра и Андрея

На иконе два апостола крепко обняли друг друга. Они — братья, как по рождению, так и по избранничеству и служению. В Евангелиях свидетельствуется их братство по рождению. Их, одного за другим, избрал Спаситель, и они оба удостоились вкусить от древа жизни. Им было поручено одинаковое служение, и оба, как апостолы, до конца — «до смерти крестной» — послужили Господу и людям.

Каждый из них — состоявшаяся личность, со своими индивидуальными чертами, отчетливо запечатленными на иконе. Однако их связывает и нечто общее, они источают сияние, ибо исполнены Христа, светильника мира. Это сияние придает законченность их индивидуальным чертам, так что мы наблюдаем совершенство людей, дошедших до полноты возможного величия.

Совершенные апостолы встали рядом — и не потому что им, дабы не упасть, по нужде пришлось уцепиться друг за друга, а по произволению: они уважают друг друга и по-братски взаимно признают за каждым его достоинство. Тем самым их величие достигло вершины.

По словам Господа, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20). Христос, миротворец, действительно вошел в среду обнявшихся апостолов, и на иконе у верхнего края видна фигура благословляющего Господа. Образ Христа похож на изображение по типу Пантократора, а Вседержитель, господствуя над временем, «вчера и сегодня и во веки — Тот же» (Евр 13:8). Отличие состоит, однако, в том, что на иконе Христос преподает благословение обеими руками — каждому из двоих, совокупленных в мире и согласии. Получив благословение от Христа, они возлюбили друг друга, а поскольку они любят, благословение пребывает над ними.

Иисус Христос возвысился до Пантократора, до Господа Вседержителя, поскольку «смирил себя и был послушлив до смерти крестной» (Фил 2:8). Некогда распятый на кресте, Спаситель сейчас преподает им благословение. Об искупительной жертве Христа свидетельствует крест, начертанный вокруг Его главы. Крест написан на золотом фоне, поскольку он, начиная с Пасхальной победы, теперь выступает как источник силы и путь к радости. Вместе с Господом по пути креста идут и христиане. Каждому из них так или иначе приходится участвовать в страстях Христовых и восходить на свой крест: всё

тело Христово, а оно есть Церковь, достигает полноты божественной силы и присно пребывающей радости, поскольку одним путем идут все вместе — глава тела и его члены.

У каждого из апостолов индивидуальная форма креста: например, Петров крест поставлен, если можно сказать, «вверх ногами», поскольку, согласно преданию, апостол Петр сам просил, чтобы его распяли головой вниз, ибо не считал себя достойным принять конец, уподобившись Господу, от Которого однажды отрекся. У Первозванного также свой крест — так называемый андреевский крест: по преданию, апостол Андрей скончался на кресте, имевшем форму буквы Х. И на иконе оба креста мы можем видеть над апостолами — на золотом общем фоне. Петр и Андрей, каждый по-своему, приобщились крестношения. Вот почему теперь от них исходит свет Христов. Потому-то и возможно между ними братское согласие.

Во время своего исторического паломничества в Иерусалим папа Павел VI передал эту икону патриарху Афинагору I. Об этом сообщает запись справа, которая гласит: «(Поднесена) Его Святейшеством Папой Римским Павлом VI Афинагору Константинопольскому на память о встрече 5 января 1964 года». Историческую встречу папы и патриарха символически отображает встреча братьев-апостолов Петра и Андрея.

Когда оба архипастыря отправились в паломничество, они действовали не во имя свое. Они живо сознавали, что их епископское служение распространяется на всю церковь, и мыслили примерно так же, как епископ-мученик Игнатий Антиохийский, который в своем послании к Смирнской церкви написал: «Где будет епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и католическая Церковь»¹.

Папа Павел VI и патриарх Афинагор сознавали свое свидание в том смысле, что через них, епископов, встретившихся в Иерусалиме, по-братски встретились досточтимые церкви Рима и Константинополя. Потому-то на иконе, данной на память, изображены в братском объятии не личные покровители обоих паломников, а покровители их церквей.

Оба покровителя были апостолами Христа, и у каждого наличествовали все духовные дары, потребные для служения делу искупления; таковы же и обе церкви, через своих епископов встретившиеся в Иерусалиме, ибо Господь одарил их всем потребным для спасения своей паствы. Апостолы на протяжении жизни участвовали в совместном несении креста Христова; так же и обе церкви в своей истории протяженностью в две тысячи лет нередко изнемогали под тяжестью своего креста, но в то же время от крестношения вновь и вновь черпали силы для нового расцвета, когда жизненные обстоятельства приводили к ослаблению, затемнению их святости. Оба апостола были братьями, обе церкви стали сестрами. Церкви равны во всем, они переняли одно и то же наследие апостолов, пусть в разных формах и неодинаковым образом,

¹ Гл. VIII. Цит. по кн.: *Ранние отцы церкви*. Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1998. — Прим. пер.

с самого начала толкуя его по-разному. Так они сформировались в полноте возраста сестер, обладающих характерными индивидуальными чертами. К сожалению, сестры рассорились. И эта икона написана для увещевания христиан, напоминая о встрече в священном Граде Креста и Христова Воскресения обоих покровителей, вставших рядом друг с другом.

Со-стояние апостолов, изображенное на иконе, должно побудить нас убрать без остатка всё ведущее к спорам и отчуждению, причем очень важно, что апостолы на иконе показаны определенным образом. Каждому из них оказывается подобающее уважение. В надписании апостола Петра присутствует титул «Первый», а апостолу Андрею придан титул «Первозванный». Вокруг головы того и другого апостола выписаны светящиеся нимбы, символизирующие совершенство во Христе. Хотя лица обоих апостолов написаны на одинаковом уровне, светящийся нимб Первозванного Андрея несколько, так сказать, смиренно отступает назад, чтобы полнее проявился нимб Первого, нимб Петра. И Петр получает благословение от правой руки Христа, тогда как Андрей — от левой. Этим икона провозглашает преимущество Петра. Он первым получил благословение от Господа, отправившего апостолов на проповедь; и он первым, приступив к исполнению поручения, зажег светильник, чтобы люди увидели добрые дела Господа и прославили Отца Небесного (1Пет 2:12); ему первому предстоит отвечать на суде, когда Господь совершит Второе пришествие и спросит, как распорядились рабы полученными от Него талантами.

Икона, о которой говорим, была передана папой Павлом VI Римскому секретариату по вопросам единства христиан с тем, чтобы ее повесили в зале для пленарных заседаний. Все важные заседания секретариата и все встречи с другими христианами, происходящие там, совершаются перед этой иконой. А в греческом мире широко распространены копии этой иконы. Во многочисленных храмах и приходских церквях Греции она помещается на самом видном месте и свидетельствует, что люди сознают свой долг стремиться к примирению между церквями-сестрами. Не следовало бы иконе получить большее распространение и в Католической церкви?

Перевод с нем. Е. М. Вережчина

Виктор Малахов

Традиция апостола Андрея и некоторые особенности христианского понимания призвания

Почитание апостола Андрея неразрывно связано в христианском сознании с идеей призвания: как сообщает Евангелие, он был одним из первых или даже первым призван Иисусом Христом. Отсюда наречение: святой Андрей Первозванный. При этом уже в первых евангельских строках, повествующих о призвании Андрея, смысл самой идеи призвания словно бы возводится в степень: речь, по существу, идет о *призвании к призванию*. Так, согласно евангелисту Матфею, Христос говорит Симону-Петру и его брату Андрею: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4:19); согласно же Евангелию от Иоанна, Андрей, последовав за Христом, тотчас привел к нему и своего брата (Ин 1: 41–42). В обоих повествованиях призыв, обращенный к конкретному человеку, полагает начало бесконечному процессу *передачи призвания*, возвещения Благой вести, Слова Божьего. Несение этого бесконечного призвания сквозь времена и пространства земные, посланничество в нем и ради него, собственно, и составляет сущность апостольского служения; не случайно поэтому, что св. Андрей, вся жизнь которого представляла собой служение подобного рода, воспринимается в христианском мире как одна из ключевых фигур, являющих суть апостольства как такового.

В свою очередь, апостольский подвиг св. Андрея, благодаря своему основополагающему характеру, позволяет вдуматься в общий смысл христианской концепции призвания, ярко высвечивает некоторые ее принципиальные черты. Так, в отличие от ряда известных историй призвания, призвание Андрея описывается в Евангелии не как прямое откровение сверхъестественного, а как феномен *межчеловеческого общения*: проходя близ моря Галилейского, Иисус обращается к братьям-рыбакам, закидывающим в воду сети; пойдя за Христом, Андрей увидел, где Он живет, и пробыл у Него тот день; всё это, как сказали бы сейчас, представлено вполне человекомерно. Вместе с тем существо этого призвания-в-общении выходит далеко за рамки задач индивидуальной самореализации субъекта; не ограничивается оно и рамками

миссии какого-либо отдельного народа или особой группы людей. Как таковое, оно изначально *собираательно, кафолично*, по слову Христа: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф 28:19); «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк 16:15). Так и апостол Андрей Первозванный, посланник Божий, шел бескрайними своими путями, собирая людей и народы Христовым призывом, творя между ними новую, небывалую связь. Наконец, христианское призвание, изначальный образец которого являет апостол Андрей, по своему содержанию есть призвание духовное — оно не приговора призванного к голой фактичности, а раскрывает перед ним, перед его свободной волей трансцендентное, «не-отмирное» измерение бытия.

Таким образом, память о св. Андрее Первозванном обращает нас к размышлению о комплексе характерных черт христианского отношения к жизни: определяющем его внутреннюю динамику сдвиге от укорененности к призванности, от покорности судьбоносным началам бытия к вольному нравственному отклику, от культа происхождения к осознанию себя в открытом контексте неограниченного общения, от диктата «посюсторонней» фактичности к свободной и ответственной сопричастности.

Очень важно по достоинству оценить значение этого многопланового, но единого в своей основе сдвига для реальной истории европейской цивилизации — истории, которую во многом приходится толковать именно как отклик на «вызов» или «призыв». В этом смысле роль апостола Христова для исторического сознания ряда европейских народов, в том числе русского и украинского, альтернативна роли мифологического родоначальника, «основателя» народной общности; ее воплощает не генеалогия и не преемство власти, а эстафета призванности, сквозящее в истории указание — *крест на горе*. Вехи апостольского служения св. Андрея — вехи собирания различных земель и времен в единый круг христианской ойкумены, собирания, сводящего воедино скифов и славян, румын и греков, Россию и Грузию... Каждый народ и каждая отдельная личность сохраняют в процессе такого собирания свою особенность, свое место и свой жизненный простор, остаются, так сказать, в своем при-себе-бытии и вместе с тем обретают измерение возвышенной близости, духовной и исторической одновременно.

В современном мире традиция христианского призвания и со-призвания противостоит не только засилью эгоистических тенденций, распространенному утилитарно-прагматическому способу построения межличностных и межнациональных отношений, но и имморалистской патетике хайдеггерианского «зова бытия», пресловутому голосу «почвы и крови». Противостоит именно благодаря своей человекомерности, благодаря тому, что не вынуждает человеческое существо забыть о своей свободе и нравственной взыскательности, а наоборот, базируется на этой его способности. Идти вослед Христу и Его апостолам мы можем, лишь реализуя свои собственно человеческие задатки, лишь оставаясь людьми (что в современном мире становится всё более проблематичным), не поддаваясь тому дегумани-

зирующему, безличному «одержанию бытием», о котором, в частности, предупреждал М. М. Бахтин¹. В мире, где столько могущественных сил влекут личность вниз, в плен страстей, разделения и вражды, окликнутость апостолом побуждает взглянуть вверх — и благодаря этому перемещению взгляда заново распознать и разметить также и пространство своего земного бытия. Так и в Киеве (автор этих строк — киевлянин) мы видим, что места, связанные с памятью св. ап. Андрея, как бы сами собой отвергают набившие оскомину современные национальные противостояния: Андреевская гора, Андреевский спуск, Андреевская церковь вызывают к единению и согласию, дают этому согласию образ.

Нынешний, в частности, постсоветский опыт убеждает в том, что реанимация идеи укоренности, идеи происхождения сама по себе способна лишь усилить человеческую страсть к самоутверждению, придать ей субстанциалистский, «родовой» характер. Между тем несомый апостолом оклик Господень — прообраз такого нравственного импульса, который как раз побуждает человека отвлечься от собственного «упорства в бытии» (*conatus essendi*) и обратиться к Другому — совершить это жизненно важное, напряженное, бескорыстное движение, которое Э. Левинас небезосновательно именовал «литургией»².

Такое обращение к Другому христианство учит понимать не просто как диалог, но как со-причастие, как поворот к новой, евхаристической реальности, раскрывающейся в событиности дара и благодарности. Философское осмысление подобной событийности как феномена человеческой жизни предполагает разработку особого, «постсекулярного» представления бытия, способного впитать конструктивный опыт мысли эпохи модерна и вместе с тем дистанцированного от ее эгологической основы.

Насыщенный упомянутыми бытийными отношениями сопричастности, собственно духовный аспект христианского призвания, первообраз которого являет апостол Андрей, обрисовывается для нас не только как раскрытие «неотмирности» как таковой (см. выше), но и как утверждение возможности экзистенциально укрепиться в этой «неотмирности», обнаружить в ней хлеб жизни (*panem quotidianum*) — онтологически достоверный источник целостного жизненного смысла. Подлинная духовность воплощается в способности, не отвращаясь от мира, обретать надежную опору для выхода и обращения к нему в сфере Инакового. Подобным образом онтологически насыщенная и обеспеченная духовность позволяет человеку наших дней не поддаваться разрушительным и дегуманизирующим тенденциям «века сего», выстоять, когда это необходимо, против преобладающего течения времени. В этом отношении слово апостола, именно как слово призыва — также и простертый

¹ Бахтин М. М. К философии поступка, в: Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 22, 48.

² См., напр.: Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. М.—СПб.: Университетская книга, 2000. С. 313.

сквозь века жест реальной духовной поддержки, подмоги, насыщающий жест, обращенный к каждому, кто готов на этот призыв откликнуться.

P.S. Поставив точку в своем неприятном эссе, я, однако, остаюсь при вопросах, которые, возможно, должен адресовать не только собственной совести. Выше шла речь о неизбежности, в связи с проблематикой общения как сопричастности, философской разработки принципиально нового представления бытия, альтернативного онтологии эпохи модерна (с Хайдеггером включительно). Понятия дара, благодарности, жертвенности при этом как будто напрашиваются сами собой и можно, казалось бы, порадоваться актуальности обращения к ним для современного сознания — но вправе ли, в самом деле, основанная на них концепция притязать на новизну и соответствие подлинным запросам нашей современности? Ведь сами подобные понятия, как выразился недавно о. Владимир Зелинский, размышляя, кстати, о «евангелии от Андрея», в наши дни «как-то незаметно ссыхаются, теряют свое душевное наполнение и потихоньку переходят в разряд почтенных... экспонатов отправленной в музей души»³.

Это «ссыхание» слишком легко объяснить духовным упадком нынешнего мира, однако, думается, нам не следует игнорировать и иную возможность, пожалуй, более грозную с точки зрения перспектив христианства: а что, если в нынешнем отвержении «высоких» понятий христианской традиции есть своя правда? Что, если в этом также сказывается некий реальный исторический и нравственный опыт — опыт невиданных доселе превращений человеческих, пренебрегать которым мы во всяком случае не должны? Тогда, пожалуй, у нас тем более есть веские основания признать, что для каждого нового поколения, каждой новой культурной формации возвешение Благой вести начинается как бы сызнова, в сопряжении с новым, ранее неведомым риском, а значит, и обращение к истокам апостольского служения не может утратить своей живой проблемности, своей нравственной остроты.

³ Свящ. Владимир Зелинский. *Наречение имени*. Киев: Дух і літера, 2008. С. 302.

Владимир Зелинский

Евангелие от Андрея и вера третьего тысячелетия

Апостол Андрей в Евангелии

Представим на минуту мозаику, одну из тех старинных мозаик, которые покрывали купола или стены старинных византийских храмов. Предположим, что каждая из плиток этой мозаики — строка из Евангелия, взглянемся в эти строки и увидим за ними изображение Христа в окружении 12 апостолов. Есть апостолы, фигуры которых выписаны или выложены евангельскими стихами с наибольшей щедростью и полнотой; таковы Петр и Иоанн, если же взять весь Новый Завет, то и Павел. Однако от большинства из них осталось лишь имя, всё остальное — житие, мученичество, прославление — сложилось в какой-то цельный образ лишь позднее, в Священном Предании, которое складывается в истории церкви. Рядом с этими апостолами как бы «первого ряда» и остальными, оставшимися в тени, Андрей стоит где-то посередине. Образ его составлен лишь из нескольких евангельских стихов или мозаичных стекол, освещенных изнутри и извне светом Солнца Правды (Мал. 4,2), как Писание и гимнография называют Спасителя. Вот по немногим отражениям этого света можно попытаться восстановить всю фигуру апостола или, скажем, услышать ту весть, которая нам через него посылается. Ибо всё, что мы узнаем затем об Андрее из его жития — его апостольских странствиях к берегам Черного моря, «в страны Вифинийския и Пропондитския», как сказано у свт. Димитрия Ростовского, благословлении будущему Киеву, а затем и мученической смерти в Патрах — служит словно продолжением и раскрытием той вести. Читаясь в эти отрывки, попробуем выложить их как камешки, по которым можно сложить недостающие звенья нашей мозаики.

Начнем с первой главы Евангелия от Иоанна: «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за ним, был Андрей, брат Симона-Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию (что значит: "Христос"); и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит "камень" (Петр)» (Ин 1:40-42).

«Мы нашли Мессию»

На первых порах Андрей был учеником Иоанна Крестителя. От него будущий апостол должен был впервые услышать слова, которые в устах Христа станут Радостной вестью: «Приблизилось Царство Небесное». Но что означало это Царство в устах Иоанна? Каким воспринималось оно «слухом сердца» его современников? Когда проповедовал Иоанн, казалось, Царство, оставаясь невидимым, стояло грозным и огненным перед слушателями. Его Ангелы готовы были миловать и спасать, но и нести весть о суде и гнев Божьем, который вот-вот прольется. «Порождения ехиднины! — восклицал Иоанн, обращаясь к пришедшим к нему креститься фарисеям и саддукеям, — кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния» (Мф 3:7). Лишь покаяние, возвещаемое устами Предтечи, отверзало двери того Царства Ягве, о котором говорили пророки до Иоанна. Близость и неминуемость Царства Божия была основой их проповеди. И вместе с тем Ягве уже здесь и сейчас царствует над всеми народами. «Престол Его на небесах» (Пс 10:4), Он — «великий Царь над всею землею» (46:3), «Он облечен величием..., потому вселенная тверда и не подвигнется» (Пс 92:1). Народ, избранный Им в удел, Он сделал «Царством священников и народом святым» (Исх 19:6), и с этим народом Он заключил Свой Завет. Но а тех, кто неверен этой данной от Бога святости — а кто может сказать о себе, что верен ей до конца? — Он сожжет, как соломѹ. Но всё это — Закон и Пророки, наказания, посылаемые за неверность и посещения, даруемые в награду, — лишь отблески славы Его, доступные человеческому восприятию. Ибо Господь остается по ту сторону всякого Своего повеления или проявления, Он, по слову Соломона, «благоволит обитать во мгле» (3 Цар 8:12). Но из мглы, состоящей из плотности света, которую мы не способны воспринять, Господь ищет приблизиться к Своему народу, стать его Пастырем и Царем; народ же устами пророков молит о встрече с Ним. «О если бы Ты расторг небеса и сошел! Горы растаяли бы от лица Твоего» — восклицает Исайя (64:1). Знак «близящегося» Царства — новый завет, заключаемый с домом Израилевым — «вложу закон во внутренность их и на сердцах их напишу их» (Иер 31:33), но также и суд — «Он будет судить вселенную по правде, и народы по истине Своей» — (Пс 95), как и огонь: «Пред Ним идет огонь и вокруг пополяет врагов Его» (96:3).

Носителем такого огня и был величайший из пророков, «рожденных женами», Иоанн Креститель. Его проповедь — о наступающем мессианском Царстве и о суде, время которого, по слову апостола Петра, должно начаться с «дома Божия» (1 Пт 4:17). Однако мы так и не знаем, узнал, признал ли или не признал Иоанн Того, Которого проповедовал? Возможно — но это лишь мое предположение, — что, подобно великому своему предшественнику Илии на горе Хорив, Иоанн ожидал пришествия Царства в землетрясении, буре, пламени, но никак не в «веянии тихого ветра» (3 Цар 19:12), повеявшим из Назарета или Капернаума. Иисус же явился не как судия, но как целитель душ

и телес, изгонявший нечистых духов, Царство Его «приблизилось» в заповедях блаженства, в свете, светящем в сердце и делах милосердия, открывающих перед людьми лик их Небесного Отца.

«Приблизилось Царство...», и если его приближение не до конца разгадал Иоанн Креститель, его сумел услышать Андрей. Он — первый по времени свидетель величайшего по своему значению преломления или, если прибегнуть к евхаристическому термину, «преложения» взыскующей пророческой веры в веру апостольскую, веру, которая говорит об исполнении всех обетований в явлении Иисуса из Назарета. В том «гласе хлада тонка», в котором Сын Божий явил себя миру, он узнает мессианское Царство и самого Помазанника, ожидаемого столько веков. И первым, еще до Петра, Андрей дает определение апостольской веры: «Мы нашли Мессию, что значит Христос». Эта формула примет свою богословскую завершенность у Петра: «Ты, Христос, Сын Бога Живого». Исповедание Петра более дерзновенно и отточено, исповедание Андрея — соборно, он говорит «мы». В этом общем исповедании Андрея-Петра звучит голос «приблизившегося» Царства, Закона и Пророков, исполнившихся в Мессии.

Однако Иисус, принимая именование Себя Христом, знает, что это именование станет полным исповеданием лишь после Креста. «Тогда (Иисус) запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос» (Мф 16:20). Ему надлежит исполнить другую часть пророчества — стать страждущим Отроком Божиим, Агнцем, ведомым на заклание, «много пострадать». Всего этого Андрей, Петр и другие ученики в то время еще не могли принять. Исповедуя апостольскую веру в пришедшего Мессию, они остаются пока лишь учениками. Апостолами в полном смысле их сделает сам Иисус, явив делом и жертвой — не проповедью только — Свое предназначение.

«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающего сети в море, ибо они были рыболовы. И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4:18-19).

«Ловец человеков»

Слова Иисуса осуществляются немедленно: Андрей спешит делать то, к чему он призван. «Ловец» (буквально рыболов), он «улавливает» Петра, затем Филиппа: Филипп же в свою очередь становится «ловцом» Нафанаила. «Апостольские сети» и сегодня остаются символом миссии, даром благовествования. Но в чем же секрет этой «ловли человеков»? Откуда у апостолов власть над человеческими душами, следующими, подобно косякам рыб, за Словом, которое было им проповедано?

Еще раз присмотримся к призванию Андрея. Оно начинается с посещения Господа. Иоанн Креститель, «увидев идущего Иисуса, сказал: «вот Агнец Божий». Услышав от него слова сии, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали

Ему: Равви, где живешь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот» (Ин 1:35-39).

Размышляя об этой встрече блаж. Августин говорит: «Один из этих двоих был Андрей. Андрей был брат Петра, и из Евангелия мы знаем, что Господь призвал Петра и Андрея оставить их лодки, сказав: «Я сделаю вас ловцами человеков». Христос показал им, где живет, и они пошли и остались с Ним. Сколь блаженный день должны были они провести! Кто может сказать нам, что услышали они от Господа? Построим же и мы в сердце нашем тот дом, куда Господь мог бы прийти и учить нас, и остаться, чтобы беседовать с нами» (Омилия 9).

«Побыв с Иисусом, Андрей, и научившись всему, чему учил его Иисус, — говорит свт. Иоанн Златоуст, — не сокрыл в себе это сокровище, но поспешил к своему брату, дабы сообщить ему о полученном богатстве. Вслушайся хорошо в то, что он сказал «Мы нашли Мессию, что значит Христос» (Ин 1:41)... Слова Андрея были словами того, кто с нетерпением ожидал прихода Мессии, Его сошествия с небес, и того, кто был весь пронизан радостью, когда увидел Его приход, так что поспешил сообщить об этом другим» (Омилия 19 на Евангелие от Иоанна)¹.

Даже по немногим упоминаниям об Андрее, которые мы находим у святых отцов, можно проследить внутреннюю структуру его апостольства: ожидание Господа и Царства Его вместе с Предтечей — встреча с Ним лицом к Лицу — радость открытия, твердость исповедания, затем проповедь этой услышанной и усвоенной сердцем вести тем, кто в ней нуждается, тем, кто ищет услышать ее. «Вера от слышания, а слышание от Слова Божия» — говорит Павел (Рим 10:17). Вслед за Христом апостол «отверзает слух к уразумению Писаний» (см. Лк 24:45), однако Писания эти записаны не только «чернилами и тростью» на пергаменте или бумаге, они записаны голосом Христовым «на плотных скрижалях сердца» (2 Кор 3:3). Дар апостольства в том, чтобы «услышать Писания» и прочитать их в «сокровенном сердце человека» (1 Пт 3:4), дать ему уразуметь самого себя до конца, до последней доступной глубины в Слове Божьем, ибо только во Христе мы можем до конца познать и увидеть самого себя. Апостол никого не мог бы «поймать в сети» Христовы, если бы Христос неузнанным, подобно семени из притчи о сеятеле, не был бы «заброшен» во всякого человека, приходящего в мир.

Как происходит эта апостольская «ловля», мы видим по истории Нафанаила. Филипп, который был из «Вифсаиды, одного города с Андреем и Петром» (Ин 1:44), приводит ко Христу Нафанаила, знающего заранее, что из Назарета ничего доброго быть не может. Но Христос говорит ему слова, которые словно пронизывают каким-то неожиданным знанием: «Прежде чем позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницей, Я видел тебя» (Ин 1:48). И Нафанаил не только что-то вспоминает, но прежде всего узнает себя под взглядом Бога Живого в только ему и Богу ведомом прошлом «под смоковницей». Так происходит чудо встречи, отверзающей в человеке «*потоки воды живой*»: узнавая

¹ PG 59, 120–121.

Господа, человек заново узнает и самого себя. «И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, — говорит апостол Павел, — и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: «истинно с вами Бог»» (1 Кор 14:25).

«Ловец человеков» подводит человека к самой глубокой тайне его сердца, таинству узнавания Бога Живого, но сам и этой тайны не касается, и в этой встрече иной души с Богом не участвует. Он должен отойти в сторону, как отстраняется Андрей, который лишь «приводит» кого-то, кому-то «говорит», представляет, знакомит, указывает путь, а во время земной жизни Иисуса лишь находится рядом с Ним. Так, увидев однажды большую толпу, собравшуюся послушать Его, и видя, что люди проголодались, Иисус говорит Филиппу-апостолу: «Где нам купить хлеб, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его, ибо Сам знал, что хотел сделать... Один из учеников Его Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: Здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества?» (Ин 6:8).

Умножение хлебов, встреча с эллинами

Еще два важнейших евангельских отрывка связаны с участием и посредничеством Андрея, и оба они касаются самой сути его апостольского служения. Речь идет об умножении хлебов и первом появлении язычников в евангельском контексте, тех греков, которые пришли на праздник в Иерусалим и захотели увидеть Иисуса. В обоих этих случаях роль Андрея предельно скромна, почти не приметна; в одном из них он говорит старшему из апостолов о пище, которая нашлась у одного из мальчиков, в другом он вместе с Филиппом сообщает Иисусу о пришедших эллинах. Однако если читать Библию, как читали ее некогда отцы, то и за этими двумя отрывками можно услышать то обращенное к нам иносказание, коим отмечена каждая строка Писания. Умножение хлебов не несет ли в себе пророческое видение хлеба, «сшедшего с небес», как называет Себя Христос, не служит ли прообразом евхаристии? Иисус насыщает пятью хлебами и двумя рыбками огромную толпу народа; после Своего Воскресения Он будет насыщать Телом Своим одно поколение христиан за другим. «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш» — говорится в священнической молитве православной литургии. В исполнении этого пророчества и состоит как раз одно из апостольских призываний: совершать таинство умножения хлебов, когда Христа по плоти уже нет рядом с нами, «творить в воспоминание Христа» в евхаристическом хлебе, который становится Его Телом и Его Церковью, устраняясь при этом самому. Быть словом Иисуса, жестом Иисуса, вестью Иисуса, чудом, творимым Его руками, наконец, самым сакраментальным, таинственным Его присутствием, не заслоняя ни на краешек это присутствие собой.

Евхаристическое умножение хлебов, наряду с возвещением Слова, есть цель и внутренний смысл апостольства, обращенного прежде всего к «умножению» самого Иисуса, Его имени, Его жизни, Его дела спасения. Это «умножение» началось уже при жизни Спасителя, когда весть об исполнившихся

пророчествах, о Мессии, пришедшем на землю, о Слове Божьем, заговорившим с людьми устами Иисуса, стала быстро растекаться по земле. Греки, пришедшие на праздник в Иерусалим накануне Пасхи, «подошли к Филиппу... И просили его, говоря: «Господин! Нам хочется видеть Иисуса». Филипп идет и говорит о том Андрею, и потом Андрей и Филипп рассказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому» (Ин 12:22-23).

Иисус знает, что Его земной путь уже подходит к концу. Посланный Отцом Небесным только к «погибшим овцам дома Израилева» (Мф 15:24), Мессия, о Котором говорили Закон и пророки, идет на распятие, чтобы «прославиться» затем как Господь всех народов. Встреча с чужеземцами предваряет Его прославление, которое станет делом Духа Святого и апостолов. Им предстоит стать свидетелями новой веры, работниками и носителями пасхальной вести. Эта весть должна быть предназначена всем народам. Исповедание Андрея-Петра заговорит устами их далеких и неведомых потомков. Имя Христово будет услышано до краев земли. «По всей земле прошел голос их и до пределов вселенной слова их» (Рим 10:18) — как, вслед за псалмопевцем (Пс 18:5), скажет апостол Павел.

Удел Андрея

Отсюда начинается разделение вселенной на пределы, которые затем станут апостольскими уделами.

«Пределы земли, — читаем у А. В. Карташова, — это только максимальное задание, цель, направление. От Иерусалима как бы мысленно проведены радиусы, и заключенные между ними секторы круга составили уделы апостольства, превышающие по своим вселенским размерам силы и срок жизни человека. Апостолы, уходя на проповедь в предначинанном каждому направлении... были посланы Духом Святым именно... в данные страны; они принципиально и духовно (а в лице своих продолжателей и преемников и конкретно) становились апостолами именно этих стран и обитающих в них народов, их небесными покровителями в истории навсегда»².

Разумеется, после «Истории Русской церкви» Е. Е. Голубинского посещение апостолом Андреем Приднепровья и благословение им имеющего родиться через пять веков Киева, более не рассматривается в качестве события, которое может быть как-то научно удостоверено, однако духовная реальность этого предания остается действенной и живой по сей день. При этом смысл самого предания может меняться со временем, повинаясь тому, что, словами Апокалипсиса, «Дух говорит Церквам». Не столько прямое апостольское происхождение христианства на Руси, коим так гордились наши предки, важно для нас сегодня, сколько восприятие Русской церкви

² Цит. по изд.: Карташев А. В. *Очерки по истории Русской церкви*. М., 1993. Т. 1. С. 50–51.

как удела Иерусалима, исторического и небесного. В сущности, те пределы, куда Духом Святым были посланы апостолы, пусть даже физически они не могли дойти до них, становились новыми провинциями Царства Божьего, «приблизившегося» в покаянии, о котором возвещал Креститель, в мессианской вере, обретенной Андреем, в исповедании Петра, ставшего скалой церкви, в видениях Иоанна, приоткрывшего тайны Царства Христова. Едва ли мы решимся сказать, что наш или иной из апостольских уделов сумел сохранить до конца верность этому Царству, но от нашей неверности близость его становится не более дальней, но лишь по-человечески более трудной. Ибо, как говорит Иисус, «от дней Иоанна Крестителя доньше Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 12:11).

Это «восхищение» Царства Божьего, которое в качестве внутреннего задания, дается как отдельному христианину, так и всей церкви, несет в себе как историческую, так и эсхатологическую память. Царство Божье пришло во Христе, распятом при Понтии Пилате, пославшем «ловцов человеков» пронести его по всей земле, и оно еще должно прийти в «Царстве будущего века», в «Сыне Человеческом, грядущем на облаках небесных» (Мф 24:30). Однако оба эти Царства не разделены между собой так, как разделены наши церкви; земной удел Спасителя не отделен от небесного и не противостоит ему, это две реальности одного и того же Царства, которое «восхищается» апостольскими усилиями, коим надлежит проложить путь этому Царству в истории, связать обе его реальности, прошлую и грядущую, в одну, которая станет неопишущим настоящим, жизнью в Боге. Апостолам (и, следовательно, их преемникам) дано пространство, «пределы земли», куда они были посланы, но им дается также и всё историческое время, весь путь от одного Царства к другому, который им предстоит пройти. И не только пройти, но и пронести по нему весь свой земной удел, дабы включить его в грядущее Царство Христово, которому не будет конца.

Так что если Русская церковь остается «мистическим уделом» апостола Андрея, то и весь исторический путь этой церкви от легендарного благословения I века до вхождения в Царство века грядущего может считаться временем его апостольства, начавшегося еще в Галилее, затем после Пятидесятницы в Иерусалиме историческом и возвращающегося к Иерусалиму небесному. И в этом Новом Иерусалиме наконец встретятся и соединятся все апостольские уделы со всеми их церквами. Так в Иерусалиме после Вознесения сошлись вместе ученики Христовы: «взошли в горницу, — как читаем в Деяниях, — где и пребывали Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова». И та горница раздвинулась «даже до края земли» (Деян 1:8).

Третье тысячелетие

Где она сегодня, эта апостольская горница? И что станет с ней завтра? Иногда мы так любовно, почти страстно вглядываемся в наше прошлое, в наше

предание и драгоценное наследие давно минувших веков, чтобы отвести глаза от будущего. Но оно не дает нам забыть о себе. Оно приходит, как некогда Иоанн Креститель, и говорит о суде, о покаянии, о гневе Божьем, о близящемся Царстве. Суд может явить себя в гонении, каким была в XX веке попытка открытого физического и идеологического уничтожения Русской церкви, или в том духовном, нравственном, культурном удушении христианства, которое как будто исподволь, но неуклонно надвигается на нас сегодня. То, что называется ныне «глобализацией», если взять ее самый глубинный, почти интимный аспект, это создание новой человеческой породы, породы, не *«имеющей уши слышать»*, как говорит Евангелие, теряющей слух к Слову Божьему, слепнущей к различению Его путей на земле, к сиянию лица Его.

Благодаря средствам обмена информацией земля до самых краев лежит у нас на ладони, как говорит английская пословица: «мир становится нашей устрицей» (*«the world is your oyster»*), которую мы можем раскусывать где угодно. Однако та же информация, т.е. отражение человека в слове и образе, его разветвленная на миллионы потоков весть о самом себе, может раскусывать, поглощать или расплывать нас, делать нас своим экраном, объектом, энергоносителем. Мы, я думаю, присутствуем лишь при первых родовых схватках, возвещающих о рождении мира, который оказывается как бы в полном владении человека. И в нем, сем «прекрасном новом мире», на наших глазах словно разрезается, улечивается куда-то сам воздух, которым дышит христианство. Те слова, которые были полны смысла для нас эти двадцать веков и по которым мы продолжаем понимать и опознавать друг друга: суд, покаяние, прощение, милость, надежда, спасение, молитва, страх Божий, предстояние перед Господом — как-то незаметно ссыхаются, теряют свое душевное наполнение и потихоньку переходят в разряд почтенных, забытых, забавных, почти никому не нужных музейных экспонатов. Что станет со всеми апостольскими уделами и нашими историческими церквами в этом разреженном воздухе нового тысячелетия? В отличие от многих моих собратьев, я с трудом верю, что будущей истории нам больше нечего предложить, кроме скорого кроваво-огненного конца. И если сейчас мы живем во времена кризиса христианства, во времена надвигающейся и во многом уже совершившейся апостасии, пик которой еще далеко не достигнут, то за ним *«имеющим уши»* может послышаться новое возвращение Благой вести, которая будет звучать не только на языке давно ушедшего, но и в рождающемся на наших глазах мире будет понятна, будет восприниматься так, как она воспринималась два тысячелетия назад: как радостная весть о спасении во Христе-Мессии Царства. Благая весть непременно найдет себя и в этом, как будто столь далеко от христианства существовании, сумеет обрести в нем почву под ногами, пройти по земле его «до крайних пределов», не в пространственном смысле, ибо для слова пространства больше нет, но в антропологическом — сумеет дойти до новых *«крайних пределов»* человека.

Каким должна стать Церковь Христова, чтобы пройти этот путь, который ей предстоит? Что останется в ней, а что может измениться? Что из ее наследия

отмечено нестираемой апостольской печатью? Задавая эти вопросы, вновь мысленно обращаюсь к Андрею Первозванному.

Евангелие от Андрея

Образ Андрея в четырех канонических Евангелиях выписан немногими, казалось бы, случайными штрихами. Но в Священном Писании случайного не бывает. Штрихи эти точные и тонкие, столь тонкие, что они кажутся почти теряющимися, если взглянуть в них внимательней, создают своего рода икону апостола, как бы изображение на фреске еще только строящегося храма.

То немногое, что сказано об апостоле Андрее, помогает нам не только восстановить его образ, но и как бы прочесть заново Благою весть только по тем немногим знакам, которые отмечают его присутствие. Всюду Андрей появляется лишь как посредник, как вестник. Он приводит брата своего Симона, которому надлежит стать князем апостолов, говорит Иисусу об эллинах, которые хотят Его видеть, доносит до Него слова о рыбах и хлебе, которые накормят пятитысячную толпу, и всё это происходит накануне распятия и прославления Иисуса. За этими жестами и знаками угадывается «иносказание»: «ловец человеков» делает их учениками Спасителя, хлеб земной становится хлебом небесным, посредничество между Иисусом и новыми и новыми «эллинами» становится вселенской миссией — «идите, научите все народы»: «Слово стало плотью» и «Христос Воскрес!» При этом самого апостола мы почти видим за этой вестью, он — как образ на витраже, через который проникает нездешний свет. Подобно первому своему учителю Иоанну Предтече, он мог бы сказать о себе: «Тебе расти, а мне умиляться».

Иоанн возвещал о суде и о Царстве, но и суд, и Царство приближаются потаенно, они скрыты в нашей земной текущей истории. Суд или кризис может коснуться всего, даже и того, что считаем для себя священным, неотделимым от буквы и духа нашей веры. И всё же, думая о судьбе ее в третьем тысячелетии, я люблю вспоминать слова Тейяря де Шардена: за каждым кризисом Христос возвращается обновленным, но и Тем же, Кем был всегда. И после каждого кризиса, во всякую эпоху до скончания веков, будут приходить люди с ликующей вестью, в которой слово, служение, апостольство Андрея будет неожиданно обновляться, как обновляется икона: «Мы нашли Мессию, что значит Христос».

II.

**Личность апостола Андрея
в церковной истории
и преданиях
разных стран**

Андреа Милано

Андрей, один из Двенадцати, первозванный в Новом Завете

Введение

О методах современной новозаветной экзегезы

Любое исследование об апостоле Андрее не может не корениться в текстах Нового Завета, но и любое исследование Нового Завета не может успешно продвигаться без более или менее глубокого знания современного состояния науки в этой области.

В эпоху Просвещения возникла и утвердилась критика, которая подвергла Священное Писание христиан исследованию «рациональных» позиций. Достигнутая человеком «зрелость» и кантовский девиз *sapere aude* (имей мужество знать) отчетливо выражают безграничное дерзновение, побудившее некоторые европейские интеллектуальные «элиты» начать беспощадную борьбу со всяким подлинным или предполагаемым фанатизмом. Так, неоднократно предпринимались попытки исследовать документы прошлого, и в первую очередь религиозные, предвзято предполагая, что основная их часть содержит нелепые верования и что в целом они отличаются инфантильностью. Поэтому их подвергли строгому и неумолимому «суду разума». Это привело к устранению из культуры всего казавшегося сверхъестественным или чудесным, откровением или догматом. Начиная со Спинозы и Реймаруса, мыслители всё чаще и острее ставили под вопрос авторитет Библии и всё более решительно его разрушали, так что оставили за собой груды развалин, но одновременно — это нужно откровенно признать — и большие позитивные результаты.

С появления «Иисуса Просвещения», а затем «либерального Иисуса» складывается и совершенствуется историко-критический метод. В конце XIX и в первые десятилетия XX веков сформировалось пространство для «эсхатологического», или «апокалиптического Иисуса». После Первой мировой войны поиски «либерального Иисуса» закончились провалом, и на смену им пришли «неоортодоксия» Карла Барта, с одной стороны, и «демифологизация»

Рудольфа Бульмана, с другой¹. После этого в конце 1960-х годов в исследованиях об Иисусе начался следующий этап, в ходе его непосредственные ученики Бульмана, в отличие от своего учителя, прониклись верой в возможность вырисовать образ «исторического Иисуса» в противовес «Иисусу веры». В последние десятилетия XX в. наступил третий этап, продолжающийся и поныне, когда к Библии пытаются подойти с позиций социологии, т. е. сосредоточиваются на социальном, культурном и религиозном контекстах деяний Иисуса и Его движения, причем особенное внимание уделяется «еврейскому Иисусу». Кроме того, начиная с тех же 60-х годов появилось и продолжает развиваться «феминистское» прочтение Библии, а вместе с ним появляется и проблема «феминистского Иисуса»².

Эти краткие заметки являются, естественно, лишь общим описанием великого потока новозаветных исследований, ставшего в последнее столетие всё более мощным, и сегодня в нем появляются всё новые и новые направления научного поиска. Одним из наиболее значительных направлений являются попытки развить интегрированный анализ — исторический и теологический, социологический и литературный — первых 120 лет христианства (27–150 гг. после Р.Х.). В этом контексте с помощью тщательной методики изучается устное предание в речах и фактах жизни «Иисуса воспоминаний». При этом остается убеждение, что в синоптических Евангелиях «сохраняются общий настрой и техника устной передачи, что они обеспечивают большую устойчивость и непрерывность предания, чем мы представляли себе до сих пор»³.

Разумеется, литературный жанр Евангелий был и остается оригинальным, ни с чем не сравнимым, несмотря на все возможные аналогии — как с биографическими повествованиями древнего греко-римского мира, так и с повествовательным материалом Ветхого Завета и последующей иудейской литературы. Согласно последним результатам исследований, учитывая содержание, форму и функцию Евангелий, их следует считать — причем каждое по-разному — рассказами о словах и деяниях или, если угодно, о высказываниях и фактах, касающихся Иисуса Назарянина, кульминацией которых стали его смерть и воскресение. Цель этих рассказов — сообщить верующему слушателю спасительный смысл изложенных фактов.

Историко-критический метод сейчас представляет собой весьма пестрый набор модификаций, поэтому мы считаем необходимым и плодотворным поместить комплекс рабочих приемов данного метода в более широкую и убедительную герменевтическую перспективу⁴. Историко-критический метод направлен на установление достоверных данных, но вместе с тем при отбо-

¹ См. Milano A. K. Barth (1886–1968), R. Bultmann (1884–1976), в: *Storia della teologia. Da Vitus Pichler a Henri de Lubac*, III, a cura di R. Fisichella. Bologna-Roma, 1996. P. 475–557.

² См. Милано А. *Женщина и любовь в Библии*. СПб.: Алетейя (в печати).

³ Dunn J.D. *Gli albori del cristianesimo*. Brescia, 2006. P. 24.

⁴ См. Milano A. *Quale verità. Per una critica della ragione teologica*. Bologna, 1999. P. 67–90.

ре, сравнении и истолковании этих данных он не может не включать в себя в определенной мере такую и их интерпретацию. Разумеется, его цель — добиться обоснованной реконструкции того или иного события или персонажа в определенный исторический момент и в определенной обстановке. Естественно, результат будет более или менее значимым и убедительным в зависимости от постановки вопроса и способности историка дифференцировать и обосновать горизонт «субъективного» и «объективного» понимания исследуемой темы⁵.

Фундаментальная проблема, с которой сталкивается историко-критический метод, применяемый к Новому Завету, заключается в следующем: располагает ли метод всеми необходимыми инструментами и источниками, позволяющими найти «бесспорное» и «окончательное» решение относительно историчности событий и подлинности проповеди, относящихся к Иисусу Назарянину, которые не превращают его историю в миф или иллюзию. На сформулированный таким образом определяющий вопрос нужно ясно ответить, что, несмотря на все свои ценные и, несомненно, бесспорные «научные» достижения, историко-критический метод не обладает всеми необходимыми для этого характеристиками. Так называемый «исторический Иисус», к которому нам хотелось бы привлечь внимание, представляет собой «научную» конструкцию и поэтому остается абстракцией, набором и интерпретацией данных, не совпадающих и не могущих совпадать с «тотальной реальностью» Иисуса Назарянина. Ведь этот еврей, «маргинал» по отношению к представителям политической, военной и религиозной власти, реально жил и действовал в Палестине в I столетии нашей эры. А значит: «исторический Иисус — не реальный Иисус, реальный Иисус — не исторический Иисус»⁶.

Понятие «реальность» и особенно с уточнением «тотальная», коль мы его используем, не только чрезвычайно сложно, но даже, прямо скажем, непостижимо. Считать иначе было бы наивно и опрометчиво. В случае Иисуса

⁵ Укажем основную западную библиографию по апостолу Андрею: Gordini G. D. Andrea, apostolo, santo, в: *Bibliotheca Sanctorum*, Vol. I, Roma, 1961. P. 1094–1100; Mariani B., Tosi E., Peterson E. Andrea, apostolo, santo, в: *Enciclopedia Cattolica*, I. Città del Vaticano, 1949. P. 1183–1188; Peterson P. M. *Andrew, Brother of Simon Peter. His History and Legends*, Leiden, 1958; Dvornik F. *The Idea of Apostolicity. v: Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*, Cambridge (Mass.), 1958; Prieur J. M. *Les Actes apocryphes de l'Apôtre André: présentation des diverses traditions apocryphes et état de la question*, в: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II, 25, 6 (1988). S. 4384–4414; Erbetta M. *Gli Apocri del Nuovo Testamento*, Vol. II, Torino, 1966. P. 395–399; Moraldi L. *Apocri del Nuovo Testamento*, II, Casale Monferrato, 1994. P. 429–507, 689–691; Geerard M. *Clavis Apocryphorum Novi Testamenti*, Turnhout, 1992. P. 225–240; Cipriani S. Andrea, в: *Il grande libro dei santi. Dizionario enciclopedico*, dir. C. Leonardi, A. Riccardi, G. Zarri, a cura di E. Guerriero, D. Tuniz, Vol. I, Cinisello Balsamo, 1998. P. 125–127; Pillinger R. *Der Apostel Andreas: ein Heiliger von Ost und West im Bild der frühen Kirche*, Wien, 1994; Bremmer A. J. N. (ed.), *The Apocryphal Acts of Andrew*, Leuven, 2001; Peretto E. Andrea apostolo, в: *Institutum Patristicum Augustinianum, Nuovo Dizionario Patristico e di Antichità cristiane*, A-E, dir. A. Di Berardino, Genova-Milano, 2006. Coll. 283–285.

⁶ Meier J. P. *Un ebreo marginale. Ripensare il Gesù storico*, Brescia, 2002. P. 26.

Назарянина эта реальность в ее тотальности недостижима средствами одного лишь историко-критического метода, но не потому, что метод недостаточно убедителен, и не потому, что Иисус никогда не существовал, ибо Он, несомненно, существовал, «а скорее потому, что авторы дошедших до нас источников никогда не стремились записать все или большую часть речей и деяний Иисуса на протяжении его публичного служения, не говоря уже о других сторонах его жизни»⁷.

С другой стороны, обескураживающая, но непреодолимая ограниченность наших познаний касается большинства действующих лиц древней истории. При ближайшем рассмотрении для истории неоспорим тот факт, что происходившее тогда намного больше того, что мы о нем знаем. Проблема недостаточности источников, разумеется, существует не только в истории жизни Иисуса Назарянина. Более того, по сравнению со многими историческими фигурами, окутанными довольно-таки густым туманом, об Иисусе удастся узнать удивительно много достоверного, и того, что мы знаем со всей определенностью, более чем достаточно, если угодно, чтобы довериться Ему, уверовать в Него.

При конкретном использовании историко-критического метода, даже самом утонченном, не следует забывать об осторожности и особенно о смирении. Неслучайно этот метод постоянно подвергается критике, и поэтому постоянно стоит задача его дополнения и улучшения. Не стоит раздирать одежды, услышав, что этот метод не слишком удовлетворителен и не вполне соответствует своему «объекту» — Иисусу Назарянину. Ведь «объект» не только требует от «субъекта» быть познанным в качестве существующего и обладающего теми или иными свойствами, но и произносит определенные слова и совершает определенные действия и при этом настаивает на свободном и ответственном решении всецело довериться Ему и последовать за Ним в безусловной преданности, доказав это всей своей жизнью. Иными словами: Он требует веры. Тем не менее различие между реальностью, историей и верой не просто допускает, а скорее заставляет связывать разные сферы и уровни понимания и интерпретации. Именно понимание сложности этого комплекса в тот самый момент, когда мы пытаемся привести его к единству и логичности, может показать, сколь убедительна христианская вера.

Применение историко-критического метода требует также точной формулировки и приведения в действие ряда критериев, выработанных с целью определить, насколько в самом деле «историчен» дошедший до нас документ. Что же касается исследований «исторического Иисуса», то речь идет, например, о выяснении того, есть ли в четырех канонических Евангелиях, несомненно, пропитанных пасхальной верой первоначальной церкви, какие-либо основания для подобных исследований. Как обращаться с текстами, написанными через 40–60 лет после событий, о которых в них повествуется? Очевидно, что в дальнейшем исследования будут развиваться довольно сложным образом.

⁷ Op. cit. P. 27.

В любом случае историко-критический поиск, понимаемый и как герменевтическое предприятие, заключается в основном в следующем: определении того, что, говоря схематически, исходит на первом этапе от Иисуса Назарянина (28–30 гг. после Р. Х.); разграничении этого материала и того, что — на втором этапе — является плодом устного предания (30–70 гг.); и, наконец, выделении того, что было привнесено редакторской работой евангелистов (970–100 гг.). Легко понять, что здесь мы имеем дело с взаимосвязанными этапами, которые нельзя представлять как линейно протекающие процессы.

Основные критерии, вытекающие из историко-критического исследования и способные привести к более-менее обоснованным заключениям при исследовании Евангелий, можно кратко изложить так: многочисленные и многообразные свидетельства о речах и делах Иисуса, обнаруживаемые в различных текстах; затруднения, которые могли представлять речи и дела Иисуса для первоначальной церкви в ее воззвании к еригмы; разрыв между словами и делами Иисуса, с одной стороны, и иудаизмом его времени или первоначальной церковью, с другой; внутренняя связь того или иного исторического материала с точно установленным ранее; связь между словами и делами Иисуса и противостоящим Ему неприятием, а особенно с Его насильственной смертью в виде позорной казни на кресте. Дополнить и подтвердить эти основные критерии предлагается с помощью вторичных критериев, таких как арамейские следы в текстах, влияние палестинского окружения, живость самого повествования.

Только внимательное использование определенного числа критериев при возможности их перекрестной коррекции может дать убедительные результаты. К таким результатам не приведет, разумеется, наивное, механическое, самонадеянное использование неких абстрактных руководящих критериев. В любой научной работе нужно проводить различие между предрассудком и предпониманием в процессе сбора и интерпретации данных, смело делая на их основании рабочие выводы. Но столь же важно при рассмотрении «объекта» исследования не исходить из самих себя, из своих жизненных предположений — нужно собрать воедино и использовать всю свою остроту зрения, серьезность и способность к взвешенным решениям, не вступая в конфликт с собственным научным сообществом.

Андрей среди последователей Иисуса Назарянина

То, что значимо для применения историко-критического метода к Иисусу Назарянину, относится и к Его окружению, о котором повествует Новый Завет: в частности, это значимо для его учеников, прежде всего для Двенадцати, а среди них и для Андрея. В самых общих, но существенных чертах попытаемся применить «критериологию» ответственного исследования, кратко изложенную выше, также и к Андрею и к его «исторической» судьбе.

Все новозаветные источники согласны в том, что у Иисуса Назарянина были ученики и что из них Он образовал группу Двенадцати, которые следовали

за Ним и участвовали затем в миссионерском странствовании (Мк 3:13-19 пар.; Деян 1:15-26; 1 Кор 15:5; Откр 21:14). «Образ» Двенадцати, поставленных Иисусом, не имеет параллелей не только в иудаизме, но и в последующей христианской общине, которая никогда не будет воспроизводить этого числа при постановке своих руководителей. Многочисленные свидетельства христианских источников, представляющих собой, как уже отмечалось, один из определяющих критериев исторической достоверности сообщаемых сведений, говорят в пользу исключительности призвания Иисусом Двенадцати и, следовательно, о принадлежности Андрея к этому узкому кругу. В Древнем Израиле число 12 символизировало народ в его этнической и религиозной идентичности: вспомним о числе патриархов, о племенах, предшествовавших Моисею, о Синайском Завете. В призвании Двенадцати просматривается намерение Иисуса воссоздать народ Божий, вернуть его к истокам, возобновляя древний союз в Новом. Двенадцать — это духовные родоначальники эсхатологического Израиля последнего времени, когда Бог установит свое царственное владычество во всей полноте. «Да придет Царствие Твое» — второе прошение «Отче наш», молитвы, оставленной Иисусом Назарянином своим ученикам, которая вбирает в себя все призывы всего посланничества и смысл всех деяний самого Иисуса Христа (Мф 6:10; Лк 11:2).

Четыре канонических Евангелия уточняют, каждое по-своему, что Иисус призвал некоторых из Двенадцати в начале своего публичного служения (Мк 1:16-20; Мф 4:18-22; Ин 1:35-51). Только Лука (5:1-11) в соответствии с его авторским планом помещает призвание после вступительного торжественного эпизода с проповедью Иисуса в синагоге в Назарете (4:14-29). Это удивительно, но красноречиво: в апокрифических евангелиях, рассказывающих о земной жизни Иисуса, вообще нет сцен, связанных с призванием Двенадцати. Из этого следует, что относящееся к призванию Двенадцати вообще, относится и к Андрею в частности.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что в Новом Завете немало явным образом говорится об Андрее. Но многое, не сказанное о нем, можно вычитать из того, что сказано об учениках и, следовательно, о Двенадцати, которых призвал Иисус как своих последователей.

Тех, к кому был обращен призыв следовать за Иисусом, ждала, помимо прочего, очень трудная жизнь. Если Он предвидел ожидающие Его испытания и страдания, то не мог не предвидеть, что учеников ожидает то же, что и Его. Он требует от них безусловной преданности, оставления богатства (Мк 10:21), ослабления, если не полного отказа от семейных уз (Мк 10:37-38; Лк 14:26-27). Никто из упоминаемых в Евангелиях учеников никогда не сможет самостоятельно принимать решения такого рода. Тот факт, что немало радикальных требований Иисуса не будут выполнены первоначальной церковью, свидетельствует в пользу их несомненной исторической достоверности.

Ученики, и тем более Двенадцать, не были призваны изучать древнюю благородную религиозную еврейскую традицию. Они были призваны слушать наставления Иисуса и жить в соответствии с ними, причем внутри живого

единения с Его личностью, участвуя в Его служении, в самой Его судьбе. В сущности, содержание и основание следования — сам Иисус: сильными, потрясающими словами Он требует отдать свою жизнь за Его дело и тем самым ее спасти (Мк 8:35; Мф 19:39, 16:25; Лк 9:24, 17:33). Всё происходит по инициативе Иисуса. Ученики, и в первую очередь Двенадцать, собраны Им и для Него. Петр, становясь выразителем переживаний других и говоря за всех, заявляет Иисусу: «Вот, мы (emeis) оставили всё и последовали за Тобой (ekoluthésamen soi)» (Мк 10:28 пар.).

Мог ли Андрей исключить себя из этого «мы», произнесенного Петром, его братом? Мог ли Андрей отвергнуть любящее требование Того, кто призвал и его последовать за Собой в трудном, но таком заманчивом служении?

Поступающий в школу раввинов имел явную цель стать раввином. После надлежащего периода ученичества этот человек из учащегося превращался в учащего и мог требовать, чтобы его называли «равви́» — «учитель». Иисус не избран: Он сам призывает, и отвечающий на его призыв ни в коем случае не может именоваться учителем или отцом (Мф 23:8-10). Все ученики собраны вместе и равны между собой как братья. Но ученик Иисуса навсегда остается только учеником, апостол навсегда остается только апостолом — на всю жизнь, даже в смерти. Всё принимается ради Него: даже высшее свидетельство мученичества оставляет человека учеником и апостолом Иисуса Назарянина. Не это ли произошло и с Андреем?

В отличие от Иоанна Крестителя Иисус и те, кого Он призвал следовать за Ним, не ставили своей целью крещение. Иисус не удаляется вместе с ними на Иордан, не уединяется ради аскетической жизни, но спокойно и непринужденно включается в повседневную жизнь народа Израиля, включая праздники и пиры, и даже настолько, что одно из обращенных к Нему обвинений состояло в том, что Он «любит есть и пить вино» (Лк 7:34). Иисус не гнушается общаться с маленькими людьми, с бедными, нечистыми, исключенными из святого сообщества народа Божьего, такими как мытари и проститутки, и говорит о них, что они впереди праведников войдут в Царствие Божье (Мф 21:31). Он даже явно объявляет их избранными. И Он вовлекает во встречи с потерянными для дома Израилева также учеников, прежде всего Двенадцать.

Между Иисусом вместе с группой его последователей и другими религиозными и околорелигиозными группами того времени есть глубокие, непреодолимые различия. Иисус и его ученики отдалились не только от Иоанна Крестителя и его движения, но и от современных им пророков апокалиптического толка, привлекавших толпы людей зрелищными манипуляциями в духе античного театра. О некоторых из них, в частности о Самарянине, Февде и Египтянине, рассказывает Иосиф Флавий, а следы Иуды Галилеянина и Египтянина заметны даже в Деяниях Апостолов. Нечто аналогичное можно утверждать по поводу ессеев и кумранской общины. Практиковавшие общность имущества и бедность, они иногда отказывались и от брака, но образовывали оседлые общины, организованные в жестко иерархическую структуру. Ее главной целью было

изучение и строгое соблюдение Торы, т.е. Закона, и она была отделена от остального иудаизма, который считался предавшим традиции отцов.

Не таков был Иисус со своими учениками: они определенно не составляли стабильных и жестко организованных общин и еще меньше были вовлечены в интенсивное изучение и тщательное соблюдение Торы. Хотя предполагалось, что их назовут «учителями» («равви́» по-еврейски, «раввунí» по-арамейски), Иисус сам призвал учеников; тогда как раввинов, напротив, избирали ученики. Более того, в отличие от великих древних пророков Иисус не претендовал говорить от имени Бога, возвещая его волю, но прямо говорил от собственного имени, как тот, кто имеет на это власть. Тем самым Он не только ставил Себя на место Священного Писания, но даже осмеливался ставить Себя на место Бога. Стоит вспомнить и подчеркнутое, решительное «Я», «Я есмь», «аминь».

Андрей — первый из Двенадцати и «Первозванный»

В Новом Завете и особенно в Евангелиях Андрей представлен зримо и достойно. Конечно, на первый взгляд он находится в тени своего брата Симона, которого Иисус назовет впоследствии Кифой, или Петром. Андрей нередко оказывается рядом с ним, но, к нашему удивлению, так бывает не всегда. Чаще Андрея с Петром объединяет Евангелие от Марка. В этом Евангелии, самом старшем из трех синоптических, в «рассказе о призвании» сообщается, что Иисус одновременно призвал Петра и Андрея, в таких выражениях:

Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. И они тотчас, оставивши свои сети, последовали за Ним (Мк 1:16-18; ср. Мф 4:18, 20).

Только Марк (1:29) рассказывает, что Иисус в Капернауме после того, как Он учил в субботу в синагоге и исцелил там одержимого бесом, пришел «в дом Симона и Андрея с Иаковом и Иоанном», и в этом доме исцелил тещу Петра (Мк 1:29-31). Однако в рассказанном Лукой (5:1-11) эпизоде о чудесной ловле рыбы Андрей не упомянут, хотя Иаков и Иоанн названы товарищами Симона, т.е. Петра. В рассказе о призвании Иисусом первой группы последователей Лука (5:1-11) называет Петра, Иакова, Иоанна, но не Андрея. Нужно, по крайней мере, допустить присутствие Андрея с братом Симоном-Петром в лодке, с которой Иисус наставлял толпу. Умолчание можно объяснить тем, что Лука сосредоточивает всё внимание на последующей чудесной ловле рыбы и на личности Петра, чьи слова выражают изумление и трепет — равно как Иакова и Иоанна, также свидетелей чуда (Лк 5:3-10).

В символическом списке Двенадцати Андрей поставлен на второе место у Матфея (10:2-4) и Луки (6:14-16), на четвертое у Марка (3:16-18) и в Деяниях (1:13-14) — это знак особенного уважения, которым пользовался Андрей в первоначальной общине. Но место Андрея в списках Двенадцати зависит также от структуры этого списка в разных Евангелиях. Так, например, Матфей,

по-видимому, предпочитал хорошо упорядоченные списки, и поэтому неудивительно, что он перегруппировал четыре имени у Марка и переместил Андрея с четвертого на второе место, чтобы образовались две пары братьев.

В дальнейшем, за исключением списка Двенадцати (Мк 3:18), Андрей надолго исчезает из повествования Марка о служении Иисуса. Этот апостол вновь появляется ближе к последним дням земной жизни Иисуса, причем снова в обществе Петра, Иакова и Иоанна — когда Иисус произносит свою эсхатологическую речь:

И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников Его: Учителы! Посмотри, какие камни и какие здания! Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? Всё это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне. И когда Он сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей: Скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда все сие должно совершиться? (Мк 13:1-4).

Вспоминая об Андрее в последней части своего Евангелия, в канун решающих событий страстей, смерти и воскресения Христа, Марк дает тем самым понять, что он намеренно возвращается к начальному «рассказу о призвании», вновь называя Андрея вместе с его братом Петром, с Иаковом, сыном Заведее, и его братом Иоанном (Мк 1:19).

Помимо немногих параллельных Марку мест у Матфея и Луки и данных ими списков Двенадцати, три синоптических Евангелия об Андрее больше не упоминают. Удивительно, что после перечня Двенадцати (Деян 1:13) — теперь сведенных к одиннадцати из-за позорной гибели Иуды, — в котором он тоже представлен, Андрей совершенно исчезает из написанной Лукой книги Деяния Апостолов. В начальных главах на первом плане — Петр и Иаков, в особенности мученичество Иакова. В противоположность фрагментам, где чаще других фигурируют сыновья Заведеевы Иаков и Иоанн, обычно упоминаемые вместе, в остальных частях Нового Завета со всей очевидностью доминирует Петр. За исключением Евангелия от Иоанна Андрей полностью игнорируется. Один исследователь, придерживающийся крайнего экзегетического минимализма, но вполне просвещенный, в конце своего очерка об Андрее делает вывод, что его имя исчезает «из истории первоначальной церкви»⁸.

Но не слишком ли опрометчиво помещать Андрея вне «истории первоначальной церкви», если он упомянут только в Евангелии от Иоанна? Разве само Иоанново Евангелие не часть этой истории? Разве оно заведомо не имеет «исторической» ценности? А если бы, согласно витающей в воздухе гипотезе, «историческая» ценность Иоанна и того, о чем он свидетельствует, была ничтожной, разве не остаются в нем другие ценности, как, например, теологические, символические, духовные толкования, так или иначе почитаемые, и разве не привлекало оно столько внимания на протяжении двух тысячелетий истории христианства?

⁸ Op. cit. P. 206.

Поразительно, что тот же исследователь, рассуждая о Филиппе, обращается преимущественно к четвертому Евангелию, Евангелию от Иоанна, и отмечает сообщения, которые открыто принимает за «исторические». Хотя у синоптиков и в Деяниях Филипп никогда не выступает как отдельная личность вне перечня Двенадцати, в Евангелии от Иоанна он предстает фигурой, заслуживающей особенного интереса, пусть и всегда в сопровождении Андрея. Кстати, Андрей и Филипп были среди учеников Крестителя.

Четвертый евангелист рассказывает: на другой день (после крещения Иисуса) опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышавши от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви — что значит «учитель», — где живешь (οὗ μένεις)? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет, и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа. Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона-Петра (Ин 1:35-40).

Мы видим, что евангелист сначала говорит о «двух из учеников» Крестителя, но не указывает их имен. Затем, после того как эти ученики последовали за Иисусом и посетили его дом, Иоанн называет имя только одного из них — Андрея, брата Симона-Петра. Можно предположить, что этот последний впервые появился с одним именем, потому что второе он получил сразу после этого эпизода. Имя второго ученика Иоанна Крестителя в четвертом Евангелии не названо. Однако в этом Евангелии рядом с Андреем в различных обстоятельствах находится его товарищ Филипп. Тогда почему неназванным учеником Крестителя, последовавшим за Иисусом вместе с Андреем, не мог быть именно Филипп?

Далее в отрывке говорится, что Андрей после пребывания в доме Иисуса «первый (πρῶτον) находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит «Христос». И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит «камень» (Петр) (Ин 1:41-42).

Попытаемся теперь распутать нить приведенного здесь повествования. Общая последовательность событий в перикопе, которую мы разделили на два фрагмента, можно разделить на еще меньшие фрагменты следующим образом: провозвестие Крестителя (1:35-36); реакция двух учеников на это провозвестие (37); Иисус и двое учеников (38-39); Андрей и Петр (40-41); Иисус и Петр (42). Присмотревшись к этой последовательности, отметим, что, согласно четвертому Евангелию, Андрей не только был «первым» из всех, которые станут учениками и войдут в число Двенадцати (тогда их запомнят по именам), и тем самым был поставлен впереди Симона-Петра, но он стал «первым», последовавшим за Иисусом. Как повествует евангелист, Иисус, обернувшись к двум ученикам Крестителя и «увидев их идущих, говорит им: что вам надобно?» (Ин 1:38).

В этот момент Андрей вместе со своим «неназванным» товарищем отвечает: «Равви — что значит «учитель», — где живешь?» (Ин 1:38).

Об этой последовательности нельзя судить поверхностно как о чем-то не «историческом». В самом деле, верно сказано, что «четвертое Евангелие — это рассказ, где особенно подчеркнута задача научения с целью свидетельствования»⁹.

Не следует недооценивать тот факт, что Андрей здесь представлен как ученик Иоанна Крестителя, который вместе с другим его последователем — вероятно, Филиппом — связал свою жизнь с Иисусом. Нельзя ли в этой связи с уверенностью применить критерий множественности свидетельств и другие необходимые критерии для оценки «историчности» определенного высказывания или факта, представленного в Евангелиях и в Новом Завете вообще? Конечно, Евангелие от Иоанна занимает особое место среди Евангелий. Но и настаивать на сугубом отличии Иоанна от синоптиков нет смысла. Для четвертого евангелиста, отводящего Петру ведущее место среди Двенадцати и всех других учеников, не составляет никаких трудностей засвидетельствовать, что Андрей не только происходит из круга приверженцев Крестителя и, еще не будучи призванным, первым последовал за Иисусом, но — больше того: он первым открыл «мессианское» достоинство Иисуса, первым принял семя веры в Него как в Мессию, или Христа, и он же возвестил эту веру своему брату — Симону-Петру.

Как мы уже отмечали, Марк (1:16) и Матфей (4:18) напоминают, что общественное служение Иисуса началось с его встречи — сначала с Петром и Андреем, затем с Иаковом и Иоанном. Лука умалчивает об Андрее, и мы пытались обнаружить почему. Но призывает этих людей всегда Иисус. Согласно четвертому Евангелию, в начале служения Иисуса тоже произошла встреча с двумя людьми, но на этот раз те, кто названы учениками Крестителя, отвечая на указание самого Иоанна «вот Агнец Божий» (Ин 1:36), сами последовали за Иисусом. Один из них — Андрей. И опять же сам Андрей благодаря этому опыту, который можно назвать потрясающим, начинает открывать, кто есть Иисус. Андреем движет испытанное потрясение, и он «первым» встречает брата Симона, чтобы объявить ему радостную весть — «евангелие» — об этом открытии: «мы нашли Мессию, что значит «Христос» (1:41)».

Такое утверждение потрясает своей абсолютной формой, подтверждаемой далее еще в одном стихе, где Филипп свидетельствует об этом Нафанаилу (1:45). Уже отмечалось, что когда в Евангелии от Иоанна Иисус Назарянин зовется «Христом», то это означает, что Он — «спаситель»; когда же используется сочетание «Иисус Христос», то это, скорее, означает, что Он есть «носитель откровения» и вместе с тем «спаситель»¹⁰. Если это так, то слова Андрея «мы нашли Мессию, что значит «Христос»» равнозначны свидетельству, что он, согласно евангелисту, открыл, что Иисус есть именно «спаситель».

⁹ Ghiberti G. *Introduzione al Vangelo secondo Giovanni*, в: Ghiberti G. (e collaboratori), *Opera Giovannea*. Leumann (Torino), 2003. P. 47.

¹⁰ Grundmann W. *christós etc.*, в: *Grande Lessico del Nuovo Testamento*, XV (1988). Coll. 1053.

А употребление множественного числа («нашли»), вероятно, означает, что Андрей намеревается говорить с братом также и от имени своего товарища.

Но может быть, всегда удивительный, глубокий, таинственный четвертый евангелист не желает заставлять Андрея провозглашать всем людям «кто есть» Тот, кого он нашел? Между тем в случае Андрея открытие заключается не в провозглашении, адресованном брату, — он ведет Симона к Иисусу. Рыболов Андрей, уже пойманный, причем по собственной инициативе, начинает «ловить человеков» для Иисуса. Первый, кого он завлек в сети, — его брат Симон, которого он привел к Иисусу: «Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит «камень» (Петр) (Ин 1:41-42).

Для четвертого евангелиста «самая безыскусная и полная форма веры — это вера последования: ученик есть не кто иной, как верующий, а верующий не может не стать учеником»¹¹.

С того момента как Андрей нашел Того, которого искал прежде в Крестителе, но получил от него ответ, что он «не Христос, ни Илия, ни пророк» (Ин 1:25), он не только верит Ему, верует в Него, становится Его последователем, но и возвещает эту веру, стремясь увеличить число тех, которые могут быть завоеваны для этой веры, и так начинает приносить дары Иисусу — вплоть до готовности отдать жизнь за его дело.

Первый в поиске, первый в вере, первый в последовании, первый в провозвестии, первый в апостольстве для Иисуса Назарянина как Мессии или Христа: есть достаточно оснований, по крайней мере в Евангелии от Иоанна, чтобы присвоить Андрею титул «*protókletos*» — «первозванный», как по праву называют его в традиции восточных церквей.

Андрей между Галилейским морем, Иерусалимом и миром

О товарище Андрея Филиппе, тоже одном из Двенадцати, Иоанново Евангелие говорит, что он был из Вифсаиды, «из одного города с Андреем и Петром» (1:44). Расхождение между этим кратким примечанием и тем, что пишет Марк (1:29), например, что у Петра и Андрея был дом в Капернауме, можно объяснить по-разному и даже в противоположных смыслах. Этот вопрос остается открытым и, вероятно, останется таковым навсегда¹². Симон-Петр и Андрей могли быть, например, родом из Вифсаиды, расположенной на северо-восточном берегу Галилейского моря, или Тивериадского озера. Впоследствии, когда Петр женился, они могли переселиться в Капернаум, находящийся в нескольких километрах к западу от Вифсаиды. Симон-Петр и Андрей занимались рыбной ловлей. Капернаум был важным городом для их работы, и неслучайно он станет для Иисуса «стратегическим пунктом» в его служении в Галилее.

¹¹ Ghiberti G. Op. cit. P. 57.

¹² Meier J. P. Op. cit., 3. P. 26.

Выше говорилось о присутствии Андрея в списке Двенадцати и его положении в нем. Теперь мы можем добавить, что в двух из этих списков, а именно в списке Марка (3:16-19) и Деяний (1:13), Андрей находится на четвертом месте после Симона-Петра, Иакова и Иоанна, т.е. не непосредственно рядом со своим братом, как в списках Матфея (10:2-4) и Луки (6:14-16), но сразу перед Филиппом, который во всех четырех доступных нам перечнях занимает пятое место, и поэтому Андрей располагается рядом с Филиппом. Евангелие от Иоанна не проявляет особенного интереса к Двенадцати, не содержит точного и полного их списка. Упоминания о Двенадцати рассеяны и фактически изолированы в шестой главе (ст. 67-71; ср. 11:1; 20:24). В четвертом Евангелии названы лишь некоторые члены группы Двенадцати, и удивительно, что среди них Андрей и Филипп, как будто речь идет о паре друзей, близких к Иисусу (1:35-46; 6:5-8; 12:21-22; ср. 14:1-9). Можно ли из этого заключить, что в случае Иоанна «мы имеем дело с традицией, весьма отличной от традиции синоптиков, с характерным точным перечислением имен Двенадцати и эмфазой на Двенадцати в самой древней части предания о страстях»¹³?

Симон, Андрей и Филипп — имена греческого происхождения. И поэтому нужно пролить свет на проблему, почему три человека из Двенадцати, жившие на земле вокруг Галилейского моря, включающей Вифсаиду и Капернаум, которая была объектом вековой, хотя никогда не полной, эллинизации, носят греческие имена — Симон, Андрей и Филипп, причем двое первых — братья, двое — товарищи¹⁴. Все, что можно сказать обоснованно, сводится к тому, что они могли говорить по-гречески так же, как по-арамейски; это можно заключить из самих Евангелий и это характерно для времени, когда они последовали за Иисусом в его земной жизни. Симон-Петр мог регулярно совершенствовать свое владение греческим во время неизбежных деловых поездок в Антиохию, Коринф и даже в Рим. В конце концов, трудно, если не невозможно, отрицать и даже преуменьшать историческую ценность основного корпуса сведений о братьях Симоне-Петре и Андрее, в частности их связи с Вифсаидой и Капернаумом; достоверность сведений подтверждается большим количеством свидетельств (Мк 1:21, 29-31; 2:1; 9:33; Мф 8:5; 11:23; Лк 7:1; 10:15; Ин 2:12; 4:47; 6:17, 24, 59; 1 Кор 9:5). Собственно, связи с Вифсаидой и Капернаумом и вероятное знание греческого могут также объяснить, почему Андрей и Филипп не только были учениками Иоанна Крестителя, но и постоянно предстают в евангельских источниках как товарищи.

Согласно четвертому Евангелию, «на третий день» после того, как Андрей встретил Иисуса, было бракосочетание в Кане Галилейской. «Мать Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак» (Ин 2:1-2).

¹³ Meier J. P. Op. cit. 3. P. 146.

¹⁴ Ясно, что Андрей и Филипп — греческие имена; однако и ономастическая форма Симон — греческая, употреблявшаяся грекоговорящими евреями для передачи семитского имени Sim'ôn.

Для многих исследователей чудо, произошедшее во время свадьбы в Кане, слишком «теологическое», слишком «Иоанново», чтобы была научно признана его историческая достоверность. Здесь нет возможности углубляться в столь запутанный вопрос. Что же касается нашей темы, то достаточно предположить, что «первое знамение», поданное Иисусом, произошло, согласно четвертому евангелисту, перед учениками и, возможно, также перед Андреем: он, увидев этот первый знак «славы», явленный Иисусом, мог вместе с другими утвердиться в своей вере (Ин 2:11).

Кто знает, при каких еще «знамениях» присутствовал Андрей. С явной личной вовлеченностью, теперь вместе с Филиппом постоянно включаемый в число Двенадцати, он появляется в Иоанновом рассказе о чуде умножения хлебов и рыб — и только в нем. Действительно, именно Андрей указывает Иисусу на мальчика с пятью ячменными хлебами и двумя рыбками:

Пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады. За Ним последовало множество народа. <...> Иисус, возвед очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать. Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу. Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? (Ин 6:1-9)

Андрей и Филипп, всегда в четвертом Евангелии вместе, появляются еще раз в эпизоде, когда несколько греков (*ellenés tines*) пришли в Иерусалим на Пасху и подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! Нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп рассказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому (Ин 12:21-23).

Эти «час» и «прославление», на которые указывает Иисус в Иоанновом Евангелии, означают последние дни его земного существования, те, в которые Он совершит с Двенадцатью Тайную вечерю, когда свершится пасхальное Триденствие, заключающее в себе наивысшие события страстей, смерти и, наконец, воскресения.

Тогда необходимо принять к сведению, что Андрей, постоянно вместе с Филиппом, появляется в ключевых моментах рассказа четвертого Евангелия об общественном служении Иисуса. Итак, Андрея мы видим: в начале Евангелия от Иоанна, в эпизоде его отхода от Иоанна Крестителя и первых шагов в следовании за Иисусом; в середине повествования, в чуде умножения хлебов и рыб, предшествовавшем «евхаристической» речи Иисуса, после которой несколько учеников покинули Его, а Двенадцать утвердились в своей вере и через Петра исповедали ее (Ин 6:67-71); в конце, когда Двенадцать, сопровождавшие Иисуса в Иерусалим, участвовали в последних днях, трагических и воодушевляющих, Его спасительной миссии.

На всех этих важных этапах общественного служения Иисуса, быть может, хотелось бы встретить — в явном виде, активного и решительного — такую и Андрея. Прежде всего хотелось бы узнать, как он реагировал на «неожиданный» поворот судьбы его Учителя и Мессии, когда Иуда предал Его, а его брат Симон-Петр от Него отрекся. Не бежал ли и Андрей, как другие, когда Иисус был схвачен, осужден, приговорен к смерти, распят?

Видимо, можно считать достоверным, что Иисус, воскресший из мертвых, позволил увидеть Себя также и Андрею, как и другим из Двенадцати, сведенным к одиннадцати, в доме, где они заперлись из страха перед иудеями. Может быть, и Андрей, как Фома, сказал воскресшему Иисусу, который теперь, став прославленным победителем смерти, показал следы ран на руках, на ногах и на ребрах: «Господь мой и Бог Мой!» (Ин 20:28).

Разве так уж фантастично предположить неявное присутствие Андрея в рассказе, ставшем при окончательной редакции эпилогом четвертого Евангелия (Ин 21:1-23)? В нем повествуется о последнем явлении воскресшего Иисуса у Тивериадского моря: «были вместе Симон-Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Заведеевы, и двое других из учеников Его» (21:2-3).

Не подразумевал ли евангелист под одним из этих безымянных учеников еще раз Андрея, брата Симона-Петра, а под другим — его товарища Филиппа? Если это так, то вопрос, который Иисус трижды задал Петру: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня?», не обязательно связывать только с Петром — может быть, ответить мог и Андрей: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя» (21:15-17)?

С другой стороны, как отмечалось выше, для четвертого евангелиста нет веры без последования и нет последования без свидетельства. На примере Андрея мы видели, что свидетельство сразу же становится верой в Иисуса, которую он принял с самого начала, еще до пребывания с Ним, а свидетельство он передает своему брату Симону, дабы привести его к Иисусу. Но могло ли быть свидетельство без любви к Иисусу? Значит, нет ничего фантастического в предположении, что, если Андрей стоял рядом с братом Симон-Петром при последнем явлении Иисуса у моря Галилейского, он тоже мог засвидетельствовать Иисусу свою любовь, как это сделал его брат Петр. Здесь, конечно, наличествуют длинная цепочка «если», длинный ряд взаимосвязанных предположений, так что следовало бы обратиться к надежным «историческим» свидетельствам и в этой связи.

Безусловно, историко-критический метод тут нам не поможет, не поможет и никакой другой: остается только продвигаться на ощупь в темноте с небольшой долей воображения. Но не является воображаемым тот факт, что, согласно Деяниям Апостолов св. Луки, на Пятидесятницу Андрей тоже должен был принять Святого Духа во всей полноте, чтобы и он, как и другие из Двенадцати, вступил на дороги мира, чтобы делать учениками своего Господа все народы.

Вместе с тем четвертое Евангелие добавляет, что воскресший Иисус, также при последнем явлении у Галилейского моря, предсказал Петру: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда

хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога» (21: 18-19).

Андрей был одним из Двенадцати, но все-таки «первозванным» и с самого начала. Поразительная встреча с Иисусом побудила его согласиться отдать жизнь за Него, своего Спасителя. В следовании за Ним было, конечно, немало необычайных дней или, так сказать, дней «инициации» к пониманию «тайны» Иисуса и участию в ней. Были также смутные и горькие дни низости и измены. Но были часы раскаяния, прощения и оправдания. Разве не последовали за всем этим долгие годы миссионерства на незнакомых и враждебных землях, достигнутые обращения, внезапные преследования?

Как оказалось, о «реальном» Андрее нам не удалось узнать много. Вообразим, будто мы обнаружили, что имели притязания узнать о его «тотальной реальности». Вспомним, сколько говорилось на эту тему выше, в начале этого очерка. Однако то, что мы смогли открыть об Андрее в текстах Евангелий, несомненно, можно дополнить, углубить, уточнить по мере развития исследований. Но может быть, того, что здесь проанализировано, более чем достаточно для обоснования и оправдания многовекового и до сих пор растущего почитания его христианскими церквями?

Не «история» и ее реконструкция с ее более или менее научными требованиями, с ее более или менее применимыми методами и критериями, но древняя традиция установила — и не по своей прихоти, — что Андрей тоже распростер однажды свои руки на кресте, который по форме мог отличаться от креста его брата Симона-Петра. Но это была такая же жестокая и кровавая мука, закончившаяся страшной смертью. Более чем вероятно, даже несомненно, что Андрей, рыбак из Галилеи, один из Двенадцати, «Первозванный», должен был кровью засвидетельствовать свою любовь к Иисусу Назарянину. И этим он, как и его брат Симон-Петр, прославил своего Господа.

Перевод с итал. А. Д. Бакулова

«Деяния апостола Андрея» и их исследования*

Наряду с тем, что именуется каноническими Евангелиями и Деяниями Апостолов, об Андрее, одном из апостолов, призванных Иисусом Назарянином в число Двенадцати, существует обширная апокрифическая литература. Эту литературу можно разделить на две группы произведений: с одной стороны, это так называемые «Деяния Андрея», с другой, различные тексты, касающиеся апостола, связанные друг с другом, но не связанные с «Деяниями Андрея». Кроме последних, имеются еще четыре «Деяния», также апокрифические, посвященные апостолам Иоанну, Павлу, Петру и Фоме: все они образуют то, что было названо «пятью большими романами об апостолах». Научное изучение этих «Деяний» началось в середине XIX в. Впервые их полностью проанализировал Р. Липсиус¹. Последняя научная конференция, где рассматривались наиболее важные проблемы, относящиеся к Деяниям Андрея, состоялась в 1997 г.; ее материалы были опубликованы в 2000 г.²

Подводя итоги проведенных до настоящего времени исследований, можно предположить, что «Деяния Андрея» были написаны по-гречески в II-III вв., вероятно, в Ахайе или в Малой Азии, хотя, в общем-то, их точная географическая привязка невозможна. Относительно «Деяний Андрея» не обнаружено ни одного древнего свидетельства, подобного тем, которые существуют о Деяниях Петра, Иоанна и Павла. Первые упоминания о «Деяниях Андрея» мы находим у Евсевия Кесарийского (ум. ок. 340), который причислил их к сочинениям, распространяемым еретиками³.

Полного оригинала этого произведения у нас нет — имеются только фрагменты. Повествование состоит из двух частей: путешествия и мученичества апостола. Очень трудно реконструировать первоначальный вариант первой части, где рассказывается о путешествиях св. Андрея по городам Малой Азии (Амасия, Синоп, Никея и др.) и Греции (Филиппы, Салоники, Коринф, Патры), а также о чудесах, совершенных во время этих путешествий. По мнению наибо-

¹ Lipsius R.A. *Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden*. 2 Bde. Braunschweig, 1883-1887; Ergänzungsheft, ib., 1890.

² Bremmer A.J.N. (ed.), *The Apocryphal Acts of Andrew*. Leuven, 2000.

³ Eusebio di Cesarea. *Hist. eccles.*, 3, 25: PG 20, 269.

лее авторитетных исследователей, основным источником для реконструкции «Деяний Андрея» является их сокращенный латинский перевод, выполненный св. Григорием Турским.

Вторая часть «Деяний Андрея», повествующая о его мученичестве, начинается с пребывания апостола в Патрах. Там рассказывается, что, обратив в христианство немало жителей города, среди которых были, в частности, Стратокл и Максимила, Андрей был приговорен к смерти Эгеатом. Прежде чем он был привязан к кресту, Андрей долго молился, а потом, с креста, три дня проповедовал. После смерти 30 ноября Андрей был похоронен в Патрах. Эта часть лучше всего сохранилась благодаря наличию греческого и армянского текстов.

Полную реконструкцию «Деяний Андрея» осуществил Ж. М. Приёр (Prieur) на основе греческих, коптских (два папируса), латинских (перевод св. Григория Турского, письмо диаконов Ахайи), армянских текстов и двух цитат из святых отцов (Августина, Эводия Узальского и др.)⁴. Полагают, что «Деяния Андрея» не содержат элементов, достаточных для того, чтобы считать их автора иначекомыслящим — у него могли быть собственные идеи, но он не ощущал себя вне Единой церкви. «Деяния Андрея» при этом не только высоко оценивают девственность и целомудрие, но также и формы крайнего аскетизма, который в древней церкви казался весьма подозрительным, ибо предписывали отказ от благ, созданных Богом, в пользу людей, осуждающих брак и продолжение рода или мясную пищу и вино. Поэтому неудивительно, что «Деяния Андрея» распространялись среди приверженцев еретических течений, манихейцев и присциллиан, тогда как отнюдь не случайно в латинском переводе св. Григория Турского они очищены от возможных еретических оттенков.

Другая группа текстов о св. Андрее состоит из III книги пророчеств Псевдо-Авдия, отрывков из «Деяний Андрея и Маттии» в городе людоедов и из «Деяний Петра и Андрея». Кроме того, существует большое число версий «Деяний Андрея» на восточных языках: «Мученичество св. Андрея» (на коптском и эфиопском), «Деяния Андрея и Павла», «Деяния Андрея и Варфоломея» (на коптском, арабском, эфиопском и неизданный греческий текст), «Деяния Андрея и Филимона» (на коптском, арабском и эфиопском). Все эти тексты воспроизводят версии легенды о св. Андрее, отличные от «Деяний Андрея». Существовало даже Евангелие от Андрея, как свидетельствует декрет Псевдо-Геласия (5, 3, 2).

Празднование дня св. апостола Андрея 30 ноября было подтверждено еще в IV в. св. Григорием Назианским. Видимо, день установлен в то же время, когда было совершено перенесение мощей апостола в 357 г. из Патр в Константинополь вместе с мощами Луки и Тимофея (торжество в память этого переноса совершается 9 мая).

В русле Деяний развивался и корпус древнерусских преданий о миссии апостола на берегах Днепра, и германские легенды об Андрее. Благодаря

⁴ Prieur J.M. *Acta Andreae*, 2 voll. Turnhout, 1989.

этим преданиям и легендам апостол Андрей как на Востоке, так и на Западе, несомненно, остается одним из самых почитаемых святых.

Что касается Запада, то стоит обратить внимание на значительное место, которое занимает св. Андрей в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского (XIII в.). Это произведение в течение шести столетий часто упоминалось в проповедях и в литературе, играло важную роль в духовной жизни и иконографии. Достаточно вспомнить о множестве связанных с ним рукописей, написанных с конца XIII века до изобретения книгопечатания. Вплоть до XX века по своей популярности и воздействию на сознание верующего «Золотая легенда» могла сравниться только с литургическими текстами, томами церковного права и даже с Библией.

Для нашей темы очень важно, что после Пролога и возведения о Присшествия «Золотая легенда» начинается именно с «повести» о св. апостоле Андрее. Наряду с богослужебным циклом и последовательностью праздников, в ней вырисовывается христианское восприятие времени и истории и это — можно сказать, до сих пор — одна из главных характеристик идентичности Запада.

Перевод с итал. А. Д. Бакулова

* Публикуемое сообщение священника Луиджи Сакконе, сделанное им на конференции во Фрайзинге, Бавария (8–11 июня, 2008 г.), стало одним из его последних значительных церковно-общественных вкладов: год спустя, 31 июля 2009 г. он трагически погиб в Неаполитанском заливе.

К сожалению, дон Луиджи не успел обратить свое сообщение в обстоятельную научную статью. Для дальнейшего знакомства с апокрифической литературой об апостоле Андрее и ее исследованиями см. «Деяния апостола Андрея» (пред., пер. и комм. А. Ю. Виноградова. М., 2004).

Эрнст Суттнер

Мощи св. апостола Андрея и их почитание в Патрах, Константинополе, Амальфи и Риме

Известие о том, что апостол Андрей претерпел мученичество в Патрах, восходит к концу II века и уже в силу своей древности не может вызывать каких-либо сомнений. Соответственно нет оснований сомневаться и в том, что могила апостола первоначально находилась в том же городе. Как показывают свидетельства последующих веков, самое раннее из которых относится к эпохе императора Константина (IV в.), уверенность в том, что город получил привилегию хранить могилу апостола, в Патрах всегда было живо. Тем не менее Патраская церковная община возматала постепенно и довольно медленно: епископская кафедра засвидетельствована в городе только начиная с 347 г.

Когда император Константин «перенес Рим на Боспор», он принялся из всех сил украшать свой «новый Рим», чтобы урвать его в славе с «Римом ветхим». В частности, чтобы город получил всеобщее признание в качестве столицы империи, нужно было, как думали, иметь в нем также и реликвии апостолов. Однако отобрать у римлян мощи свв. апостолов Петра и Павла было бы непристойно. Поэтому Константин нашел другое решение. Патры как город, в котором епископская кафедра была учреждена совсем недавно, не имел силы противостоять «просьбе» императора. Так что его великое духовное богатство — мощи св. апостола Андрея — было передано в распоряжение новой столицы.

В 356 или 357 г. император Констанций, сын императора Константина, приказал перенести мощи св. апостола Андрея в Константинополь. Тогда в новой столице готовились освятить церковь во имя Двенадцати апостолов. Совместно с мощами св. евангелиста Луки и мощами св. Тимофея, ученика апостола Павла, также именуемого апостолом в месяцеслове греков, мощи апостола Андрея Первозванного были помещены в церкви Двенадцати апостолов. Конечно, в «новом Риме» не было мощей первоверховных апостолов, как в «ветхом Риме», но зато там оказались мощи сразу трех выдающихся представителей древнейшей эпохи церкви.

Апостол Андрей продолжает пребывать в Патрах

Велика вероятность, что при перенесении мощей в новую столицу церковь в Патрах всё же не ограбили дочиста, а осуществили разделение драгоценного достояния. В пользу этого говорит, во-первых, то обстоятельство, что после перенесения мощей почитание апостола Андрея в Патрах не прекратилось. Наряду с другими свидетельствами, говорящими об этом, город Патры сыграл важную роль в составлении собрания чудес (*miracula*) св. Андрея, а оно было осуществлено лишь через столетия после перенесения его мощей. Так, император Константин VII Порфирогенет (913-959) в сочинении о внешней политике, предназначенном для своего сына Романа, сообщает также о чуде, которое св. Андрей совершил для своих почитателей в Патрах в 807 г.

Никифор I (802-811) властвовал над ромеями, когда славянские обитатели Пелопоннесской провинции задумали нападение и сначала ограбили соседние поселения греков, а затем выступили против жителей града Патры. Славяне заняли и опустошили долину перед городскими стенами, причем их поддерживали сарацины, прибывшие из Африки. Когда прошел определенный срок и внутри городских стен стала ощущаться нехватка самого насущного, воды и припасов, жители Патр, посоветовавшись, решили заключить соглашение с осаждавшими и, в случае предоставления гарантий безопасности, сдать им город.

Между тем правитель провинции пребывал на ее границе — в городе Коринфе, а от него ожидали помощи в борьбе со славянами... Тогда жители Патр решили сначала послать лазутчика в горы на востоке, чтобы он выяснил, собирается ли правитель выступить на помощь. С лазутчиком условились о знаке: если окажется, что выступление близко, то лазутчик при возвращении должен был, подъезжая, опустить штандарт; если же помощи не будет, то он должен был держать штандарт вертикально, и тогда на помощь перестали бы полагаться.

Итак, лазутчик отправился, выяснил, что правитель не подходит, и, подняв штандарт, повернул назад. Но по милости Божией и по заступничеству св. апостола Андрея конь поскользнулся, рыцарь упал, а штандарт наклонился. Жители города увидели знак, подумали, что помощь на подходе, открыли ворота города и предприняли мощную вылазку против славян. При этом они собственными глазами видели, как первозванный апостол, верхом на коне, устремился на варваров. Те обратились в бегство, рассеялись и были изгнаны из-под города. В свою очередь и варвары, наблюдавшие за происходившим, устремились и пришли в ужас от могущественной атаки непобедимого и неукротимого воина, военачальника, полководца, победительного первозванного апостола Андрея. Они смешались, их охватила паника, и они, ища спасения, устремились в почитаемый храм святого.

Через три дня после победы прибыл и правитель, узнал о триумфе апостола и сообщил императору Никифору о нападении славян, опустошениях, грабежах и других бесчинствах, учиненных ими при продвижении в провинции Ахайя, затем написал и о многодневной осаде и о выступлении против жителей Патр, а также о покровительстве и содействии апостола и победе благодаря ему, упомянув о том, что многие видели собственными глазами, как он ополчился против врагов, погнал их и обратил в бегство. При этом и варвары также ощущали помощь со стороны апостола, почему они, спасаясь, и устремились в его почитаемый храм. Когда император

узнал об этом, он издал приказ: поскольку триумф и могущественная победа были получены благодаря апостолу, ему и надлежит передать всё войско противника и всю их добычу. Император приписал врагов с их присными и со всем имуществом к храму апостола в Патраской митрополии, на земле которой первозванный ученик Христов претерпел мученическую кончину. Об этом для митрополии была составлена грамота и привешены печати.

Во-вторых, известно, что в Средние века храмы многих городов получали из Патр частицы мощей апостола Андрея. Как в своем исследовании упоминает Э. Гамиллшег (E. Gamillscheg), в VIII-IX вв. ссылки на предания об апостоле Андрее обеспечивали для церкви Патр особые выгоды и церковно-политические преимущества по сравнению, например, с Коринфской церковью, основанной апостолом Павлом. Можно сравнить эту ситуацию с тем, как в 1850 г. Россия предприняла попытку добиться разрешения на перенесение мощей апостола Андрея из Патр в Российскую империю, пообещав за это оплатить устройство водопровода.

Следует отметить, что в Средневековье это было общей практикой: хранившие святыню не отдавали всего священного достояния целиком, а предпочитали делиться частицами святыни с другими храмами. Так было и в Патрах, и в Константинополе. Во всяком случае, об этом свидетельствуют предания ряда городов, которые в Средние века получили частицы мощей апостола Андрея из Константинополя.

В-третьих, глава апостола Андрея, о перенесении которой в Рим нам далее предстоит говорить подробно, прибыла туда не из Константинополя, а именно из Пелопоннеса.

Мощи апостола Андрея и их почитание в Константинополе

Константинопольский храм Двенадцати апостолов стал местом погребения императоров и членов их семей, так что драгоценные мощи, которые император Констанций распорядился внести туда, не только украшали город, но придавали блеск прежде всего императорскому дому и храму, где покоились его члены. Действительно, события с самого начала служили прославлению именно императорского дома. Франц Дворник (Franz Dvornik), предпринявший фундаментальное исследование роли апостола Андрея в истории имперского града Константинополя, был удивлен тем, что на протяжении длительного времени, несмотря на перенесение мощей в церковь Двенадцати апостолов, доминировавшую в облике города, церковь Константинополя, имевшая епископскую кафедру, не обнаружила никаких признаков существования особенного торжества в честь св. апостола Андрея. Первые епископы Константинополя не стремились как-то по-особому выставлять свою связь с Первозванным апостолом, хотя это могло бы повысить их авторитет. Однако ситуация должна была со временем измениться.

Как известно, императоры принимали меры для преобразования захолустного города Византия в столицу империи, и вследствие этого значение

епископов Константинопольской кафедры стало приобретать сначала региональное, а затем и всеимперское значение. Каждый, кто исследовал церковную историю позднеантичного периода, не может не знать, что императоры оказывали церкви множество благодеяний, и в том числе они содействовали возвышению епископов столицы. В то же время всё возрастающее влияние императоров имело для церкви и неблагоприятные последствия, и, чтобы противодействовать им, церковь принялась всячески подчеркивать апостольское происхождение достоинства своих епископов. Так, Римский епископ Лев Великий (440-461), особо отличившийся в этой оборонительной борьбе, ссылаясь на апостола Петра, проповедовавшего в их граде, и Римская церковь настаивала, что авторитет Римского епископа и его первенство восходит не к императору, а к Первоверховному апостолу. Патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима, кафедры которых также именовались апостольскими, не просто ссылались на апостольское преемство, а обосновывали свои претензии на особое положение тем, что в перечисленных городах проповедовали или сам апостол Петр или по поручению Петра его ученик апостол Марк. По этой же логике действовал и Константинополь, пытаясь установить особую связь с кем-то из апостолов.

Для этого имелись две возможности.

С одной стороны, все помнили, что апостол Иоанн Богослов проповедовал в Ефесе, и некоторые утверждали, что апостольский авторитет, некогда принадлежавший Ефесской кафедре, от нее перешел к Константинополю, поскольку Ефес причислен к области Константинопольского патриархата. Среди сторонников данной точки зрения были и весьма ученые мужи. Они сознавали, что в прошлом захолустный город Византий получил новое имя Константинополь и стал столицей империи ромеев благодаря тому, что император Константин предпринял формальный акт «перенесения Рима». И потому достоинство, первоначально принадлежавшее «ветхому Риму» на Тибре, было перенесено императором в «новый Рим» на Боспоре, и с тех пор он стал центром империи. Но остается неясным: что же помешало осуществить в церковно-правовом аспекте и перемещение авторитета апостола Иоанна из Ефеса в Константинополь?

С другой стороны, бытовала древняя легенда, согласно которой апостол Андрей, возвращаясь из миссионерской поездки к скифам, пришел на Боспор и поставил Стахия, ученика апостола Павла (о нем см. Рим 16:9), первым епископом города Византия, тогда еще очень незначительного. Ссылки на апостола Андрея, мощи которого почивали в Патрах, прямо поясняли, через кого именно из двенадцати учеников Христа епископы Константинополя имеют особую связь со всей апостольской общиной. Эта линия, вероятно, и была принята как более убедительная и смогла утвердиться. Народ ее легко понимал. Эту версию стали распространять с большим рвением, когда соперничество между Римом и Константинополем серьезно обострилось. Действительно, Андрей был первозванным среди апостолов, причем, согласно Евангелию от Иоанна, именно Андрей привел Симона-Петра ко Христу. Таким образом,

возражая римлянам, ссылавшимся на авторитет Петра, можно было во славу Константинополя даже еще и подчеркнуть, сколь многим патрон римлян обязан патрону византийцев.

Давайте избежим ошибки близоруких исследователей, с порога отвергающих подобные предания. Да, историки церкви считают легендарным сообщение о св. Стахии, выступившем в качестве связующего звена между апостолом Андреем и епископской кафедрой Константинополя. Обычно критики не усматривают в легендах ничего иного, кроме фантазий, не содержащих истины. Да и вообще легенды, полные измышлений, мало способствуют выявлению подлинного исторического процесса. Однако для простого народа легенды, как форма придуманного или приукрашенного повествования, эффективно разъясняют обстоятельства, которые в ином виде были бы недоступны. Когда повествуется о первом епископе, которого апостол поставил на град Византий, впоследствии возвысившийся до имперской столицы, то и простецу легко усвоить, что имеется прямая связь между апостолами и константинопольскими патриархами. Именно поэтому легенда и стала в Константинополе народной. И мы не можем не заметить, что легенда рассказывается не ради св. Стахия, а, напротив, для того, чтобы через него выявить многозначительную преемственность, в целом истинную, даже если сведения о Стахии и не вполне историчны. Ориентированное на народное восприятие предание опускает промежуточные звенья и объявляет, что и позднейшая патриаршая кафедра также восходит к деятельности апостола, поскольку один из апостолов приходил на сие место и на нем рукоположил первого епископа. Нельзя не заметить, что при формировании предания намного большее значение было придано легитимации церковного авторитета патриаршей кафедры Константинополя, чем сообщению о точных подробностях возникновения местной череды епископов. Как бы ни судить о легендарном хождении апостола Андрея к скифам и относительно епископа Стахия, ясно, что легенда подтверждает: архипастыри Константинополя по праву ссылаются на свое апостольское преемство, и их церковь, по отношению к которой историки не в состоянии доказать апостольское посещение, тем не менее является подлинно апостольской. Кроме того, неоспорим тот факт, что в Константинополе в Средневековье, да и в новую эпоху, легенда о Стахии многими духовными лицами и мирянами воспринималась как церковно-историческая истина, а это, естественно, весьма способствовало почитанию апостола Андрея.

Ссылка на Андрея как на гаранта апостольского преемства епископской кафедры Константинополя побуждала придавать большее значение дню его памяти, но всё же прошло немало времени, прежде чем этот день был признан престольным праздником патриархата и стал отмечаться столь торжественно, как это принято сегодня. Франц Дворник, исследовавший все доступные источники информации за века существования Византийской империи, не смог отыскать свидетельства, которое указывало бы на высокий статус праздника апостола Андрея в патриаршей базилике. Лишь через несколько столетий после гибели империи ситуация изменилась.

В 1759 г. патриарх Серафим II направил циркуляр в приходские храмы своего города и привлёк внимание священников и верующих к тому прискорбному факту, что праздник «первозванного апостола и иерарха святейшего Константинопольского престола» не отмечается с подобающим торжеством. Он выступил с призывом отныне торжествовать этот праздник с подобающим блеском. И действительно, 30 ноября 1759 г. в патриаршей базилике св. Георгия в Фанаре праздник св. Андрея уже отмечался во всей великолепии. Как пишет Хризостом Константинопольский в своём исследовании истории празднования дня апостола Андрея в Константинополе, «очевидно, что великое торжество, устроенное патриархом Серафимом II, должно было подчеркнуть особое значение, придаваемое св. Андрею и его празднику в вопросе апостольского преемства и первенства Константинопольского престола».

Усилия патриарха Серафима II распространить в народе Константинополя празднование дня памяти апостола Андрея, казалось бы, увенчались успехом. Но всё же как подлинный престольный праздник патриархата этот день ещё долго не мог окончательно утвердиться. К середине XIX в. относятся сообщения о том, что торжества в день памяти св. апостола Андрея были использованы в Константинополе для того, чтобы встретить сербского князя, который по Адрианопольскому миру (1829 г.) получил самостоятельность, но, ещё оставаясь данником, прибыл выразить благодарность ему и его народу за финансовую помощь, оказанную патриархатом. Но только в 1881 г. празднование дня апостола Андрея окончательно приобрело характер престольного праздника Константинопольской кафедры, сохраняемого и поныне.

Перенос мощей ап. Андрея в город Амальфи

Как известно, в 1204 г. рыцари-крестоносцы, участвовавшие в Четвёртом крестовом походе, осадили и захватили Константинополь, самый значительный культурный центр восточного христианства, и тем самым запятнали себя позором. Начиная со своего основания град Константина успешно выдерживал все осады языческих и мусульманских народов; и вот теперь он был взят западными христианами и — впервые за свою историю — беспощадно разграблен¹. Невосполнимы утраты произведений искусства, уничтожено множество рукописей, многое крестоносцы вывезли на Запад в качестве военной добычи. Святыни в храмах подверглись разграблению так же, как и дворцы вельмож. Крестоносцы изымали мощи святых, до того почивавшие в имперском граде, и переправляли их в свои страны.

В числе крестоносцев был и Петр Капуанский (Petrus Capuanus), происходивший из купеческой семьи г. Амальфи. Получив образование в Париже, он в 1191 г. стал кардиналом-диаконом в церкви св. Марии на Виа Лата, а в

¹ Подобное несчастье постигло город ещё только один-единственный раз, а именно в 1453 г., когда его завоевали турки. Так что со времени императора Константина город был всего лишь дважды взят военной силой.

1200 г. — и кардиналом-священником церкви св. Марчелло. Папа Иннокентий III отправил его, как одного из своих ближайших сотрудников, во Францию для подготовки Четвертого крестового похода и затем, когда крестовый поход начался, назначил одним из двух духовных попечителей сего предприятия. В 1208 г. кардинал Петр сумел получить мощи апостола Андрея и переправил их в свой родной город Амальфи.

В те времена Амальфи являлся значительным морским и торговым городом и был одним из успешнейших торговых центров Средиземноморья. Еще перед Первым крестовым походом граждане Амальфи основали в Иерусалиме госпиталь, в котором затем образовался Орден иоаннитов, т.е. нынешний Мальтийский орден. Бенедиктинцам из Амальфи удалось закрепиться и на Афоне, основав единственный латинский монастырь на Святой горе². А когда в 1054 г. кардинал Гумберт во главе делегации прибыл в Константинополь, в нее входил также и архиепископ Амальфи. Однако ко времени жизни Петра Капуанского могущество Амальфи уже было подорвано. Период расцвета завершился в 30-е годы XII века, когда Амальфи потерпел поражение в войне с торговыми конкурентами — городами Пиза и Генуя. Петр Капуанский решил помочь своему городу приобрести новое значение, доставив туда мощи св. апостола Андрея и тем самым привлечь в него паломников. Он устроил также, что город приобрел новый блеск благодаря вновь проводимым торжествам в честь апостола Андрея. Петр Капуанский позаботился и об обновлении кафедрального собора в Амальфи. Так в городе появилось грандиозное архитектурное сооружение, которое вплоть до сего дня, словно магнит, влечет к себе туристов, подобно тому как, начиная с 1208 г., влекли в город благочестивых паломников мощи апостола³.

Мощи св. апостола Андрея почитаются в соборе Амальфи до сего дня. Однако глава Апостола не покоится там, поскольку, очевидно, она не была перенесена в Константинополь вместе с телом, а скорее всего, по древнему обычаю осталась в Патрах⁴.

² Расцвет монастыря Амальфи пришелся на XI–XII вв.: в XIII в. он прекратил существование. — Здесь и далее прим. ред.

³ Подробнее о храме см. статью М. Г. Талалая «Амальфитанская святыня и ее обрамление» в нашем сборнике.

⁴ В действительности в крипте Амальфитанского собора, в особом киоте, хранится затылочная часть главы, церковно почитаемая как мощи св. Андрея — именно от нее в настоящее время передаются амальфитанской курией частицы мощей в другие места (Стамбул, Тбилиси, Рим, Флоренция). Местные исследователи предполагают, что все-таки из Патр в Константинополь в 357 г. (или 356) перенесена также и часть честной главы, которая в 1208 г. была увезена с остальными мощами Петром Капуанским. См. Natella P. Le reliquie di S. Andrea fra Oriente e Occidente. Cinque secoli di traversie (1463–1963) (Реликвии св. Андрея между Востоком и Западом. Пять веков перемещений (1463–1963)). в: *Dal lago di Tiberiade al mare di Amalfi. Il viaggio apostolico di Andrea, il Primo Chiamato: testimonianze, cronache e prospettive di ecumenismo nell'VIII Centenario della Traslazione delle Reliquie del Corpo (1208–2008)* (От Тивериадского озера до Амальфитанского моря. Апостольское путешествие Андрея Первозванного: свидетельства, хрони-

Перенесение главы апостола Андрея в Рим

Когда в 1453 г. Константинополь пал под натиском турок и последний византийский император Константин XI Палеолог погиб в ходе безуспешной защиты города, брату императора Фоме Палеологу удалось собрать на севере Пелопоннеса, в области, которую византийцы называли Мореей, остатки византийского государства, которое еще несколько лет было свободно от турецкого владычества. Город Патры, хранивший у себя главу апостола Андрея, входил в состав этого малого государства. Однако Фома Палеолог не имел сил долго противостоять турецкому давлению, и в 1460 г. ему пришлось спастись бегством в Италию. Из автобиографии папы Пия II, известного гуманиста Энея Сильвио Пикколомини, мы узнаем, что беженец взял с собой из главного храма г. Патры, протектором которого был, драгоценную часть мощей апостола Андрея. С одной стороны, он опасался, что турки осквернят святыню, с другой стороны, он был уверен, «что его путешествие будет счастливее, если апостол отправится вместе с ним». Византийскому князю, спасавшемуся бегством, действительно потребовалась помощь во время перехода на корабле по бушующему морю. Беженец дал знать, что готов доставить драгоценную реликвию в Рим, если ему будет предоставлена подобающая финансовая поддержка. Решаясь захватить с собой реликвию, Фома Палеолог, вероятно, имел в виду не только морской переход, но и последующие проблемы, и он не просчитался. Папа откликнулся на его предложение.

После долгих переговоров и смены ряда мест пребывания 12 апреля 1462 г. глава апостола Андрея была передана Фомой Палеологом папе Пию II на Мульвийском мосту (Понте Мильвио) на окраине Рима⁵. Как об этом пишет сам папа, он приветствовал святыню словами, которые, так сказать, адресовались реликвии-беженцу: «Ты нашел убежище у твоего брата, князя апостолов; ты с честью возвратишься в тебе назначенную страну, как будет воля Божия». (Вероятно, когда-нибудь и будет сказано: «О как счастливо изгнание, позволившее тебе найти таковое убежище».)

Когда глава апостола была принесена в собор св. Петра и положена вблизи рака апостола Петра, кардинал Виссарион произнес торжественную проповедь. Виссарион, родом грек, с 1437 г. архиепископ г. Никеи в Малой Азии, участвовал в Ферраро-Флорентийском соборе (1438-1939), где был одним из главных ораторов от лица греческого епископата. В 1439 г. Виссарион стал кардиналом; с 1443 г. проживал в Риме. Он принадлежал к числу лиц, непрестанно вzywавших к христианскому Западу, чтобы тот пришел на помощь грекам, которым угрожали турки и которых они отчасти уже и поработили. В своей проповеди он вложил в уста апостола слова надежды,

ки и экуменические перспективы к 800-летию перенесения мощей (1208-2008), a cura di M. Talalay. Amalfi: Centro di Cultura e Storia Amalfitana, 2008. P. 107-128.

⁵ На месте принятия реликвии, у Мульвийского (Мильвийского) моста, по желанию папы Пия II была установлена колонная эдикула со статуей св. Андрея, сохранившаяся до наших дней.

что папа призовет христианство проснуться и освободить Грецию. От имени апостола Андрея Виссарион обратился к папе: «Ты, в эти дни принявший меня с большим почетом, да и отправишь меня однажды с еще большим почетом в мою страну, как ты вчера обещал такое по свободной воле и с большим чувством».

Нет сомнения, что Фома Палеолог, принимая решение уберечь мощи апостола Андрея от поругания со стороны турок, руководствовался и понятными эгоистичными соображениями. С другой стороны, нам известно, что и папа Пий II, выступив за перенесение реликвии в храм св. Петра, действовал не только из благочестивого почитания св. Андрея, но и желая повысить престиж Рима и своего епископского престола. Действительно, последствия великой схизмы всё еще ощущались; надо было вновь и вновь укреплять достоинство Римского престола, подвергавшегося тяжким нападкам в тогдашние печальные времена. Как когда-то в Константинополе, так теперь в Риме апостол Андрей должен был содействовать поддержанию апостольских полномочий архипастыря города.

Перенесение главы апостола Андрея в Рим весьма усилило его почитание на Западе. С другой стороны, начало такого почитания уходит в древность, на протяжении веков Рим имел в себе храмы апостола Андрея, а в важнейшие моменты служения римской мессы уже издавна имелся обычай призывать, наряду с апостолами Петром и Павлом, также и Андрея. Кроме того, Рим был одним из тех городов, куда уже в раннем Средневековье была принесена из Константинополя частица мощей апостола Андрея. Григорий Двоеслов, до своего избрания папой бывший апокрисиарием Римского престола в Константинополе, также сыграл роль посредника, когда он обратил наследственное имение своей семьи на Целийском холме в бенедиктинский монастырь (ныне старейший в Риме), то освятил его храм в честь св. апостола Андрея, куда вложил частицу его мощей (руки).

Когда же в XV в. приступили к строительству нового собора св. Петра в Риме, Микеланджело воздвиг над могилой Первоверховного апостола самый большой купол в мире. В каждый из четырех столпов, на которых покоится купол, он встроил реликвию для хранения самых значительных святынь, которыми располагала Петрова базилика, помимо мощей апостола Петра. — для главы апостола Андрея, для частиц Креста Христова, для плат Вероники и для копья, которым Лонгин сотник ударил в сердце Господу, распятому на кресте. Близость этих реликвариев ко гробу апостола Петра служит ручательством, что паломники к гробу князя апостолов поклонятся также и им.

Ярчайшим свидетельством нового расцвета почитания апостола Андрея в Риме после перенесения его главы служит сооружение церкви во имя апостола Андрея — Сант Андреа дельла Вале (S. Andrea della Valle), которая из-за своей красоты и великолепия посещается всеми римскими паломниками. После купола собора св. Петра купол этого храма является вторым по величине в Риме и служит каждому прибывающему в город Петра напоминанием об апостоле Андрее.

Возвращение главы апостола Андрея в г. Патры

На протяжении 500 лет ничего экстраординарного в истории андреевских реликвий не происходило⁶. Но в январе 1963 г. появилась газетная статья викария Патраской митрополии, в которой ставился вопрос: возможно ли вернуть реликвию апостола Андрея из ее убежища в соборе св. Петра снова в Патры? На Западе было найдено достаточно мужества подхватить эту тему: в тот момент в Католической церкви шла подготовка к II Ватиканскому собору, и в ходе первого периода заседаний, завершившегося в декабре 1962 г., было заявлено о готовности к большому прогрессу в экуменическом диалоге.

В это же время и на всеправославном совещании на о. Родосе были предприняты попытки поиска новых, лучших отношений между Православной и Католической церквями. Греческая церковная пресса подхватила инициативу и стала подчеркивать, что, если Ватикан отважится на шаг, о котором просят православные, то это будет очень важный этап в диалоге церквей; в свою очередь, и отношение греческого народа к Католической церкви определенно претерпит позитивную перемену. Об этом был проинформирован кардинал Беа, в марте того же года он представил доклад папе Иоанну XXIII. По кончине папы Иоанна и избрании папы Павла VI переговоры продолжились: после обмена письмами между бургомистром г. Патры (совр. Патрас) и кардиналом Беа ситуация была доложена новому папе.

Еще до того, как папа Павел VI отправился в паломническую поездку в Иерусалим и встретился там с патриархом Афинагором I, газеты г. Патры опубликовали открытое письмо на имя папы, в котором в достойной и уважительной форме излагалось пожелание верующих города, чтобы реликвия была возвращена им.

Папская паломническая поездка в Иерусалим в январе 1964 г. привлекла к себе внимание всего мира, поскольку выяснилось, что отношения между Католической и Православной церквями готовы меняться. Стало быть, поездка стала знаком, который не только указывал на перемены, но и в значительной мере давал стимулы для них. Правда, поначалу не очень было ясно, в чем состояло то новое, которое, по всеобщему убеждению, уже наступило в отношениях церквей. Многие сознавали, что перемены должны происходить, но никто не знал, какими окажутся первые шаги. Радость по поводу нового поворота ощущалась при встрече папы и патриарха, но вряд ли кто-то был способен предугадать, что конкретно должно произойти вслед за этим в

⁶ В 1847 г. святотатцы похитили реликвию апостола из Ватиканского собора св. Петра, однако спустя несколько дней подбросили ее под крепостные стены на Яникульском холме. На месте этого «второго обретения» главы папа Пий IX установил статую св. Андрея, подобную той, что прежде водрузил папа Пий II у Мувийского моста, со следующей надписью: «ANDREAE APOSTOLO URBS SOSPITATORI / PIUS IX PONT MAX / HIC UBI CAPUT EIUS FURTO ABLATUM REPERIT / MONUMENTUM REI AUSPICATISS. DEDIC. AN. MDCCCXLVII» (лат.: «Андрею Апостолу, Города спасителю, понтифик Пий IX здесь, где найдена его похищенная глава, установил и посвятил чаемый памятник, 1847 г.»).

ближайшем будущем. Это выражалась в словах, произнесенных обоими высокими паломниками по возвращении домой.

Папа Павел VI в день своего прибытия в Рим обратился к верующим, собравшимся на площади св. Петра: «Моя поездка, как вы правильно поняли, была не только уникальным духовным свершением, но и событием, способным иметь большое историческое значение. Она является звеном в цепи тысячелетней традиции и — кто знает? — может стать предтечей новых событий, которые принесут большие и важные блага для церкви и человечества. В нынешний вечер я ограничусь тем, что скажу вам: сегодня утром мне выпало большое счастье по истечении многих столетий заключить в объятия Вселенского Константинопольского патриарха и обменяться с ним словами веры, братства, стремления к единству, единодушия и сказать о чести, которую мы должны воздавать Христу, и о служении, которого требует благоденствие всего человечества. Мы надеемся, что наше начало принесет добрые плоды, что посев взойдет и созреет».

Вернувшись домой, патриарх Афинагор I дал папе телеграмму: «После встречи в Иерусалиме Мы, подобно драгоценному сокровищу, заключили в свое сердце светлый образ Вашей возлюбленной и досточтимой святыни, а вечером вчера, 9 января, с великой духовной радостью возвратились к месту Нашего пребывания. Посылаем Вам и Вашей святой Церкви сердечный братский привет любви и от всего сердца желаем, чтобы исходящий от Святого Гроба священный глас всегда говорил о добре в наших душах, чтобы он руководил нами и всем христианским миром и укреплял нас в исполнении воли Божественного Творца».

Даже сегодня всё еще непросто в деталях обрисовать путь, который с тех пор прошли обе церкви. Конечно, с обеих сторон как иерархия, так и простые верующие пережили перемену устроения, причем такого масштаба, который еще в середине XX в. представлялся невозможным. Однако объективный хронист имеет право перечислять лишь факты, а из фактов ни один не выглядит как сенсационное новое начало. Самое радикальное, надо думать, совершилось в области, которую наблюдатель не видит; самое решающее совершилось там, где благодать Божья движет сердцами. А что при этом выходит на поверхность и что видимо извне — это только сопровождающие знаки, не более чем намекающие на подлинный смысл событий. Можно сослаться на аналогию — Св. Дары, внешние признаки которых, взятые сами по себе имеют малую ценность, но свидетельствуют о внутреннем событии огромного значения. И одним из таких свидетельств значительности перемен, совершившихся в Католической и Православной церквях после описанного паломничества в Иерусалим, стало возвращение мощей св. апостола Андрея.

Уже имевший место на протяжении длительного времени обмен посланиями между Римом и Патрами после паломнической поездки был продолжен. Митрополит Патраский прислал фотографии нового собора в честь св. апостола Андрея, возводимого в городе, и написал, что надеется, получив реликвию, поместить ее в великолепном новом храме. В марте последовала

папская аудиенция для кардинала Беа, были еще раз предприняты исследования всех документов о реликвии, состоялись контакты с патриархом Афинагором I, который, услышав о намерениях папы, выразил большие надежды на ожидаемый возврат реликвии. Затем, наконец, в Секретариате по содействию христианскому единству состоялись официальные переговоры с заинтересованными церковными и государственными инстанциями Греции. После этого отпали все препятствия, и митрополит Патраский Константин направил папе официальное послание от 3 июня 1964 г. с прошением о возвращении реликвии. 23 июня 1964 г. папа Павел VI в своей речи, обращенной к коллегии кардиналов, после сообщения о паломнической поездке в Святую землю сказал следующее: «Сейчас перед Нами открывается возможность включить во многообещающее сообщение новое обстоятельство, которое хотя и не переходит масштабы отдельного эпизода, но приобретает для Нас высокое значение, а именно: свидетельство о Нашем высоком почтении по отношению к Греческой Православной церкви и о Нашем намерении открыть братское сердце в вере и любви ко Господу. Обстоятельство таково: базилика св. Петра, получившая прошение Константина, православного митрополита Патраского, возвращает сей епископской кафедре реликвию бесценного достоинства — главу св. апостола Андрея. Эта драгоценность была доверена Нашему предшественнику папе Пио II, знаменитому Энею Сильвио Пикколомини. Он получил ее в особых исторических обстоятельствах 12 апреля 1462 г., и она достойным образом хранилась вблизи могилы брата Андрея, апостола Петра. Имелось намерение, чтобы реликвия, когда будет на то воля Божия, возвратилась обратно. Об этом в автобиографии пишет сам папа. Мы же придадим событию достойное религиозное обрамление: Мы посылаем в Патры собственное посольство, которое и передаст священную реликвию. Наши соборные отцы во время третьего периода заседаний совместно воздадут поклонение апостолу и помолются о том, чтобы апостольское братство Петра и Андрея расцвело в общности веры и любви во святой Церкви, которая и произошла от них».

Во время третьей сессии II Ватиканского собора папа Павел VI сам внес 23 сентября, в день 86-й генеральной конгрегации, реликвию ап. Андрея в зал заседаний в храм св. Петра, и католический епископат провел церемонию поклонения. Глава находилась в том самом реликвиаре, в котором Фома Палеолог доставил ее в Рим; папа же повелел дополнительно изготовить для данного шедевра византийского искусства драгоценный ковчег из ляпислазури. Кардинал-архипресвитер собора св. Петра отслужил св. мессу. Архиепископ Венский кардинал Кениг произнес проповедь, в которой, в частности, сказал: «Всечестные отцы, сегодня наступил поистине праздничный день — день, когда апостол обновляет среди нас дело, порученное ему Христом. Он, который был поставлен Господом как фундамент для всех своих братьев совокупной Церкви, сегодня действительно совокупляет празднованием своей похвалы и взаимной любви братьев, пришедших отовсюду». Выразив благодарность собравшимся епископам за то, что они вовлекаются в папский акт любви к

Греческой церкви, кардинал Кениг в заключение произнес: «Блаженные апостолы Петр и Андрей, молитесь Бога за весь христианский народ, чтобы мир и подлинное согласие сохранялись между всеми народами!»

Уже в тот же день реликвия была перенесена в римский храм св. Андрея — Сант Андреа делла Валле, где народ Рима поклонялся ей и где как раз погребен папа Пий II, которому некогда и была препоручена святыня. 25 сентября прибыла делегация из Патр, которой предстояло сопровождать реликвию по пути домой. 26 сентября после торжественного богослужения делегация Католической церкви во главе с кардиналом Беа и гости из Патр вошли в самолет и направились в Патры, куда и доставили реликвию. В послании, направленном в Патры папой Павлом VI, говорилось: «Папа Павел VI, слуга слуг Божиих, счастлив возвратить Патраской церкви главу св. Андрея, которая некогда, будучи принесена с Пелопоннеса, была с благоговением принята его предшественником папой Пием II, на собственных руках внесшим ее в град Рим, где она была помещена в базилике, почтенной именем и могилой св. Петра. Нас охватывает радость оттого, что теперь исполняется пророчество, тогда произнесенное перед драгоценной реликвией его предшественником на престоле св. Петра: "Ты с честью возвратишься в тебе назначенную страну, как будет воля Божия". Божественное провидение определило исполниться сим словам в наше время, когда люди доброй воли прилагают усилия, чтобы после горечи, вызванной разделением, в христианских общинах воссияла надежда на мир и согласие. Когда сия досточтимая глава ныне возвращается на свое первоначальное место, епископ Католической церкви, преемник апостола Петра, возносит молитву: "О святой Андрей, провозвестник Христа Бога нашего, ты призван Им первым, и ты позвал Симона, брата своего, к которому присоединился в его высоком служении; ты был ему товарищем среди учеников Учителя, его соратником в апостолате, его подражателем в мученичестве; вознеси же молитву, чтобы сия твоя честная реликвия, нашедшая убежище у могилы твоего брата, стала залогом и стимулом братства в той самой любви Христовой, в той самой вере в Него и во взаимной любви. Сия реликвия возвращается в страну, данную тебе в удел, туда, где ты пострадал как славный мученик, но да останется она отныне в некоем роде и как почетная насельница града апостола Петра. Равная любовь да связывает нас"».

Отклик на эти события в Греции был самым благоприятным. В это время в Патры, чтобы поклониться мощам, прибыло ок. 30 тыс. паломников из всех частей Греции. В многочисленных статьях отдавалось должное знаку доброй воли, поданному папой. В качестве примера приведем фрагмент, опубликованный в прессе Патры 29 ноября 1964 г., накануне первого праздника апостола Андрея, отмечавшегося после описанных событий: «Перенесение главы св. Андрея — это событие <...>, какого христианский мир не видел с тех пор, как Ираклий возвратил крест Христов <...>. Думаю, не было более радостного события для православия, чем то, о котором возвестили колокола римских храмов св. Петра и св. Андрея. Звоны слились и засвидетельствовали важность свершения. Начался новый исторический этап <...>, этап духовный. Этим мы

хотели бы сказать, что совершается переворот в умонастроении людей <...>. Великое деяние перенесения реликвии может стать началом новой духовной эпохи для народа Патр».

Уже в июне, когда стало известно о согласии на возвращение мощей, Константинопольский патриарх Афинагор I отправил папе телеграмму: «С радостным волнением восприняли (Мы) благую весть <...> о братском и для Вашей возлюбленной святыни весьма показательном решении возвратить драгоценную реликвию св. Андрея, первозванного апостола, в церковь, где он претерпел мученичество. Всё православие ликует. Мы лично выражаем свою братскую благодарность и молим Господа, чтобы Он, молитвами апостолов Петра и Андрея, благословил наши Церкви-Сестры, устремленные к единству».

И действительно, братству всех христиан была оказана великая услуга, и остается надеяться, что исполнятся слова, сказанные папой Павлом VI при прощании с реликвией: пусть «в наше время люди доброй воли прилагают усилия, чтобы после горечи, вызванной разделением, в христианских общинах воссияла надежда на мир и согласие».

Перевод с нем. Е. М. Вережчина

Александр Доброер

Петр и Андрей — история, опрокинутая в вечность

(Актуальность «иконы» святых апостолов
в фокусе проблем украинских церквей)

УКРАИНА И ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Существует несколько составляющих, позволяющих говорить об уникальном характере Христовой Церкви в Украине.

Во-первых, само крещение пришло к нам как бы двумя путями. Официально, Украина приняла крещение от Константинополя во времена правления князя Владимира в 988 г. Именно тогда Киевская Русь вошла в круг европейской цивилизации, разделив ее идеалы и ценности. Однако христианизация земель, вошедших впоследствии в состав современной Украины, происходила фактически с момента возникновения христианства. В крымские каменоломни ссылались бесчисленные узники Римской империи, среди которых было и немало христиан. Известно, что здесь завершили свой земной путь два наследника апостола Петра на Римской кафедре — Климент I и Мартин I. Латинские священники работали в генуэзских городах, существовавших на территории Крыма. В разное время латинские епархии существовали в Феодосии, Керчи, Судаке, Херсонесе¹.

Вместе с тем с древних времен на землях Украины живет благочестивое предание о посещении этих земель апостолом Андреем. Об этом повествуется в одной из древнейших летописей — Киево-Печерском патерике. Летопись говорит, что апостол Андрей посетил места, где впоследствии был основан Киев, и предсказал возникновение этого города.

Однажды мне довелось выступать на конференции в Алуште — одном из самых южных городов Украины, расположенном в Крыму, на берегу Черного моря. Здесь, неподалеку от города, в лесном заповеднике, есть источник

¹ Лиценбергер О. А. *Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение*. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001. С. 26.

св. Андрея Первозванного. Возле источника — фундамент разрушенного византийского храма. Ежегодно в день памяти святого на этом месте совершается божественная литургия. И даже если эти повествования не более чем благочестивая легенда — это лишь дополнительное подтверждение того почитания, которым окружена личность Первозванного на землях Украины.

Вторая уникальная черта украинского христианства состоит в том, что, приняв крещение от наследников апостола Андрея, то есть Константинопольской церкви, Киевская церковь сохраняла верность также и наследникам апостола Петра, пребывая в общении веры и таинств с Римской церковью. Еще спустя столетия после 1054 г. на Руси не осознавали, что наследники галилейских братьев Петра и Андрея пребывают в схизме². Этот уникальный статус Киевской церкви, пребывавшей одновременно в общении веры и таинств с Константинополем и Римом, продолжалась фактически до конца XVI века.

В-третьих, значение Киевской церкви определяется тем, что Киевская Русь стала христианской колыбелью народов Восточной Европы. Во время своего визита в Украину в июне 2001 г. папа Иоанн Павел II сказал, что, приняв Благовест, Украина стала «матерью славянского христианства Восточной Европы», где «Днепр стал почти "Иорданом Украины", а столица Киев "Новым Иерусалимом", матерью славянского христианства Восточной Европы»³. Евангелизаторы, вышедшие из этих земель, «на протяжении столетий были "Иоаннами Крестителями" народов, населяющих эти земли»⁴. «С Киева начало расцветать эта христианская жизнь, которую произрастило Евангелие сперва на землях Древней Руси, затем на территориях Восточной Европы, а со временем — за Уралом, на просторах Азии. Таким образом, Киев, в определенном смысле, сыграл роль "Господнего предтечи" среди многочисленных народов, к которым, выходя отсюда, позднее дошла Благая весть о спасении»⁵.

Украина в пределах своих нынешних границ существует с 1954 г. Сегодня в ее составе можно вычленивать три основных отличных друг от друга региона. В Юго-Восточный регион входят территории, заселенные русскими и русифицированными украинцами. Эти земли (Левобережная Украина, Крым) с XVI столетия находились в составе Российской империи. Исповеданием большинства жителей этого региона являлось православие. Этнический состав населения и популярные здесь пророссийские настроения способствуют тому, что наиболее уверенно чувствует себя здесь Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП). Она получает поддержку местных структур власти и активно противостоит другим конфессиям. В этом регионе, пережившем, кстати, наибольшее влияние коммунизма и атеизма,

² Гриневич В. *Минуле залишити Богові. Унія та уніатизм в екуменічній перспективі*. Львів: Свічадо, 1998. С. 14–17.

³ Проповедь во время божественной литургии византийско-украинского обряда. Киев, 25 июня 2001 г., § 4.

⁴ Проповедь во время торжественной святой мессы латинского обряда. Киев, 24 июня 2001 г., § 7.

⁵ Там же, § 3.

значительно выросло число протестантских общин (в Донецкой и Запорожской областях их численность сравнялась с численностью православных).

В Центральном регионе (земли Правобережной Украины, вошедшие в состав Российской империи в конце XVIII столетия) позиции УПЦ МП достаточно прочны. Однако здесь она испытывает давление с разных сторон. Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) обращаются — и нужно сказать результативно — к национальным чувствам украинцев и пропагандируют идею создания независимой Поместной церкви. Хотя общее число приходов УПЦ КП и УАПЦ не превышает числа приходов УПЦ МП, разница между этими цифрами гораздо меньше, чем на Востоке страны.

Западный регион составляют земли, в разное время входившие в состав Австро-Венгерской империи, Польши и Румынии. Окончательно все они вошли в состав СССР в начале 1950-х годов. На этой территории большинство христианских общин — католические (латинского и греко-византийского обряда), есть и православные, и протестантские общины.

На сегодняшний день, по образному выражению папы Иоанна Павла II, Украина является уникальной «лабораторией веры»⁶. С одной стороны (в отличие от стран-соседей — Россия, Румыния, Беларусь, Словакия), здесь не существует монополии на пастырскую работу среди исторически православного населения: за него борются три православные церкви — УПЦ МП, УПЦ КП и УАПЦ. С другой стороны, в последние годы значительно выросло влияние на украинское общество Католической церкви. Она, по словам Иоанна Павла II, имеет в Украине «особо привлекательный вид», поскольку существует в виде церквей двух обрядов: римско-католического и византийско-украинского. Это многообразие традиций, по мнению папы, обогащает лик Вселенской церкви и поощряет к взаимному уважению и взаимообогащению. Вместе с тем УПЦ, а также три православные церкви (УПЦ МП, УПЦ КП и УАПЦ) являются наследницами так называемой Киевской церкви.

Такая ситуация предполагает ведение активного экуменического диалога. Но еще до недавнего времени такой диалог был весьма затруднителен.

Во-первых, еще со времен Советского Союза слово «экуменизм» ассоциируется с международной политикой Кремля 60-80-х годов. Под давлением Кремля на ассамблеях Всемирного совета церквей чаще говорилось о защите мира во всем мире, чем о защите прав верующих в самом СССР. Из-за такого инструментального подхода к экуменизму само это понятие ассоциируется в сознании многих украинских христиан с «интригами Москвы».

Вторая причина — те изменения, которые произошли в Католической церкви после II Ватиканского собора, выдвинувшего ее в число лидеров международного экуменического движения. Однако свойственная католичеству еkkлезиологическая модель, предполагающая признание первенства (примата) папы, отличается от понимания церкви православными и протестан-

⁶ Речь во время встречи с молодежью. Львов, Сихов, 26 июня 2001 г., § 1.

тами. Это дает основание антикатолически настроенным украинцам считать экуменизм «ватиканской интригой».

Третьей причиной, по которой украинцы отрицательно относятся к экуменизму, являются политические перемены, происшедшие в стране после распада советской империи. Изменение политического *status quo*, вызвавшее грандиозные межконфессиональные конфликты, наглядно показало, что прежние экуменические инициативы имели скорее политический, чем богословский подтекст⁷.

Вместе с тем в последние годы произошли кое-какие изменения в этой сфере. На базе некоторых научных центров созданы площадки для «научного экуменизма», на которых собираются богословы различных церквей для обсуждения актуальных вопросов истории и современности. В рамках духовного экуменизма следует отметить деятельность локальных межконфессиональных духовных советов, действующих практически во всех регионах Украины. Важной (хотя далекой от совершенства) является деятельность Всеукраинского совета церквей и религиозных организаций, действующего с 4 декабря 1996 г. Всё это — весьма обнадеживающие факты. Тем не менее в современной Украине экуменизм находится на начальной стадии развития. Констатируя наличие в религиозной жизни украинского общества ряда локальных экуменических инициатив, нельзя не отметить тот факт, что официальные представители церкви и большинство верующих не отдают себе отчета в том, какие задачи ставит перед собой экуменическое движение, на чем основан экуменизм и какое место он занимает в системе ценностей современного христианина.

В Украине как в фокусе обострились экклезиологические проблемы современности. Их решение способно дать ключ к снятию многих спорных вопросов церковной жизни. Современный экуменический диалог в Украине погряз в экклезиологических проблемах (вопросах каноничности, права на существование УГКЦ и т.п.), являясь примером неэффективности. Это склоняет украинских сторонников экуменизма искать иных путей выхода из сложившейся ситуации. Полезным здесь может оказаться модель «возврата к источникам» экуменизма. Экуменическое движение родилось как движение «практическое». Такой подход может дать начало выходу из кризиса. В этом контексте чрезвычайно важным представляется прочтение истории наших церквей в контексте возврата к корням наших общин. Это требует от нас перехода из плоскости истории к метаистории.

ИКОНА БУДУЩЕГО

Рассматривая личности апостолов Петра и Андрея как икону будущего, кажется, что «иконичность» апостолов дает нам верный и действенный

⁷ Маринович М. *Екуменічні проблеми в Україні: аналіз історії та перспективи. Примирення. Україна в Граці*. Ред. М. Маринович. Львів: Свічадо, 1999. С. 174–177.

герменевтический ключ к тайне разделения и единства церкви. Икона не отображает эмпирической реальности. Икона являет историю, опрокинутую в эсхатон. Икона — это окно в Царство Божье, но также и взгляд на нас с перспективы Царства⁸. Попробуем взглянуть на проблему православно-католических отношений через «иконический» образ наших апостолов.

По скупым, но достаточно емким и значимым евангельским свидетельствам мы можем восстановить «историю» двух галилейских братьев, чью жизнь изменила встреча с Галилеянином. Оба брата предстают перед нами в эсхатологическом контексте.

Андрея мы встречаем искренним, пламенным юношей. Он живет в эсхатологическом напряженном ожидании скорого прихода Мессии. Именно поэтому мы находим его среди учеников Иоанна Крестителя. Возможно, и к Иоанну он присоединился потому, что, как и многие его современники, считал его Мессией (ср. Лк 3:15). Но когда Андрей слышит от учителя: «Вот Агнец Божий», — он идет за Иисусом и остается у Него целый день (Ин 1:35-39). А возвратившись к Симону, он возвещает: «Мы нашли Мессию, что значит Христос». И это Андрей ведет Симона к Христу. Который нарекает его Петром. (Ин 1:41-42) Одно из обоснований примата Петра в католическом догматическом богословии зиждется на тексте Мф 16:16, где Петр исповедует Иисуса Христом. Иоанново же свидетельство интересно тем, что это Андрей первым исповедует Иисуса как Христа. Это он приводит Петра к Господу. Христос призывает их, и братья оставляют сети, чтобы сделаться «ловцами человеков» (Мф 4:19).

Далее мы вновь видим Андрея в эсхатологическом контексте. Иисус творит чудо насыщения пяти тысяч людей, а Андрей как бы подталкивает Его к исполнению чуда. Он указывает Христу на мальчика, у которого пять хлебов ячменных и две рыбки (Ин 6:8-9). Как убедительно показывает кардинал Вальтер Каспер в фундаментальном труде «Иисус Христос», «Иисусовы чудеса так же, как и Царствие Божие, являются эсхатологическими феноменами, направленными в будущее»⁹. Вскоре сами Петр и Андрей станут насыщать Благой вестью тысячи жаждущих людей по всему Средиземноморью и Скифии. Впоследствии Андрей выступает переводчиком между группой эллинов и Христом (Ин 12:23-34). Он пользуется большим авторитетом и в первоапостольской церкви (Деян 1:13).

Петр, как и его брат, горяч, темпераментен. В нем чувствуется внутренняя сила, твердость духа. Потому Иисус нарекает его Петром (скалой, камнем). На этом же камне Он желает утвердить Церковь Свою (Мф 16:18). Он пребывает с Иисусом на горе Фавор во время Преображения (Мф 17:1-8). Он перечит Христу, когда Тот желает омыть ему ноги на Тайной вечере (Ин 13:8-9). Он бросается с мечом защищать Христа в Гефсиманском саду (Ин 18:10). Он говорит, что никогда не оставит Христа и вскорости трижды отрекается от

⁸ Ср. Языкова И. К. *Богословие иконы*. М.: Издательство общедоступного православного университета, 1995. С. 31–32.

⁹ Каспер В. *Иисус Христос*. Київ: Дух і Літера, 2002. С. 124.

Него. Господь даровал ему этот опыт слабости и несовершенства, чтобы он, некогда обратившись, укреплял братьев в вере (Лк 22:32).

Таким образом, Священное Писание представляет нам некий архетип взаимоотношений святых галилейских братьев — своеобразный библийский «Томос Агапис». Миссия Андрея — указать братьям на Христа, привести их к Господу; миссия Петра — некогда обратившись, утверждать братьев в вере.

Хотя Священное Писание молчит на эту тему, но Священное Предание говорит нам, что Андрей и Петр приняли мученический венец за Христа ради. Отличительным признаком Христова ученика является его готовность засвидетельствовать свою веру крестом мученичества. «Крест не есть ужасный конец счастливой набожной жизни, наоборот, он стоит в начале единения с Иисусом Христом. Каждый призыв Христа ведет к смерти»¹⁰. Этим словам протестантского богослова-мученика прошлого века созвучны слова современного католического богослова: «Любой христианин родился для того, чтобы быть мучеником, и именно мученичество творит христиан»¹¹. Своею жизнью Андрей и Петр засвидетельствовали эту великую истину. Они отдали жизнь за свое стадо ради Христа. Приняв крещение — от Петра ли, Андрея ли, Павла или иного Христова ученика, — все мы и каждый из нас по отдельности стал причастником смерти и воскресения Христа. В призыве следовать за Христом уже имманентно содержится призыв сойти вместе с Ним «в человеческий ад, чтобы стать свидетелем Его воскресения и Его света. Каждый крещеный, подобно Христу, носит на себе сокрытый стигмат преданности и заботы о судьбах всех, кто нуждается в избавлении и спасении»¹².

Для каждого человека естественным является желание сохранить свою жизнь. Если же человек посвящает ее Христу и вере, то это совершается силою Духа Святого. Поэтому мучеников можно считать подлинными *pneumatophoroi* — носителями Духа.

Дух — Параклет (Утешитель), Податель жизни (*Zoopoion*) и Всесвятой (*Panagion*), созидает и обогащает церковь свидетельством мучеников и других свидетелей веры (т.е. святых). Тем самым свидетельство мучеников становится подлинной параклезой, знаком присутствия Святого Духа в церкви. Параклеза обозначает также «утешение», то есть укрепление христиан в их «жизни в Духе».

И католики, и православные на территориях, оккупированных в XX столетии бесчеловечными режимами, дали красноречивое свидетельство веры. В свидетельстве мучеников, принадлежащих разным церквям и церковным общинам, нам открывается подлинное действие Святого Духа в этих церквях. Понятно, что их свидетельство мученичества (т.е. подлинная *martyria*) является общим наследием Христовой Церкви, несмотря на всё еще существующее среди христиан разделение. Более того, их свидетельство может

¹⁰ Бонхёффер Д. Следуя Христу. Б.м., 1992. С. 55.

¹¹ Ечерегай Р. *Истинный Бог, Истинна людина*. Київ: Дух і Літера, 2005. С. 163.

¹² Hryniewicz W. *Nasza Pascha z Chrystusem*. Lublin: TN KUL, 1987. S. 301.

быть подлинной параклезой среди тех трудностей, которые всё еще имеют место во взаимоотношениях между христианами. Об этом Иоанн Павел II писал еще в апостольском послании *Свет Востока*, обращая внимание на то, что «все едины в этих мучениках: в Риме, на «Горе крестов» и на Соловецких островах, и столь многих других лагерях уничтожения. Объединенные тенью мучеников, мы не можем не быть едиными»¹³. Эта мысль наследника апостола Петра созвучна мыслям духовного сына апостола Андрея, патриарха Варфоломея, говорившего об «экуменизме преследуемых» во времена тоталитарных режимов¹⁴.

Вслед за этими свидетелями веры победным путем, что ведет от Голгофы к Светлой Пасхе, прошли и другие христиане, «поддержанные Божией благодатью». Путь этот является путем прощения и примирения. «Их мученичество является могучим призывом к примирению и единству. Это экуменизм мучеников и исповедников веры, который показывает христианам двадцать первого века путь единства. Так пусть же их жертва станет конкретным жизненным учением», — говорил святейший отец Иоанн Павел II во время своего паломничества в Украину¹⁵.

Мученики напоминают нам о том, что уже сегодня, несмотря на свои разделения, «петровы» и «андреевы» последователи Христа реальным, хотя еще далеким от совершенства образом участвуют в общении святых — *communio sanctorum*. Помня об этом, надлежит выразить искреннее пожелание, чтобы свидетельство это стало также призывом к усиленной и терпеливой «эпиклезе единства», то есть призыванию Духа Святого, который единственный может приблизить время полноты церковного общения¹⁶.

Через дар мученичества для наших церквей нам вновь открывается истина (очевидная для Петра, Андрея и других апостолов, но часто преданная забвению в наших церквях), что смысл евангельской проповеди состоит не в передаче догматических доктрин, моральных предписаний и канонических установлений, но в провозглашении и манифестации эсхатологического пасхального события. Благовестник сосредоточен не на прошлом, но устремлен в будущее. Он «опрокидывает» историю в реальность Царства Божьего; он открывает «эсхатологическое господство Воскресшего над миром, и тем самым освобождает человека в вере и надежде к полноте спасения»¹⁷.

Икона своими корнями уходит в евхаристический опыт церкви. Говоря о единстве церкви, мы не можем обойти стороной вопрос евхаристического

¹³ *Orientalis Lumen*, n. 19.

¹⁴ Clément O. *Prawda was wyzwolił. Rozmowy z Patriarcha ekumenicznym Bartolomejem I*. Warszawa: Verbinum, 1998. S. 181.

¹⁵ Проповедь во время божественной литургии византийско-украинского обряда и беатификации украинских мучеников и сестры Йосафаты Гордашевской. Львов, ипподром, 27 июня 2001 г., § 4.

¹⁶ См. подробнее: Гаек С. *Экуменическое свидетельство мучеников. Единь Господь. На путях к единству христиан*. Пер. А. Доброера. Люблин, 1996. С. 119–126.

¹⁷ Hryniewicz. Op. cit. S. 191.

сопричастия (*communio*) церквей Востока и Запада. И здесь снова мы должны обратиться к внятной для первых христиан перспективе — переживания своей веры как эсхатологического исполнения/свершения истории. Это переживание веры было свойственно и духовному опыту христиан в немецких концлагерях и в советских «гулагах», где православные и католики исповедовали и причащали друг друга.

Эсхатологическое переживание современности делает христианина чутким на «дар Христа» и «дар брата». По мнению выдающегося русского православного богослова XX века отца Александра Шмемана, христианство, утратившее «эсхатологическую» перспективу, вырождается в законничество¹⁸. А известный польский католический богослов, многолетний участник Международной смешанной богословской комиссии по православно-католическому диалогу о. Вацлав Гриневич утверждает, что спасительным для нас будет размышление о вере в категориях дара. «Мышление о вере как Божьем даре возносит нас от размышлений о вере ортодоксальной и полной к вере неортодоксальной и неполной. Новый Завет говорит не только о «едином теле», «едином Духе», «едином Господе» и «едином Боге», но также и о «единой вере», «едином крещении», «единой надежде» (Еф 4:4-6). Отношения между таинствами и верой необходимо понимать прежде всего в категориях нераздельного Божьего дара, уделяемого Духом всем без меры¹⁹. В этом случае, продолжает далее люблинский богослов, «разнообразие формул, существующих в разных церквях и традициях, не означает само собой расхождений в догматическом содержании веры. Формулы эти — во всем своем разнообразии — являются выражением, прокламацией и празднованием одной и той же тринитарной веры. Необходимо, чтобы каждая из церквей могла распознать ее в этих формулировках и признать ее выражением апостольской веры. Это было бы признанием тождественности веры, передаваемой в каждой из церквей, признание тождественности мистерии спасения, реализующейся в каждой из них, а тем самым тождественности самой мистерии Христовой Церкви как таковой. Общение в вере является не только условием сакраментальной жизни, но также ее плодом и результатом... Если другие церкви признают в совершении таинств данной поместной церкви тождественность своей собственной веры, то тем самым они переживают в ней укрепление. Сакраментальная жизнь служит укреплению общения веры между церквями»²⁰.

Гриневич напоминает, что в периоды разногласий в первом тысячелетии, участники соборов, прежде чем приступить к соборным дебатам, совместно служили евхаристическую литургию. Евхаристия была не только следствием выражения единства церкви, но и имела исцеляющее, терапевтическое значение.

¹⁸ А. Шмеман, прот. *Дневники 1973–1983*. М.: Русский путь, 2005. С. 571

¹⁹ Hryniewicz W. *Hermeneutyks dialogu*. Opole: Wydawnictwo św. Krzyża, 1998. S. 246.

²⁰ Ibid. S. 247.

УСТРЕМЛЯЯСЬ НАВСТРЕЧУ ГРЯДУЩЕМУ ГОСПОДУ

Очевидно, что примирение — дело непростое. Однако нам вновь и вновь необходимо возобновлять «диалог любви», начатый более 40 лет тому назад блаженной памяти патриархом Константинопольским Афинагором и папой Павлом VI. «Сейчас мы находимся на таком этапе диалога, когда речь идет о том, чтобы понять другого так, как он понимает сам себя, и выслушать его в простоте и чистоте сердечной, чтобы уловить, что в его откровении не подлежит изменению»²¹. Такой диалог становится для нас «школой доверия и мудрости сердца»²².

«На протяжении последних столетий нагромодилось множество стереотипов мышления, обид и нетерпимости, — говорил папа во время божественной литургии на львовском ипподроме 27 июня 2001, обращаясь к христианам Украины. — Единственное, что может освободить этот путь, — это забвение прошлого, просьба о прощении и прощение друг друга за нанесенные и полученные обиды, при безмерном доверии обновляющему действию Святого Духа»²³. Сам Понтифик дал тому прекрасное свидетельство, неоднократно принеся покаяние за грехи чад Католической церкви. Ступив на землю Украины, папа произнес такие слова: «К сожалению, были также и печальные периоды, когда икона Христовой любви была затемнена: пав ниц перед Господом, единым для всех, признаем нашу вину. Прося прощения за ошибки, совершенные в далеком и близком прошлом, и мы, со своей стороны, заверяем в прощении совершенных против нас несправедливых деяний. Моим самым искренним желанием, исходящим из моего сердца, является то, чтобы ошибки прошлого не повторились в будущем. Мы призваны быть Христовыми свидетелями и быть ими совместно. Пусть же воспоминания прошлого не тормозят сегодня прогресса на пути взаимного познания, который способствует братству и сотрудничеству». В этом же духе было выдержано покаянное слово кардинала Гузара. Следуя Господнему совету прежде примириться с братом, а затем приносить свой дар Богу, кардинал Любомир Гузар от лица всей своей церкви испросил прощения у Бога и братьев за все, чем согрешили на протяжении столетий верные Украинской Греко-Католической церкви, и простил все причиненные им обиды. По словам кардинала, сделал он это для того, чтобы не тяготело над нами страшное прошлое и не осложняло нашей жизни.

Возможно ли желанное единство? Как бы отвечая на этот вопрос, еще во время своей первой речи в аэропорту «Борисполь» 23 июня 2001 г. папа сказал: «Мир стремительно изменяется: то, что было немыслимо еще вчера, сегодня становится реальностью. Христос призывает всех нас оживить в сердце чувство братской любви. Полагаясь на любовь, с Божьей помощью можно преобразить мир» (§ 5).

²¹ Георгий (Ходр), митрополит. *Призыв Духа*. Киев: Дух и Літера, 2006. С. 274.

²² Hryniewicz W. *Kościół jest jeden*. Kraków: Znak, 2004. S. 421–422.

²³ Проповедь во время божественной литургии византийско-украинского обряда... § 4.

В конце концов, нужно отдавать себе отчет в том, что церковь существует не для самой себя, но для мира. В догматическом постановлении о церкви *Свет народам* говорится, что церковь является таинством, т. е. видимым и действенным знамением единства между Богом и людьми, а через то — знаком единства среди всех людей. Непримиренные христиане не могут быть посланцами примирения и покоя в мире, преисполненном ненависти.

Христианские церкви восточной и западной традиции призваны помочь понять современному обществу — в Украине, России, Беларуси, по всему лицу земли, — что «существование другого является благословением»²⁴. Сначала эту истину должны усвоить сами церкви — иерархи и верные, чтобы затем суметь свидетельствовать о ней. Невозможно недооценить или утратить этот шанс. Необходимо приветствовать любые инициативы, которые служат делу сближения и примирения христиан в духе взаимоуважения. Опыт святых братьев Андрея и Петра, переживавших свою веру как осуществление эсхатологической полноты «последних времен», открывает нашим церквям путь от «общины братьев» к «братству князей» церкви²⁵.

²⁴ Hryniewicz W. *Myśleć razem z innymi. Doświadczenie teologa w dialogu z prawosławiem*, в: Jaskóła P. (red.), *Tażsamość i dialog*. Opole, 1997. S. 42.

²⁵ Hryniewicz. *Kościół...* S. 250.

Святой Андрей Первозванный в Грузии

География странствий св. апостола Андрея обширна и многообразна. Среди многих стран и народов, им просвещенных, заслуживают упоминания побережья Черного и Каспийского морей, включая Колхиду (или Колхети, современную Западную Грузию), наиболее цивилизованную часть Кавказа, населенную грузинами.

Принято считать, что Грузия приняла христианство в 326 г. н. э. Жители Мцхеты, столицы Картли, или Восточной Грузии (Иверии), были крещены св. Ниной Каппадокийской, и она традиционно почитается как просветительница Грузии. Но у многих авторов мы находим указания на то, что западнотуркменское царство Колхида было крещено значительно раньше св. Андреем¹.

В одной из наиболее известных грузинских средневековых хроник «Картлис цховреба» («Жизнь картлийских царей», дословно «Жизнь Картли (Иберии)») сообщается, как апостол Андрей проповедовал в этом царстве. Описание этих событий разделено на несколько частей, каждая из которых образует самостоятельный эпизод, и точное время составления этих частей хроники по-разному оценивается разными исследователями. Автор «Картлис цховреба», летописец Леонти Мровели, упоминает многочисленные населяющие Кавказ этнические группы, перечисляет поколения царей Картли и рассказывает о житии св. Нины. В первой части этой хроники мы и находим повествование о св. апостоле Андрее.

Личность Леонти Мровели вызывала у грузинских историков серьезные споры. Большинство грузинских медиевистов полагает, что хроника была создана в XI столетии. В 1957 г. был обнаружен крест с надписью: «Я, Леонти Мровели, выстроил сей грот для прибежища образов богов (хранения храмовой утвари. — И. Б.-М.) и детей Руисского храма в пору разорения (Грузии) султаном Алп-Арсланом»². Сартис Какабадзе нашел в тексте хроники ряд анахронизмов

¹ Баградзе, Дм. *Сакართველო Андриа моцкилулис дрос*. Тифлис, 1884 (на груз. яз.); Джавахов Г. *Проповедническая деятельность апостола Андрея и св. Нины в Грузии*. СПб., 1901; Кекелидзе К. *Памятники древнегрузинской агиографической литературы*. Тбилиси: Изд. АН Груз. ССР, 1956; Такаишвили Э. *Крещение Грузии*. Тифлис, 1900 и др.

² Алп-Арслан — сельджукский султан, правивший с 1065 по 1072 гг. См. Гамсахурдиа С. Развитие общественно-исторических взглядов в Грузии XI в., в: *Вестник отеч. общ. наук АН Груз. ССР*, 1961, № 1. С. 171 (на груз. яз.).

и некоторые стилистические параллели с «Шах-Наме» Фирдоуси (начало XI в.), и это дало ему основания утверждать, что Мровели жил на рубеже XI–XII веков. Николай Марр обнаружил в хронике определенные параллели с грузинскими рукописями XI–XII веков, принадлежащими перу иверийского монаха с горы Си-най по имени архиепископ Леонти³. Существует парадоксальная гипотеза о том, что Мровели был историком VIII столетия, высказанная Павле Ингороквой на том основании, что в его произведении много армянофильских мотивов. По мнению П. Ингороквы, это было возможно в ту пору, когда между грузинской и армянской церковью существовали межконфессиональные связи, т.е. в VII–VIII веках, но стало крайне маловероятным после разрыва этих отношений, т.е. в X–XI веках. Выдающийся специалист по древнегрузинской литературе Корнели Кекелидзе опроверг эту гипотезу с помощью анализа некоторых оригинальных грузинских мартирологов и хроник. Того же мнения придерживался и Симон Каухчишвили, опубликовавший «Картлис цховреба» на основе двух основных вариантов рукописи — Кодекса царицы Анны (XV в.) и Кодекса царицы Мариам (1633–1646).

Вопрос о датировке важен не только потому, что его правильное решение помогает понять некоторые исторические аспекты этой выдающейся хроники, но и потому, что оно дало бы нам возможность заново оценить масштабы христианизации и уровень культуры в Древней Грузии, равно как и роль апостола Андрея в этой стране.

Рассказ о св. Андрее занимает в «Картлис цховреба» пять страниц и включает, как уже сказано, несколько эпизодов. Изложим их кратко.

По Вознесении Господа Иисуса Христа на Небо, апостолы с Марией, Матерью Иисусовой, собрались в Сионскую горницу, где и ожидали пришествия обещанного Утешителя. Здесь апостолы бросили жребий, куда кому идти с проповедью Слова Божьего. Во время метания жребия Пресвятая Дева Мария изъявила желание принять участие в проповеди. Ей выпал жребий нести слово Божье в Иверийские земли. Она уже была готова отправиться в путь, но перед ней предстал Иисус Христос и сказал ей: «Мать Моя, не отвергну жребия Твоего и не оставлю народа Твоего без участия в небесном благе; но отправь вместо Себя Первозванного Андрея. И пошли с ним образ Твой, который изобразится приложением приготовленной на то доски к Твоему лицу. Образ тот будет заменять Тебя и послужит хранителем людей Твоих во веки». Далее сообщается о том, как готовился образ, и приводится диалог между Богородицей и апостолом Андреем, в котором Она благословляет его.

Из второго эпизода мы узнаем, что Андрей направился из Иерусалима на север Палестины, затем повернул на восток и достиг города Трапезунда (Трабзона) в стране Мингрелии. Там апостол некоторое время проповедовал и, в конце концов, прибыл в Иверию, в местность под названием Дид-Адчари. В этой местности св. Андрей проповедовал, творил чудеса и обратил людей Иверии в Христову веру, крестив их во имя Святой Троицы.

³ Марр Н. Я. Агиографические памятники по грузинским рукописям Ивера, в: *Записки Восточного отдела Русского археологического общества*, 1901. Т. XIII. С. 84.

Грузинская версия повествования о странствиях апостола Андрея более подробно и лучше исторически проработана, чем русская.

В «Повести временных лет», первой из русских летописей, рассказывается о посещении св. Андреем Киева и Новгорода. Согласно этой летописи, апостол проповедовал в Синопе — местности на берегу Черного моря, затем двинулся в Корсунь (Херсонес) и решил пойти по берегу Днепра, чтобы дойти до Рима. Он остановился перед горами и благословил место, где впоследствии суждено было возникнуть городу Киеву. Он провозгласил, что там возсияет Божья благодать и будет воздвигнуто множество церквей. Водрузив там крест, св. Андрей продолжил свои странствия. Он дошел до Новгорода, где был несказанно удивлен местному обычаю париться в горячей бане: он никак не мог понять, зачем люди, никем не мучимые, подвергают себя мучениям по собственной воле. Прибыв в Рим, он сообщил там об этом обычае, и народ римский был не менее изумлен.

В новгородских летописях, однако, мы не обнаруживаем упоминания о бане (которое, возможно, выглядело обидным для северного племени), но зато говорится о проповеди апостола Андрея и его отбытии. В обоих сообщениях маршрут апостола выглядит довольно причудливым и искусственным. Не исключено, что повествование о св. Андрее в новгородской летописи является позднейшей вставкой. Е. Голубинский в «Истории Русской Церкви» предположил, что необходимость в этом повествовании возникла в силу позиции Ивана Грозного, настаивавшего на независимости Руси от Византии и утверждавшего, что Русская церковь восприняла основы христианской веры непосредственно от ближайшего, и притом первого, ученика Иисуса Христа, а не от греков⁴.

В грузинском тексте путь следования св. Андрея выглядит не столь тенденциозно. Преувеличение не настолько очевидно, и связь апостола с грузинской церковью представляется менее фантастической, хотя и здесь всё основано на описаниях чудесных событий. Например, св. Андрей отказался дать новообращенным жителям Дид-Адчари икону Пресвятой Богородицы и создал взамен ее новую икону, которую они с восторгом поместили в его храм. После чего, благословив их, апостол пустился в новое странствие.

Он миновал гору Железного Креста и ущелье Одзархиси, достиг провинции Самцхе⁵ (Саатабаго) и там, в селении Заден-гора, уничтожил идолов (видимо, языческие каменные изваяния) и стал проповедовать веру Христову. В дальнейшем он обосновался в городе Ацхур⁶. Апостол выбрал дом неподалеку от главного языческого храма города и поселился там.

Ацхуром правила царственная вдова. У нее был единственный сын, которого она любила больше, чем кого-либо в жизни, и ему предстояло уна-

⁴ Голубинский Е. *История Русской Церкви*. Т. 1. М., 1901. С. 27–28.

⁵ Самцхе, или Саатабаго – одна из исторических провинций Грузии, ограниченная на севере Имеретинским хребтом, на востоке – хребтами Триаleti и Самхети, на юге – Турцией, а на западе – Понтийскими Альпами.

⁶ Ацхур, или Ацквери – село и крепость на реке Мтквари, между Ахамцхе и Боржоми.

следовать царство. Внезапно наследник умер. До погребения он находился в доме матери. Среди ночи горожане внезапно увидели над одним из домов яркое сияние и были безмерно удивлены. Этот свет воссиял над тем домом, где находился апостол с иконой Божьей Матери. Люди пришли к этому дому, и св. Андрей наставил их в Христовой вере. Апостол говорил о восстании из мертвых и о вечной жизни. Люди пришли от Андрея к своей царице и рассказали ей о новом необычном учении. Вдова пригласила апостола к себе во дворец и беседовала с апостолом. «Кто ты такой, — спросила она, — провозглашающий столь неслыханное учение?» Апостол ответил: «Я пришел из Иерусалима, где ступали ноги Господа Нашего. Я слугитель Бога. Сила Иисуса Христа так велика, что Он может поднимать из мертвых. Мы поклоняемся Ему, и кто уверует в Него и будет крещен, тот может просить о чем пожелает, и если попросит с верою, то просьба его будет выполнена безоговорочно». Вдова пала ниц в слезах и сказала св. Андрею: «Прости меня во вдовстве моем, ибо я несчастна. Если ты раб Бога, который может воскрешать мертвых, то попроси Его воскресить моего сына». Св. Андрей сказал: «Если ты веруешь в Иисуса Христа, то получишь, о чем просишь». Вдова ответила: «О слугитель истинного Бога. Я верую в Господа нашего Иисуса Христа, прошу, помоги мне в моей вере, которая ещё недостаточно сильна». И тогда апостол взял икону Божьей Матери, коснулся ею усопшего юноши и взмолился, простирая руки к небу. Св. Андрей поднял юношу со смертного ложа и вручил его матери живым. И вдова, потрясенная сим чудом Господним, припала к ногам апостола со слезами благодарности, и вскоре апостол ее крестил.

Подданные — и благородные, и простолюдины — последовали ее примеру. Вдова отправила послания военачальникам и губернаторам, повелев немедленно прибыть. Множество их, потрясенные чудом, уверовали и крестились. Упорствовали в своем неверии лишь слугители Аполлона и Артемиды, и смущали народ. Дабы прекратить сии волнения, св. Андрей устроил сопреборение между образом Божьей Матери и языческими каменными изваяниями. Он предложил, чтобы те и другие были заперты под наблюдением и чтобы языческие жрецы возносили молитвы своим богам, а св. Андрей молился Богу. На следующий день статуи Аполлона и Артемиды были найдены разбитыми на куски и преданными позору, а образ Богородицы остался невредимым. Языческие жрецы и их сторонники подверглись посрамлению и вскоре были крещены св. Андреем.

После этого апостол решил уйти из Ацхура. Он назначил епископов и священников из числа новообращенных. Но царица попросила его оставить ей образ Богородицы. Св. Андрей согласился и рассказал об обещании Божьей Матери покровительствовать народу Иверии. Царица построила для образа новую церковь, а апостол дал народу свое благословение.

Затем Андрей направился в Нигли, что в Тао-Кларджети, и в Артан-Панкола, долго проповедовал там и крестил жителей этих земель, потом вернулся в Иерусалим к празднику Пасхи. После празднества Вознесения апостол взял с собою апостола Симона Кананита, Матфия, избранного

по жребию, Фаддея и других и направился с ними в землю царя Абгара. Св. Андрей наставил царя Абгара и его народ в христианской вере и крестил их. Он оставил там Фаддея, который позаботился о воздвижении в этой земле церкви. Другие проповедовали в разных городах и селениях Каппадокии и Понта. В конце концов они дошли до земли Картли и прошли часть земли Тиулету до реки Чорох, земли Сванети, Осети и Джикети (всё это части нынешней Грузии).

Сванетией правила царица Пифодора, вдова понтийского царя, которого убили. Андрей крестил ее и оставил там апостола Матфия, чтобы наладить церковную жизнь. Михаил Сабинин (Сабинашвили), историк Грузинской церкви, обнаружил подтверждение этого эпизода в сочинении св. Иеронима, где последний назвал Колхиду «второй Эфиопией»⁷.

Вместе с Симоном Кананитом Андрей направился в Осетию и дошел до города Фостафори, где обратил в Христову веру множество людей. Затем посетил город Севастии (ныне Сухуми) в Абхазии. После этого Андрей, оставив апостола Симона Кананита во главе новой церкви, пошел в землю Джикети. Дикие, необузданные люди этой земли не приняли христианства и пытались убить Андрея. Апостол ушел от них и отправился на Высокий Суадаг, а затем в города на Черноморском побережье, где продолжал крестить жителей. Позже он достиг города Патари (Патры) и там около 55 г. н. э. принял от местного правителя мученическую смерть на кресте.

«Картлис цховреба» сообщает также, что христианство, принесенное св. апостолом Андреем, твердо укоренилось. Однако царь Адерки, он же Фарсман I, правивший Иверией с 3 г. до н. э. по 60 г. н. э., начал преследовать христиан, и многие из них, вместе с апостолом Симоном Кананитом, стали мучениками. Но христианская вера, несмотря на жестокие гонения со стороны царя, не исчезла. Христиане прятались в горах и лесах. Могила Симона Кананита стала чтимым местом паломничества⁸.

Св. Андрей пользуется в Грузии широким поклонением, его деяния высоко чтятся. Очень интересная вариация на эту тему обнаруживается в тексте под названием «Житие Гиорги Святогорца», написанном другим Гиорги, известном как Мцире.

В конце X столетия (980–983) на горе Афон был основан грузинский монастырь, получивший название Иверон, он стал крупным центром культуры и грузинского богословия. Его насельники — монах Иване (Иоанн), его сын Эуфиме (Евфимий), их последователь Гиорги (Георгий) Афонский и

⁷ Сабинин М. Полное жизнеописание святых Грузинской церкви. Часть 1. М., 1994. С. 10. Этот же замечательный агиограф и иконограф написал известную икону «Слава Грузинской православной церкви», где с левой стороны от благословляющего Христа изобразил св. Андрея Первозванного, а также ап. Матфия. — Прим. ред.

⁸ Примерно полвека новые наставники веры в Грузии не появлялись. По мнению М. Сабинина, следующим таким наставником был св. мученик Климент, епископ Римский, сосланный императором Траяном в Тавриду около 100 г. н. э. Среди 70 церквей, построенных Климентом, была и церковь в Колхиде.

другие писатели были хорошо образованными людьми. Они редактировали и исправляли тексты богословских и литургических книг. Именно Гиорги Афонский создал канонические тексты грузинской церковной литературы. Каноническая грузинская Библия основана на переводах, сделанных либо отредактированных этим монахом и его учениками. Грузинские богословы с горы Афон переводили грузинскую агиографию, научные сочинения, грузинскую поэзию и художественную прозу на греческий язык. Но главной проблемой была защита Грузинской церкви от Византии и противостояние ложным обвинениям в ереси, выдвигавшимся против богатого монастыря. Гиорги Мцире писал в «Житии Гиорги Святогорца», что этот последний перевел столько богословских книг, что не только грузинские, но и греческие, и сирийские священнослужители искренне изумлялись. Становится понятно, почему патриарх Петр Антиохийский, познакомившись со старым монахом, так высоко оценил его.

После смерти Петра новый патриарх Феодосий Константинопольский беседовал с греческими афонскими монахами из монастыря св. Симеона. Они жаловались ему на грузинских монахов, сказав, что не понимают, какую веру те исповедуют. Патриарх попросил их пригласить какого-нибудь грузина, который знал бы греческий язык. На приглашение откликнулся Гиорги. Разговор Гиорги с патриархом был посвящен характеру грузинского христианства. Гиорги посоветовал патриарху заглянуть в книгу «Странствия святого апостола Андрея». Он сказал, что апостолы Андрей и Симон Кананит крестили Иверию и что Иоанн Готский был рукоположен в епископы во Мцхете, столице Восточной Грузии, как написано в Великом Синаксаре⁹. Патриарх признал истинность грузинского христианства и отнесся к нему с уважением, и главным аргументом, по мнению автора, была его связь со св. Андреем.

В XIX веке Андрей Муравьев, известный церковный писатель, сочинил текст акафиста св. апостолу Андрею и написал житие своего небесного покровителя. В переписке с архиепископом Филаретом (Дроздовым) Муравьев сообщал, что во время своего паломничества по грузинским монастырям он нашел рукопись X столетия, повествующую о св. Андрее. Этот текст, «Житие св. Андрея», был грузинским переводом греческого текста VII века, сделанным Эуфиме Афонским, и оказался более полным, чем ватиканский манускрипт. Таким образом, Муравьев руководствовался грузинской традицией почитания св. Андрея¹⁰.

Итак, хотя общепризнанно, что Грузия была крещена св. равноапостольной Ниной Каппадокийской, почетное место в Грузинской церкви занимают также апостол Симон Кананит, св. Климент, епископ Римский, и в особенности — святой апостол Андрей Первозванный.

Вопросом пребывания апостола Андрея в Грузии в последнее время занимался епископ Цагерский и Лентехский Стефан. Его статья «Современный

⁹ Мцире Г. Житие и гражданство святого и блаженного отца нашего Гиорги Святогорца, в: *Символ*. Париж. 1997, декабрь, № 38. С. 286.

¹⁰ Муравьев А. Н. *Мои воспоминания*. М., 1913. С. 75.

взгляд на проповедь христианства в Грузии апостола Андрея Первозванного»¹¹ содержит полный корпус материалов, как исторических, так и последнего времени. В частности, он обращается к списку царевича Теймураза Багратиони, хранящемуся в Петербурге и приводит предисловие, которое стало результатом деятельности «комиссии ученых мужей», созданной Вахтангом VI в начале XVIII века в связи с эдичионными проблемами «Картлис цховреба». «Честные и величественные соотечественники! — читаем в документе, — По обстоятельствам времени, «Картлис цховреба» («Житие Грузии») было отчасти искажено, а отчасти, по обстоятельствам времени, в нем не было описано ряда важных событий. Поэтому Вахтанг V (в современной историографии — Вахтанг VI), сын Леона и племянник знаменитого Георгия, призвал к себе ученых мужей, которые по его поручению разыскали все имеющиеся списки «Картлис цховреба», а также рукописи Мцхетские, Гелатские и многих других церквей, и имеющиеся у вельмож, и проверили, и которые искажены, исправили, и другие рукописи добавили, которые имеются в армянских и персидских житиях и так описали»¹².

Епископ Стефан рассматривает сообщения других грузинских историков, делает обзор греческих, латинских и других источников, касающихся проповеди св. апостола Андрея в Грузии¹³, приводит спор относительно датировок между проф. И. Джавахишвили и М. Тамарашвили¹⁴ и его сторонниками¹⁵ и обращается к данным археологических раскопок в Сосангети-Аццури, т. е. на местах проповеди св. апостола Андрея¹⁶. В статье содержатся также данные топонимических исследований¹⁷, сообщения об археологических экспедициях 1994 и 2001–2002 гг. (последняя под руководством проф. Д. Бердзенишвили). Весь этот материал позволяет автору сделать убедительной критику гиперкритического подхода к церковному преданию и доказать подлинность пребывания апостола Андрея Первозванного в Грузии¹⁸.

¹¹ Опубликована в сб. *XVI Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ* (т. I, изд. ПСТГУ, 2006. С. 258–284).

¹² Там же. С. 258.

¹³ Там же. С. 266–272.

¹⁴ Tamarati M. *L'Église Georgienne*, Rome, 1910.

¹⁵ Николадзе Э. *Сакартвелос эклесиის ისტორია*. Кутаиси, 1918; Петровский С. В. *Сказание об апостольской проповеди по северо-восточному Черноморскому побережью*. ЗИООИ. Т. XX. 1897. С. 43; т. XXI. С. 182–183.

¹⁶ Указ. соч. С. 277–278.

¹⁷ Там же. С. 278–282.

¹⁸ В знак признания важности св. Андрея для Грузинской церкви итальянские католики передали в 2003 г. из Амальфи частичку мощей ап. Андрея для вновь построенного кафедрального Троицкого собора в Тбилиси. — *Прим. ред.*

Валерия Косякова

Реликвии апостола Андрея в Шотландии

Каждое государство проходит по пути становления идентичности, создавая как образ исторического наследия в собственных глазах, так и образ, рассчитанный на самопрезентацию. Укрепляя свои позиции, власть вынуждена легитимизировать себя, подтверждая «исконные» права на существование и вести охранительную политику своих приоритетов. Стремясь к самосохранению, она прибегает к различным схемам, сюжетам, механизмам укрепления и сакрализации, порой сомнительного характера. В истории не раз случались великие подмены и разоблачения, влиявшие на судьбу народа, культуры, страны в целом. Однако любая подмена не бывает разоблачена до конца, ее присутствие, тень не исчезает, но продолжает существовать в истории. И эта тень рано или поздно вновь сгущается, тогда мифы и события прошлого снова обретают реальность.

Город апостола Андрея — Сэнт-Эндрюс (St. Andrews City), расположенный на побережье Ирландского моря Шотландии, в наши дни знаменит благодаря древнейшему в королевстве университету и лучшим курсам классического гольфа. Но во времена Средневековья это был один из важнейших религиозных центров и паломнических мест в Шотландском королевстве и за его пределами.

Пилигримы стекались к этому месту, чтобы почтить мощи св. апостола Андрея, в честь которого и был сооружен огромный монастырский комплекс на побережье.

Возникает вопрос, были ли когда-нибудь мощи апостола Андрея на самом деле в Шотландии или же это только одна из средневековых легенд? Чем могло быть продиктовано создание такой легенды? Какие цели преследовали люди, создавшие ее?

Известно, что мощи апостола Андрея находились на месте его мученической кончины — в Патрах (Греция). Перенесенные по поручению императора Констанция II в 357 г., святые останки (кроме честной главы¹) были помещены

¹ В Италии, в особенности, в Амальфи, распространено убеждение, что часть главы св. Андрея была-таки перенесена в Константинополь и, следовательно, в 1208 г. — в Амальфи, где она хранится в особом заалтарном киоте к крипте. — Прим. ред.

в церкви Святых апостолов в Константинополе. Во время разборки ветхого храма при императоре Юстиниане I обретенные вновь мощи апостолов Андрея Первозванного, Луки и Тимофея были торжественно перенесены в новый храм Святых апостолов и погребены под престолом: «переложение мощей апостолов» занесено в греческий синаксарь под 20 июня². После взятия Константинополя крестоносцами, кардинал Петр Капуанский увез мощи Андрея Первозванного в итальянский город Амальфи (1208), где они находятся в настоящее время.

Тем не менее вот что гласит шотландская легенда о появлении мощей святого Андрея на территориях королевства.

Монах Регул (Regulus; позже канонизированный Католической церковью) в IV в. был хранителем мощей св. Андрея в Патрах. Предупрежденный во сне ангелом о том, что святые реликвии должны быть перенесены в Константинополь, он повез на лодке часть мощей на северо-восток. Его челн долго блуждал по морю, но из-за разыгравшегося шторма разбился. Мощи святого Андрея достигли берегов Файф (Fife), в Шотландии. Таким чудесным образом они попали в город Килримонт (Kilrimont — кельтское название будущего города Сэнт-Эндрюс), где были найдены монахами и внесены в местный храм, на месте которого позже возникнет величайший в Шотландии «церковный город», возведенный в знак почитания мощей св. Андрея.

Безусловно, эта история является легендой. Если когда-либо и были мощи апостола Андрея привезены в Шотландию, то, скорее всего, это событие произошло благодаря архиепископу Акке из Хексэма (Acca of Hexam), покинувшему английский диоцез в 732 г. и часть своей жизни проведшему на севере Шотландии, в стране пиктов (Pictland), в Килримонте. Предшественником же Акке по службе в Хексэме был св. Вилфрид (Saint Wilfrid) — хозяин благоприобретенных мощей св. Андрея, которые Акка мог взять с собой, покидая изгнавший его город³.

Существует несколько легенд, посвященных возникновению культа св. Андрея в Шотландии, о коих стоит упомянуть. Одна из них связана с именем короля Ангуса (Энгуса), сына Фергюса (Óengus, son of Fergus, годы правления 732–761). Однажды, когда король Ангус готовился к битве с армией короля Нортумбрии, во время молитвы на небе он увидел белый крест на фоне синего неба. Ангус одержал убедительную победу, после которой объявил св. Андрея покровителем своей страны⁴. В этой легенде прослеживается параллель с видением креста-хризмы Константином Великим перед битвой с Максенцием. «Сим знамением побеждай», — услышал Константин глас с неба, после чего нанес изображение хризмы на щиты воинов и одержал победу.

Есть и еще одна не менее занимательная гипотеза. По старинному преданию, шотландское племя пришло на Британские острова из причерноморских

² Спасский (Сергий), архим. *Месяцеслов*. Т. 2. М., 1997. С. 186.

³ Fawcett R. *Sf. Andrews Cathedral*. Edinburgh, 1999. P. 4.

⁴ Anderson M. *Kings and Kingship*. Edinburgh, 1980. P. 258–260.

скифских степей, где в I в. Андрей Первозванный проповедовал учение Иисуса Христа. Примечательно, что «шотландско-славянская связь» дала о себе знать спустя 17 столетий после смерти апостола: шотландцы сыграли немалую роль в деле учреждения в России ордена и флага Андрея Первозванного, только в России он «вывернут наизнанку» — голубой крест на белом фоне⁵.

Для того чтобы понять ту почву, на которой могли сложиться подобные легенды о появлении мощей апостола Андрея в Шотландии и его столь распространенный культ, заглянем в историю кельтского города Килримонт, который был удостоен чести стать городом-хранителем святых мощей. Проследим, как история подтверждает или опровергает легенду и где можно найти точки соприкосновения между ними.

В «темные» века город святого Андрея был известен как Килримонт или церковь на королевских холмах (Cillrigmonaid: «church of the king's mount»). К сожалению, более ранняя история этих мест весьма запутана из-за средневековой переписки монахами, пытавшимися придать Шотландской церкви более длинную и основательную историю, чем это делали английские летописцы. Вероятно, в VI веке на месте Килримонта стояла пиктская цитадель, в это же время здесь располагался монастырь кулдейского ордена⁶ (Céli Dé, Culdee community⁷).

Доподлинно известно, что во времена правления пиктского короля Ангуса в этих местах уже существовала монашеская община, по крайней мере в Ирландских анналах есть запись за 747 г. о смерти килримонтского аббата Туатхалана (Túathalán).

Христианизация Шотландии начиналась с острова Айона (Iona), что расположен на северо-западе Британии, где в VI веке ирландский миссионер Колумба (St. Columb) основал первый крупный монастырь, ставший главным христианским центром, где впоследствии покоился прах шотландских королей⁸. К X веку история Килримонта начинает проясняться, он выходит на политическую арену как претендент на соперничество с другими монастырями королевства. В этом ему помогло и выгодное местоположение.

⁵ О российском ордене св. апостола Андрея Первозванного см. статью М. В. Шкаровского «Орден св. апостола Андрея Первозванного и Андреевский флаг» в нашем сборнике; в целом о культе св. Андрея на Британских островах см. также Bolton J. S. *Andrea nelle Isole Britanniche, в: Dal lago di Tiberiade al mare di Amalfi. Il viaggio apostolico di Andrea, il Primo Chiamato: testimonianze, cronache e prospettive di ecumenismo nell'VIII Centenario della Traslazione delle Reliquie del Corpo (1208–2008)*, a cura di M. Talalay. Amalfi: Centro di Cultura e Storia Amalfitana, 2008. P. 207–211. — Прим. ред.

⁶ Fawcett. Op. cit. P. 6.

⁷ Кулдейский орден или церковь Кулди (Céli Dé, Culdee community) — религиозная община в Ирландии, расцвет которой пришелся на IX–X вв., времена йоркского короля Ательстана. Название происходит от древнеирландского выражения, означающего «рабы Божьи». Церковь Кулди была удивительным образованием, результатом слияния учения друидов с ранним христианством; многие обряды этой общины были сходны с ритуалами друидов.

⁸ Anderson A. *Early Sources of Scottish History, AD 500 to 1286*. Edinburgh, 1999. P. 7–8.

Приор Айонского монастыря, из-за постоянных набегов скандинавов, был вынужден в 849 г. перенести мощи св. Колумба в Данкелд (Dunkeld) — один из центров объединенного шотландского и пиктского королевства. Но в нестабильные времена нормандских завоеваний Данкелд оказался географически невыгоден как для мощей, так и для большого монастыря. Расположенный на мысу и к тому же на приличном возвышении Килримонт более подходил для того, чтобы стать основным религиозным центром Шотландии, который мог бы защититься от неприятеля⁹.

Монастырь рос благодаря сильным местным аббатам. Вероятно, с X века Килримонт становится епископским центром. Но безусловное его лидерство установилось в 1472 г., когда епископ из монастыря св. Андрея стал первым архиепископом Шотландии. В 1546 г. обитель становится первой жертвой на пути церковно-догматических изменений Шотландии: «католические стены» сотрясаются под натиском воинствующих реформаторов во главе с Джоном Ноксом, кардинал Битон казнен, а замок св. Андрея захвачен. Признанный к X веку монастырь в Килримонте просуществовал до 14 июня 1559 г., когда волна реформации захлестнула его целиком: протестантство было утверждено в качестве государственной религии Шотландии, а епископский пост постепенно упразднен¹⁰.

Переломным моментом в истории Шотландской церкви стало переименование Килримонта в Сэнт-Эндрюс — кафедральный город святого апостола Андрея (St. Andrews Cathedral City), и связано оно с деятельностью короля Малькольма III, прозванного Великим Вождем, и его семьи: сыновей — Александра I, Давида I и жены — саксонской принцессы Маргарет (конец XI — начало XII в.). Этот период правления, обусловленный рядом внутренних реформ, привел к сближению римской и гэльской церковью Шотландии. Короли стали предоставлять церкви земельные участки в наследственное владение и поощрять строительство аббатств. На территориях Шотландии возникает сеть приходских церквей, объединенных в 10 диоцезов во главе с епископом¹¹. При содействии королевской власти начинают распространять свое влияние монашеские ордена доминиканцев, францисканцев, августинцев, бенедиктинцев¹². Кардинальные изменения также коснулись церковного уклада жизни в Килримонте: устав монастыря изменен на августинский (Augustinian Canons), а сам монастырь переименован и посвящен св. апостолу Андрею.

Как уже говорилось, во времена раннего Средневековья в Килримонте обитала Кулдейская община. Целью короля стало ее вытеснение. Оба предшественника епископа Роберта (1123–1150) не справились с этой задачей. Епископ Роберт решил предложить компромисс, но община не пошла на уступки, в результате кулдейцам оставили лишь небольшую церковь за пределами города.

⁹ Зверева Г. *История Шотландии*. М., 1987. С. 16.

¹⁰ Cowan I. *Regional aspects of the Scottish Reformation*. London, 1978. P. 27, P. 102.

¹¹ Dickinson W. *A source book of Scottish history*. Edinburgh, 1961. P. 55–57.

¹² Зверева Г. Указ. соч. С. 20–21.

Так закончилась история кельтского Килримонта и началась история нового кафедрального города Сэнт-Эндрюс с самоуправлением, правами самостоятельной юрисдикции и сбора налогов на принадлежащих землях, процветающего и по сей день.

Король Шотландии Малькольм III (годы правления: 1057–1093) и его потомки в значительной степени повлияли на становление и возвеличивание Шотландии, укрепляя власть короны и церкви. Право на сборы десятины и иммунитет обеспечивали аббатствам и монастырям устойчивое общественное положение в стране. Часть суммы от сбора налогов уходила в дом царской семьи, перераспределяясь между родственниками (к XVI в. эта сумма достигала 10000 фунтов в год), поддерживая их материальное положение¹³.

Сын Малькольма Александр I Неистовый (годы правления: 1078–1124) добился учреждения епископской кафедры в переименованном городе, и Сэнт-Эндрюс становится церковной столицей Шотландии, местом пребывания примаса. Благодаря активной деятельности королевы-матери Маргарет началось массовое паломничество к мощам апостола Андрея. По ее повелению была организована безвозмездная доставка пилигримов к святому месту. На территории монастыря возводится церковь св. Регула для служения по новому уставу. Ее тридцатитрехметровая башня, по-видимому, служила маяком для паломников с моря и суши.

По мере роста и усиления влияния Шотландской церкви увеличивались недовольство и претензии королевства и церкви Англии. Шотландия же, отстаивая свои интересы, добилась от папской курии признания епископа Сэнт-Эндрюсского главой Шотландской церкви. И в 1192 г. Папа Римский провозгласил церковь Шотландии особой дочерью (*filia specicallis*) Рима, подчиняющейся непосредственно Святому престолу¹⁴.

Аббатство св. Андрея задумывалось как крупнейший комплекс, прославляющий Шотландию своим величием в веках. Средневековая архитектура напрямую зависела от почитания святых, находившихся в стенах храма. Рос культ св. Андрея, увеличивалось количество паломников, расширялась обитель¹⁵. Так, церковь св. Регула довольно быстро оказалась мала, и начались работы над новым, большим кафедральным собором, отвечающим потребностям монастыря.

К началу XIII в. была сооружена восточная часть: пресвитерий с высоким алтарем, хоры и несущие колонны. Внутри собора, у алтаря был расположен орнаментированный саркофаг апостола Андрея. Он находился по левую сторону от алтаря, лицевой частью с крестом к нефу.

Во время страшных разрушений Реформации саркофаг был потерян, а на месте разрушенного кафедрального собора возникло кладбище, существующее по сей день.

¹³ Murray A. Financing the Royal Household, в: *The Renaissance and Reformation in Scotland*. Edinburgh, 1983. P. 57.

¹⁴ Stones L. *Anglo-Scottish Relations, 1174–1328*. Edinburgh, 1968. P. 5.

¹⁵ Crook J. The architectural influence of the cult of saints in the early medieval west, в: *Известия Института христианской культуры Средневековья*. Москва, 1998. С. 116.

Однако в 1833 г. саркофаг нашли. Первоначально саркофаг состоял из двух длинных торцевых панелей, двух фронтальных, четырех крепящихся сверху уголков и крышки. Крышка от саркофага утрачена, также как и одна из торцевых, фронтальных панелей и одного угла, теперь уцелевший саркофаг имеет L-образную форму.

Саркофаг, сделанный из обыкновенного известняка (длина 177 см, ширина 90 см, высота 70 см), искусно орнаментирован в кельтской традиции растительным орнаментом. В правой части торцевого саркофага предстает сцена, изображающая фигуру царя Давида, разрывающего пасть льву. Над ним изображен охотник-всадник на коне, поднимающий меч то ли надо львом, то ли над барсом. Посередине сцена, изображающая идущего охотника-воина, вооруженного копьем, подле его ног собака, собирающаяся напасть на волка. Основой композиции является изображение царя Давида, стоит обратить внимание на римское императорское облачение и фибулу царя Давида, восходящие к византийскому образу императора, в частности к мозаичному изображению Юстиниана I из церкви Сан-Витале (Равенна). Центральный декоративный мотив – змей, извивающийся вокруг покрытых переплетающимся орнаментом шишек, напоминает орнаменты бронзовых предметов ирландского происхождения VIII века, а иконография саркофага в целом позволяет отнести его к тому же периоду времени.

По мнению английских исследователей в саркофаге покоился король Ангус I (†761). Его черты лица переданы изображенному на саркофаге царю Давиду и, может быть, охотнику. Таким образом, прославленный король пиктов выступал в качестве основателя самой знаменитой церкви в Шотландии. Именно король Ангус способствовал возникновению монашеской общины в Килримонте и здесь был похоронен. К X–XII веку вокруг захоронения уже сложился ореол святости и народного почитания, и саркофаг с прахом короля начинает демонстрироваться в алтарной части собора, как мощи св. апостола Андрея¹⁶.

Строительство Сэнт-Эндрюсского аббатства тянулось многие годы, и епископ Роджер в 1202 г. совершал службу по-прежнему в церкви св. Регула. Его преемник Вильям Малвоизин (William Malvoisin) был первым удостоен погребения в новом соборе в 1238 г.

В процессе возведения собор несколько раз разрушался из-за сильных ураганов и окончательно был завершён только к 5 июля 1318 г., спустя четыре года после знаменитой победы Роберта Брюса (Robert the Bruce) при Баннокберне (Battle of Bannockburn), в 1314 г. Тогда св. апостол Андрей был официально провозглашен покровителем Шотландии, а сине-белый стяг с диагональным крестом Андрея Первозванного стал национальным флагом страны в 1385 г.¹⁷

¹⁶ MacLean D. The Northumbrian Perspective, в: Taylor S. (ed.) *Kings, clerics and chronicles in Scotland, 500–1297: essays in honour of Marjorie Ogilvie Anderson on the occasion of her ninetieth birthday*. Dublin: Four Courts Press, 2000. P. 200–201.

¹⁷ Fawcett. Op. cit. P. 8, 11.

Анализ исторических и археологических данных не дает достаточно точную дату появления первых христиан в Килримонте. Данные письменных источников свидетельствуют о VIII веке, археологические — о более раннем времени (на этом месте до основания Килримонта располагалось античное поселение). К X веку килримонтский монастырь уже направляет епископов в другие монастыри и, в свою очередь, епископы окраин стремятся попасть в Килримонт. Такое географически выгодное место и растущий епископат не могли не привлечь внимание Малькольма III, стремившегося к независимости Шотландии от Англии.

Остановимся поподробнее на факте переименования Килримонта. Очевидно, это был замысел царствующей династии — ввести повсеместный культ св. Андрея, который мог дать церковные преимущества Шотландии. Вопрос о том, откуда пришло почитание и кем был инициирован культ Первозванного апостола впервые, остается до конца не проясненным. Среди английских исследователей существует мнение, что культ св. Андрея, как и культ св. Петра пользовался особой благосклонностью еще у пиктского короля Нектана (Nechtan), правившего в VII веке, и был принесен из Нортумбрии, в частности из монастыря в Эксаме¹⁸. И некоторые исследователи утверждают, что в саркофаге покоился сам Нектан¹⁹. Но данная теория не подтверждается фактами. О короле Нектане практически ничего нельзя сказать с убедительной точностью, кроме того, что он путешествовал в Ирландию, чтобы молить св. Бригиту (Saint Brigid) о заступничестве за страну пиктов, после чего одержал победу над нортумбрийцами²⁰.

Легенда о покровительстве св. апостола Андрея шотландцам прижилась, и люди в нее верили, оставалось только найти достойную реликвию, привлечь паломников, возвести величайшее за историю Шотландии аббатство, строившееся на деньги, поступавшие от сбора индульгенций. Для такого проекта подошел саркофаг с прахом короля Ангуса, объявленный мощами апостола Андрея. Благочестивая принцесса Маргарет канонизирована как святая, а будущее поколение обрело надежную поддержку в стенах кафедрального города св. Андрея.

Своим стабильным правлением Малькольм III во многом был обязан поддержке английской короны. Всё чаще он и его потомки обращали взоры от кельтского запада к англо-нормандскому югу, меняя приоритеты и становясь на общеевропейский путь развития.

Кельтская церковь, отрезанная от континента морем, разительно отличалась от Римской по многим признакам организации и обрядности: неприятием римской иерархии, отсутствием диоцезов (епископы не имели областной

¹⁸ Forsyth K. Evidence of a lost Pictish source in the *Historia Regum Anglorum*, в: Taylor S. (ed.) *Op. cit.* P. 25–26.

¹⁹ Henderson I. *Primus inter Pares: the St Andrews Sarcophagus and Pictish Sculpture*, в: Foster S. (ed.) *The St. Andrews Sarcophagus: A Pictish masterpiece and its international connections*. Dublin: Four Courts, 1998. P. 155–156.

²⁰ Anderson A. *Early Sources of Scottish History...* P. xx–cxi.

юрисдикции, а подчинялись аббатствам), иным отсчетом Пасхи (по 84-летнему циклу), доминированием черного духовенства (монашества) над белым (приходским). Еще в начале XI в. в христианском обряде присутствовали черты друидизма. Помимо этого не существовало ни одного большого центра, ни церковного, ни государственного. Сэнт-Эндрюс — город св. Андрея — стал одним из первых городов с самоуправлением, учрежденным королем Давидом I (David I или Dabid mac Mail Choluiim, 1083–1153) в 1124 г. До этого в Шотландии вообще не существовало городов и упорядоченной церковной системы. С появлением Святого города оставалось только найти «мегареликвию», которая позволила бы Шотландской церкви встать в ряд с прочими древними церквями. Подобное укрепление местной церкви и ее тесный контакт с государством на протяжении всей истории помогали отстаивать независимость Шотландского королевства вплоть до 1707 г.

Изменения конца XI — начала XII веков кардинально повлияли на судьбу Шотландии. Надо отметить, что основные изменения произошли довольно быстро — примерно за 20 лет, в течение 1130–1150-х гг. Город св. Андрея стал одним из важнейших паломнических мест, сыскал уважение и почитание. Как известно, величие, торжественность средневековых монастырей не зависела от того, действительно существовали в нем мощи святого, в честь которого создавался храм, или нет. И кафедральный собор св. Андрея по своим масштабам, значимости и почитанию среди паломников ничуть не уступал собору в Кентербери (Англия), где находилась рака мученика Томаса Беккета.

Вопрос о присутствии мощей апостола Андрея в Килримонте был исключительно вопросом политических амбиций правящей династии, отодвигая реальное присутствие мощей на второй план, в центре этой истории стоит политическая деятельность Малькольма III и его потомков. Ведь святых мощей в Шотландии никогда не было: реликвии, привезенные святым Вилфридом и Аккой, не были найдены. Но сложившаяся легенда и псевдоартефакты оказали огромное влияние на ход исторических событий. Причем, легенда срослась с реальностью настолько, что паломники до сих пор приезжают почитать это место как святое.

Наряду с этим у многих остается вера в реальность легенды о том, что мощи св. Андрея всё же коснулись берегов Шотландии и были погребены у самого побережья в IV веке в церкви, от которой до нас дошли только остатки древнего фундамента. Это церковь святой Марии на Скале (St. Mary on the Rock), где жили первые кельтские монахи. Позже, после образования аббатства Сэнт-Эндрюс и принятия устава августинцев эту церковь (за городской оградой) отвели для монахов-кулдейцев, не желавших жить в стенах города.

Для нас большей интерес представляет проблема происхождения данной легенды: зародилась ли она в народе или стала реализованным проектом королевской династии? Почитание праха легендарного короля Ангуса кулдейскими монахами и раннее почитание апостола Андрея в Шотландии первоначально были двумя различными традициями, но в процессе формирования государства они слились воедино, и предание о чудесном обретении

останков апостола подкрепилось реальным артефактом — впечатляющим древним саркофагом. Произошедшая контаминация проводилась при активнейшем содействии династии Малькольма III. Институт власти утверждает и проявляет себя в разных формах, в том числе и сакральных. Так или иначе, эти проявления фиксируются в памятниках культуры (письменных источниках, данных археологии, памятниках архитектуры и т. д.). Поэтому становится возможным реконструировать процессы формирования и легитимизации власти. Правителями систематично и ловко, по определенному образцу, используются исторические сюжеты, которые, вбирая в себя народные представления, вымышленные события и реальную историю, создают идеологию для созидания единого народа и единого государства. А потом те же правители превозносят себя как часть легенды, сакрализируют и утверждая собственную власть. Таким образом миф выходит за рамки своего фикционального мира в мир действительной истории, влияя на формирование сознания людей, его продуцировавших. В нашем случае город Сэнт-Эндрюс с его внушительным аббатством, паломниками, кафедральным собором и «саркофагом св. апостола Андрея» репрезентирует легитимную власть шотландских правителей в глазах Англии, Европы и собственного народа.

Стефано Каприо

Память апостола Андрея в Южной Италии

Апулию, крупнейший южно-итальянский регион, историки часто называют «Восточными воротами». Считающаяся на протяжении веков территорией прохождения народов с Востока, она была таковой и для европейских стран, став в то же самое время и «Западными воротами». Даже сегодня столь сложное явление миграции, которое в течение нескольких десятилетий затрагивает Юг Италии, и в частности Апулию, есть не что иное, как еще одно подтверждение и живое доказательство той роли, что играл на протяжении веков самый восточный регион Италии: роли «связующего звена и моста между афро-азиатскими странами и Европой»¹ для многих народов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на этой земле встречается множество свидетельств о почитании апостола Андрея, глшатая Евангелия Христова по дорогам Востока и европейского Запада.

Истоки христианства в Апулии

Прямых исторических или археологических свидетельств распространения евангельской вести в Апулии в самые первые века христианства не существует². Можно только предположить, что, с учетом ее географического положения и легкого доступа для морской торговли с древних времен, а также близкого расположения к берегам Греции и Эпира, в регион очень скоро проникли миссионеры раннего христианства, среди которых вполне мог быть кто-то из апостольского окружения, если не кто-то из самих апостолов. Легко представить, что в такие города, как Бриндизи, Таранто, Отранто, Веноза, Галлиполи или Каноса (Каноза), в один из первых пришла весть о новой религии иудейского происхождения, учитывая многочисленность и влияние евреев в этих и других центрах региона. Существует даже легенда, что сам апостол Петр прошел через всю эту область во время своего апостольского путешествия в направлении столицы Римской империи: ему приписывают обращение целых городов и селений Апулии и Даунии.

¹ Loconsole M. *La Puglia e l'Oriente. Storia di una relazione inclusiva*. Bari, 2006. P. 19.

² По христианской истории Апулии см. Papagna A. *Cristianesimo in Puglia fino all'avvento dei Normanni (1071)*. Bari, 1993.

Как напоминает Папанья, «это правда, что в первые века не было недостатка в церквях, монастырях и других культовых сооружениях, посвященных апостолу (Петру), и всё же присутствие св. Петра является не критически принятым фактом, основанным главным образом на традиции, согласно которой апостол высадился в Таранто, или Галлиполи, или Отранто, или Бриндизи, откуда затем проследовал в Рим по Аппиевой дороге»³. Культ «князя апостолов», повсеместно распространенный и засвидетельствованный с ранних времен, впоследствии поддерживался деяниями как пап, таких как св. Григорий Двоеслов, что явствует из его посланий духовенству и верным Саленто (где более всего раннехристианских памятников св. Петру), так и монахов-бенедиктинцев, главных действующих лиц литургической и культурной «романизации» края.

Несомненно, что во время последнего преследования Диоклетиана (302–308) различные христианские общины образовались во многих городах области, о чем свидетельствуют мученичества Меркурия из Эклано, Феликса и Доната из Хердонии и поминание Леуция (Левкия) в Бриндизи.

Трудно точно установить период учреждения первых апулийских епархий. Исторически установлено, что епископат Сальпи в Даунии существовал уже в 314 г., когда его епископ Пардо принимал участие в Арльском соборе, что не исключает, что его основание восходит к более ранней эпохе. Так же как и не сказано, что и другие епископаты не возникли одновременно с Сальпи или ранее: *Martyrologium Hieronimianum* упоминает как исповедника епископа Марка Эканского из Даунии (вероятно, рукоположен папой Марцелином /296–304/), чьи останки до сих пор хранятся в кафедральном соборе Бовино, в древности называемом *Vibinum*. Другие апулийские епископы названы среди главных действующих лиц антиарианской полемики первой половины V века. В начале V века евангелизация Апулии почти завершилась, и даже «была учреждена самая настоящая церковная провинция, апулийский епископат, к которому впервые обращается папа Иннокентий I (401–417)»⁴.

Явление Архангела Михаила на горе Горгано в VI веке закрепляет окончательную победу апулийского христианства над язычеством и лангобардским арианством. Помимо самых древних престолов Сальпи, Эки и Бриндизи, существовали, конечно же, епархии Сипонто и Бари, Лучеры, Кармейи и Хердонии, затем Венозы, Ачеренцы, Ларино, Эклано, а также Энъяции, Трани, Лупиате и

³ Op. cit. P. 2. В любом случае есть и такие исследователи, которые склонны считать достоверным возможный апулийский маршрут путешествия Петра из Антиохии в Рим: см. того же Локонсоле в упомянутом выше произведении, с. 33–41. Легендарную высадку апостола оспаривают четыре города: Отранто, Галатина, Леука и Мандурия. Следы пребывания Петра есть и в других городах и селениях Апулии. Например, близ Мандурии, округ Сан-Пьетро-ин-Беванья, где находится храм, посвященный апостолу Петру, который, по местной древней легенде, именно здесь впервые причалил к итальянским берегам вместе со свв. Марком и Андреем. Замечательна свежесть своих вод и река Кидро, протекающая недалеко от храма, где согласно традиции свв. Петр и Андрей крестили первых в Италии христиан: ее воды считались чудотворными и целительными.

⁴ Papagna. Op. cit. P. 5.

Отранто, широко распространившиеся по всей территории *Apulia et Calabria* (лат.: Апулии и Калабрии).

Символическим памятником апулийского христианства первых веков среди прочих является, вне всякого сомнения, барельеф Христа среди апостолов, сегодня хранящийся в муниципальном музее Каstellо-ди-Барлетта. Речь идет о надгробной конструкции огромной длины, которая была привезена из Константинополя в конце IV — начале V века, когда римско-византийское скульптурное искусство достигло своего апогея и ценные произведения доходили и до Юга Италии. Это совершенно не исключает того, что барельеф, как и другие аналогичные памятники, мог быть создан греческими мастерами, работающими в самом регионе⁵.

Отношения Апулии с Константинополем

Земли Южной Италии всегда были тесно связаны с греческой историей, на разных стадиях ее развития, с самых древних времен Великой Греции (*Magna Grecia*). Еще до многочисленных догматических полемик, возникших в уже христианизированной империи, начиная с IV века греческое влияние присутствует во многих областях Апулии, в самом зарождении городов, языке, культуре, обычаях и нравах. Неудивительно, что христианская империя Востока, надолго пережившая павшую в V веке западную часть, оставила свой след в истории и религиозности апулийских народов. Названия многих церквей и монастырей связаны с восточной литургией и церковным календарем, святые из которого почитаются по сей день.

В целом, в ходе богословских и институциональных диалогов, подчас вовлекавших высшие церковные иерархии Рима и Константинополя, «Апулийская церковь не оставалась бездейственной и равнодушной и за исключением Земли Отрантской, перешедшей с иконоборством под юрисдикцию Константинопольского патриархата: она, хотя и действовала самостоятельно, но осталась верной Риму, помимо многочисленных исключений», напоминает А. Папанья⁶. Это относится и к периодам наиболее глубокого конфликта, X и XI веков, когда из Византии приходили заманчивые предложения автокефальных архиепископских титулов и соответствующих пребенд, а для священников — избежать celibата, обязательного для латинян, но не для греков. Империя в любом случае превратила салентийский городок Отранто в византийскую столицу Юга Италии.

У нас есть свидетельства участия с IV в. апулийских епископов в многочисленных восточных соборах, начиная с Никейского собора 325 г., на котором присутствовал Марк Калабрийский, по всей вероятности, епископ Бриндизи (или, может

⁵ Укажем великолепный обзор Capone L. *Puglia. I luoghi della fede*. Lecce, 2006, и сборник *Cattedrali di Puglia. Una storia lunga duemila anni* (под ред. C.D. Fonseca). Bari, 2001.

⁶ Ibid., p. 20.

быть, Эки). В Сардикийском соборе 343 г. принял участие Стеркорий Каносский, который выступил в защиту Никейского символа веры. После Халкедонского собора 451 г., на котором апулийские епископы не присутствовали, каносский епископ Пробо был направлен уладить от имени папы Льва I дисциплинарные проблемы, вызванные решениями самого собора; его миссия, согласно посланию папы Геласия епископам Дардании, имела положительные результаты. И еще один епископ первоначальной церкви Каносы, великий Савин (Сабино), в 525 г. отправился в Константинополь в качестве далеко не второстепенного члена дипломатической миссии папы Иоанна I, которую призвал король Теодорих, дабы убедить императора Юстина отказаться от радикальных мер, направленных против ариан и, следовательно, против самих готы. Тот же святитель Савин Каносский, мощи которого почивают в кафедральном соборе Бари, участвовал в Римском соборе 531 г. наряду с папой Бонифацием II, тогда как папа Агапит в 535 г. поставил его во главе делегации, направленной в Константинополь (его сопровождал другой епископ тогда апулийского Эклано, Епифаний). По одной легенде Савин вместе с другими апулийскими епископами участвовал в освящении папой Геласием базилики Архангела Михаила в Гаргано и церкви апостола Андрея в Барлетте, которая восходит уже к XIII веку.

Апулийские епископы были вместе с папой Вигилием в Константинополе примерно в середине VI века, когда речь шла о вопросе о «Трех глав»: это были Доменико Галлипольский и Венанцио из Лечче (Лупиае). И век спустя в 649 г. апулийские прелаты присутствовали на торжественной ассамблее геростического папы Мартина I, которая устраивалась для осуждения *Ekthesis* восточного императора Гераклия и *Typos* его преемника Константа II. Там были Иоанн (Джованни) Галлипольский, Калунноизий (Калунноизо) из Дезины, Андрей (Андреа) Отрантский и Иоанн (Джованни) из Таранто.

С 726 г. император-иконоборец Лев III Исавр подчинил византийский Юг Италии юрисдикции Константинопольского патриархата. Это политическое, церковное и идеологическое господство продолжалось вплоть до XI века с различными нюансами в отношениях с отдельными городами и епархиями. Многие епископы в целом оставались верными Византии, но были и такие, кто неохотно принимал патриаршие распоряжения. Сохранилось немало следов изначального противодействия иконоборчеству, которое только в IX веке потерпело полное поражение в самом Константинополе. Сами чудесные обретения византийских икон, как в Монополи, так и позднее в Фодже, являются очевидными знаками этих событий.

Среди христианских храмов того периода целый ряд был посвящен св. Андрею, что является свидетельством верности константинопольскому патриархату, выраженной в культовой форме. От многих сегодня не осталось и следа, как например, от церкви монастыря св. Андрея бриндизийского острова, расположенного на входе в порт Бриндизи и посещаемого многочисленными итало-греческими монахами в VIII веке. Недалеко от него располагался греческий монастырь св. апостола Андрея, возникший, вероятно, в VI веке и достигший своего расцвета позднее, в X–XI веках.

Только в 1061 г., спустя десятилетие после окончания византийского господства в регионе, с избранием епископа Андрея, Бари вернулся к традиционному повиновению римскому понтифику. В Бари состоялся синод в 1063–1064 гг., в присутствии архиепископа Арнольфо из Козенца, викария папы Александра II, позволившего немногим раньше Андрею использовать палиум, но Бари был еще византийским, и архиепископ дорого заплатил за свою верность Риму: вызванный в 1066 г. в Константинополь, он больше не вернулся на родину.

Само население, дабы подчеркнуть свою верность грекам и символично дистанцироваться от «филоримского» епископского престола, несколько лет спустя организовало легендарную экспедицию барийских торговцев в Малую Азию, из которой они триумфально вернулись с мощами святителя Николая Мирликийского: в честь чудотворца был построен под руководством аббата Илии собор, не уступавший епископскому (и в наши дни является духовным символом города и отчасти всего Юга Италии).

В XI веке распространение греческой церкви на Юге Италии, сопровождающееся эллинизацией культуры и обычаев местного населения, получает сильный импульс с выходом на арену катапана Василия Бойоаннеса, который помимо подготовки прочных оборонительных сооружений против лангобардов и германцев, основав в различных стратегических пунктах города-крепости, учредил епископаты, внося вклад в том числе посредством греческих и грекофильных епископов в расширение уже существующих митрополий и в основание совершенно новых. Северный регион Апулии получил в тот период греческое наименование Капитана, земля катапанов (капитанов).

Восточное монашество в Апулии

Апулийская область, по своему особому географическому расположению примерно в восьмидесяти километрах от противоположного берега Адриатического моря, который уже является Востоком, со своими многочисленными доступными причалами и своими важными портами, а также благодаря своей геологической структуре не намного отличающейся от многих восточных регионов, таких как Каппадокия, подходила для приема всех прибывавших с Востока, подталкиваемых врожденной непоседливостью, мобильностью и некоторой склонностью к бродяжничеству или другими разными и сложными причинами, в том числе и политико-религиозными. Стремление к уединению и одиночеству всех тех, кто причаливал сюда после долгих и полных приключений путешествий из родных краев — скорее Сирии, Палестины и Египта, чем самого Константинополя, — удовлетворялось обретением в скалистых зонах, которыми изобилует Апулия, мест, пригодных для отшельнической монашеской жизни.

Нелегко точно или даже приблизительно рассказать о первичном возникновении монашества в Апулии: источников либо нет, либо они скудны или фрагментарны, а указания неоднозначны. Несомненно то, что первые калогеры (так звали иммигрировавших монахов-вавилонян) прибывали с Востока нерегулярно, по отдельности или маленькими группами, то есть речь никогда

не шла о целых миграционных потоках, тем более значительных, и это были как духовные лица, так и миряне. Изначально анахореты обосновывались в уже существовавших пещерах и ущельях и только потом начали выкапывать туповые гроты, руководствуясь скорее потребностями своей монашеской жизни, чем каким-то разумным критерием и восточными архитектурными канонами. В V-VI вв. мы не далеки от определения если не Апулии, то, по крайней мере, Саленто, как «провинции» (малого) византийского искусства: в каждом пещерном центре можно усмотреть своего рода Фиваиду в уменьшенном масштабе, поскольку это был период значительного подъема жизни в гротах и сохраняется множество следов раннего отшельничества.

Мы действительно находим вилианские поселения в Капитанате (Пескичи, Виесте, Манфредония, Сипонто), в регионе Бари (Барлетта, Трани, Молфетта, Андрия, Бари, Гравина и Альтамура) и в регионе Саленто (Кастелланета, Моттола, Массасфра, Гроталье, Таранто, Ория, Бриндизи, Галлиполи, Удженто, Кастро и Отранто). Типичным примером является Валле-дей-Ромити в Гаргано, на территории Пульсано в окрестностях Монте-Сант-Анджело, где недавно был отреставрирован и вновь открыт богородичный монастырь, в стенах которого снова совершается литургия византийского обряда.

Совершенно естественно, что в этом контексте получило развитие почитание апостола Андрея, покровителя Восточной церкви. В живописном скальном комплексе Сасси в Матере⁷, куда прибывали главным образом армяне и сирийцы, мы находим среди прочих скальную церковь св. Андрея, на левом склоне оврага, на полпути между церковью Святой Софии и *Mater Gratiae*.

Речь идет о гроте, целиком вырубленном в скале, на вершине которой проходит дорога и находится колокольня для созыва верующих. Внутри было 10 колонн и каменные скамьи у стены для молящихся. В главном алтаре находилась написанная на стене икона Пресвятой Девы с Младенцем во чреве, со св. Петром, справа, и св. Андреем, слева (ее название, данное археологами, связано с тем, что почти вся утварь тут отмечена изображением апостола Андрея).

Всё в той же Матере мы находим образ св. Андрея в еще одном скальном сооружении, крипте св. Иоанна в Монтерроне внутри церкви Пресвятой Девы Марии «де Идрис»: апостол Андрей держит на руках Младенца Иисуса, а его фигура «с изможденным лицом, пронизательным и суровым, представляет собой классический прототип грубого и прямолинейного экспрессионизма средне-византийской эпохи (IX в.)»⁸.

Аналогичным памятником является скальная церковь свв. апостола Андрея и Прокопия в Монополи, на побережье к югу от Бари. Кроме того, Монополи связан с чудесным обретением иконы в море напротив городского порта, иконы, которая является покровительницей самого города и естественно напоминает нам о защите образов от иконоборческого гонения⁹.

⁷ См. Giordano D. *Comprensorio rupestre appulo-lucano: casali e chiese da Gravina al Bradano*. Bari, 1992.

⁸ См. *Le cripte di Matera, Matera: Circolo La Scaletta*, 1966.

⁹ См. Dell'Aquila F., Messina A. *Le chiese rupestri di Puglia e Basilicata*. Bari, 1998.

В городке Джойа-дель-Колле монашеские гrotы находились на утесе, давшем название самому городу, византийский центр которого назывался Борго ди Сант-Андреа, Свято-Андреевская слобода. В соседнем городке Ория находится Андреевский холм, Монте ди Сант-Андреа. В катакомбной церкви св. Леонарда в Массафре мы видим большую византийскую фреску на своде крипты, вырубленной в скале, которая изображает апостолов Петра и Андрея; в соседней скальной церкви Сант-Анджело в Казальротто, в окрестностях Моттола, фигура апостола Андрея заменяет в деисусе правой абсиды фигуру св. Иоанна Крестителя. Важное изображение св. Андрея находится также на фреске церкви-крипты Сан Биаджо (св. Власия) в Сан-Вито-дей-Норманни.

На земле Отранто находился уже упомянутый монастырь св. Андрея дель Изола в Бриндизи. Остров, на котором возвышаются Кастелло-Альфонсино и Форте-а-Маре, в древности назывался Бара (название восточного происхождения, возможно, еврейского): тогда он был очень известен и упоминается Цезарем, Аппианом, Плинием, Мелой и Луканом. Остров был использован во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем. Считается, что жители, изгнанные с острова военными событиями, основали Бари (древнее название Бариум). Вероятно, уже с VI века на острове заселялись многочисленные анахореты, и уже с VIII века здесь была церковь, посвященная апостолу, с пристроенным монастырем, пережившим свой золотой период в X–XI веках., во времена византийского господства и в частности между 967 и 1030 гг., с восстановлением города Бриндизи. Возможно, от этого монастыря зависели все остальные поселения калогеров бриндизийского региона.

В 1059 г. монсеньор Евстазий, архиепископ Ориийский-Бриндизийский, резиденция которого находилась в Монополи, передал ее барийцам Мелу и Теуделману для строительства монастыря (уже латинского) в честь апостола Андрея, почитание которого таким образом не ограничилось византийским периодом. Это важное бенедиктинское аббатство (его внушительные капители сегодня выставлены в Региональном музее) было построено за короткое время: в 1062 г. аббатом Андреевского монастыря был Мел. В последующие века монахи аббатства перенесли культ апостола и в город, в одну церковь, которая находилась на мысе св. Андрея. В 1579 г. церковь и «малый» монастырь св. Андрея (чтобы отличить его от аббатства острова) пришли в упадок, и апостолу была посвящена часовня в новой монастырской церкви св. Терезы, возведенной в 1671 г.: монастырь, принадлежащий Ордену босых кармелитов, граничил с разрушенными церковью и монастырем.

Другой остров св. Андрея — Изола ди Сант-Андреа — находится еще южнее, и в настоящее время это заповедник, относящийся к городской территории Галлиполи. Площадь острова, называемого так по причине нахождения здесь маленькой часовни, посвященной св. апостолу, восходящей к VII в., составляет примерно пять гектаров, и отстоит он меньше чем на милью от старого центра Галлиполи.

Места и знаки почитания св. Андрея в Апулии

Отслеживать далее историко-религиозный путь апулийских народов необходимости нет, и мы отметим лишь, что на протяжении веков за византийцами следовали властители, захватчики и правители, зачастую и новаторы, и просвещенные, благодаря которым апулийские земли изобилуют очарованием и историческими преданиями, свидетельствующими об их непрестанной роли перекрестка Европы, сохраняющейся и по сей день. Почитание апостола Андрея в этом чередовании культур и обычаев, в том числе и религиозных, не утратилось, хотя и не находило более авторитетного константинопольского влияния, а оставалось в русле других апулийских почитаний — Михаила Архангела, свт. Николая Мирликийского, и с недавних времен — гарганского отшельника, падре Пия из Пьетрельчины.

Значительным было историческое присутствие армян в Апулии, связанное, впрочем, с византийским. Мы имеем множество свидетельств в документах барийского Дипломатического кодекса об армянской общине в Бари. В 1005 г. армянский священнослужитель Мозес (Моисей) основал церковь св. Георгия, вероятно, располагавшуюся при Дворе катапана, на месте, где будет возведена базилика свт. Николая, упоминаемую часто как «Сан Джорджо ди Порто», а в 1210 г. как «Сан Джорджо дельи Армени». Армянский квартал Бари находился как раз напротив двора катапана; до сих пор сохранилась, в романской форме, церковь, посвященная св. Григорию Просветителю, апостолу христианства в Армении (IV в.). Армяне играли первостепенную роль в византийской армии; действительно между 1008 и 1010 гг. катапаном был армянин Иоанн из рода Куркуасов (Гурген), а в 1011 г. армянин Леон Торникос (Торник) стратег *thema* Кафалонии, отвоевал Бари, находясь на службе в византийской армии. Таким образом, присутствие армянской общины в Бари было крайне важным и оставило след и знаки, о которых часто забывают; одним из них является местность Сант-Андреа, зона барийского центра, связанная с древним поселением армян. И в близлежащем городке Битонто есть приход, в древности посвященный св. Андрею, и то же самое немного южнее на побережье, в Конверсано.

Вероятно, в Таранто тоже были армяне: еще сегодня существует в историческом центре главного ионического города армянская Св.-Андреевская церковь (Сант-Андреа дельи Армени), возведенная в 1353 г. Некоторые сведения, восходящие к XIV веку, позволяют предположить, что сооружение относится к раннему Средневековью, но, к сожалению, эти свидетельства недостаточны для того, чтобы говорить о его расположении в квартале или архитектурной структуре. Сохранился один из протоколов, составленных архиепископами Таранто в ответ на решение Тридентского собора, которое обязывало епархии предоставлять подробный отчет о материальном состоянии имущества церкви. Этот документ восходит к пастырскому визиту, совершенному 9 января 1609 г. епископом монс. Франджипане, и здесь мы читаем что «Девятого января 1609 г. в Таранто вышеназванные визитаторы, продолжая вышеуказанный визит,

вместе с вышеназванными помощниками посетили церковь св. Андрея «дель Армени», расположенную в городе Таранто, в районе Бальо, на границе между этим районом и районом Сан Пьетро, в окрестности и квартале, называемом Сант-Андреа, вблизи домов, расположенных вокруг этой церкви»¹⁰. В Таранто и в соседней Мартина-Франке и по сей день совершаются службы по армянскому обряду.

Еще одним андреевским следом, имеющим большое символическое значение, являются «Врата св. Андрея», называемые также аркой Фридриха II, в городе Андрия, откуда берет начало необыкновенная кавалькада в истории швабского императора, язвительно называемого как *Puer Apuliae* (Апулийское дитя), а затем восторженно восхваляемого как *Stupor Mundi* (Диво мира). Андрию, само название которой напоминает об апостоле, Фридрих считал особенно верной его просвещенной власти, о чем свидетельствует надпись, сделанная в 1230 г.: *Andria Jidelis nostris affixa medullis*. Арка на самом деле является одними из наиболее древних ворот норманнской Андрии (XI в.); через нее Фридрих II проходил со своим двором, когда был принят патрициатом Андрии, поклявшимся ему в верности во время известных восстаний, связанных с VI Крестовым походом, откуда и соответствующий эпитаф. Именно здесь Фридрих объявил о рождении второго сына Конрада в 1228 г. и опять здесь же, в крипте величественного собора Санта Мария Ассунта (XII-XV века), погребены две из трех императриц, две жены того, кого церковь боялась как Антихриста: Иоланта Бриеннская, умершая в 16-летнем возрасте после рождения Конрада, и Изабелла Английская, также скончавшаяся от родов в Фодже. Рядом с историческими воротами сегодня пролегает территория прихода св. Андрея апостола.

Самым значительным памятником всей Апулии, связанным с почитанием Первозванного, является, конечно же, церковь св. Андрея в Барлетте, городе, знаменитом благодаря средневековому турниру между анжуйцами и арагонцами, недалеко от Андрии. Церковь имеет структуру трехнефной базилики и сегодня представляет собой результат различных переделок XVI-XVIII веков (от Средневековья сохранился лишь портал). Первое неоспоримое свидетельство о существовании церкви Сант-Андреа восходит к XII веку; документы этого периода говорят о храме, посвященном Спасителю. В XVI веке семья Делла Марра, владевшая им, передала церковное сооружение монахам-обсервантам, чья церковь Сант-Андреа фуори ле Мура была разрушена в 1528 г. французскими войсками Лотрека.

Другие знаки почитания апостола рассеяны по всему региону: квартал Сант-Андреа существует в соседнем городке Сан-Фернандо-ди-Пулья. В нескольких километрах от Барлетты, близ города Бишелье, находится парк св. Андрея, где возвышается древняя вилла, посвященная апостолу; маленькая церковь, посвященная апостолу, находится также в районе старого порта Трани, тоже на побережье, прилегающем к Барлетте, и еще одна немного

¹⁰ Цит в: Zanotti Bianco U. *La Puglia e gli armeni*. Bari, 2006.

южнее, в городке Джовинаццо. Кроме того, на том же участке побережья на севере от Бари, находится город Мольфетта, главным центром которого является остров св. Андрея, являвшийся его первым городским центром и характеризующийся уникальной планировкой «елочкой». На нем возвышаются величественный кафедральный собор св. Конрада, романское сооружение XI в., и барочная церковь апостола Петра.

В Фодже, городе, избранном Фридрихом II для императорского престола, недалеко от придворного дворца находилось предместье св. Андрея с прилегающей церковью, посвященной апостолу, ныне исчезнувшей. Первые сведения об этой церкви приводятся в булле Климента III от 20 марта 1190 г., где говорится о правах, предоставленных епископом Гульельмо Троянским, великим папским полномочным представителем в Капитанате; церковь была возведена капитулом и, вероятно, была императорской церковью, если учесть, что в то время епископа не было в Фодже, городе, основанном в 1073 г. после обречения священного образа «Иконаветере». Как и в Монополи, заступничество чудотворной иконы напоминает о православных монахах, почитателях икон, объединяя также во имя апостола Андрея греческую культуру с культурой норманнско-швабского периода¹¹.

К северу от Фоджи в Сан-Северо мы находим собор в честь св. Андрея. Недалеко, в городке Торремаджоре, рыцари-тамплиеры обслуживали обитель св. Петра, которая в 1288 г. перешла от бенедиктинцев к храмовникам, впоследствии 9 июля 1295 г. папа Бонифаций VIII передал тамплиерам в Торре-Маджоре *castrimi* (замки) Сан-Северо, Сант-Андреа-де-Скарсия-Ривалис, здание монастыря и другие строения, церкви и преимущественные права. На северных границах Капитанаты, рядом с городом Лезина, где побережье до Гаргано замыкается соленым озером, мы находим древний канал св. Андрея, который согласно документации издавна был единственным настоящим устьем лагуны. Рядом с каналом еще в дороманский период была возведена церковь св. Андрея *ad Fuci veterem* (у старого устья). В Виесте, на восточном конце Гаргано, в красивом местечке находится предместье Сант-Андреа.

На южной стороне полуострова Гаргано, там, где снова начинается обширное Адриатическое побережье, каждый год проводится Праздник моря, посвященный св. Андрею, как покровителю рыбаков. Это праздник покровителя Манфредонии, важного центра фоджийского региона, носящего имя Манфреда, сына Фридриха и последнего швабского монарха южной Италии. Город возвышается рядом с древним портом Сипонто, одной из самых важных археологических зон всей Апулии, хранящей развалины древних базилик первой византийской эпохи, как, например, аббатская церковь Сан Леонардо и собор Санта Мария Маджоре, где находится великолепная Мадонна дальи окки сбаррати (Божья Мать с закрытыми очами), почитаемая местными верующими. В прошлом из Сипонто отправлялись паломники, которые по Священной дороге лангобардов, от Монте-Сант-Анджело спускались вдоль

¹¹ См. Di Giola M. *Foggia sacra ieri e oggi*. Foggia, 1984.

берега, чтобы плыть в Иерусалим. С 30 августа по 1 сентября в Манфредонии все жители, как когда-то древние паломники, участвуют в престольных праздниках, которые завершаются 1 сентября «морской процессией» св. Андрея, с парадом лодок и впечатляющими фейерверками на воде, которые можно наблюдать со всего побережья.

Различные праздники в честь апостола проходят и в Новоли, маленьком центре Верхнего Саленто, где главный приход посвящен св. Андрею. Апостол является покровителем и Презичче в окрестностях Лечче, где посвященный ему большой праздник отмечается в последнее воскресенье ноября, когда в честь святого идет процессия до побережья, в которой принимают участие рыбаки в традиционных одеждах, а вдоль дороги, ведущей к морю, разжигается большой костер, для чего заранее заготавливается большое количество хвороста (на костре готовится рыба-краснобродка — традиционная в этот день еда). Другие процессии на море, во время которых чествуется апостол Андрей, проводятся также в Санта-Чезареа-Терме, 1 сентября, и в Кастриньяно-дель-Капо рядом с Леукой 15 августа (и тот, и другой — в провинции Лечче).

На фоджийской территории мы находим древнейшую церковь св. Андрея в верхней части городка Сант-Агата-ди-Пулия, очаровательного селения в 800 метрах над уровнем моря среди субапеннинских отрогов южных Монти-Дауни. Речь идет о первой христианской церкви селения, построенной на развалинах языческого *Artemisium Apuliae Versus*. Историк Джерардо Маруотти, выдвигая достаточно убедительные аргументы, считает ее церковью византийской эпохи (и, следовательно, самой древней для Сант-Агата), возведенной между серединой и концом VI века.¹² Дата, высеченная на фасаде церкви (1542) относится не к изначальной постройке, а к перестройке, ставшей необходимой из-за статических дефектов. И можно предположить, по аналогии с соседней церковью Сант-Анджело, что уже веками раньше она была перестроена на месте изначальной. В церкви почитаются древняя статуя Девы Марии Константинопольской и большое деревянное распятие дороманской эпохи. Приход св. Андрея находится и в соседней Тройе, важном византийском центре субапеннинской зоны.

Краткий обзор почитаний апостола Андрея в конечном итоге приводит нас к мысли о том, что в южной Италии (по крайней мере в ее восточной части), совершенно не было необходимости ожидать возвращения крестоносцев из Константинополя с реликвиями апостола Первозванного, дабы выразить свою преданность главе чина апостолов. Андрей, в свою очередь, призвал брата Симона-Петра — «Священный Камень», на котором стоит основанная Иисусом Христом церковь, и этого достаточно для того, чтобы его поминали в своих благодарениях все христиане, принявшие от апостолов весть о спасении, действительную для всех времен и народов.

¹² См. Maruotti G. S. *Agata di Puglia nella storia medievale*. Foggia, 1981.

Амальфитанская святыня и ее обрамление

Можно сказать, что Амальфитанское побережье (Costiera Amalfitana) живет под «сенью» своего изумительного кафедрального Свято-Андреевского собора (Duomo di S. Andrea), воздвигнутого ради достойного размещения одной из главных святынь христианского мира — мощей апостола Андрея Первозванного. Если учесть, что апостол считался покровителем Византии, «Второго Рима», и основателем Цареградской церкви, то перенесение его мощей в 1208 г. из Константинополя для амальфитанцев становилось равнозначным переносу сакральности высшего порядка, чуть ли не усвоением статуса «Третьего Рима».

Неожиданное получение ценнейшей реликвии не явилось единственной причиной местного великолепия: Амальфи служил столицей одной из четырех могучих Морских итальянских республик, у которой, во время ее существования, с 839 по 1135 г., сложились развитые и плодотворные отношения со многими странами и народами, в особенности — с Востоком и с той же Византией (яркое выражение этих отношений — Амальфитанский монастырь «западного обряда» на Святой Афонской горе¹).

Появившийся в итоге монументальный ансамбль кафедрального собора — это живое свидетельство блестящего «международного» прошлого края, и его «прочтение» дает много нового для церковной истории, не только местной, но и общеевропейской.

Вот как описал свое впечатление от визита в собор известный духовный писатель А. Н. Муравьев, который посетил Амальфи в 1845 г., сподобившись попасть прямо на праздник перенесения реликвии:

За горою внезапно предстал Амальфи, в своей узкой долине, столь очаровательной для взоров массою зелени, белых домов и диких башен, раскинутых по утесам, и самую картину города. Первым моим движением было устремиться в собор. <...>

¹ Монастырь, основанный на Афоне в XI в. бенедиктинскими монахами, выходцами из Амальфитанской республики, был упразднен в конце XIII в. после падения «франкократии», «ига франков», т.е. владычества европейцев-католиков (преимущественно французов), и соответствующей реакции византийцев против Запада. В настоящее время из построек монастыря осталась лишь башня (пирг), сохранившая название Амальфитанской.

Широкое крыльцо, о пятидесяти семи ступенях, величественно подымалось, от самой площади, где стоял лик апостола над фонтаном, в возвышенный притвор, полувизантийский, полуарабский. <...> «Отчего здесь такое торжественное собрание?» — спросил я своего проводника. «Сегодня память перенесения мощей св. апостола Андрея, из Константинополя в Амальфи (празднуется 8 мая нов. ст. — *M. T.*)», — отвечал он. С радостным изумлением взглянул я на своего товарища. Итак, мое желание исполнилось, и здесь встречает нас торжество духовное².

В настоящее время в соборный комплекс, частично музеефицированный, входят так называемый Райский дворик (*Chiostro del Paradiso*), базилика Распятия (*Basilica del Crocifisso*), крипта св. Андрея (*Cripta di S. Andrea*) с его мощами и собственно собор (*Duomo*).

Самая древняя его часть — базилика Распятия, основанная в 596 г.: долгое время именно она служила кафедральным собором. У западного его фланга в конце X века устроен клуатр (итал.: кьостро), обращенный затем в привилегированное кладбище, землю для которого привозили первые крестоносцы из Палестины — отсюда и название Райский дворик как обетование грядущего рая для погребенных тут амальфитанских нобилей.

В начале XII столетия, в момент наивысшего расцвета республики, появилось новое главное здание, нынешний собор, сформировавший с изначальной базиликой Распятия одно шестинефное строение, в романском стиле — воистину великолепный символ богатого морского государства.

Позднее, когда эти обширные церковные пространства перестали соответствовать положению края, они были разделены сплошной стеной, образовав две разные церкви и получив новый барочный декор. Древняя базилика Распятия при этом, по сути дела, обратилась в придел Дуомо, в капеллу, играя отныне маргинальную роль в жизни города. Ее малая культовая значимость в итоге вызвала «соломоново» решение епархиальных властей — образовать тут Музей диоцеза Амальфи, Кава-дей-Тиррени³. Таким образом, опустевший и деградировавший было древний храм заполнился богатой экспозицией, напоминающей о могуществе Амальфитанского берега в прошлом.

Вне сомнения, после падения Морской республики (из-за жесткой политики правителей соперничавших с ней Генуи и Неаполя), это могущество во многом сохранилось — так благодаря обладанию мощами апостола: как и в других европейских паломнических центрах, новые реликвии тут появлялись в результате массового потока богомольцев, среди которых были и предшественники «сильных мира сего». Именно этот вновь прибывший в Амальфи корпус святынь и реликвий получил богатое оформление, доступное теперь — в каче-

² Муравьев А. Н. Римские письма. Ч. II. СПб., 1849. С. 229. Добавим, что писатель сыграл важную роль в истории Свято-Андреевского русского скита на Афоне и вообще в утверждении церковного почитания апостола Андрея, выступив с почином написания его акафиста. Погребен в Андреевской церкви в Киеве.

³ Таково официальное название Амальфитанской епархии, в которое включено селение Кава-дей-Тиррени в знак уважения к его старинному и некогда могущественному бенедиктинскому аббатству (XI в.).

стве музейных экспонатов — для всеобщего обозрения. Среди них выделяются бюсты-мощевики апостолов Иакова Зеведеева и Иакова Алфеева, мученика Евстахия, преподобного Павла Фивейского, праведной равноапостольной Марии Магдалины, внушительная декорированная шкатулка-мощевик со сценами из жития бессребреников Космы и Дамиана (частицы их мощей, к сожалению, утрачены). Тут же крест с частицей Животворящего Креста Господня и реликварий с шипом из тернового венца⁴.

Непосредственно к культу Первозванного относится другой богатый реликварий, прежде находившийся в крипте и содержавший миро (в местной традиции — манна), исходящее от мощей апостола Андрея.

В базилике Распятия, в ее юго-западной части, — там, где сохранились фрески в византийском стиле «Коронование Девы Марии» и «Христос на престоле» — помещен также настенный образ основателя ордена госпитальеров (Мальтийского) и его первого гроттмейстера, выходца из Амальфитанского края Герарда де Саксо (Джерардо Сассо)⁵, причисленного Католической церковью к лику блаженных. Фреска рубежа XII–XIII веков представляет Герарда вооруженным мечом, хотя право на ношение оружия, первоначально для охраны паломников в Палестине, получили от Римского престола лишь его преемники.

До сих пор рыцари Мальтийского ордена часто проводят свои церемонии в Амальфитанском краю, в том числе принятие в орден новых кавалеров и кавалерственных дам. Символично, что госпитальеры усвоили герб Амальфи, восьмиконечный крест, впоследствии прозванный мальтийским.

Об орденских церемониях в базилике Распятия напоминает «Золотое руно» (*Toson d'Oro*), высочайшая награда Католической церкви, предназначенная для монархов и вручаемая исключительно гроттмейстерами Мальтийского ордена. Орденский знак состоит из золотой цепи, с крестами апостола Андрея, завершенной большим рубином и изображением символического руна.

У спуска в крипту, к мощам апостола Андрея, поставлен серебряный престол, шедевр неаполитанского ювелира Л. Кавальере (1711 г.). Прежде, до недавней реставрации, этот престол украшал раку Первозванного, и его горельеф представляет некоего паломника перед гробницей апостола, держащего в руках фиал с миром, источаемым от мощей святого.

Крипта кафедрального собора — самое священное место в Амальфи, ибо именно тут хранится великая реликвия, мощи апостола Андрея Первозванного. Помещенные сюда в 1208 г., они никогда не извлекались из раки и не подвергались освидетельствованию.

⁴ В экспозиции также выделяется т.н. анжуйская митра, восхитительная работа неаполитанских мастеров, трудившихся при анжуйском дворе и исполнивших ее, в 1297 г., для Людовика, епископа Тулузского, сына короля Карла II. Это воистину «царская шапка», равных которых нет в Европе. Фоном для драгоценных камней, вставок из золота служат около 20 тыс. жемчужин.

⁵ Предполагают, что Герард де Саксо родился в местечке Скала, близ Равелло.

Для рассказа о крипте предоставим опять слово А. Н. Муравьеву:

Мы спустились, тридцатью мраморными ступенями, в подземную церковь, которая находится под главным алтарем. Там уже стоял священник, над гробовым престолом, читая входные молитвы. Я стал на колени с народом, возле решетки. Хотя обедня совершалась безмолвно и с чуждыми для меня обрядами, но мне отрадно было видеть освящение даров над мощами моего Ангела, который засвидетельствовал своими мучениями истину приносимой жертвы. Невольно я плакал и молился, как бы у себя, потому что душа моя была исполнена святынею места. <...> Я решился попросить себе хоть несколько хлопчатой бумаги, которую опускают в дни праздников через отверстие каменной гробницы на самую раку, источающую так называемую манну, по местному благочестивому преданию. При свете неугасимой лампы видно было через решетку, под алтарем, серебряное устье на каменной плите. Но если и закрыта сама рака, по обычаю западному, где святыня мощей всегда находится под спудом, то нет ни малейшего сомнения о пребывании здесь нетленных останков апостольских, ибо по летописям церковным достоверно известно, что святыне мощи перенесены были сперва из Патраса, где окончил свой подвиг Первоzvанный апостол, в Царьград императором Константином в 336 году и поставлены там в соборном храме Святых Апостолов. Когда же в 1204 году крестоносцы овладели Царьградом и расхитили большую часть святыни восточной, то некто Петр, благородной фамилии Капуанской (Пьетро Капуано — М. Т.), родом из Амальфи, будучи легатом папским при стане крестоносцев, испросил у папы Иннокентия III позволение перенести мощи Первоzvанного в свое отечество, и это совершилось в 1208 году, 8 мая⁶.

Это перенесение мощей, из Константинополя в Амальфи, изображено и в самой крипте, на фреске слева от органа (худ. Аньелло Фальконе, XVI в.).

Миро, истечение которых от мощей документировано за последние 750 лет, собирается в особом хрустальном флаконе, помещаемым над ракой, внизу крышки в главном алтаре. Три раза в год, на праздники св. Андрея, крышку над ракой поднимают и извлекают флакон с влагой, которую затем распространяют в особых пакетах с ваткой.

Современные барочные формы крипты появились благодаря щедротам испанского короля Филиппа III (XVII в.). Своды расписаны в 1660-е годы сценами Страстей Господних. Главный мраморный алтарь — работа Доменикино Фонтаны, в то время как центральная статуя Первоzvанного изваяна в 1604 г. флорентийским маэстро Микеланджело Наккерини, учеником Микеланджело Буонарроти. Весом 800 кг и высотой 2,36 м, она напоминает знаменитое изваяние Моисея в римской церкви Сан Пьетро ин Винколи. По сторонам — мраморные статуи святых архидиаконов Лаврентия и Стефана резца Пьетро Бернини (отца Джан-Лоренцо Бернини).

Затылочная часть честной главы Первоzvанного хранится в особом киоте с тыльной стороны алтаря и открывается по особым случаям (другие большие части главы апостола Андрея хранятся в Греции — в Патрах и на Афоне, в Свято-Андреевском ските).

⁶ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 235.

Великолепный Дуомо, поставленный над криптой, встречает посетителя пышным барочным убранством (к сожалению, оно скрыло первоначальную строгость и линейность романской постройки). Разноцветные мраморы, торжественный большой алтарь, роскошный золотой плафон — все это по праву выдвигает амальфитанский собор в ряд лучших церквей итальянского юга.

Холсты плафона, исполненные в начале XVIII века живописцем Андреа Д'Аста, изображают (начиная от входа) различные эпизоды из жития Первозванного апостола: *Бичевание, Распятие, Чудо мироточения, Положение во гроб*. В апсиде — полотно того же художника *Распятие апостола Андрея*, а боковые картины плафона, в поперечном трансепте исполнены в ту же эпоху художником Джузеппе Кастеллано на темы *Призвание апостола Андрея* и *Чудесный лов*.

В центре алтаря, украшенного малыми колоннами с мозаиками в стиле Космати, резными аналоями (выделяется романский, в форме орла), амвонами — престол, устроенный из гробницы кардинала Пьетро Капуано, главного деятеля перенесения мощей, скончавшегося в 1359 г. На саркофаге изображены Спаситель, Божья Матерь (с противоположной стороны), 12 апостолов, святые Николай Чудотворец и Василий Великий.

В левом нефе, в самом его начале, на входной стене — православный перламутровый крест, дар городу Амальфи от Иерусалимской патриархии, в память того, что именно выходец из Амальфитанского края, вышеупомянутый Герард де Саксо, стал основателем первого госпиталя и странноприимного дома на Святой земле.

Здесь же, над крестом, огромный холст *Призвание апостола Андрея* художника-эмигранта Василия Николаевича Нечитайлова (Ростов-на-Дону 2.8.1888 — Амальфи 12.8.1980)⁷.

Правый неф начинается, на входной стене, холстом *Святые апостолы Андрей и Матфей спасают жителей Салернитанского залива от турецких пиратов* (27 июня 1544 г.): после неожиданной бури, разметавшей турецкий флот, этот день отмечается тут как литургический праздник⁸.

Заканчивается правый неф капеллой реликвий (сейчас — капелла Примирения, из-за проводимых тут исповедей). В ней в течение многих веков собрана внушительная коллекция реликвий: это частицы мощей праведной Марии Магдалины, преподобного Макария Египетского, мучеников Георгия Победоносца, Екатерины, Агапия, Порфирия, Агафии, Варвары, Вита, Романа, святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. Одна

⁷ См. о нем Талалай М. «Эрмитаж» в Средиземноморье: художник Василий Нечитайлов и его окружение. Русское зарубежье. Кн. 3. СПб., 2004. С. 345–348; он же. Русский дон Базилио. Художник из Италии Василий Нечитайлов. Истина и Жизнь. 2004. № 9. С. 48–51; он же. Нечитайлов Василий Николаевич. Католическая энциклопедия. Т. 3. М.: Научная книга, 2007. С. 808–809.

⁸ В Амальфи в этот день чествуется память апостола Андрея, а в Салерно — евангелиста Матфея, небесного покровителя этого города, где хранятся его мощи. Автор холста в соборе дипломатично соединил обе традиции.

московская православная община, получившая в дар от амальфитанского клира частицу мощей преп. Макария Египетского, передала в знак благодарности русскую икону этого святого, хранимую ныне постоянно в капелле реликвий.

На паперти собора можно обозреть бронзовые двери центрального входа в собор, отлитые в Константинополе в 1060 г. по заказу амальфитанца Панталеоне — это был первый монументальный портал, привезенный из Византии в Италию. В центральных панно — четыре образа: Спаситель и Божья Матерь, с надписями на греческом, и апостолы Петр и Андрей, с надписями на латинском. Интересно, что образ Андрея появился тут еще до перенесения его мощей. Согласно описанию Муравьева, «заключены были главные врата собора, медные византийские, с изваяниями Господа и Его Пречистой Матери, и двух апостолов Петра и Андрея, промежду многих крестов. Работа и самая надпись обличают XI век, и они послужили впоследствии образцом для многих других»⁹.

Муравьев заканчивал свое описание амальфитанской святыни следующим призывом к соотечественникам:

Странно, однако, что мы, русские, для которых особенно должна быть священна память сего великого Апостола, водрузившего первый крест на горах Киевских и предрекшего грядущую славу нашей родины, мы, русские, не знаем о нахождении святых мощей в Амальфи, хотя, однако, многие странствуют гораздо дальше — в Бари, на поклонение Святителю Николаю¹⁰.

И в действительности, как будто в ответ на этот призыв, Амальфитанский собор в последнее время стал одним из излюбленных мест российского паломничества в Италии.

Другие православные, и в первую очередь греки, редко посещают гробницу с мощами апостола, вероятно, не смилившись с фактом их хищения из Константинополя, хотя известно, что турки не пощадили собор Двенадцати апостолов, где они хранились до 1208 г. Разрушив собор, мусульманские завоеватели уничтожили и все его реликвии, в том числе и мощи св. императора Константина, в то время как мощи Первозванного теперь благополучно почитают в Италии...

Переменить сдержанное отношение греческого мира к амальфитанской святыне, наверное, сможет посещение Амальфи 22 октября 2007 г. патриархом Варфоломеем и принятие им из рук местного архиепископа Горация (Орацио) Соричелли частицы мощей апостола (изъятой от его честной главы¹¹). Во время той церемонии патриарх сказал:

⁹ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 235.

¹⁰ Там же.

¹¹ От амальфитанской реликвии не раз изымались частицы для передач, в том числе для русской церкви во Флоренции, для домового храма в папском Восточном институте в Риме, для кафедрального Троицкого собора в Тбилиси.

Считаю необыкновенно важным наше присутствие в Амальфи и передачу реликвии апостола Андрея, <> нашего Небесного покровителя, так же как и покровителя святых амальфитанских отцов. Да дарует Господь милость духовным и гражданским руководителям в деле мирного сотрудничества, любви и дружбы с Константинопольской церковью в чаянии возвращения к блаженному единству христианского мира, бывшего до печального раскола, в духе афонских отцов, выходцев из Амальфи¹².

Вселенский патриарх во время своего визита принял от мэра города и звание почетного гражданина Амальфи — этот жест амальфитанцев, вместе с передачей частицы мощей, может восприниматься как желание в завуалированной форме получить прощение за участие их предков в разгроме Константинополя во время Четвертого крестового похода и в разграблении его святынь.

В самом деле, хотя два самых знаменитых перенесения святынь из Византии в Италию — святителя Николая (1087 г.) и апостола Андрея (1208 г.) — внешне, в качестве *sacro furto*¹³, схожи между собой, однако их различает многое. Первое проходило спустя несколько лет после официального раскола церквей, когда он еще не проник вглубь христианства и воспринимался многими как очередная ссора иерархов, когда участники перенесения, баряне, вовсе не чувствовали себя церковно разделенными с греками, а те — с итальянцами. Второе совершилось в другую историческую эпоху, в рамках военной агрессии латинского Запада против православного Востока, когда крестоносцы уже считали греков схизматиками, заслуживающими наказания. Именно поэтому перенесение мощей св. Николая в Бари получило и обрамление в виде православного праздника (народное название «Никола Вешний»), в то время как перенесение мощей апостола Андрея в Амальфи подобного празднования в Восточной церкви никогда не получит.

При этом в православном сознании несомненным остается убеждение, что, в конце концов, Божьим Промыслом мощи Первозванного в Амальфи были спасены от их грядущего поругания в Царьграде, ставшем Стамбулом.

¹² Приходской листок «La Voce del Pastore», № 190, 31 ott. 2007.

¹³ «Святая кража», средневековый термин, реабилитировавший такого рода добычу реликвий.

III.

**Андрей Первозванный
и Россия**

Александр Моторин

Святые апостолы Андрей и Петр в русской христианской историософии

Русская христианская историософия включает Россию в состав все-
ленной, кафолической Церкви, опираясь на исторические преда-
ния и богословские построения. Ключевое в этом смысле предание,
окончательно закрепленное к XII в. и отраженное в «Повести временных лет», в
летописях, а также в государственной идеологии со времен Владимира Моно-
маха, гласит о Крещении Руси самим апостолом Андреем Первозванным. Пре-
дание повествует о сквозном, скрепляющем крещении страны с юга на север
по пути «от греков к варягам», с благословляющим освящением мест будущих
столиц — Киева и Новгорода (причем Новгород, согласно имперской исто-
риографии, стал впоследствии колыбелью российской государственности).

Достоинство любого народного предания определяется его древностью
и достоверностью — двумя взаимосвязанными качествами. Достоверность
является основанием древности, то есть сохранности в веках. Древность
свидетельствует о духовной силе народа, способного неопределенно долго
поддерживать и воспроизводить свое самосознание в череде поколений.
Древность придает достоверности особую крепость и внушительность. Всякое
подлинное предание обладает устойчивостью против рассудочной критики и
обрастает в череде веков внушительным сводом письменных и вещественных
подтверждений, развитой системой ссылок на его содержание в научных,
художественных, публицистических произведениях.

Именно таким является предание о Крещении Руси самим апостолом
Андреем Первозванным. Предание утверждает идею богоизбранности и
призванности русского народа в числе первых крещеных народов. Эта идея
стала прочным основанием всей многовековой государственной историосо-
фии России как православной державы.

В наиболее общем, лишенном местных подробностей виде предание от-
ражается в «Повести временных лет» (XII в.). Этот основной свод древнерусских
исторических свидетельств описывает посещение апостолом Андреем даже
крайнего севера Руси вплоть до Ладожского озера («озера великого Нево»).

Летописное повествование подтверждается значительным числом со-
временных ему и более ранних византийских упоминаний о проповеди

апостола Андрея в пределах Руси, причем не только южной, но и северной¹. Византийские исторические источники стали особенно доступными на Руси в эпоху Владимира Мономаха благодаря династическому браку, приведшему к рождению этого великого князя. Греки после столкновения с сыном Ярослава Мудрого Владимиром, правившим в Новгороде, в знак примирения выдают за его брата, Всеволода Ярославича, дочь императора Константина Мономаха. От их брака рождается Владимир Мономах. Этот великий князь, а в дальнейшем и его сродники всячески усиливают почитание апостола Андрея как крестителя своей родины: в его честь возводятся храмы (Всеволод Ярославич заложил в 1086 г. в память о проповеди апостола в Киеве церковь), его именем называются наследники рода. Наиболее известный из них, Андрей Боголюбский вводит на Руси с 1164 г. праздник Покрова, видимо, не только в знак своей победы над волжскими болгарами, но и в память о соименитом, себе блаженном Андрее юродивом, который считался таинственно связанным с апостолом Андреем не только совпадением имен, но и своим обратным хождением из варяг в греки (в первой половине X в. некий славянин Андрей, по некоторым данным новгородец, оказывается в Византии и, став блаженным, удостоивается в конце концов узреть чудо Покрова Пресвятой Богородицы).

Крещение от апостола Андрея, просвещавшего по преимуществу земли будущего «Второго Рима» — Византии, осмыслялось на Руси как изначальная предвосхищающая привязка Отечества к греческому имперскому православию. Эта привязка не только не исключала, но и предполагала вселенский размах русской христианской историософии в рамках концепции Рима как подвижной на земле, во времени, но неизменной в своем вечном духовном достоинстве столицы христианской вселенной, ойкумены. Историософски это осмыслялось как духовно-символическое продолжение намеченного еще в евангельском повествовании следования апостола Петра за своим братом Андреем, которого Христос призвал первым: так и на Русь вслед за духовным покровительством апостола Андрея приходит небесное покровительство его брата Петра, знаменующего собой тот камень, на котором строится вселенская Церковь с ее духовным центром — Римом.

Намечается обращенность Руси к покровительству св. Петра еще во второй половине IX в., так сказать, в предыстории — в годы одновременно происходившего христианского просвещения славян и создания русской государственности.

Уверенность Руси в своем «римском» достоинстве созревала постепенно, подпитываясь чередой красноречивых «случайностей» и осознанных поступков выдающихся представителей народа. Так, еще прежде, чем св. Владимир

¹ Макарий, митрополит. *История Русской Церкви*. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн. 1. Отд. 1. Гл. 1; Васильевский В. Г. *Труды*. СПб., 1909–1912. Т. 2. Ч. 1. С. 49–50; Приложение, статьи и комментарии Д. С. Лихачева в изд. *Повесть временных лет: В 2 ч.* М.-Л., 1950. Ч. 2. С. 218; Лихачев Д. С. *Русские летописи в их культурно-историческом значении*. М.-Л., 1947. С. 170–171.

Креститель принял из Византии православие, отвергнув другие верования, просветители Кирилл и Мефодий способствовали созданию церковнославянского языка, приняв за его основу речь византийских (солунских) славян, которые сознавали себя истинными «ромеями» («римлянами»)². Так что впоследствии Русь стала основным оплотом славяно-«ромейского» церковного языка. В Херсонесе, где крестился св. Владимир в 988 г., те же святые Кирилл и Мефодий ранее чудесным образом обрели мощи священномученика Климента, папы Римского (I в.), знаменитого ученика и сподвижника апостолов Петра и Павла. Св. Климент был посвящен апостолом Петром в епископы Рима. И вот этот преемник апостола Петра завершает жизненный путь в Херсонесе (Корсуне), где и совершается Крещение Руси, причем часть мощей св. Климента, обретенные просветителями славян Кириллом и Мефодием, отправляется в Рим, а часть (включая и главу) остается в Херсонесе, и потом св. Владимир забирает их в Киев и полагает в Десятинной церкви.

Другой древний источник русского православия, Новгород, получил первого епископа из Херсонеса, а поскольку православие еще в апостольские времена пришло в Херсонес благодаря св. Клименту, то и в Новгороде в древнейшие времена был построен храм во имя этого римского папы, ознаменовавшего своей судьбой перенос на Русь римского первоверховного, «Петровского», апостольского достоинства.

Для напряженного символического мировосприятия, свойственного христианству вообще и русскому христианству в частности, стало весьма значимым обратное звучание (и соответствующее значение) именно славянского слова «Мир»: «Рим». Эта чисто славянская игра слов служила для русского мистического сознания еще одним подтверждением вселенского, «римского» достоинства Русской церкви и державы. Уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона (XI в.) Русь, подобно Риму, предстает неким средоточием мира: она «ведома и слышима есть всеми четырьмя концами земли»³.

Как известно, уже с XI в. главные города Древней Руси подчеркивают в своем облике «римские», византийские черты: в Киеве и Новгороде уже были воздвигнуты храмы Святой Софии — по образцу главного храма Константинополя, или Второго Рима. К софийскому виду относятся Успенские соборы во Владимире, в Москве — так как праздник Успения Богородицы связывался с поклонением Святой Софии Премудрости Божией.

Обычным явлением были браки, связывавшие русских князей с родами византийских императоров. Н. М. Карамзин отметил знаменательное совпадение: в канун Крещения Руси Владимир Великий взял из Византии в супруги Анну, а в канун падения Второго Рима император Мануил женил своего сына на дочери великого князя Василия Дмитриевича, Анне, внучке Дмитрия Донского, положившего начало освобождению России от татар.

² См.: Хабургаев Г. А. *Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности*. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 35.

³ *Памятники литературы Древней Руси: XVII в.* Кн. 3. М., 1994. С. 591.

То ли Владимир Великий, то ли Владимир Мономах, внук византийского императора Константина Мономаха (по устойчивому преданию, скорее, он), получил из Византии знаки императорской власти: шапку Мономаха и другие регалии⁴. Есть основание считать, что Ярослав Мудрый был удостоен от византийского императора наименования цезаря (кесаря, царя), когда во всей Европе кроме него таковыми считались только правитель Священной Римской империи Конрад и правитель Византии Константин Мономах⁵.

Первоначальное стремление Руси сравниться со Вторым Римом, уподобиться ему — впоследствии, в эпоху его ослабления и падения, перерастает в желание быть единственным носителем христианско-мистического, «римского» типа государственности и духовности.

Когда в 1453 г. византийский Рим был сокрушен исламской Турцией, это падение было воспринято на Руси как итог заблуждения по следам Первого Рима, духовно повредившегося еще ко времени его завоевания варварами. С этих пор Московская Русь осознает себя Третьим Римом — Римом последним до Конца Света — в надежде на свою неизменную верность православию, то есть истинному христианству.

Представления о Третьем Риме обобщил и развил псковский старец Филофей в 1510–1520-е гг. в посланиях к великому князю Василию III и дьяку Мунехину. По выражению Филофея, «ромейское царство» уже незаменимо до Конца Света и «неразруσιμο, потому что Господь в римскую власть записался»⁶, — имеется в виду, что Христос по Рождестве попал под перепись населения, устроенную императором Августом (разумеется, по Промыслу Божьему). Старец внушает «благочестивому царю»: «внимай, <...> что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать»⁷.

Даже католическая Европа с 1473 г. на некоторое время признала Москву единственной законной наследницей власти восточной Римской империи. Это произошло при заключении брака Ивана III и Софьи Палеолог, последней преемницы престола Византии⁸. Так что когда Иван IV (Грозный), внук Ивана III и Софьи Палеолог, принял по совету митрополита Макария титул «царя», то тем самым он естественным образом применил к жизни учение о «Москве — Третьем Риме», вполне сложившееся во времена его отца, великого князя Василия.

В течение XVI–XVII веков учение о Третьем Риме развивается, питаясь рядом знаменательных событий. В 1613 г. на царство всенародно избирается род Романовых, то есть «Римских», — в переводе коренного значения слова с латинского на русский. В мистическом восприятии предвестием этого из-

⁴ Толстой М. В. *История Русской Церкви*. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С. 381.

⁵ Рыбаков Б. А. *Стригольники: (Русские гуманисты XIV столетия)*. М.: Наука, 1993. С. 45.

⁶ *Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 448.*

⁷ Там же. С. 441.

⁸ Скрынников Р. Г. *Третий Рим*. СПб., 1994. С. 40.

брация стало чудесное открытие мощей св. Антония Римлянина, который, согласно его житию, в XII в. таинственно прибыл в Новгород Великий из самого Рима, будучи православным и спасаясь от притеснений католиков. Мощи открылись в царствование Федора Иоанновича, последнего из рода Рюрикова, при котором было учреждено и патриаршество на Руси. С патриаршеством глава Русской церкви стал равночестен, по древним православным правилам, папе Римскому⁹.

Русский патриарх принял поставление от патриарха царьградского в 1598 г. Православные патриархи признали учение о Москве как Третьем Риме, они признали также особое покровительство московского патриарха над «апостольским престолом Константина града», как сказано в соборном постановлении первосвятителей¹⁰.

Проявившееся уже в XI–XII вв. стремление русской историософской мысли подчеркивать свое «римское» церковно-государственное достоинство — при Петре I, в начале XVIII в., обрело завершение и в некотором роде логическое совершенство. Петр окончательно воссоединяет предания о просвещающем и освящающем духовном покровительстве апостолов Андрея и Петра над русской землей. Целым рядом символических указов и действий император оказал равное почитание братьям-апостолам.

Основывая новую столицу России, Петр Великий сознательно повторил деяние Константина Великого, перенесшего столицу Римской империи. Это подчеркивалось именем города: Санкт-Петербург — «Град Святого Петра» — Первоверховного апостола, проповедовавшего в Первом Риме и получившего от самого Христа название «Камня» (Мф 16:18). В облике новой русской столицы изначально подчеркивалась «каменность», «скальность», многообразно отраженная в художественной литературе. Цитаделью Петербурга стала Петропавловская крепость, а духовным оплотом столицы — находящийся в крепости и основанный одновременно с нею Собор святых апостолов Петра и Павла.

Царь Петр вполне осуществил свой замысел, символически провозгласив в 1721 г. Россию империей и себя императором.

Вместе с тем первый император России столь же последовательно оказывал почитание и апостолу Андрею. В частности, он воздвиг на Васильевском острове в Петербурге собор во имя св. апостола Андрея. «В 1703 г. при основании Санкт-Петербурга, в день Святой Троицы, царь Петр положил в основание Петропавловской крепости золотой ковчежец с мощами апостола Андрея, который стал краеугольным камнем новой российской столицы. Город, названный именем апостола Петра, был основан на мощах его брата», — пишет о. Геннадий Беловолов¹¹.

⁹ Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским: В 2 ч. СПб., 1846. Репринт: М., 1990. Ч. 2. С. 356–358.

¹⁰ Толстой М. В. История Русской Церкви. Валаам: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С. 438.

¹¹ Геннадий Беловолов, священник. Крест Апостола Андрея над Русью. Всерусский собор. 2003. № 3. С. 7.

По воле Петра небесным покровителем российского военного флота стал апостол Андрей, и на знамени флота стал изображаться Андреевский крест. Морской флот — это средство утверждения всемирного достоинства любой державы.

В качестве высшей награды России Петр I учредил орден Андрея Первозванного с начертанными на нем по концам Андреевского креста латинскими буквами: S A P R, означающими *Sanctus Andreas Patronus Russiae* («Апостол Андрей — Покровитель России») и со словами на обратной стороне: «За веру и верность».

Утверждая вселенское достоинство русского православия, Петр I одновременно и вполне логично снимал жесткие духовные границы между Россией и Западом, между основными исторически сложившимися ветвями христианской церкви. Он призывал учиться у Запада всему лучшему, не стесняясь находиться в состоянии ученика. Тем самым были открыты пути для плодотворного взаимного общения христианских церквей и государств. Движение России в направлении, заданном и освященном еще апостолом Андреем, продолжается до сих пор.

Церковные и народные традиции почитания св. апостола Андрея в России

Основой преданий о посещении земли русской апостолом Андреем является свидетельство отца церковной истории Евсевия Памфила, епископа Кесарийского. В своей «Церковной истории» (III, 1) Евсевий Кесарийский сообщает, что когда началась Иудейская война (66-70), «святые апостолы и ученики Спасителя нашего рассеялись по всей вселенной. Фоме, как говорит предание, выпал жребий идти в Парфию, Андрею — в Скифию, Иоанну — в Азию, где он жил и умер в Ефесе. Петр проповедовал, вероятно, иудеям, рассеянным в Понте, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Азии, а под конец, находясь в Риме, распят был на кресте головою вниз — каковой образ страдания избрал себе сам. Но что сказать о Павле, который благовествование Христа пронес от Иерусалима до Иллирика и напоследок в Риме при Нероне принял мученичество, о чем слово-в-слово говорится у Оригена в третьем томе его толкований на Книгу Бытия»¹.

Виднейший представитель русской церковной историографии XIX в. митрополит Макарий (Булгаков) отмечал, что оба эти свидетельства имеют особую ценность, так как принадлежат церковным писателям чрезвычайной эрудиции и по времени своей жизни достаточно близким к упомянутым событиям. Ориген учился у Климента Александрийского, который был учеником ученика апостольского — Пантена, а Ипполит был учеником св. Ириния, который, в свою очередь, хорошо знал Поликарпа Смирнского. Следовательно, Ориген и Ипполит могли узнать о месте проповеди апостола Андрея из вторых уст.

Что же это за страна Скифия, в которой проповедовал апостол Андрей? Как свидетельствует анализ произведений Публия Овидия Назона (43 г. до Р. Х. — 18 г. по Р. Х.), поэта, бывшего почти современником апостола Андрея, Скифией тогда называлась территория к северу от Понта Эвксинского (Черного моря), простиравшаяся от гор Кавказа, Меотиды (Азовского моря) и реки Танаис (Дон) до реки Гипаис (Южный Буг) на западе и включавшая в себя Крымский полуостров, а на севере ограниченная Скифскими или Рифейскими

¹ Евсевий Памфил. Сочинения. Т. I. СПб., 1848. С. 112-113.

горами неопределенной локализации². Впрочем, позднеантичные и ранневизантийские авторы этнонимом «скифы» могли обозначать вообще все народы, жившие в Северном Причерноморье на бывших скифских землях.

В настоящее время данные о скифах, приводимые «отцом истории» Геродотом Галикарнасским, который побывал в V веке до Р. Х. в городе Ольвия (в устье Днепра), сопоставлены с данными археологических исследований. В результате создается представление о том, что в это время территория среднего Поднепровья была связана хорошо отлаженными водными и сухопутными путями с греческими полисами, а через них и со всей эллинистической ойкуменой. Как показывает обработка отечественными и зарубежными археологами и историками материалов, добытых путем раскопок городов, кладов, монет, остатков римских дорог, путь из Черноморья в Италию северным маршрутом существовал уже в III веке до Р. Х. Он пролегал вверх по Днепру и Неману до берегов Балтики, затем через устье Вислы на юг, до римской крепости Карнунт на Дунае и к Адриатическому морю. Этот путь был далеко не в 50 раз длиннее южного пути из Крыма в Рим, как считал Е. Е. Голубинский, а возможно даже короче.

В 1940–1990-е годы в России производились широкомасштабные археологические раскопки экспедициями Института археологии АН, Государственного Эрмитажа, Московского, Киевского, Краснодарского университетов, краеведческих музеев городов юга страны. В результате раскопок открыты многочисленные городища, селища и некрополи степной и лесостепной зоны Европейской России. Установлено, что уже в начале I тысячелетия до Р. Х. Восточная Европа имела довольно многочисленное население, уровень цивилизации которого может быть отнесен к археологическим культурам как средней и поздней бронзы, так и раннего железа. Греческие колонии, города-государства, возникшие в Причерноморье и Приазовье в VII–IX веках до Р. Х., будучи неотъемлемой частью античного мира, одновременно оказались самым тесным образом связаны с жизнью этих «варварских» народов.

Обнаруженные в ходе археологических раскопок вещественные памятники свидетельствуют о существовании в Северном Причерноморье христианских общин. Так, находки четырехугольных каменных евхаристических жертвенников-престолов, штампов для просфор с символическим изображением креста, комплектов из пяти (в Херсонесе) и шести (в Танаисе, совр. станция Недвиговская Донской обл.) светильников (которых первоначально было семь, и они составляли семисвечник) в подземных помещениях ясно свидетельствуют о существовании в этих античных городах христианских общин, совершавших тайные евхаристические собрания. Одна из этих «Сионских горниц» (в Танаисе) была разрушена при работах по реконструкции городской стены, датируемой последними годами I в.

Таким образом, возможность проповеди апостолом Андреем Евангелия в среде живших на территории «Геродотовой Скифии» предков славян и россов,

² См.: Подосинов А. В. *Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста*, в: Древнейшие государства на территории СССР, 1983. М., 1984, С. 8, 22–23.

в свете современных научных исследований, опирающихся на обобщенные данные анализа источников, представляется вполне вероятной. Естественно предположить, что культурные и экономические контакты должны были достаточно тесно связывать античные племена в I веке с крупнейшими центрами эллинистической цивилизации в Причерноморье, Ольвии, Танаисом, Херсонесом и Боспором, в которых проповедовал Андрей Первозванный.

Предание о проповеди Андрея в Скифии получило развитие в так называемых апостольских списках, восходящих к утраченным сирийским текстам IV века³. В ранних редакциях этих списков область проповеди апостола Андрея была распространена на все родственные скифам ираноязычные племена: саков, согдийцев, сарматов; позднее, в списке Псевдо-Епифания (VI–VII веков), проповедь Андрея Первозванного в Скифии была соединена с описанным в «Деяниях Андрея» мученичеством апостола в Патрах; затем, в списке Псевдо-Дорофея (VIII–IX веков), сюда же был добавлен и материал «Деяний Андрея» о проповеди Андрея Первозванного в Понте. В том же списке нашло отражение и предание об основании апостолом Андреем епископской кафедры в Аргирополе, пригороде Византия, со временем ставшее весомым аргументом в полемике Константинополя с Римом по вопросу об иерархии епископских кафедр.

Как отмечал выдающийся византист В. Г. Васильевский, позднее сказание об Андрее, появившееся в среде православных, имело несомненное отношение к источникам апокрифическим, равно как и устным народным преданиям. «Все побережье Черного моря, — пишет он, имея в виду эпоху после IV века, — было полно легендарных воспоминаний о пребывании двух братьев апостолов, Петра и Андрея. На основании предания, может быть наиболее древнего, Петр и Андрей поделили всю вселенную, причем Петру достался Запад, а Восток — Андрею»⁴.

Интересно, что, редактируя апокрифические сочинения на эфиопском, сирийском, коптском и других восточных языках, С. П. Петровский выявил эволюцию текста и пришел к следующему выводу: «Самые ранние редакции этих сказаний возникли в I–II веках и, следовательно, древнее известий времени Пантена и Оригена. Анализ собственных времен, сохранных апокрифических сказаний об апостоле Андрее и его сотрудниках, устанавливает, что географические пункты, встречающиеся в этих сказаниях, не вымышлены, а действительны; что личные имена не фиктивны, а представляют разночтения и переделки имен, которые носили исторические лица древности; что сюжеты из религиозной, политической и общественной жизни, приводимые апокрифами, частью вероятны, частью верны исторически. Апокрифические сказания об апостоле Андрее и его сотрудниках оказываются, таким образом, не просто

³ Schermann Th. (ed.) *Prophetarum vitae fabulosae, indices apostolorum discipulorumque Domini Dorotheo, Epiphania, Hippolyto aliisque vindicatae*. Lipsiae, 1907. P. 107–202.

⁴ Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки, в: *Журнал министерства народного просвещения*, 1877. Кн. 90. С. 158.

литературными памятниками, генетически между собой объединенными, но записями преданий об апостольской миссии, сложившихся и хранившихся там, где апостолы проповедовали, — записями, которые ценны потому, что основу их составляют или действительные, или близкие к действительности факты»⁵.

В IX в. наступил коренной поворот в развитии андреевской традиции. Появились большие жития, в центре внимания которых находились прежде всего области вокруг Черного моря (и в Малой Азии). Этот поворот имел под собой глубокие основания. Жанрово это было обусловлено зарождением *миней*, требовавшей достаточно пространного жития. Кроме того, арабские завоевания I пол. VII века, отнявшие у ромеев Египет, Палестину и Сирию, окончательно похоронили юстиниановскую идею «средиземноморской империи» и привели к переосмыслению географического пространства ромейского государства. Если раньше империя равнялась христианской ойкумене и включала в себя множество апостольских уделов, то теперь сокращение до границ балканского — малазийского региона и ядра империи вокруг Константинополя приводит к оформлению нового, собственного византийского этнокультурного единства со своим Новым Римом. Все это подталкивало к созданию образа «своего», византийского апостола, который должен был охватить своей проповедью как можно большую часть империи. На эту роль лучше всего подходил апостол Андрей Первозванный с его миссионерской традицией, соединявшей не только оба берега Эгеиды, но и вообще всю территорию империи от Трапезунта до Пелопоннеса. Такая потенция не смогла реализоваться по понятным причинам ни в «темном» VII веке, ни во времена «первого иконоборчества». Находясь на волне агиографического подъема начала IX века, новая андреевская традиция была связана с усилением роли церкви в византийском обществе при православных патриархах Тарасии и Никифоре. Всплеску творческой активности способствовало и начало активного переписывания минускулом древних унциальных рукописей, связанное с православным монашеством вообще и со Студийским монастырем в частности.

К началу IX столетия разрыв стал особенно заметен между складывающимся образом Андрея как «апостола Византии» и реально существующими памятниками, которые ни по содержанию, ни по объему не соответствовали новым запросам. Разрешило этот конфликт создание между 815 и 843 гг. Епифанием Монахом развернутого «понтоцентрического» жития апостола Андрея. Созданное в результате переработки древних преданий, оно получило широкое распространение.

Вместе со своим спутником, монахом Иаковом, Епифаний прошел по предполагаемому пути Андрея Первозванного от Синопа до Феодосии и Херсонеса, собирая все сведения о нем. Он видел «седалища апостолов» и «места их упокоения на камнях», «темницу, которую отверз св. Андрей», и другие вещественные памятники, приписываемые местным преданием апо-

⁵ Петровский С. П. Сказание об апостольской проповеди по северо-восточному Черноморскому побережью, в: *Записки Императорского Одесского общества истории и древностей*. Т. 20, ч. I, 1897. С. 147.

стольскому времени, и записал имена первых епископов основанных здесь апостольских церквей. Опираясь на отрывочные сведения об апостолах «из сочинений очевидцев и богоносных мужей» (Климента Римского, Евагрия Социлийского, Епифания Кипрского), местные предания и (переработанные) «Деяния Андрея», Епифаний поместил действие апокрифических источников в контекст канонических Деяний Апостолов, опуская явно фантастические места и пропуская те места проповеди, где он сам не побывал. Согласно Епифанию житию, апостол Андрей совершил из Иерусалима три путешествия вдоль берегов Черного моря и всегда по маршруту юг–восток–север. В последнем, третьем, путешествии Андрей Первозванный со спутниками прошел через Эдессу, Иверию, Сванетию, Алагию и Абазгию; затем по северо-восточному побережью Черного моря прибыл в Боспор, жители которого охотно внимали его проповедям, а затем — в Феодосию и «упорствующий в язычестве» Херсонес, откуда направился в Патры, где и претерпел мученическую кончину⁶.

Написанное Епифанием Монахом житие нового типа, созданное с учетом и литературной традиции, и местных понтийских преданий, стало (не только из-за своего содержания, но и не в последнюю очередь благодаря особенной композиции) основой для всех последующих житий апостолов.

В конце XI века появился славянский перевод составленного Епифанием Монахом жития, а вскоре на Руси было создано оригинальное сказание о посещении апостолом Андреем древнерусских пределов — «Слово о проявлении Крещения Русская земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь», сохранившееся в составе «Повести временных лет». Вот как говорит об этом летопись: «Как говорят, когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел пойти в Рим, и проплыл в устье днепроовское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пошел и стал под горами на берегу. И утром, встав, сказал бывшим с ним ученикам: "Видите ли горы эти? Так на этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей". И взойдя на горы эти, благословил их, поставил крест и помолился Богу, и сошел с горы той, где впоследствии будет город Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где ныне стоит город Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и подивился на них. И пошел к варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, скольких научил и кого видел, и рассказал им: "Диво видел я в Славянской земле, когда шел сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются мытьем, и возьмут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мытье себе, а мученье". Те же, слушав, удивились: Андрей же, пробыв в Риме, пришел в Синоп»⁷.

⁶ *Patrologiae Cursus Completus*. Accurante J. P. Migne. Series graeca, t. 120, col. 215–260.

⁷ *Повесть временных лет*. СПб., 1999. С. 67.

Следует отметить, что сказание о посещении апостолом Андреем Руси находится в известном несогласии с текстами Начального летописного свода, сложившегося за 40–60 лет до Нестора, где в сказании о мученичестве воина-варяга Феодора и сына его Иоанна (985) говорится: «телом Апостоли не суть зде (на Руси) были». Несмотря на это, в течение многих веков уверенность в правдивости рассказа печерского летописца и вера в непреложную действительность и действенность апостольского благовещения на Русской земле жили в сознании русских людей. Некоторые из них, например царь Иоанн Грозный в диспуте с папским легатом Антониом Поссевино, монах Арсений Суханов в споре с греками во время своего путешествия на Восток, утверждали, что апостол Андрей был крестителем предков московских людей и основателем Русской церкви.

Одной из причин возникновения легенды об Андрее была, конечно, проблема «страны без апостолов». Церковь, именуемая «апостольской», была заинтересована в том, чтобы показать свою особую связь с апостолами. Именно такое стремление ощущается в приведенных выше словах: «Аще и телом апостоли не суть зде были, но ученья их аки трубы гласят по всей вселенной в церквах». Апостольство церкви зиждется в ее твердой вере в апостольское откровение: там, где звучит проповедь Евангелия, незримо присутствуют апостолы.

Однако не все удовлетворились подобной духовной связью Русской церкви с апостолами, в Древней Руси старались отыскать конкретные, зримые черты этой связи. Сначала русские пытались связать христианство с именем апостола Павла, потому что Павел де проповедовал в Иллирии, а в Иллирии жили славяне, и раз так, то Павел является учителем славян, а русские тоже славяне, стало быть, Павел является учителем русских. Вся эта более чем искусственная аргументация не нашла широкого отклика. Таким образом, связь между Русской церковью и апостолом оказалась слишком непрочной.

Куда более естественной и непосредственной казалась связь через апостола Андрея. С давних пор знали, что Скифия была областью его миссионерской деятельности. А так как все жившие на территории современной Украины считались скифами, то вполне возможно, что в XI веке многие верили, что апостол Андрей мог дойти до Киева. Если же такое предположение было высказано, то уже недалеко и до особых почестей, которые оказывались апостолу, чья нога ступила на эту землю.

Разумеется, утверждение о пребывании апостола в Киеве приводит к постановке вопросов, на которые нелегко ответить.

Прежде всего возникает вопрос: что ему здесь понадобилось? Ведь христианство на Руси появилось лишь в X веке. Даже зачатки христианства к IX веку были, по-видимому, забыты. Если происхождение церкви в местности под Киевом отнести к апостольским временам, то необходимо будет добавить, что впоследствии это заложенное апостолом строение погибло. Для средневековых людей такое предположение было трудно воспринимаемым и требовало обстоятельной богословской аргументации.

Если же предположить, что апостол, хотя и был в Киеве, церкви здесь не основывал, не проповедовал и не совершал обрядов крещений, то возникает вопрос: с какой целью он проделал далеко не короткий путь от Корсуня до места будущего Киева?

Первый ответ: апостол посетил эти области по пути. Но что это могло быть за путешествие, которое привело его, чья сфера деятельности не выходила за пределы прибрежных районов Черного моря, к месту, на котором был построен будущий Киев? На севере Европы ведь не было христианских общин, основанных апостолами. Как полагает Людольф Мюллер, на этот вопрос поможет ответить географическое представление о двух путях в Рим. В Киевской Руси знали, что Европа — это нечто вроде острова: с севера, запада и юга она омывалась морями, а на востоке протекают большие реки, соединяющие Балтийское море с Каспийским и Черным. Они знали также, что имелось два пути, по которым из Киева можно было водным путем добраться до Рима: вниз по Днепру через Черное море и Константинополь и вверх по Днепру до Волхова с преодолением небольшого участка пути волоком и далее по Балтийскому морю. При описании этих двух путей в Рим летописец и вставляет в свое путешествие легенду об Андрее, как бы в подтверждение того, что некогда кто-то воспользовался этим длинным северным путем.

Уже задолго до появления легенды об Андрее на Руси были известны оба пути в Рим. Об этом свидетельствует отчет в Бертинских анналах о посланцах — «chacanus» — народов россов, для которых был закрыт прямой путь из Константинополя на их родину, лежащую где-то севернее Черного моря, и которые пытались возвратиться туда через Западную Европу и Швецию. Для новгородцев же путь в Рим через Балтийское море был вполне естественным. Согласно житию, монах Антоний Римлянин на камне совершил путешествие из Рима «через океан-море до Невы-реки и оттуда через Ладогу-озеро и реку Волхов до Новгорода», а митрополит Исидор в 1437 г. в действительности совершил путешествие в обратном направлении — из Новгорода через Балтийское море в Италию.

Если уж хотели послать апостола транзитным путем через Киев, то само собой напрашивалось направить его в Рим. Согласно средневизантийскому повествованию об Андрее Первозванном, он возвратился в Синоп из Корсуня. Если считать Синоп непосредственной целью этого обратного пути, то трудно было объяснить «крюк» через Киев. Точно так же мало оснований было включать хождение по Руси в маршрут апостола из Синопа в Византию. Напротив, если считать Рим промежуточным пунктом на пути между Корсунем и Синопом, то киевлянину, знавшему о двух путях в Рим, но имевшему туманное представление об истинных расстояниях, могло показаться возможным, что апостол изберет северный путь, который так подробно был описан летописцем (имевшим, очевидно, также смутные представления о расстояниях).

Мотив для поездки в Рим было нетрудно найти. Ведь здесь была резиденция Петра, первого апостола и к тому же брата Андрея. Средневизантийская

легенда об Андрее тоже заставляет его совершить далекое путешествие, чтобы повидать брата, резиденция которого в то время находилась в Иерусалиме, и рассказать ему о своих делах и результатах миссионерской деятельности. Таким образом, по мысли Л. Мюллера, упоминание Рима в легенде об Андрее не имеет церковно-политического значения, а служит вспомогательным средством для объяснения путешествия апостола по Руси, которое не преследовало миссионерских целей.

Можно представить, как шаг за шагом складывалась легенда об Андрее из возникшего однажды предположения, что апостол, путешествуя по Скифии, мог оказаться на месте будущего Киева. Оказаться же здесь он мог только проездом, причем путешествие через Киев могло быть возможно лишь в том случае, если он находился на пути в Рим. В Рим же он отправился для встречи со своим братом Петром. Из Рима он возвратился в Синоп, минуя Византию, так как, согласно средневековой легенде, он посетил Византию во время своего последнего путешествия (из Синопа в Патры).

Следует отметить, что анекдот о парильне имел самостоятельное хождение в Новгороде еще до того, как его вместе с повествованием о благословении киевских гор апостолом Андреем включили в легенду об Андрее, вошедшую в летопись Нестора. Известна история, о которой сообщает живший в XVI веке иезуит Дионисий Фабрициус в своей «Истории Ливонии». Он рассказывает забавную историю о монастыре Фалькенау в Лифляндии, случившуюся будто бы в XIII в. Монастырь, считавший свои доходы слишком низкими, посылает двух монахов к папе с поручением сообщить ему о своем тяжелом материальном положении и попросить о помощи. Для обоснования претензий монастыря они, в частности, рассказывают об исполнении ими чрезвычайно тяжелом аскетическом действе: каждую субботу монахи до такой степени раскаляют печь в бане, что человек едва может вынести эту жару; затем братия раздевается и хлещет себя прутьями, после чего обливается холодной водой. Столь суровые аскетические подвиги будто бы помогают побороть все страсти. Для проверки этих сведений из Рима в далекую Ливонию посылается итальянский монах. Оказавшись в монастыре, он приходит в ужас от незнакомого ему обычая париться в бане и, возвратившись в Рим, высказывается в пользу монастыря, в результате чего папа удовлетворяет обращенную к нему просьбу.

Сходство ситуаций заставляет нас предположить, что содержание анекдота о парильне первоначально связано с Римом, а не с апостолом Андреем. В истории о монастыре отношения с Римом более мотивированы и заложены в основе рассказа. Напротив, из легенды об Андрее довольно трудно понять, почему апостол именно в Риме так подробно рассказывал о купальных обрядах на озере Ильмень, а не в Синопе или почему этот рассказ вкладывается в уста апостола? Все это хорошо обосновано в истории о монастыре: именно до Рима доходит этот рассказ, так как только папа может удовлетворить просьбу монастыря. По этой причине именно там рассказывается о странной форме мнимого аскетизма. Поэтому едва ли можно поверить, что история о монастыре Фалькенау находится в зависимости от легенды об Андрее. Об-

ратная зависимость отпадает по хронологическим причинам. Таким образом, остается единственная возможность: предположить, что оба анекдота имеют общего предшественника. В нем, можно полагать, связь с Римом так же хорошо мотивированна, как и в истории о монастыре Фалькенау⁸.

С именем апостола Андрея этот рассказ связали, по-видимому, позднее, когда киевский вариант легенды об Андрее стал известен в Новгороде. Если отнести возникновение андреевской традиции в Киеве ко времени начала культа Андрея в Южной Руси, то есть к 80-м годам XI века, то до появления «Повести временных лет» в дошедшей до нас редакции, относящейся к 1116 г., оставалось еще примерно 30 лет, в течение которых легенда могла прийти из Киева в Новгород и обогатиться там за счет включения новгородского анекдота о парильне.

Совершенно естественно, что странствующий анекдот, в котором рассказывается о связи между районом распространения парных бань и Римом, был соотнесен в Новгороде с именем апостола Андрея, как только там узнали, что он однажды проезжал через Новгород, направляясь в Рим. Это был первый путешественник, который с берегов Средиземного моря пришел к берегам озера Ильмень, то есть первый, кто увидел удивительные и почти непонятные для южных народов купальные обряды «словен».

Конечно, анекдот потерял свою соль, как только его связали с именем апостола, но в мировой литературе немало фактов, свидетельствующих о том, что стремление связать бродячие анекдоты с известными именами сильнее, чем желание передать их первоизданный текст с первоначальным смыслом.

Замечательно, что по одной из версий путь Андрея Первозванного дошел до Валаама. Историки считают, что в основе этого названия лежало имя славянского бога Велеса, которого св. Апостол и его спутники могли отождествить с библейским Ваалом. А затем пришедшие карелы исказили слово «Ваал» на свой лад. Прибыв на Валаам, Апостол благословил скалы каменным крестом, который был вытесан учениками. Крест на этом святом месте стоит и поныне. Предание гласит что, обратив в веру Христову жрецов Велеса и Перуна, св. Андрей разбил с их помощью капища и основал первый на Руси монастырь. Этой христианской общине он оставил и многих своих учеников.

О пребывании апостола Андрея на Валааме говорит и «Сказание о Валаамском монастыре», написанное в XVI веке. Сказание утверждает, что, проповедав слово Божье в Новгороде, апостол Андрей, плывя по Невскому озеру, воззрел на северные Карельские страны и предрек, что хотя безбожные языческие волхвы, яко новые хананеи, ныне жительствуют там, однако в будущем два ярчайших светила воссияют в этой стране. Прорек же сие апостол Андрей, — поясняет сказание, — о двух пречестных и великих обителях — Валаамском и Конявецком монастырях⁹.

⁸ Мюллер Л. *Понять Россию: историко-культурные исследования*. М., 2000. С. 183–201 («Древнерусская легенда о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород»).

⁹ Охотина Н. А. «Сказание о Валаамском монастыре» – неизвестное сочинение второй половины XVI в., в: *ТОДРА, Т. XLVII*. С. 121–147.

В начале XIX века отсутствие сведений о древнейшей истории монастыря¹⁰ побудило А. И. Сукаладзева создать (а по существу, фальсифицировать) некую «древнейшую» «Оповедь», восполнявшую пробелы в начальной истории монастыря. Сукаладзев преподнес текст «Оповеди» валаамским старцам в качестве любезно сделанного перевода на современный язык с древней рукописи, якобы бывшей в его распоряжении. Согласно этому «древнему» тексту «св. Андрей от Иерусалима прошел Голядь, Косог, Родень, Скеф, Скиф и Словен смежных лугами, достиг Смоленска, и ополчений Скоф и Славянска Великого, и Ладогу оставя, в ладью сев, в Бурное вращающееся озеро на Валаам пошел, крестя повсюду, он поставял по всем местам кресты каменные. Ученики же его Сила, Фирс, Елисей, Лукослав, Иосиф и Косма повсюду сделали ограды и все посадники доезжали от Словенска и Смоленска, и многие жрецы окрестились и капища Перуна и Велеса разрушили и уничтожили». На основании такого рода «древнейших» свидетельств некоторые историки берут на себя смелость утверждать, что христианство на острове дожило в виде монашеской общины вплоть до прихода святых Сергия и Германа.

Отметим, что хотя легенда о путешествии апостола Андрея по Руси по своему конкретному содержанию и фантастична, но что касается церковно-теологических взглядов, то тут она крайне осторожна. Так, пребывание апостола в Киеве никак не истолковано с точки зрения церковного права. В апостоле видят не основателя Русской церкви, а лицо, только благословившее страну и предсказавшего будущую благодать. И здесь мы вступаем в область самых неожиданных, хотя, в народном сознании, вполне естественных религиозных ассоциаций. Все, знакомые с древнерусскими книжными памятниками, знают, что с самых первых времен письменности на Руси слово «христиане» писалось очень часто «крестяне», с явной этимологией от креста. А так как первые апостолы славянства переводили греческое βαπτίζω («погружаю») через «крещу», то уже в книжной литературе мы имеем сближение — пусть только словесное — между крестом, символом искупления, крещением, таинством посвящения в христианскую религию, и именем этой самой религии. Разумеется, народ воспринял всю эту этимологию, еще более развил ее для целостного объяснения мистического содержания христианства. Прежде всего, как мы видели, он называет христианскую веру «крещеной». Во-вторых, делает попытки сблизить самое имя Христа с крестом. Так, в одном из вариантов «Голубиной книги» Христос просто именуется Животворящим Крестом: «Сион гора потому всем горам мати, / Что преображался на ней сам Исус Христос, / Животворящий Крест».

То же повторяется и для Иордан-реки, для Иерусалима-града и для кипариса древа: «Кипарис древо потому всем деревьям мати, / Что распялся на нем Животворящий Хрест».

¹⁰ Нет точных сведений ни в вопросе о времени основания монастыря, ни о жизни его подвижников и перенесении их мощей, и потому в литературе можно встретить разброс датировок от IX до XV века.

В последнем слове мы видим попытку словесного отождествления креста и Христа. Воздвижение апостолом Андреем креста на горах киевских над излучиной реки Днепра стало архетипом.

Когда завершилось становление Руси как христианской страны, византийская церковная мысль в миссионерском путешествии св. Андрея в Скифию увидела знамение общности духовных судеб Византии и Руси. Византийский император Михаил VII Дука в послании великому князю Киевскому Всеволоду I Ярославичу писал: «Научают нас священные книги и достоверные истории, что наши государства имеют один некий источник и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено в обоих, что одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово Евангелия»¹⁵.

Благословив страну и предсказав будущую благодать, которая воссияет на киевских горах, а затем дойдя даже до Валаама, апостол Андрей как бы утвердил апостоличность Русской церкви. Именно поэтому апостол Андрей имел огромное значение для идеи русской церкви и государственности, а его память особенно почиталась на Руси. Путешествие первозванного Апостола в землю, которой Господь судил стать Святой Русью, последним оплотом Истины, есть предвосхищение этого избранничества.

Первым мистериальным символом священного центра православия стал белый клобук папы Селивестра, будто бы присланный православными Запада и Востока в древнюю северную столицу потомков Иафета. Написанная старцем Филофеем из псковского Елиазаровского монастыря «Повесть о Новгородском белом клобуке» пришла в Москву как послание о державной роли Третьего Рима. Повесть эта рисует картину узурпации светской власти у рода Меровингов Каролингами и отпадения римских пап в ересь гордыни и самосвятельства¹⁶.

По версии этой повести, шапка Мономаха, бармы и само династическое имя князь Владимир Всеволодович получает напрямую от цареградских василевсов и передает по наследству своим потомкам — великим князьям владимирским и московским. Белый клобук как символ духовной власти будущие патриархи Московские и всея Руси получают из священной столицы Святорусской — Великого Новгорода, а тот, в свою очередь, — от последних православных Первого Рима через посредство Рима Второго. Два Рима

¹⁵ Васильевский В. Г. Труды. Т. II, СПб., 1909. С. 86 («Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу»).

¹⁶ ПВА: «Боготворник же и человеческому роду супостат и враг, диавол сотвори рать велию на святую Церковь. Воздвиже некоего царя Карула именем и папу Фармуса и научи их прельстити христианский род своими ложными учениями и отступит повелеша от православных Христовы веры и раздрати благочестие святых Апостольских Церкви... И святую Апостольскую Церковь оскверниша неправыми учениями и служениями. И святого белого клобука не людяху и чести ему не воздадоху, якоже заповедано бе исперва, но взявше его и положше на том же блюде в приделе некоем церковныя стены заключиша и на дверцах написаше латинскую речию сице: "Зде сокровен есть белый клобук папы Селивестра". Пребысть же лети многа тамо Богом храним».

передают власть Третьему. Первый Рим — духовную власть апостола Петра, Второй Рим — светскую власть христианских императоров. Симфония властей получила свою законченную историческую форму в Москве¹³.

Именно новгородские архиепископы, как подчеркивает «Повесть о белом клобуке», избраны были от Господа хранителями священной реликвии — белого клобука — вплоть до введения патриаршества в Москве. И до этого времени Новгород, где побывал апостол Андрей Первозванный, оставался сакральным центром Святой Руси, местом, где сосредоточивались святыни древнего христианства: посох апостола Андрея в селе Грузино на Волхове и клобук папы Селивестра.

Характерно, что, полемизируя по поводу древности и истинности веры, исповедуемой римским первосвященником, с папским посланником иезуитом Антонио Поссевино¹⁴, царь Иван Грозный, ссылаясь на рассказ об апостоле Андрее, утверждал, что Русь приняла христианскую веру в то время, когда брат Андрея, апостол Петр, пришел со своей проповедью в Рим, и с тех пор хранит ее в первоизданной чистоте. «Мы уже с самого основания христианской Церкви приняли христианскую веру, когда брат апостола Петра Андрей пришел в наши земли, (затем) отправился в Рим, а впоследствии, когда Владимир обратился к вере, религия была распространена еще шире. Поэтому мы в Московии получили христианскую веру в то же самое время, что и вы в Италии», — молвил Грозный Поссевино. «И храним ее в чистоте, в то время как в римской вере 70 вер», — добавил он, на что Поссевино отвечал: «Непоколебимо стоит в Риме та вера, которую апостолы Петр и Павел возвестили с самого начала ... в римской вере нет 70 вер, о которых ты говоришь, но есть одна, которая предает анафеме и эти 70, и те многочисленные ереси, которые пошли от Лютера»¹⁵.

Со времен Иоанна Васильевича IV Грозного об апостоличности Русской церкви заявлялось во всех случаях, когда требовалось защитить самостоятельность России в церковных делах. Особенно настойчиво тема апостоличности Русской церкви стала звучать в XVII веке в Киеве в связи с антикатолической и антиуниатской полемикой. В 1621 г. Киево-Печерский

¹³ ПВА: «В древняя убо лета изволением земнаго царя Константина от царствующаго града сего царский венец дан бысть русскому царю. Белый же сем клобук изволением небеснаго царя Христа ныне дан будет архиепископу Великаго Новгорода. И колыми сим честнее анаго, понеже архангельскаго чина есть царский венец и духовнаго суть... Яко же ко от Рима благодать и слава и честь отята бысть тако же и от царствующаго града Благодать Святаго Духа отыметца в пленение агаряское, и вся святая предана будут от Бога велицей Русей земли. И Царя русскаго возвеличит Господь надо всеми языки и под властью их мнози царие будут от иноязычных».

¹⁴ Антонио Поссевино прибыл в 1581 г. в Россию в качестве посредника в переговорах о мире между польским королем Стефаном Баторием и русским царем Иваном IV Васильевичем в ходе Ливонской войны и с целью привлечь Иоанна IV к антиосманской лиге и тем приблизить его к папскому двору.

¹⁵ См.: Поссевино А. *Исторические сочинения о России XVI в.* М., 1983. С. 79.

иеромонах, впоследствии архимандрит Захария Копыстенский, написал «Палинодию, или Книгу обороны святой кафилической Восточной Церкви» в защиту Православной церкви против латино-униатских сочинений¹⁶. В главе «О уверении и Крещении руссов» Захария рассуждает о достоинстве апостола Андрея как старшего брата Петра и при этом апостола Первозванного, затем излагает предание о посещении Андреем Киевских гор и Новгородской земли, утверждая, что Андрей Первозванный многих крестил, ибо апостолы никогда напрасно не ходили. Это утверждение иеромонаха Захария подкрепляет ссылкой на местное киевское предание, гласящее, что «на той горе в Киеве, где стоял апостол, того ж часу и церковь была поставлена, где и теперь есть, як и повесть и до сих дний обносится о той церкви и о той горе»¹⁷. В том же 1621 г. в Киеве состоялся Собор восстановленной православной иерархии во главе с митрополитом Иовом (Борецким), на котором рассматривался вопрос о мерах защиты Православной церкви и ее благоустройении. В деяниях Собора сказано: «Поелику святой апостол Андрей есть первый архиепископ Константинопольский, патриарх вселенский и апостол Русский, и на Киевских горах стояли ноги его, и очи его Россию видели и уста благословили ... то справедливым и богоугодным будет делом восстановить торжественно и нарочито праздник его. Воистину Россия ничем не меньше других восточных народов, ибо и в ней проповедал апостол»¹⁸.

Документально почитание апостола Андрея зафиксировано с XI века. В 1086 г. в Киеве князем Всеволодом Ярославичем, младшим сыном Ярослава Мудрого, и митрополитом Иоанном был заложен первый монастырь апостола Андрея с храмом, освященным в его честь. В этом монастыре позже приняла монашеский постриг дочь князя Всеволода Ярославича Анна; в этом же монастыре она была впоследствии погребена вместе со своей матерью. В 1089 г. переяславский митрополит Ефрем освятил в Переяславле каменный собор во имя святого апостола Андрея, а в конце XI в. Новгороде был построен храм Андрея Первозванного. В это же время память апостола Андрея была внесена во все церковные календари. Родившийся в 1102 г. внук Всеволода и сын Владимира Мономаха был наречен именем Андрей, которое с тех пор получило большое распространение на Руси.

На Руси всегда чрезвычайно распространено было почитание святых мощей. Рассмотрим, как дело обстояло с мощами Первозванного апостола в связи с Россией.

¹⁶ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. СПб., 1878. С. 713–1200.

¹⁷ Имеется в виду храм Воздвижения Креста Господня, построенный в Киеве в XIII в. на том месте, где, по преданию, апостол Андрей воздвиг свой крест. В XVI в. храм был перестроен, а в 1744 г. на его месте был возведен большой каменный собор по проекту К.-Б. Растрелли.

¹⁸ Малышевский И. Сказание о посещении русской страны святым апостолом Андреем. Труды КДА. 1866. Т. 2, № 3. С. 300–344.

До IV века мощи св. Андрея находились в Патрах. В 353 г., исполняя волю императора Константина, византийский военачальник Артемий перенес их в храм Двенадцати апостолов в Константинополе, где для мощей каждого апостола была приготовлена специальная ниша. При этом честная глава апостола осталась в Патрах. Другая часть мощей, оказавшаяся в Константинополе, во время взятия его крестоносцами в 1204 г. была вывезена кардиналом Петром Капуанским в Амальфи. По другим сведениям, мощи апостола Андрея (кроме главы) находились в Риме. Что же касается честной главы апостола, то она либо вообще не вывозилась из Патр в Константинополь, либо была вывезена вместе с остальными мощами, а позже возвращена императором Василием I (867-886) в качестве дара за взятую в жены богатую вдовицу Даниилиду, родом из Патр. Позже глава апостола была перенесена в Рим Фомой Палеологом, братом константинопольского императора Константина Палеолога. Какие мотивы двигали императором Константином? Скорее всего, это была последняя попытка византийского императора склонить папу к поддержке Византии против турок.

Мощи Андрея Первозванного оставались в Риме до 1966 г., когда по просьбе Константинопольского патриарха Афинагора папа Павел VI принял решение спустя 502 г. вернуть главу апостола в Патры, место его мученической кончины.

За время длительного пребывания мощей св. апостола Андрея в Константинополе их частицы неоднократно привозились в Москву в подарок русским самодержцам. Среди важнейших реликвий, привезенных в Россию, следует упомянуть большую берцовую кость и часть плечевой кости, хранившиеся в специально изготовленном для них в 1603-1604 гг. ларце в Благовещенском соборе, а также нетленную десницу Апостола, преподнесенную в дар царю Михаилу Федоровичу Константинопольским патриархом Парфением и Солунским архимандритом Галактионом в 1644 г.

Обстоятельства этого события могут быть восстановлены в деталях благодаря тому, что сохранилось как греческое письмо братии обители Михаилу Федоровичу, так и русское дело относительно приезда гостей из Салоник. Находившийся рядом с Салониками монастырь св. великомученицы Анастасии Узорешительницы, чья память была тесно связана с этим городом, стал жертвой турок. В его метох (подворье), располагавшийся на берегу моря, ворвались турецкие солдаты и устроили там бесчинства. Прибывший туда бей, не сумев остановить разбой, был вынужден отдать своей страже приказ перебить грабителей. Однако претензии относительно их убийства родственники погибших предъявили монастырю, который вынужден был в результате заложить не только все свои имения, но даже священные сосуды. Такое стесненное положение заставило монахов отправить посольство к русскому царю с просьбой о милостыне. На момент его отъезда в монастыре не было, видимо, даже настоятеля, потому что грамоту к Михаилу Федоровичу подписал от лица братии дикей обители Парфений. Впрочем, архимандрит Галактион и отправившийся вместе с ним старец келарь Нифонт,

иеромонах Савва, иеродиакон Христофор и другие насельники запаслись также письмами к русским царю и патриарху от Константинопольского патриарха Парфения.

Как известно, почти обязательным атрибутом таких посольств были подарки в виде святынь. С ней обитель испытывала, вероятно, какие-то сложности, она нашлась лишь в последний момент: вместо упоминания о мощах в тексте монастырской грамоты указание на них дописано уже после слова «аминь» другими чернилами (но той же рукой). Речь здесь идет о частице ребра св. Анастасии. Затем, снова другими чернилами, но уже иной рукой, сделаны еще записи о деснице апостола Андрея и мире св. Димитрия, что не может не вызвать подозрений относительно прохождения этих реликвий. Впрочем, все три упоминаются в грамоте патриарха Парфения царю Михаилу Федоровичу (сохранился русский перевод), так что они были у послов уже к моменту отъезда из Константинополя.

Прибыв в Москву через Молдавию (где посольство получило еще одну грамоту от государя Василия) и Путивль в июне 1644 г., солунские монахи получили аудиенцию у государя и преподнесли подарки ему, а также членам царской семьи: царице, наследнику и др. На милостыню и за мощи они получили соболями 100 рублей — сумма значительная, но совсем не экстраординарная. Удивительно, но вскоре после того, как рука апостола Андрея прибыла на Русь, о ней забывают. Трудно сказать, с чем это было связано: то ли со скорой сменой правящего монарха, то ли с тем, что значительные части мощей апостола (большая берцовая и часть плечевой кости) уже были в Москве, как свидетельствует изготовленный для них в 1603–1604 гг. ларец из Благовещенского собора. Стоит отметить, что о деснице Андрея Первозванного поминали и ранее: она упоминается в 1650 г. в списке сумм, выданных различным посольствам за святыни.

Новое появление священной реликвии в поле зрения происходит спустя 38 лет и связано со счастливой случайностью. Подробности этого происшествия донесло до нас письмо патриарха Адриана царям Петру и Иоанну Алексеевичам от 12 сентября 1692 г. (опубликовано по копии, составленной в 1700 г.). За неделю до этой даты, 7 сентября, патриарх «раздаяния ради мощей на освящения вод великого пятка и священных антиминсов новопоставленным архиереем в новоучиненные епархии» вошел в свою ризницу в церкви ап. Филиппа и там среди прочих святынь нашел давно запечатанный ковчежец «из царских сокровищ», в котором, наряду с другими мощами, покоилась и рука апостола Андрея «с плотию». Возможно, что содержимое этого ларца состояло как раз из реликвий, привезенных Галактионом: частицы ребра св. Анастасии, мира от мощей вмч. Димитрия и др. Тогда это значило бы, что все подарки солунского монастыря были сразу же опечатаны и переданы в патриаршую ризницу.

Интересно и другое замечание патриарха: рука находилась в серебряном реликварии с греческой надписью «Мощи святого апостола Андрея Первозванного». Наличие оправы из драгоценного металла, которая вряд ли была

сделана монахами св. Анастасии перед отправлением на Русь, показывает, что рука апостола почиталась в течение какого-то времени как святыня и в Греции. Впрочем, если перевод на славянский язык, сделанный для Адриана, был верен, то слово «Первозванный» может свидетельствовать о том, что пропавший реликварий вряд ли был древним, ибо этот эпитет закрепляется за апостолом Андреем сравнительно поздно.

Затем патриарх навел справки и выяснил обстоятельства появления святыни в России, а заодно и жизни и кончины апостола. Наибольшее внимание привлекло у него троеперстное сложение пальцев на руке апостола. Для Адриана это был один из существеннейших аргументов в полемике со старообрядцами. Сразу же после находки патриарх с торжественной процессией переносит руку в Успенский собор¹⁹.

Знаменательно, что в 2001 г. св. апостол Андрей Первозванный своими честными мощами вновь побывал на киевских горах.

На Руси особой популярностью пользовались также жития св. апостола Андрея. С XII в. непрерывно развивалась традиция сказаний об Андрее. В Пролог первой редакции включены краткое житие Андрея Первозванного «Страсть святого, и прехвального, и первозванного Андрея, брата великого Петра»²⁰, в Пролог второй редакции — «Слово о проявлении Крещения Руская земля»²¹. В I половине XIV века житие Андрея Первозванного было вновь переведено на славянский (по-видимому, сербом на Афоне) в составе Стишного Пролога. Оно встречается в большом количестве южнославянских и русских списков XIV–XVII веков. Известна также «обновленная» редакция, в которой объединены оба текста об Андрее Первозванном — житие и «Слово о проявлении Крещения Руская земля»²². В житийной литературе «Слово» впервые встречается в житии свт. Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым около 1420 г.

Великие Четыи Минеи под 30 ноября содержат подборку текстов, посвященных Андрею Первозванному²³. Кроме проложного жития и Сказания о хождении Андрея Первозванного на Русь, они включают перевод «Деяний Андрея и Мефодия»²⁴, первую редакцию «Жития» Епифания Монаха²⁵, отрывок

¹⁹ В 1713 г. десница апостола Андрея отмечена среди реликвий, хранящихся в храме. Известно, что в Москве были и другие реликвии апостола (Каптерев упоминает о пяти случаях привоза его мощей), в том числе и в составе пресловутого «Креста царя Константина», но почетное положение десницы Андрея в «Росписи мощей» 1713 г. (в самом начале списка, сразу за главой Иоанна Златоуста) свидетельствует, как кажется, о том, что именно она выносилась для поклонения 30 ноября.

²⁰ РНБ. Соф. № 1324. Л. 74 об. – 75, кон. XII – нач. XIII в.; ГИМ. Хлуд. 187. Л. 71 об. – 73, 1282 г.

²¹ РГАДА. Тип. № 153, 161, 164, XIV в.

²² Самый ранний список – РНБ. Соф. № 1374, до 1513 г.

²³ Иосиф, архим. *Оглавление ВМЧ*. Стб. 209–210.

²⁴ ВHG, № 109.

²⁵ ВHG, № 95 b

из «Сказания» Симеона Метафраста²⁶ и похвальное слово Прокла, патриарха Константинопольского²⁷.

Со времени святителя Макария, бывшего архиепископом Новгородским (1526–1542), получили широкое распространение местные новгородские предания о проповеди Андрея Первозванного в земле Русской, дополняющие рассказ «Повести временных лет». Такие сказания содержит «Степенная книга» (1560–1563), где в новой обработке записано Слово о посещении Руси Андреем Первозванным, помещенное в кратком виде в житии св. Ольги и в пространном — в житии св. Владимира. В сказании из «Степенной книги» говорится, что, придя в землю словен, апостол проповедовал слово Божье, водрузил и оставил свой жезл в «веси, нарицаемой Грузине», где потом была поставлена церковь во имя апостола Андрея. Отсюда по р. Волхов, Ладожскому озеру и Неве он отправился в «варяги», затем в Рим и Царьград²⁸. «Степенная книга» также сообщает о том, что в Херсонесе сохранились отпечатки стоп Андрея Первозванного на камне: наполнявшая их дождевая или морская вода становилась целебной²⁹. О жезле Андрея Первозванного из с. Грузина подробнее рассказывается в житии прп. Михаила Клопского, которое было написано в Новгороде в 1537 г. боярским сыном В. М. Тучковым по поручению архиепископа Макария³⁰. Тогда же, очевидно, было написано Похвальное слово Андрея Первозванного «и о монастыре, рекомом Грузино», известное в списках XVII века. Во II половине XVI века было составлено «Сказание кратко о создании пречестныя обители боголепного Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа на Валаме и отчасти повесть о преподобных святых отец той же обители начальник Сергия и Германа и о перенесении святых мощей их», где говорится о посещении апостолом острова Валаама³¹. Таким образом, подкрепленное новгородскими преданиями, начальное киевское сказание о путешествии Андрея Первозванного по Днепру и Волхову обратилось в традицию об апостольской проповеди по всей Русской земле.

В начале XVII века при Василии Шуйском и патриархе Гермогене была переведена с греческого полная служба апостолу, а в день его памяти звонили колокола знаменитого Ивана Великого. Богатая традиция сказаний об апостоле Андрее, существовавшая в средневековой Руси, дополнялась и в последующие времена.

В XIX веке А. Н. Мошиным были записаны «Легенды Великих Лук», содержащие предание о посещении этих мест Андреем Первозванным³².

²⁶ ВHG, № 101 б.

²⁷ ВHG, № 103.

²⁸ ПСРЛ. Т. 21, ч. 1. С. 73.

²⁹ Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси в «Книге степенной царского родословия», в: *Славяне и их соседи*. М., 1996. Вып. 15. С. 50.

³⁰ Повесть о житии Михаила Клопского. С. 148.

³¹ ТОДРА. Т. 47. С. 135–147.

³² Мошин А. Н. Легенды Великих Лук, в: *Богословские труды*, 1986. Сб. 27. С. 195–211.

В согласии с местными преданиями память апостола Андрея особо читалась в монастырях: Балаклавском Георгиевском близ Севастополя, Инкерманском свт. Климента Римского под Севастополем, Валаамском Спасо-Преображенском на Ладожском озере, Деревяницком Новгородском (вотчиной его с сер. XIV в. являлось село Грузино).

Петр I, радикально изменивший исторический путь России, считал Андрея Первозванного не только небесным покровителем России, но и своим покровителем. Именно поэтому, основывая Петербург — новую столицу Российского государства, — он заложил в фундамент Петропавловской крепости ковчег с частицей мощей св. апостола Андрея. Высшим орденом Российской империи стал орден св. апостола Андрея Первозванного³³, «крещением первоначально пределы наши просветившего», как написал Петр I в проекте Устава ордена, а Российский флот получил флаг с андреевским крестом.

На Руси существовала и своеобразная народная традиция почитания святого Андрея Первозванного. Так, день памяти апостола Андрея вторично (первый раз — в Юрьев день) крестьяне «наслушивали» воду в реках, озерах, колодцах и подо льдом. По народному поверью, «коль все тихо — будет теплая зима, а послышатся странные звуки — будет стужа и бураны». Предшествующая этому дню ночь носит в народе название Андреевой ночи. В канун Андреева дня, ложась спать, девушки и парни клали под подушку кусок хлеба, приговаривая: «Суженое-ряженое, приходи ко мне кушать». По народному поверью, загадавшим их суженые являлись во сне. Традиционно святому апостолу Андрею молились девушки о даровании хороших женихов (Андрей — греч. мужественный).

Видный исследователь Георгий Федотов в своей работе «Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам)» отмечал, что в народных обычаях «мы имеем бессознательный ассоциативный процесс поэтического творчества, в котором слова намного опережают мысль. Подобно бреду больного, бред вдохновения раскрывает то, что лежит в подсознательной глубине народной души»³⁴. Подобный «подсознательный бред вдохновения» нашел свое отражение и в оккультной традиции. Даниил Андреев, сын известного писателя Леонида Андреева, в своей историософской мистерии «Роза мира», утверждает, что в предании о хождении Андрея Первозванного на Русь таится, по-видимому, отголосок интуитивного знания о том, что он «стал первооснователем Небесной России, отдав свои силы народоводителю Российской метакультуры Яросвету для творческого акта созидания небесной Святой Руси».

³³ В 1988 г. определением Св. Синода РПЦ в связи с празднованием тысячелетия Крещения Руси был учрежден церковный орден св. Андрея Первозванного, а в 1998 г. указом Президента РФ орден апостола Андрея Первозванного был восстановлен как высшая государственная награда России.

³⁴ Федотов Г. П. *Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам)*. М., 1991. С. 31–32.

От редакции

Протоиерей Кирилл Копейкин представил данный доклад, оставшийся неопубликованным, на конференции «Россия и апостол Андрей» в Амальфи (25–28 ноября 2002 г.). Выступавший на той же конференции к.и.н. С. А. Беляев (ИВИ РАН) с темой «Апостол Андрей и истоки Русской Православной Церкви» представил иную точку зрения на древнерусский корпус андреевских преданий, которую он изложил в следующем своем резюме.

Русские исследователи разделены на два непримиримых лагеря — сторонников и противников пребывания апостола Андрея в Киеве, и единства среди исследователей по этому вопросу нет и, по моему убеждению, при данной постановке вопроса и быть не может. Нужно менять методику исследований и немного по-другому ставить вопрос. Но есть ли какие-либо препятствия, возражения, сомнения в возможности пребывания апостола Андрея в районе Киева и сопредельных территориях с учетом всей совокупности данных истории? Обратим внимание на следующие обстоятельства.

1) Этот регион по крайней мере с середины V века до Р. Х. был вовлечен в орбиту античной цивилизации — сначала греческой, а впоследствии римской.

2) Историки древней церкви полагают, что неперемными условиями апостольской проповеди были два — существование оживленной торговли с другими регионами греко-римского мира и наличие в этих городах еврейских колоний.

3) На протяжении всего I тысячелетия некоторые центры на северном берегу Черного моря становятся и остаются крупными очагами христианства; одновременно сохраняются их тесные отношения с областью Среднего Поднепровья, о чем свидетельствуют находки византийских монет и иных предметов материальной культуры, как в самом Киеве.

4) Археологи, исследующие памятники Поднепровья или занимающиеся изучением археологических культур в этом регионе, отмечают определенную преемственность между ними. Хотя на протяжении I тысячелетия в этом регионе и происходила смена археологических культур, что может свидетельствовать о смене населения, но резкого разрыва между ними не было, значит, жизненная традиция могла сохраняться.

Следовательно, пребывание апостола Андрея и, возможно, еще с ним некоторых апостолов, в античных городах Северного Причерноморья, с учетом свидетельства историков древней церкви, начиная с Оригена и Тертуллиана, представляется совершенно реальным историческим событием. Превращение причерноморских городов Херсонеса, Судака, Боспора (Пантикапеи) и некоторых других в крупные центры христианства, оживленные торговые и политические отношения этих городов и Византии в целом с прилегающими к ним степными районами, отмечаемая археологами преемственность населения Среднего Приднепровья, дает основания полагать, что заложенная в I веке христианская традиция в той или иной форме существовала и постоянно подпитывалась христианами Херсонеса и других городов Причерноморья. Таким образом, в сказании о посещении апостолом Андреем Киева и сопредельных областей, конечно, за исключением ряда этнографических деталей, на наш взгляд, нет ничего такого, что явно противоречило бы тому, что известно современной науке по исторической ситуации того времени.

С. А. Беляев

Михаил Шкаровский

Орден св. апостола Андрея Первозванного и Андреевский флаг

С тарейший и самый знаменитый из русских орденов был главным орденом Российской империи, он является высшей государственной наградой и нынешней России. Орден учрежден царем Петром I предположительно в конце 1698 г., после возвращения из продолжительной поездки в составе Великого посольства в Западную Европу. Этим царь стремился укрепить престиж российского государства, продемонстрировать его право на равных строить отношения с другими европейскими державами. Выбор небесного патрона ордена был не случаен — апостол Андрей почитался святым покровителем Русской земли со времен киевских князей. Ранее предание об одном из ближайших учеников Христа, который проповедовал балканским и причерноморским народам, использовал Константинополь — центр православного мира в споре о первенстве с католическим Римом. Россия как приемница Византии и «третий Рим» тоже стремилась утвердить истинность своей государственной религии ссылками на древность традиции. Неслучайно Петр написал в проекте устава ордена 1720 г., что он учреждается в честь апостола, «Крещением первоначально пределы Наши просветившего».

Император считал св. Андрея и своим личным покровителем. Определенное влияние оказала также международная известность ордена св. апостола Андрея. Впервые намерение учредить его в России Петр высказал во время пребывания в начале 1698 г. в Англии. Вводная часть проекта устава 1720 г. разъясняла, что орден учреждается «наипаче» по той причине, что древний шотландский орден св. Андрея «пресекся», а посвящение тому же святому ордена Золотого руна со временем утратило силу. Таким образом в Москве произошло как бы возобновление старинного христианского ордена.

Самым ранним достоверным упоминанием о нем считается запись в дневнике секретаря австрийского посольства И.-Г. Корба от 20 марта 1699 г. о том, что царь учредил орден и пожаловал первым его кавалером боярина Головина. Действительно, первое награждение состоялось 10 марта 1699 г., когда Петр I сам возложил знаки ордена на генерал-адмирала (впоследствии и первого российского генерал-фельдмаршала) Федора Алексеевича Головина. В 1699 г. в Голландии была изготовлена специальная медаль в честь первого андреевского кавалера.

В первые годы ощущался традиционный русский подход к ордену как к виду «государева жалования». Проект устава 1720 г. называл главой ордена царя и отмечал, что награда учреждается «в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству заслуги, а другим для одобрения ко всяким благородным и геройским добродетелям, ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолюбия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние». Орден вводился в первую очередь как награда царей, высших сановников и генералитета. В главе проекта устава «О кавалерах» говорилось, что кандидат должен иметь титул графа или князя, звание сенатора, министра, посла, генерала, адмирала, губернатора, иметь возраст не менее 25 лет, состояние, чтобы «важность сего события поддержать», и не страдать телесными недостатками. К иностранцам предъявлялись те же требования.

Одновременно кавалерами ордена могли быть не более 12 «природных российских кавалеров», а вместе с иностранцами не более 24. Это правило соблюдалось на протяжении всего царствования Петра. Император награждал орденом очень редко — за 26 лет его получили 39 человек, в том числе 12 иностранцев. Долго не мог забыть Петр своей ошибки в выборе второго кавалера — гетмана Украины Мазепы, которому лично вручил знаки ордена 8 февраля 1700 г. После предательства Мазепы и его перехода на сторону шведского короля Карла XII был изготовлен манекен гетмана, на который надели знаки ордена: 9 ноября 1708 г. манекен вынесли, сняв знаки ордена, бросили в руки палача, и тот, прицепив куклу за веревку, тащил ее по улице до виселицы и потом повесил. А в 1709 г. царь в самые напряженные дни подготовки к решающей битве со шведами под Полтавой слал в Москву гонца за гонцом, торопя изготовить и доставить к нему «орден Иуды» — огромную двенадцатифунтовую медаль с цепью, на которой был изображен повесившийся над рассыпанными сребренниками Иуда и вычеканены слова: «Треклят сын погибельный Иуда, еже за сребролюбие давится». Мазепе посчастливилось избежать этого «пожалования», а «орден Иуды» еще в середине XVIII в. надевал на себя один из придворных шутов.

Остальные 38 кавалеров, награжденные Петром, были более достойны. Третьим стал бранденбургский посланник Принтцен (1701), четвертым — известный полководец генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев (1701), пятым — саксонский канцлер граф Бейхлинг (1703). Сам царь был награжден орденом лишь шестым (1703) за конкретный военный подвиг — захват двух шведских кораблей в устье реки Невы, которым Петр руководил лично в звании бомбардир-капитана. Знаки ордена возложил на царя в походной церкви первый кавалер Ф. А. Головин. За эту же победу в 1703 г. были награждены ближайший сподвижник царя, будущий президент Военной коллегии и генералиссимус, первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга А. Д. Меншиков и будущий верховный канцлер граф И. А. Головкин.

После победы в Полтавской битве 1709 г. Петр хотел учредить для солдат и низших офицеров крест синего цвета с распятием апостола Андрея, так

как орден был слишком высокой наградой. По рисунку царя было изготовлено семь малых крестов, но ими так никого и не наградили. Солдатам и низшим офицерам вручили лишь медаль «За победу под Полтавой», а немногим военачальникам — орден св. апостола Андрея, в том числе командовавшему русской артиллерией генералу Якову Брюсу. В Государственном историческом музее в Москве хранится звезда ордена, принадлежавшая Брюсу, — единственная из сохранившихся звезд русских орденов петровской эпохи. Среди награжденных Петром Великим были его сын царевич Алексей, известный дипломат граф Толстой и другие сподвижники царя. Состоялось и одно секретное награждение. Орден тайно получил за симпатию к России валашский господарь Константин Брынковяну, который даже не был внесен в официальные списки награжденных.

После Петра I орден вручался почти так же скупой, хотя число кавалеров уже никогда не ограничивалось. При императрице Екатерине I было награждено 18 человек, в том числе шесть иностранцев, при Петре II — пять человек, при императрице Анне Иоанновне — 24. Следует отметить, что Анна Иоанновна первый орден вручила себе и награждала она в основном приближенных к ней немцев — своего фаворита Иоганна Бирона, его сыновей, графов Миниха, Левенвольде и других; русских было награждено лишь четверо.

Анна Иоанновна нарушила и одно из правил проекта устава 1720 г., специально говорившего о неразумности награждения орденами малолетних и младенцев. Так, сын Петра I Алексей получил орден только в день своей свадьбы, а император Петр II по молодости вообще не попал в список кавалеров. Но в 1740 г. орденом был награжден объявленный наследником престола новорожденный Иоанн Антонович.

Императрица Елизавета Петровна наградила орденом 83 человека, Петр III — 15, в том числе выдающегося полководца, будущего фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского.

100 человек наградила за время своего длительного царствования императрица Екатерина II. Среди них были полководцы и дипломаты: генералиссимус А. В. Суворов, И. И. Салтыков, Н. В. Репнин, адмиралы Г. А. Спиридов, С. К. Грейг, В. Я. Чичагов, А. Н. Синявин, государственные деятели Ф. М. Апраксин и Г. А. Потемкин, президент Академии художеств граф А. С. Строганов и другие, в том числе сама императрица. На парадном портрете Екатерины II, выполненном итальянским художником С. Торелли между 1762 и 1766 гг., она изображена в белом атласном, расшитом серебряной нитью платье с голубой андреевской лентой через плечо. Императрицу украшают корона, скипетр, держава, горностаевая мантия и знаки ордена св. апостола Андрея — звезда, орденский крест и цепь, унизанные бриллиантами, причем звенья цепи превышают размерами знак ордена, который увенчан большой короной.

Екатерина II была последней царствующей особой, которой довелось самой возложить на себя орден при вступлении на престол. После нее все императоры и их наследники получали голубую ленту и знаки ордена по факту рождения: члены императорской семьи мужского пола — при крещении, а

князя императорской крови — при совершеннолети. Это правило было утверждено законом 1797 г. Император Павел I уже в день своей коронации 5 апреля подписал особое установление, которое и стало первым утвержденным уставом. С этого времени кавалерам запрещалось самовольно украшать свои знаки драгоценными камнями, и крест со звездой, усыпанные бриллиантами, стали как бы особой, высшей степенью ордена, жалуемой исключительно по личному усмотрению императора.

С 1797 г. каждый награжденный орденом св. апостола Андрея сразу становился и кавалером ряда других высших российских орденов — св. князя Александра Невского и св. Анны 1-й степени, с 1831 г. — также ордена Белого орла, а с 1865 г. — и св. Станислава 1-й степени. На портрете Павла I кисти художника В. А. Боровиковского (1800) андреевский крест у императора, как и ранее, выполнен из серебра с бриллиантами, но медальоны уже не так велики, сам крест — синий, эмалевый — помещен на фоне шитой мальтийской звезды, а поверх него — любимый Павлом крест св. Иоанна Иерусалимского (император в 1797 г. стал гроссмейстером Мальтийского ордена).

Павел I начал награждать светскими орденами российское духовенство. Первым священнослужителем — кавалером ордена св. апостола Андрея стал в ноябре 1796 г. митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров), а вторым — митрополит Московский Платон (Левшин). Двенадцать старших по времени награждения кавалеров получали командорства (поместья), обеспечивавшие дополнительные доходы: три командорства — по 1000 душ крепостных крестьян, четыре — по 800 душ и пять — по 700. В каждой из этих трех групп одно командорство давалось причисленному к ордену духовному лицу. Эти пожалования были пожизненными и со смертью кавалера переходили к следующему по старшинству обладателю награды.

Уже вскоре после учреждения ордена было создано особое объединение его кавалеров. Поначалу они собирались в первой церкви Санкт-Петербурга — любимом храме Петра I, соборе Пресвятой Троицы на Троицкой площади. Здесь отмечались полтавские годовщины и заключение победного Ништадтского мира со Швецией в 1721 г., когда Петру был поднесен титул императора. Однако в дальнейшем кавалеры ордена св. апостола Андрея стали собираться в Андреевском соборе, построенном на Большом проспекте Васильевского острова.

Кавалеры ордена по определению Петра I должны были вносить «некоторую сумму денег, смотря по обстоятельствам, на выкуп пленных, на содержание и призрение инвалидов, в пользу посольств для приобщения неверных к христианству, на снабжение обедневших дворянских детей и на прочее». А указом Павла I в 1797 г. на кавалеров были возложены следующие обязанности: надзор и попечение над воспитательными домами в Петербурге и Москве; ведение и призрение московского Инвалидного дома и Екатерининской больницы; заведение в обеих столицах пристанища для бедных; попечение и надзор за всеми полезными заведениями для призрения неимущих и немощных. На богоугодные заведения и другую благотворительную деятельность

награжденные делали единовременный взнос в Капитул орденов (орденскую администрацию, занимавшуюся всеми вопросами, связанными с награждениями и т. п.). В начале XIX в. этот взнос равнялся 800 руб., а в 1860 г. — 500 руб. (для сравнения: годовое жалование среднего чиновника составляло тогда 300–400 руб.).

Ежегодно 30 ноября (в день памяти св. апостола Андрея) при императорском дворе устраивался грандиозный праздник ордена с торжественным богослужением и обедом, во время которого употреблялась специальная посуда с изображением ордена. Кавалеры съезжались в Андреевский собор в особых орденских костюмах. Этот костюм подробно описан в уставе 1797 г.: длинная зеленая епанча (плащ) из бархата, подложенная белой тафтой и завязывающаяся серебряными шнурками с кистями. На левой стороне епанчи — вышитая серебром андреевская звезда. Под епанчой поверх светло-синего кафтана надевался супервест (жилет) из белого клезета с золотым галуном, бахромой и нашитым на груди крестом. Особой пышностью отличалась шляпа из черного бархата, украшенная красным пером и голубым андреевским крестом. В этой одежде кавалеры должны были являться ко двору не только 30 ноября, но и в другие указанные императором дни.

После смерти Павла с 1801 по 1916 гг. орденом было награждено около 600 человек. В царствование Александра I значительно выросло число кавалеров-военных. Так, за период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. награды получили 8 человек, в том числе Л. А. Беннигсен — с бриллиантовыми украшениями. Все они имели чин полного генерала. Хотя формально награжденный орденом становился «особой» третьего класса, что по Табели о рангах соответствовало званию генерал-лейтенанта, фактически тогда кавалерами могли надеяться стать лишь полные генералы. От тех времен в Государственном историческом музее хранится голубая андреевская лента, которая была на груди знаменитого полководца князя П. И. Багратиона в момент его смертельного ранения в Бородинской битве.

Александр I награждал и иностранцев. Так, при ратификации Тильзитского мирного договора с Францией 26 июня 1807 г. император поручил князю Куракину поднести Наполеону от своего имени пять орденов св. апостола Андрея: для самого Наполеона, его брата Жерома, маршалов Мюрата, Бертье и дипломата Талейрана. Тогда же Александру передали пять орденов Почетного легиона, учрежденного Наполеоном в 1802 г.: для императора, его брата цесаревича Константина, барона Бюдберга и русских уполномоченных при переговорах — князей Куракина и Лобанова-Ростовского.

Кроме того, на параде русских и французских войск Наполеон изъявил желание наградить орденом Почетного легиона «самого храброго русского солдата». Выбор пал на grenадера лейб-гвардии Преображенского полка Лазарева, которому император Франции сказал: «Ты будешь помнить этот день, когда мы, твой государь и я, сделались друзьями». В ответ Александр послал Бонапарту для храбрейшего из французских солдат знак отличия военного ордена — солдатский Георгиевский крест. Простой солдат не мог быть

награжден высшим орденом Российской империи. Даже соображения престижного порядка в этой сложной ситуации не смогли склонить Александра I к отступлению от незыблемого правила.

Интересно отметить, что в 1815 г. Александр I наградил орденом св. апостола Андрея победителя Наполеона в битве при Ватерлоо английского полководца герцога Веллингтона. Последние награждения орденом в Российской империи состоялись в 1916 г., всего же с 1699 г. их было немногим более тысячи.

Орден имел одну степень. Девиз его гласил: «За веру и верность», что, согласно проекту устава 1720 г., «долженствует напоминать кавалерам, дабы они, по всей возможности, охраняли и защищали христианскую веру и пребывали чрез весь свой век приверженными к Богу и главе своего ордена (императору) всеподданнической верностью». Знаки ордена состояли из креста, звезды и голубой ленты (или цепи). В XVIII веке крест и звезда варьировались в деталях, и лишь в 1797 г. их внешний вид был узаконен.

Важнейшим знаком был косой андреевский крест голубой эмали с изображением распятого св. Андрея Первозванного, наложенный поверх черного двуглавого орла, увенчанного тремя красными коронами. На концах креста — четыре золотые латинские буквы SAPR (*Sanctus Andreas Patronus Russiae* — Святой Андрей, Покровитель России). На оборотной стороне орла — хартия (лента) с орденом девизом. Обычно крест прикреплялся к ленте у бедра. Эта голубая муаровая лента носилась через правое плечо и имела ширину 10–12 см. В особо торжественных случаях крест носили на груди, на золотой с разноцветной эмалью цепи из звеньев трех видов: двуглавых орлов, андреевских крестов на фоне красного круга и медальонов с изображением «трофея» и вензелем Петра I. Окончательный вид цепи сложился еще в первой половине XVIII века. Хотя при Анне Иоанновне «трофей» получил ее вензель, Елизавета Петровна вернула вензель Петра Великого. Орден св. апостола Андрея — единственная из всех российских наград, имевшая цепь.

Андреевские восьмиконечные звезды, которые носили на левой стороне груди, в XVIII веке были матерчатými (шитыми серебряными нитками) и отличались разнообразием; на многих имелся только крупный андреевский крест без орла. Во второй половине XVIII века на звезде в окружении орденового девиза стали помещать изображение орла с крестом на груди, с перунами (молниями) и венком в лапах. После 1797 г. перуны и венки обычно опускались. С Отечественной войны 1812 г. появились звезды из серебра, вскоре полностью вытеснившие матерчатые. В центральном медальоне звезды на золотом поле был помещен черный двуглавый орел с голубым андреевским крестом на груди; по окружности медальона на голубом эмалевом фоне был написан девиз ордена: «За веру и верность».

С 5 августа 1855 г. к знакам, пожалованным за военные отличия, присоединялись два скрещенных золотых меча. На кресте они помещались сверху, под короной, а на верхнем луче звезды мечи скрещивались таким образом, что рукояти и острия выступали из-под медальона звезды. Скрещенные мечи над медальоном «бриллиантовой» звезды означали, что награждение за военные

заслуги состоялось при простом, не бриллиантовом знаке ордена. Все указанные знаки имели большую стоимость, и в уставе говорилось, что «наследники обязаны при объявлении смерти кавалерской обратно отослать орденский знак к казначею ордена». Лишь с сентября 1916 г. орденские знаки стали изготавливать из бронзы.

После Февральской революции 1917 г. и отречения императора Николая II пришедшее к власти Временное правительство, в сущности, оставило прежней наградную систему империи, проведя лишь некоторые «косметические» изменения и убрав ряд монархических символов. Так, на ордене св. апостола Андрея с креста решили снять короны, а царского орла в центре круга медальона заменить новым, республиканским орлом без короны по эскизу художника Ивана Билибина. Но награжденный видоизмененным орденом в 1917 г. не было, и даже пробный экземпляр его неизвестен. Октябрьская революция 1917 г. привела к отмене на несколько десятилетий не только самого ордена, но и других андреевских знаков отличия.

Знаки высших орденов стали частью воинской символики русской армии. Так, андреевская звезда в военной атрибутике была своеобразным символом гвардии и украшала гвардейские головные уборы и лядунки (сумки для патронов), супервесты у кавалергардов тяжелой гвардейской кавалерии и даже чепраки (суконные подстилки под седло). В конце XIX — начале XX веков многие полки русской армии праздновали юбилеи — 100, 150 и более лет, и все они учреждали свои полковые знаки. Тогда более десяти гвардейских частей включили в них как элемент изображение андреевской звезды и ленты, а три гвардейских пехотных полка основой знаков сделали андреевский крест. Старейший русский полк — Преображенский — учредил знак по эскизу креста, собственноручно выполненному Петром I, скопировав обе его стороны. Этот знак стал единственным, имевшим изображение и надписи на оборотной стороне, ведь чины полков носили все знаки привинченными на мундирах. 16 армейских пехотных полков поместили на свой знак андреевскую звезду и ленту, а 11-й пехотный Псковский и 13-й уланский Владимирский полки сделали основой знака андреевский крест.

Следует упомянуть, что Петр I ввел и близкий к орденам знак отличия — миниатюрный портрет императора, выполненный финифтью и украшенный бриллиантами. Его носили на груди на банте из голубой андреевской ленты. Этого знака были удостоены лишь немногие приближенные Петра. Император жаловал его тем, кого считал друзьями и единомышленниками — А. Д. Меншикову, канцлеру И. А. Головкину и др.

В 1917 г. все знаки и награды с андреевской символикой в России были отменены. Положение изменилось только к концу столетия: 1 июля 1998 г., в год празднования 300-летия учреждения андреевского ордена, был принят указ президента РФ Б. Н. Ельцина «О восстановлении ордена св. апостола Андрея Первозванного». С этого времени орден вновь является высшей наградой России, он даже выше звания Героя Российской Федерации. По уставу «орденом награждаются выдающиеся граждане Российской Федерации за

исключительные заслуги, способствовавшие процветанию, величию и славе России», но могут быть награждены также главы и руководители правительств зарубежных государств.

Знаки ордена: звезда, крест, лента — остались прежними. Изменилась лишь цепь, на которой в особо торжественных случаях носится орден. Теперь она состоит из 17 чередующихся звеньев трех видов: государственного герба Российской Федерации, картуша с вензелем Петра I и розетки, покрытой красной эмалью, разделенной золочеными полосками в виде сияния. Новшеством также стало то, что лента без ордена на гражданской одежде носится в виде розетки, а на форменной одежде — на планке.

Первым кавалером возрожденного ордена стал знаменитый петербургский филолог и историк академик Д. С. Лихачев, затем — конструктор стрелкового оружия М. Т. Калашников, президент Казахстана Н. Назарбаев и патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Промыслительно, что патриарх, трудами которого на ленинградской кафедре было положено начало возрождению соборного храма ордена св. апостола Андрея на Васильевском острове, стал кавалером этой высочайшей награды. А в 2002 г. орденом наградили представителя Московского патриархата в Великобритании, митрополита Суражского Антония (Блюма).

В 1988 г. в России появился и самостоятельный церковный орден св. апостола Андрея Первозванного. Он был учрежден в качестве высшей награды Русской православной церкви определением Священного синода от 28 декабря 1988 г. в связи с празднованием тысячелетия Крещения Руси. Орден имеет одну степень, и награждаются им только главы поместных православных церквей. Орден св. апостола Андрея представляет собой серебряный с позолотой овальный знак, в котором в технике финифти на фоне неба в рост изображен апостол, держащий в правой руке большой четырехконечный крест. Изображение обрамлено тонким коричневым ободком, который окружен по периметру алмазами, за ними — две пальмовые ветви, на которых вправлены четыре рубиновых камня. Вверху находится корона с тремя алмазами. Носят орден на широкой муаровой зеленой ленте через левое плечо. Существует и восьмиконечная алмазная звезда ордена, представляющая собой круг, наложенный на алмазный ромб. В центре круга — монограмма с вензелем С. А. и надписью по окружности «Аз есмь свет миру», в нижней части — крест и две дубовые ветви. Круг унизан по всему периметру алмазами и носится на правой стороне груди.

Таким образом, после падения советской власти вновь была возрождена многовековая российская традиция — связывать высшие награды страны и ее символику с именем апостола Андрея Первозванного.

Напомним, что Петр I считал св. апостола Андрея своим личным покровителем. Известна также горячая любовь императора к мореплаванию и флоту, а апостол был и покровителем мореплавателей. Поэтому, учреждая русский военно-морской флаг, Петр выбрал изображение голубого косоногого андреевского креста. Символика Андреевского флага была еще и данью

памяти Петра его отцу царю Алексею Михайловичу, который впервые учредил специальный трехцветный (бело-сине-красный) флаг для первого военного российского судна — галиота «Орел».

Петр лично уделял много внимания разработке эскизов флага. В 1692 г. он нарисовал первые два эскиза: на одном имелись три параллельные полосы с надписями «белый», «синий», «красный», а на втором были те же цвета с андреевским крестом поверх них. Предполагается, что второй вариант флага носили уже корабли потешной царской флотилии на Плещеевом озере. В изготовленном в 1693 г. в Париже «Атласе» Кассини (ныне хранящемся в библиотеке Британского музея) имеется изображение бело-сине-красного «флага Московии», пересеченного синим андреевским крестом.

С 1692 по 1712 г. Петр I нарисовал еще восемь эскизов флага, которые последовательно принимались во флоте, но во всех вариантах присутствовал андреевский крест. В 1699 г. царь нарисовал на черновике инструкции российскому посланнику Е. Украинцеву, направлявшемуся на корабле «Крепость» из Азовского моря в Турцию, трехполосный флаг с андреевским крестом. Одно из преданий гласит, «что Петр Первый, заснувший ночью за рабочим столом, был разбужен утренним солнцем, лучи которого, преломившиеся через промерзшую слюду окна, упали на белый лист бумаги синеватым диагональным крестом. Свет солнца и цвет моря — вот что символизирует Андреевский флаг».

В настоящее время считается, что Андреевский флаг учрежден 30 ноября/11 декабря 1699 г. Официально же Петр I утвердил военно-морской флаг только в 1703 г., после отвоевания русскими войсками у шведов устья Невы и острова Котлин. По мнению царя, Россия теперь окончательно закрепила свое влияние на четырех морях (Балтийском, Белом, Черном и Каспийском), что символизировали четыре части Андреевского флага. Крест располагался по диагонали малого прямоугольника в верхнем углу у древка или по диагонали всего полотнища. Петр писал: «Слава, слава Богу за исправление нашего штандарта, который в образе креста св. Андрея исправить благоволил».

Вскоре в образец Андреевского флага внесли исправления; в 1709 г. в таблице флагов всего мира были изображены три российских флага: белый, синий и красный с белыми крыжами (верхний угол флага), на которых имелись андреевские кресты. Белый флаг был присвоен эскадре адмирала, синий — вице-адмирала, а красный — контр-адмирала. В 1712 г. белый флаг адмирала (корде-баталии) стал изготавливаться с синим андреевским крестом по диагонали на всем поле. Составляя описание российских стягов, Петр I пометил: «Флаг белый, через который синий крест св. Андрея, того ради, что от сего апостола приняла Россия святое крещение».

В 1718 г. в храме св. апостола Андрея в Кронштадте произошло одно из важнейших событий в истории российского военно-морского флота — впервые был совершен чин освящения Андреевского флага, который стал развеваться над кораблем «Святитель Николай» и фрегатом «Орел».

В царствование императрицы Анны Иоанновны белый Андреевский флаг стал общим для всех кораблей. При императрице Елизавете Петровне снова

появились три флага: синий — авангарда, белый — корде-баталии (основных сил) и красный — аръергарда. Императрица Екатерина II восстановила общий белый флаг с синим крестом апостола Андрея. Однако ее сын — император Павел вновь ввел три прежних флага, которые окончательно были упразднены только в 1865 г. По указу императора Александра III с этого времени и до конца 1917 г. корабли российского военно-морского флота имели белый Андреевский флаг.

Наиболее отличившимся кораблям присваивали георгиевский Андреевский флаг. Впервые его удостоился за действия в победном Наваринском сражении с турками в 1827 г. линейный корабль «Азов», а 1829 г. — выдержавший бой с двумя турецкими кораблями бриг «Меркурий».

После введения на флоте строевого походного обучения в 1832 г. морским частям было предписано использовать в качестве знамен кормовые Андреевские флаги на древках. Знаменные флаги также были установлены по присвоенным флотским дивизиям цветам: 1-й дивизии — синие, 2-й — белые, 3-й — красные (аналогично кормовым корабельным). 12-му флотскому экипажу, к которому был приписан экипаж корабля «Азов», полагался георгиевский знаменный флаг. В 1865 г. одновременно с упразднением флагов дивизий всем флотским экипажам указали использовать белые флаги с андреевским крестом.

За героическую оборону Севастополя в годы Крымской войны части экипажей Черноморского флота в 1856 г. были присвоены георгиевские знаменные флаги с надписью «За оборону Севастополя с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года».

Андреевские флаги специального образца имели находившиеся в Санкт-Петербурге Гвардейский флотский экипаж и Морской кадетский корпус. В частности, знамя Морского кадетского корпуса имело андреевский крест, в середине полотнища в желтом круге изображался государственный герб (двуглавый орел), а по всем четырем концам знамени — гербы корпуса и вензеля Его императорского величества.

Под Андреевским флагом совершали кругосветные плавания, открывали новые земли (в том числе целый континент — Антарктиду), шли в бой многие поколения русских моряков. Накануне сражения на кораблях обязательно проводили богослужения. Вот почему последними напутственными словами командиров кораблей к своим экипажам перед боем были: «С нами Бог и Андреевский флаг». До 1918 г. в Морском уставе было записано, что Андреевский флаг «все воинские корабли Российские не должны ни перед кем спускать».

18 ноября 1917 г. собравшиеся на съезд Всероссийского Военного флота распропагандированные большевиками революционные моряки приняли постановление: «Поднять на всех судах Всероссийского Военного флота вместо андреевского флага флаг Интернационала в знак того, что весь Российский Военный флот как один человек встал на защиту народовластия в лице Советов рабочих, солдатских и красноармейских депутатов». Упомянутый флаг Интернационала представлял собой красное полотнище без эмблем и надписей.

14 апреля 1918 г. в советском флоте был официально введен флаг РСФСР, но над кораблями Белой армии продолжал реять Андреевский флаг. После поражения армии под командованием генерала П. Н. Врангеля осенью 1920 г. русский Черноморский флот в составе 33 кораблей ушел из Крыма в североафриканский порт Бизерты (Тунис), который тогда принадлежал Франции. В конце 1920 г. и последний боевой корабль Балтийского флота под Андреевским флагом, сторожевое судно «Китобой», совершил переход из Ревеля (Таллинна) в Тунис. В Бизерте поселилось около 6 тысяч моряков и членов их семей.

После признания в 1924 г. правительством Франции Советского Союза русский флот был затоплен вблизи Бизерты, но флаг с флагманского корабля-броненосца «Георгий Победоносец», спущенный 29 октября 1924 г., как святыня и символ русской эмиграции хранился в построенной в 1937–1939 годов русскими моряками местной православной церкви св. князя Александра Невского.

Только после падения советской власти в декабре 1999 г. флаг был перевезен из Бизерты научно-исторической экспедицией «Андреевский флаг» под руководством президента Андреевского фонда Е. П. Истомина в Санкт-Петербург и помещен на вечное хранение в кафедральный Казанский собор, у могилы знаменитого полководца фельдмаршала М. И. Кутузова. Акция передачи флага состоялась 12 декабря, а церемония его чествования войсками и водружение на почетное место в храме — 18 декабря 1999 г. Исторический Андреевский флаг был пронесен перед строем воспитанников военно-учебных заведений Санкт-Петербурга ротой почетного караула Петербургского гарнизона. Настоятель Казанского собора прот. Павел Красноцветов отслужил благодарственный молебен за возвращение символа русской воинской славы в Россию.

В последнее десятилетие у петербуржцев появилась традиция отмечать дату последнего спуска Андреевского флага в Бизерте его символическим поднятием. Так, 29 октября 1999 г. (через 75 лет после спуска) Андреевский флаг был торжественно поднят на пришедшем в Бизерту из Санкт-Петербурга парусном судне «Седов». В этой церемонии на борту корабля принимала участие старейшина русской диаспоры в Тунисе, дочь капитана одного из судов затопленной в 1924 г. эскадры А. А. Ширинская.

17 января 1992 г. постановлением правительства Андреевский флаг был возвращен в качестве официального Военно-морскому флоту России. Освящение Андреевского флага произошло 15 февраля того же года, в праздник Сретения Господня, в верхнем храме Богоявления Господня Николо-Богоявленского кафедрального Морского собора Санкт-Петербурга (что подчеркивало статус города как морской столицы России). Настоятель собора протоиерей Богдан Сойко в присутствии матросов, старшин, мичманов, офицеров и адмиралов освятил флаг Санкт-Петербургской военно-морской базы и вручил его командующему базой вице-адмиралу В. Е. Селиванову, который передал его почетному караулу, выстроенному у входа в собор.

Ныне этот освященный флаг в дни праздников реет в северной столице над главным Адмиралтейством. Первый на Военно-морском флоте России официальный подъем Андреевского флага состоялся на входящем в состав Балтийского флота эскадренном миноносце «Беспокойный». 26 июля 1992 г., в день Военно-морского флота, на всех боевых кораблях в последний раз были подняты и спущены флаги СССР. Вместо них под гимн Российской Федерации были подняты Андреевские флаги. В октябре 1996 г. в день празднования 300-летия Российского флота Андреевские флаги развевались над Москвой и Санкт-Петербургом, поднятые в небо на аэростатах. 4 января 2001 г. вступил в силу федеральный закон «О знамени Вооруженных сил Российской Федерации, знамени Военно-морского флота Российской Федерации...», закрепивший официальный статус Андреевского флага.

В последнее время обсуждается вопрос о создании на Российском флоте института корабельных священников, и, возможно, вскоре над морями и океанами снова зазвучат слова: «С нами Бог и Андреевский флаг».

Ирина Шалина

Образ Андрея Первозванного в византийской и древнерусской иконографии

Хорошо известно, что византийское искусство, обладавшее столь строгими рамками иконописности, следовавшее канону и традиции, как никакое другое, было подвержено идейным движениям времени. Чутко улавливая самые незначительные изменения в духовной жизни Церкви и государства, оно было способно быстро и гибко менять свой художественный и иконографический язык, подчиняя его самым насущным требованиям эпохи. И в этом смысле степень идеологизированности восточнохристианского искусства не знало себе равных. При этом оно никогда, даже в моменты самых горячих богословских и церковно-политических споров, когда иконографический репертуар мастеров неизбежно пополнялся новыми сюжетами, отвечавшими актуальным запросам времени, не теряло художественности, высокой одухотворенности, не переставало служить возвышенным образом Царства Небесного. Обращение к византийской и древнерусской иконографии апостола Андрея Первозванного, отраженной в памятниках разного происхождения и времени, стиля и духовного содержания лишь подтверждает это.

Легендарный рассказ об апостоле Андрее и основании им церкви в Византии, принятый в Константинополе как официальное свидетельство в VIII – начале IX веков, был одним из самых важных аргументов Византийской империи в ее спорах с латинянами о церковном первенстве. Появление в это время греческих текстов «Хождения апостола Андрея» было обусловлено стремлением Византии к каноническому обоснованию претензий Константинополя на вселенскую патриархию¹. Другие церковные центры, как известно, в этом не нуждались, поскольку их право было канонически доказано либо их древно-

¹ Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской литературной традиции, в: *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow*. Ed. A.-E. N. Tachiaos. Thessaloniki, 1992. P. 195–213; Деяния апостола Андрея. Предисловие, перевод и комментарий А. Ю. Виноградова. М., 2004. (Scrinium Philocalicum; 2); Греческие предания о св. апостоле Андрее. Том 1: Жизнь / Издание подг. А. Ю. Виноградовым. СПб., 2005. (Библиотека «Христианского Востока»; 3).

стью, либо связью с миссией других апостолов. Для Константинополя ситуация осложнялась еще и тем, что прилегающая к нему Вифиния считалась сферой деятельности апостола Петра, поэтому ссылка на св. Андрея и апостольский характер Царьградской церкви приобретала концептуальное значение как противопоставление идее первенства римского престола². Важная роль, которая придавалась в этом отношении личности апостола Андрея, не могла не найти отражения в столичном искусстве.

Между тем изучение греческих источников показывает, что в основе византийской историографии лежало более чем скептическое отношение к текстам «Деяний Андрея». Официальные историки Византии, не считая достоверным фактом миссию Андрея в Константинополе, сомневались в правах константинопольской кафедры на титул апостольской. Так, Георгий Амартол, писавший в середине IX в., как раз в годы ожесточенного противостояния Рима и Константинополя, лишает свою патриархию апостольского статуса: перечисляя представителей Седьмого Вселенского собора, он называет апостольскими престолы римский, александрийский, антиохийский и иерусалимский³. Таким образом роль св. Андрея подчеркивалась не столько официальными хрониками Константинополя, сколько неофициальными источниками, прежде всего апокрифической литературой⁴. Византийское искусство следует именно этой письменной традиции. Так, среди ранних репрезентативных памятников империи мы не найдем ни одного образа св. Андрея Первозванного, служащего символом Константинопольской церкви. Вместе с тем многие изображения, и прежде всего памятники столичного происхождения, определенно стремились подчеркнуть его особое положение и значимость.

Сложение иконографии апостола Андрея относится к очень раннему времени, о чем свидетельствуют фрески катакомб в Кармузе (Египет), датируемые IV–VI веками; диптих слоновой кости 450–460 гг. (Музей Виктории и Альберта, Лондон) и христианские ампулы⁵. Особый импульс появлению новых изображений святого должно было придать перенесение его мощей из места мученической кончины в Патрах (Греция) — в Константинополь. В 357 г. по поручению императора Констанция II останки Андрея (за исключением честной главы) были перенесены военачальником (впоследствии мучеником) Артемием в столицу и помещены в основание храма свв. апостолов. Интерес к иконографии Первозванного Андрея должен был усилиться и после событий VI века, когда при императоре Юстиниане I обретенные при разборке ветхого

² Dvornik F. L'idée de l'apostolité à Byzance et la légende de l'apôtre André, в: *Actes de X-e Congrès International d'Études byzantines 1955*. Istanbul, 1957. P. 322–326; Dvornik F. *The Idea of Apostolity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*. Cambridge (Mass.), 1958. P. 233–234, 245, 250, 257; Дворник Ф. *Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее*. СПб., ИЦ «Гуманитарная академия», 2007.

³ Georgii Monachi chronicon. Ed. C. de Boor, corr. P. Wirth. Stuttgartiae, 1978. 712. P. 12–19.

⁴ Чичуров И. С. *Хожение апостола Андрея...* С. 10.

⁵ Réau L. *Iconographie de l'art chrétien*, 3. Paris, 1958. P. 76–84; Lechner M. *Andreas*. LCI. Bd. 5 (1973). Sp. 138–152; Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 376–377.

храма мощи свв. апостолов Андрея, Луки и Тимофея были торжественно перенесены в новый храм свв. апостолов и погребены под престолом. «Преложение мощей апостолов» — как особый праздник — был занесен в греческий синаксарь под 20 июня⁶. Редчайшим и древнейшим примером отражения этих событий является миниатюра на папирусном листе утраченной хроники IV или V века, где было описано и, соответственно, проиллюстрировано перенесение реликвий апостолов Луки и Андрея в Константинополь. Композиция представляет собой наиболее лаконичный вариант такой иконографии, которая позже станет традиционной для сцен перенесения мощей святых: две фигуры юношей, держащих реликвии, приближаются к городским стенам столицы⁷.

По свидетельству Епифания Монаха, составившего между 815 и 843 годами одно из агиографических описаний жизни святого, в это время существовали древние и даже чудотворные образы апостола Андрея: один из них, написанный на мраморе, находился в часовне в Синопе, другой — над воротами дома Иоанна Схоластика близ Пердикса в Константинополе. Тот же автор оставил яркое описание внешности первого ученика Христа, который «был высок, носат, броваст, немного сгорблен»⁸.

Действительно облик Андрея, облаченного в традиционный апостольский хитон с клавом и гиматием, уже в самых ранних памятниках выделяется среди других апостолов ярко выраженными индивидуальными особенностями. Можно даже сказать, что именно Андрей, наряду с Петром и Павлом, получил самый яркий и запоминающийся образ, наиболее эмоционально выраженный характер. Подобно ветхозаветному пророку, он часто изображается крайне экспрессивным, патетически взволнованным, с растрепанными или развевающимися белыми волосами, что в целом вообще нехарактерно для иконописной традиции. Такой образ нередко встречается даже в официальных памятниках раннехристианского искусства в Равенне: купольной мозаике Баптистерия православных (сер. V в.), или в оратории Архиепископской капеллы (494–519)⁹. В апсиде кафолика монастыря вмч. Екатерины на Синае (550–565) Андрей представлен на самом почетном месте, в паре с апостолом Павлом, и отличается задумчиво-сосредоточенным выражением лица¹⁰. Иконография апостола с Евангелием в руках известна также по фрескам апсид капеллы в Бауте (Египет, VI в.) и церкви Санта Мария Антика в Риме (705–707)¹¹ и некоторым другим памятникам.

⁶ Сергей (Спасский И.А.). *Полный месяцеслов Востока*. Т. II. Владимир, 1901. (М., 1997). С. 186.

⁷ Leitzmann H. Ein Blatt aus einer antiken Weltchronik, в: *Quantulacumque: Studies Presented to Kirsopp Lake by Pupils, Colleagues and Friends*. London, 1937. P. 339–348.

⁸ Epiphaniū Monachi. *Vita Andreæ*. PG. 120. Col. 218–260.

⁹ Бовини Дж. *Равенна: Искусство и история*. Равенна, 1996. Ил. 33, 89.

¹⁰ Sinai. *Treasures of the Monastery of Saint Catherine*. Ed. K. Manafis. Athens: Ekdotike Athenon, 1990. Pl. 2, 16.

¹¹ Подробный иконографический обзор памятников с изображением апостола Андрея см.: Pillinger R. *Der Apostel Andreas: Ein Heiliger von Ost und West im Bild der frühen Kirche*. Wien, 1994.

Выделение образа апостола Андрея в иконографических программах монументальных циклов становится особенно заметным в константинопольских памятниках начиная с IX века Петр и Андрей, как родные братья и одновременно наиболее близкие Христу ученики — один первоверховный, другой — первозванный, изображены рядом друг с другом на мозаике у входа в помещение над юго-западным вестибюлем Софии Константинопольской (ок. 870), предназначенное для пребывания там патриарха¹². Самое почетное место отведено этим апостолам в сцене «Сошествие Святого Духа» в иллюстрациях рукописи гомилий Григория Назианзина (ок. 880–883.)¹³. В отдельно стоящей фигуре Андрея часто подчеркиваются атрибуты его проповедничества или миссионерства: так в мозаиках нартекса Осиос Лукас в Фокиде (Греция), 30-х годов XII века апостол Андрей изображен со свитком в руке, а на мозаике апсиды церкви Санта Мария Ассунта в Торчелло (Италия), около 1130 г., — с крестом на длинном древке¹⁴.

В мозаике с изображением Пятидесятницы в соборе Монреале (ок. 1180)¹⁵ Петр и Андрей представлены вместе, на самом верху синтрона, наиболее значимой его части. Не исключено, что такое расположение апостолов и выделение личности Андрея было связано с константинопольским происхождением работавших здесь мозаичистов. Теми же причинами можно объяснить расположение фигуры св. Андрея во главе апостолов в сцене «Причащение вином» в трапезной монастыря Иоанна Богослова на Патмосе¹⁶.

Заметное оживление в обращении к личности и образу апостола Андрея, а также в использовании легенды об основании им Византийской церкви намечилось после завоевания Царьграда крестоносцами в 1204 г., когда греческие богословы всеми силами пытались защитить права столицы на Вселенскую патриархию. В этом смысле весьма показательны слова Николая Месарита, скевофилакса императорской Фаросской церкви, где хранились самые главные реликвии столицы, сказанные им в это время: «Если Рим предъявляет права на свой примат из-за Петра, то Византия имеет его благодаря Андрею, первозванному и старшему брату»¹⁷.

¹² Cormack R., Hawkins E.J.W. *The Mosaics of St. Sophia at Istanbul: the Rooms above the Southwest Vestibule and Ramp*. DOP. 31. (1977). P. 235–247.

¹³ Paris. Nac. Bibl. Gr. 510, Fol. 440; Nersessian Der S. *The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: Paris Gr. 510; A Study of the Connections between Text and Images*. DOP. V. 16. 1962. P. 195–228.

¹⁴ Réau L. *L'origine de la croix de Saint-André*, в: *Mémoires de la Société des antiquaires de France*, 1932.

¹⁵ The Cathedral of Monreale. Italy, 6. r. Pl. 52.

¹⁶ Благодаря исследованиям последнего времени, становится очевидным, что в созданной около 1200 г. росписи также принимали участие столичные мастера, а сам монастырь имел оживленные художественные и политические контакты с византийской столицей. См. Kollias E. *Patmos. Byzantine Art in Greece. Mosaics-Wall Painting*. Athens, 1990. P. 24–25. Pl. 36.

¹⁷ Mesarites Nikolas. *Die Palasrevolution des Johannes Komnenos*. Ed. A. Heisenberg. Würzburg, 1907. S. 28–29.

Следует также отметить, что после разгрома Царьграда, греческую легенду об апостоле Андрее, основоположнике церкви в Византии, как одну из идеологических концепций Константинопольской патриархии, приняли и порожденные ею автокефальные церкви, связанные или зависимые от нее по своему происхождению. Этим можно объяснить появление в начале XIII века в Греции, Македонии, Сербии, Болгарии храмов, посвященных апостолу Андрею, украшенных циклами его деяний. В то же время в этих местах получают распространение сказания о чудесах, происходящих от икон с образом Андрея.

Акцент на его изображении в славянских странах понятен, поскольку уделом апостольской миссии Андрея была, как известно, Скифия, под которой в то время понимали все славянское содружество. Между тем иконографическое выделение его в искусстве этих стран происходит лишь начиная с середины XII, но особенно в XIII веке, когда Константинополь стремится ограничить самостоятельность балканских церквей. Показательны в этом смысле памятники Македонии и Сербии. В церкви Богородицы Перивлепты в Охриде (1294–1295) прямо перед апсидой изображены Петр, поддерживающий на плечах модель церкви, и Андрей с крестчатым жезлом, а в пандан им св. Климент Охридский и архиепископ Константин Кавасила¹⁸.

В Македонии на протяжении второй половины XII и XIII веков мы находим четыре примера редкой сцены Целования апостолов, которая всякий раз нарушает традиционную схему композиции Причащения апостолов. В церкви св. Пантелеимона в Нерези, расписанной в 1164 г. по заказу императора Алексея Комнина, обращенные друг к другу Андрей и Лука совершают аспасмос, литургический поцелуй, имеющий место в богослужении перед принятием клиром причастия. Сходный пример находим в церкви св. Иоанна Богослова в Веррии первой половины XIII века. Согласно ранней традиции, этот сюжет известен как прерогатива апостолов Петра и Павла. Изменение ее в сербских и македонских памятниках в пользу Андрея заставляет рассматривать сцену установления в церкви ее главного таинства как непосредственно связанную с личностью миссионера славян.

В те же годы образ апостола Андрея заметно выделяется в живописи Сербии. Так, в Сопочанах он занимает первостепенное место среди апостолов в сценах «Отослание на проповедь», «Сошествие Св. Духа», «Уверение Формы» и «Причащения апостолов»¹⁹, то есть в композициях, иллюстрирующих акт основания Христовой Церкви на земле. Особая роль апостола Андрея во

¹⁸ Todić B. Image symbolique de l'origine de l'Archevêché d'Ohrid dans l'église de la Vierge Peribleptos, в: Древнерусское искусство. Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М., 2005. С. 369–380. Ил. 1–2.

¹⁹ Тодич Б. «Отражение легенды об апостоле Андрее в византийской и сербской живописи XIII в.», в: К 2000-летию христианства. Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. Тезисы докладов Международной конференции. Москва, 17–19 октября 2000 г. М., 2000. С. 79.

фресках Сопочан, созданных накануне Лионской унии (1272–1274), когда византийский император серьезно угрожал автокефалии Сербской церкви, была связана с идеей защиты ее самостоятельности.

Гораздо раньше, чем в других славянских странах, отмеченная черта появляется на Руси, принявшей христианство непосредственно из рук Константинополя. Закономерно, что древнерусская иконография уделяет пристальное внимание апостолу Андрею, а сам его образ занимает важнейшее место среди учеников Христа. И в первую очередь, это вновь касается сюжетов, связанных с актом основания на земле Церкви Христовой и апостольской проповеди Слова Божьего.

Фигура апостола Андрея заметно выделяется уже в самых ранних русских памятниках. В мозаиках центральной апсиды Софийского собора в Киеве (1046)²⁰, главного кафедрального храма новокрещеной Руси, важнейшее место занимает сцена причащения апостолов, которая представляла собой не просто историческую иллюстрацию евангельского рассказа о Тайной вечере, а символическую композицию, акцентирующую таинство евхаристии и установление церкви на земле. Сцена размещена в центральной апсиде храма прямо над алтарем, где во время литургии находятся Святые Дары. К стоящему перед престолом Христу-священнику, изображенному дважды: с одной стороны держащему просфору, а с другой — потир с вином, размеренным шагом, величаво и торжественно подходят его ученики для причастия. Возглавляют шествие Петр и Павел (справа), за ними попарно изображены четыре евангелиста, прямо вслед которым ступает апостол Андрей. Пышная прическа из голубовато-седых взлохмаченных волос позволяет сразу вычленивать его среди других учеников Христа. По сравнению с застылыми, иератически напряженными участниками таинства, его энергичная поступь, сосредоточенный и чуть экзальтированный образ передает душевное волнение апостола. Он чутко улавливает и постигает мистическую значимость происходящего действия. Большие распахнутые глаза, открытый доверчивый лик наделяют образ характером непосредственного свидетеля чуда, живого участника таинства. Широкое распространение в Византии и на Руси сцены «Причащение апостолов» было, по-видимому, усилено событиями схизмы 1054 г. В этой связи выступление двух верховных апостолов Петра и Павла впереди процессии и следующих за ними апостолов, авторов Священного Евангелия, носило программный характер. Выступающий прямо за евангелистами Андрей, тем самым рассматривается как миссионер, распространитель евангельского слова, и появление его в древнерусских памятниках на этом месте стоит рассматривать как особую местную традицию.

В составе той же композиции образ Андрея встречается в другом киевском памятнике — в мозаиках Михайло-Златоверхого собора (1112)²¹. Украшающая

²⁰ Логвин Г. *София Киевская*. Киев, 1971. Ил. 51, 53, 68.

²¹ Лазарев В. Н. *Михайловские мозаики*. М., 1966. Табл. 4: 44–45. Этот и ряд других фрагментов были чудом спасены при варварском разрушении памятника советскими властями в 1934 г.

центральную апсиду собора мозаика в основном повторяла схему Киевской Софии. В этом княжеском монастырском соборе, усыпальнице князя Святополка, как и в кафедральном соборе Софии, второй регистр апсиды занимала сцена «Причащение апостолов». В той же последовательности изображены здесь и сами апостолы, приступающие к причастию. Андрей шествует вслед Павлу, евангелистам Матфею и Марку. И здесь его образ даже среди столь индивидуализированных фигур апостолов заметно выделяется необычной позой и внутренней сосредоточенностью. Правая рука приложена к груди (знак принятия и благодарения), а левая оставлена в положении деисусного предстояние — жест Андрея показывает глубочайшее смирение и готовность, постижение и переживание таинства, приобщение чуду. Кажется, что древнерусский тип изображения Андрея более чем где бы то ни было уподобляет его образ ветхозаветному пророку, а его экзальтированное состояние — пророческому видению. Эта до сих пор не отмеченная особенность в изображении апостола, на наш взгляд, отражает неоднозначный и весьма необычный характер восприятия святого на Руси.

В древнерусской исторической литературе мы встречаем принципиально иную, чем в Византии картину. Если там идеологическая значимость почитания Андрея была уделом неофициальной апокрифической литературы, то на Руси уже в XI веке ей противостоит богатая летописная и литературная традиция «Хождения Андрея», получившая развитие не только в апокрифах, но в чтении Пролога — краткого и официального ежедневного церковного чтения²². Эти чтения, как и ежегодные церковные службы апостолу Андрею 30 ноября, засвидетельствованы в русской рукописной традиции не позже конца XI века. Начало официальной летописной традиции почитания Андрея как апостольского проповедника Руси положило включение в состав Повести временных лет рассказа о посещении Андреем русских пределов²³. Характерно, что летопись не говорит ни о проповеди Андрея, ни о крещении им русских, она отмечает лишь, что апостол, стоя на высоком берегу Днепра, благословил горы и предрек, что на «на сих горах воссияет благодать Божия, будет град великий» и воздвигнуться по Божественной воле многие святые церкви²⁴. В соответствии с ветхозаветными пророчествами он предвозвещает будущую

²² Малышевский И. Сказание о посещении русской страны св. апостолом Андреем. ТКДА. 1866. Т. 2. № 6. С. 300–344; Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. в: *Летописи и хроники*. Сб. 1973 г. М., 1974. С. 48–63; Жуковская Л. П. *Текстологическое и лингвистическое изучение Пролога* (Избр. визант., рус. и инославянские статьи). IX Международный съезд славистов (Киев, 1983). *Славянское языкознание: Докл. советской делегации*. М., 1983. С. 110–120; Чичуров И. С. *Хождение апостола Андрея...* С. 195–213.

²³ Мурьянов М. Ф. Андрей Первозванный в Повести временных лет, в: *Палестинский сборник*. Л., 1969. Вып. 19 (82). С. 159–163; Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи, в: *Летописи и хроники*. Сб. 1973 г. М., 1974. С. 38, 44.

²⁴ *Повесть временных лет*. Ч. 2. М.–Л., 1950. С. 8; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. М., 1962. Все мнения относительно этого отрывка обобщены в кн.: Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237)*. СПб., 1996. С. 17–20.

благодать. Как кажется, именно этим характером появления Андрея на Руси, не его апостольской миссией, но скорее миссией пророка, предопределено отношение к святому, как к тому, кому было дано увидеть будущее России. Начало пророческой миссии русского православия заложено в этих кратких летописных словах и в самом образе Андрея Первозванного.

Официальное отношение к идее о посещении Андреем русских земель и Киева отразилось в изображении этого события в одной из миниатюр Радзивилловской летописи конца XV века²⁵. Композиция с изображенным дважды Андреем, водружающим на горе крест и благословляющим место будущего Киева, сопровождается соответствующим летописным текстом. Он дословно передает сказание Повести временных лет о посещении апостолом русских пределов – «Словом о Крещении русской земли святым апостолом Андреем, како приходил на Русь». Примечательно, что иконография повторяет известную композиционную схему икон Воздвижения Креста, с иерусалимским патриархом Макарием, воздвигающим или демонстрирующим народу Голгофскую святыню, обнаруженную, согласно преданию, царицей Еленой в 326 г. на месте Распятия Христа. Даже фигура копающего мальчика в коротком красном платье дословно цитирует тот извод сцены чуда обретения Креста. Особенно близка она самому раннему изображению этого эпизода, известному по ростовской иконе «Воздвижения» из погоста Лядины первой трети XVI в.²⁶, где представлена редкая подробность — Иуда выкапывает из Голгофской расщелины крестное древо. Вряд ли можно считать случайным тот факт, что на месте легендарного стояния апостола Андрея на Киевских горах была поставлена церковь Воздвижения Креста Господня²⁷. А уже в XIX веке во время предпринятых археологических раскопок под ее основанием были обнаружены два деревянных древка, признанных за остатки креста, некогда водруженного Андреем²⁸.

Во второй половине XI века предание о хождении апостола Андрея, безусловно связанное в Киеве с утверждением культа святого на древнерусской почве, было закреплено официальной княжеской властью, что снова отличает ситуацию на Руси от византийской. Особое почитание апостола Андрея и его «Хождение на Русь» получает в семье киевских князей

²⁵ БАН, 34. 5. 30. Л. 3 об.; Факс, изд.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. Изд. ОЛДП. СПб., 1902. Л. 3 об.

²⁶ ГРМ ДРЖ 2978. 66 x 53,2 x 3,5. Шалина И. А. Воздвижение Креста. Святая земля в русском искусстве. Каталог. М., 2001. № 30. С. 79–83; Шалина И. А. Художественные особенности праздничных икон погоста Лядины. Иконы русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Статьи и материалы. / Редактор-составитель Э. С. Смирнова. М., 2005. С. 70–92.

²⁷ Мальчевский И. Сказание о посещении русской страны св. апостолом Андреем, в: Владимирский сборник в память девятилетия Крещения Руси. Киев, 1888. С. 43; Дмитрий, архиеп. (Самбикин). Месяцеслов святых, всюю русскою церковью или местночтимых и указанием празднеств в честь икон Богоматери и святых угодников Божиих в нашем Отечестве. Каменец-Подольск, 1893. Вып. 3. С. 189.

²⁸ Дмитрий, архиеп. (Самбикин). Месяцеслов святых... С. 193.

Мономаховичей, при них происходит активное строительство храмов и составляется церковная служба в честь святого. Родившийся в 1030 г. сын Ярослава Мудрого Всеволод наречен в крещении Андреем²⁹, что отразило уже существовавшую религиозную ориентацию на апостола, подобно тому, как среди византийских императоров не случайно было имя Константин, напоминавшее о первом христианском императоре, равноапостольном Константине Великом. В дальнейшем в семье Мономаховичей один за другим появляются князья с именем Андрей. И соответственно изображение апостола распространяется на великокняжеских печатях–моливдовулах, которыми русские князья скрепляли свои важнейшие документы. На нескольких таких печатях, обнаруженных в Киеве или прикиевских землях, на лицевой стороне представлено поясное изображение апостола Андрея, облаченного в апостольские одежды с жезлом в руке, древко которого завершается небольшим крестом. При этом упомянутое на их оборотной стороне имя апостола Андрея, как святого патрона владельца печати, хотя и связывалось с конкретным носителем из семьи Мономаховичей, помещается все же на символе государственной княжеской власти³⁰. Сопровождающие печати надписи «архонт великой Руси» свидетельствуют о церковно-политической значимости образа Андрея, который воспринимался не только как личный покровитель князя, но как могущественный патрон русских князей вообще.

В 1086 г. сын Ярослава Мудрого, строителя Софийского собора в Киеве, основывает Андреевский монастырь в Киеве, а в конце того же столетия – храм в Новгороде. В 1089 г. переяславский митрополит Ефрем освящает построенный им в Переяславле каменный собор во имя Андрея Первозванного³¹. Для всех этих несохранившихся храмов должны были создаваться большие местные иконы с образом апостола, а фресковые росписи, украшавшие стены этих храмов, наверняка содержали подробные циклы его жития и деяний.

Экклезиологическая роль апостола Андрея подчеркивалась в древнейшей иконе Киево-Печерского монастыря «Успение Богоматери», написанной около 1073 г.³² Образ не сохранился и известен теперь лишь по копиям XVII века: наиболее известными иконными повторениями являются «Успение» в Сергиев-Посадском музее, написанное в 1671 г. Симоном Ушаковым³³, и

²⁹ Седельников А. Древняя киевская легенда об апостоле Андрее. *Slavia*. 1924. Praha. R-III. S. 1. P. 316–333.

³⁰ Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха, в: *Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского*. М., 1962. С. 211, 212–216; Лихачев Н. П. *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*. Л., 1928. Вып. 1. С. 147, 151, 172.

³¹ Мурьянов М. Ф. Андрей Первозванный в Повести временных лет, в: *Палестинский сборник*. Л., 1969. Вып. 19 (82). С. 160–161.

³² Смирнова Э. С. «Киево-Печерское Успение». Икона-реликварий XI века. В свете письменных и изобразительных источников, в: *сб. Восточнохристианские реликвии*. М., 2003. С. 415–436.

³³ Сергиев-Посадский музей, инв. 5541. Размер 27,8 x 40 см. См.: Николаева Т. В. *Древнерусская живопись Загорского музея*. М., 1977. Кат. 342. С. 28, 179–180;

образ Кирилла Уланова, 1702 г., с эмалевым окладом на полях (ГП)³⁴. В ее композиции особо выделены четыре апостола: припавший к изголовью Богородицы Иоанн Богослов, апостол Петр с кадилом, обнимающий изножие ложа Павел и, наконец, патетически жестикулирующий Андрей. Причем Павел и Андрей образуют пару, в противовес Петру, напоминая тем самым о роли апостолов в сложении не только Римской, но и Константинопольской церкви.

Совершенно особенно решен облик апостола Андрея в росписях Дмитриевского собора во Владимире, исполненных около 1198 г., по-видимому, константинопольскими мастерами³⁵. Яркая индивидуальность апостолов, сидящих на престоле в сцене Страшного суда с раскрытыми книгами Евангелия, пришедшими судить живых и мертвых, выдают общество высокообразованных мыслителей, богословов. Благородный удлинённый лик Андрея, исполненный греческой красоты, передает образ подчеркнуто интеллектуальный, благородный, возвышенно одухотворенный. Вдумчивый внимательный взгляд этого аристократически утонченного святого, его высокая духовная озаренность лишний раз доказывают, насколько по-разному могло воспринимать его византийское и древнерусское искусство.

Интенсивное развитие преданий об апостоле Андрее приходится на Руси на эпоху сложения высокого русского иконостаса. Начиная с конца XIV и до второй половины XV века возникает большое число литературных вариантов легенды о хождении Андрея и посещении им русской земли. Постепенно складывается мысль об апостоле как небесном ходатае и защитнике, предстателе за русский народ перед высшим Божественным престолом. Особенно эти идеи были актуальны в эпоху ожидания Страшного суда, второго Христова пришествия на землю, когда просьба о защите и ходатайстве перед Вседержителем приобрела особый смысл. Деисусный чин включал все чины святости, расположенные в строгой иерархической последовательности, и тем самым выражал идею молитвенного предстояния Вселенской церкви за весь мир, за все человечество. Однако каждая автокефальная церковь стремилась обрести в этом чине своего ходатая — просветителя, крестителя, основателя церкви. Включение в русский деисусный чин в больших кафедральных соборах и малых монастырских церквях образа апостола Андрея как молитвенника, в начале XV века, кажется программным. Впервые его образ встречается в иконостасе 1408 г. Успенского собора Владимира, созданном Андреем Рублевым и его учениками. Примечательно, что в деисусном шествии он составляет пару с Иоанном Богословом, тайнозрителем Царства Небесного, автором Апокалипсиса, визионером, и выступает вслед за апостолом

Балдин В. И., Манушина Т. Н. *Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв.* М., 1996. Табл. 267.

³⁴ Размеры: 29 x 40 см; Антонова В. И., Мнева Н. Е. *Каталог древнерусской живописи XI – начала XVII в. Опыт историко-художественной классификации. XI–XVI века.* М., 1963. Т. 2. Кат. 906. С. 405–406.

³⁵ Лазарев В. Н. *Мозаики и фрески: XI–XV вв.* М., 1973. Ил. 161.

Павлом, который изображается в пандан Петру³⁶. Икона плохо сохранилась, но все же очевидно существенное изменение облика апостола Андрея, происшедшее за истекшие столетия. Ни следа не осталось от экспрессивных черт пророка-боговидца. Духовный мир апостола Андрея, созданный Андреем Рублевым, эпически сосредоточен, благостен, полон гармонии, внутреннего достоинства и благородства. Святого отличает чувство ученической верности, братской любви, покоя.

Те же пары — Петр и Павел, Иоанн Богослов и Андрей вошли в деисусный чин других иконостасов. Его образ сохранился среди икон Ферапонтова монастыря, созданного прославленным Дионисием и его учениками в 1490 г.³⁷, в деисусном чине Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, написанного в 1497 г.³⁸ Разрозненные чиновые иконы конца XV–XVI веков сохранились в разных собраниях России, например в музее Ростова Великого³⁹, где апостол изображен со свитком, как проповедник.

Большой интерес представляет сложение на Руси особого деисусного чина, состоящего из тринадцати икон: Спаса Вседержителя и двенадцати апостолов, получившего название «апостольского чина». Неотъемлемой частью его было и изображение апостола Андрея. Самым ранним примером является чин из церкви Успения с Пароменья во Пскове, созданный в 1444–1445 годов⁴⁰. Апостол Андрей как обычно — в паре с евангелистом и любимым учеником Христа Иоанном Богословом. В некоторых случаях святой изображался не с традиционным свитком в руках, а с книгой. На такие образы оказали воздействие развивающаяся во второй половине XV века литературная традиция легенды о хождении Андрея, появление различных вариантов этого текста, увеличивается и число апокрифических сочинений о проповеди Андреем Слова Божьего в различных славянских и греческих странах, где все чаще звучит мысль об учительной роли апостола на Руси.

К середине — концу XV столетия фигура апостола Андрея выделяется в сценах двенадцатых праздников, особенно в тех, где речь идет об установлении таинств и создания церкви на земле. Чудо воскресения Христа, в котором необходимо было удостовериться Фоме, прекрасный одухотворенный

³⁶ Антонова В. И., Мнева Н. Е. *Каталог древнерусской живописи...* С. 269. Осташенко Е. Я. Андрей Рублев: *Палеологовские традиции в московской живописи конца XIV – первой трети XV века.* М., 2005. С. 261.

³⁷ Дионисий «живописец пресловущий». К 500-летию росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Выставка произведений древнерусского искусства XV–XVI веков из собраний музеев и библиотек России. М., 2002. Кат. 25. С. 137.

³⁸ *Художественное наследие Дионисия. Иконы, книжные миниатюры, шитье, мелкая пластика, первопечатные книги конца XV – середины XVI века.* М., 2002. Кат. и Ил. 43.

³⁹ Вахрина В. И. *Иконы Ростова Великого (Серия: «Древнерусская живопись в музеях России».* Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»). М., 2003. Ил. 9.

⁴⁰ *Иконы Пскова.* М., 2006. Кат. 15–23.

образ Андрея постигает действительно как чудо, бережно передавая его своим собратьям. Незначительная иконографическая деталь на маленькой иконе-таблетке, середины XV века⁴¹, которую в праздник Фомина воскресения клали на аналой для целования и поклонения, позволяет мастеру незаметно, но очень ясно показать свое отношение к личности апостола. Свиток в руках Христа, написан так, что создается ощущение передачи его Андрею, который словно демонстрирует другим апостолам свое преимущественное право стоять рядом с воскресшим Спасителем, получая из Его рук харизму священства и учительства. Монументален и величествен его образ на иконах Кирилловского иконостаса 1497 г., «Омовение ног» и «Тайная вечеря»⁴², где возвышенно-проникновенный лик Андрея хорошо читается на фоне архитектурной стены.

Особое место занимает святой и на новгородской миниатюре «Сошествие Святого Духа» в рукописи Апостольских чтений 1540-х годов из собрания РНБ⁴³. Символический образ Храма, созданного Словом Божиим, предстает пред нами как реальный план баптистерия, в центре которого изображен креститель Руси св. Владимир, окруженный стенами возводимой крещальни, тело которой представляют реальные тела апостолов. При этом прямо за спиной Владимира возвышаются фигуры верховных апостолов Петра и Павла, а справа, по его правую руку прямо над словами «Основание церкви Слова», написанными на стене баптистерия, представлен Андрей, читающий слово Божье. Идея Крещения Руси, проповеди Евангелия и создание Вселенской апостольской церкви соединены миниатюристом воедино.

Распространенность образа апостола Андрея в древнерусском искусстве определила достаточно устойчивый иконографический тип святого, описанного многими иконописными подлинниками. Согласно их составителям, Андрей должен был представляться седым, с раздвоенной и не очень длинной бородой, в желто-зеленых апостольских одеждах, со свитком в руках. Так, например, описывает его русский иконописный подлинник XVI века: «Святого славного и всехвальнаго апостола Андрея Первозванного, власы густы, аки Флоровы, брада подоле Богословли, седа, надвое мало, риза санкирь з белилом, от пояса вохра з белилом, свиток держит, завит обеими руками, с левую руку ризы спахнуты, ноги босы»⁴⁴.

Поскольку имя апостола было одним из популярных на Руси, особенно в княжеских и боярских семьях, нередко был случай частных заказов на иконы, в которых апостол изображался как небесный патрон заказчика. Ярким примером такой иконографии является московская икона «Архангел Михаил

⁴¹ Иконы Сергиево-Посадского музея-заповедника. Новые поступления и открытия реставрации. Альбом-каталог. Сергиев Посад, 1996. Ил. 1 (8а).

⁴² Дионисий в Русском музее. К 500-летию росписи Рождественского собора Ферапонтова монастыря. СПб., 2002. Кат. и ил. 18–19.

⁴³ F. 1. 60. Л. 139 об. Ил. см.: Русская Библия. Т. 8. М., 1992. С. 237.

⁴⁴ Подлинник иконописный. Издание С. Т. Большакова под ред. А. И. Успенского. М., 1903. С. 54.

и апостол Андрей Первозванный» (третья четверть XVI в.) из музея Троице-Сергиевой лавры⁴⁵. В данном случае идея предстояния небесного покровителя за некоего Андрея усиливается введением фигуры архангела Михаила, водителя человеческой души по загробному миру. Монументальный стиль памятника свидетельствует о времени его создания в эпоху Ивана Грозного, когда первый венчанный царь всея Руси вновь обращается к идее апостольского происхождения Русской церкви. Она усиливается благодаря падению Византии, наследницей которой считалась в это время Русская церковь, а Москва осознается как Новый Константинополь и Третий Рим. В 1580 г. иезуит Антонио Поссевино пытался убедить царя в необходимости унии Русской церкви с Римской. В споре с ним Иоанн Грозный, подчеркивая независимость Русской церкви, в отличие от греческой, принявшей унию, говорил, что «верит не в греков, а во Христа». Самостоятельность в церковных делах царь обосновывал апостольской традицией на Руси: «Мы уже с самого основания христианской Церкви приняли христианскую веру. Когда брат апостола Петра Андрей пришел в наши земли, затем отправился в Рим, а впоследствии, когда Владимир обратился к вере, религия была распространена еще шире. Поэтому мы в Московии получили христианскую веру в то же самое время, что и вы в Италии. И храним мы ее в чистоте <...>»⁴⁶.

К типу небольших камерных икон, явно служивших предметом личного благочестия христианина, относится аналойный образ 1661 г. из Николо-Коряжемского монастыря на реке Вычегде, вложенный туда, согласно надписи на обороте доски, епископом Вятским и Великопермским Александром⁴⁷. Получивший в схиме имя Андрея Первозванного, владыка покинул кафедру и ушел на покой в родной Никольский Коряжемский монастырь, где в свое время принял постриг. Видимо, до вложения эта икона была келейным моленным образом новопостриженного Андрея.

Особенное распространение иконография апостола и сцен его страстей, мучения и распятия получает в XVII в., когда в Россию с Афона были доставлены частицы мощей святого. Для хранения реликвий создаются ковчеги-мощевики, а все выдающиеся иконописцы того времени считали за честь написать икону апостола со сценами его страданий и смерти.

Частицы мощей апостола Андрея Первозванного из Константинополя неоднократно привозились в Москву в дар русским самодержцам и свяителям. В XVI–XVII вв. в числе привезенных святынь мощи Андрея упоминаются пять раз⁴⁸. Среди важнейших реликвий — правая рука святого, принесенная

⁴⁵ «Угодно в очах Божиих дело сие...». Сокровища церковно-археологического кабинета Московской Православной духовной академии. Сергиев Посад, 2004. С. 68–71.

⁴⁶ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 79.

⁴⁷ Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII веков. По материалам реставрационных работ ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря. Каталог-альбом. М., 2003. Кат. и ил. 66.

⁴⁸ Каптерев Н. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 11, 12, 77, 97, 98.

в дар и благословение царю Михаилу Федоровичу Константинопольским патриархом Парфением и Солунским архимандритом Галактионом в 1644 г.⁴⁹ В серебряной раке, исполненной по царскому приказу Бориса Федоровича Годунова в 1603–1604 гг., хранится часть бедренной кости⁵⁰. Рака относится к типу закрытых реликвариев, повторяющих форму рак для целокупных мощей русских святых, изготовлявшихся в те годы в Москве и Новгороде. На крышке высоким рельефом отчеканен образ Андрея Первозванного, представленный, как и подобает для древнерусского надгробного портрета в фас, «аки жив», с открытыми глазами, но в образе прославленного святого — с нимбом и преображенным Святым Духом ликом. «Надгробный образ» Андрея повлиял на развитие его иконографии в русском искусстве XVII века, где отныне предпочитали такой торжественный репрезентативный образ святого, изображенного не в деисусном предстании, а фронтально. Именно таким предстает он на иконе написанной придворным художником Оружейной палаты Федором Zubовым в 1669 г. для Михайловского Чудова монастыря в Москве⁵¹.

В это же время на ярославской иконе «Воскресение Христа» конца XVII века появляется дополнительный сюжет с явлением Христа на берегу Генисаретского озера и призыванием апостолов⁵². В миниатюрно исполненной сцене Христос показан идущим навстречу рыбакам, ловящим сетью рыбу. Петр выходит из воды навстречу Христу, а Андрей как кормчий держит весло в руках и слушает повеление Иисуса. Его образ составляет с кораблем-церковью, спасаемой в водах жизни гласом Христа, одно целое. Экклезиологическая роль апостола Андрея в истории России осознавалось и тогда, когда страна, казалось бы, уже прощалась со своими вековыми устоями.

В 1698 г. царь Петр учреждает орден Андрея Первозванного. В знаке ордена, приобретшего свой статут в 1720 г.⁵³, использовалась иконография кульминационной сцены страстных мучений апостола — его распятие на косом, так называемом андреевском кресте. С этого времени форма наложенного на двуглавого орла косого креста с изображением апостола Андрея стала восприниматься как государственная символика России.

Тема страстной смерти замученного и распятого в Патрах Андрея становится одной из самых популярных в эпоху XVII — начала XVIII веков, когда внимание к страстной тематике было вообще особенно острым. В это время в русском искусстве складывается новая иконография, получившая название «Апостольские деяния и страдания» или «Распятие Христа с апостольскими

⁴⁹ Виноградов А. Ю. *Рука апостола Андрея. Христианские реликвии в Московском Кремле: Каталог выставки.* М., 2000. С. 161–163.

⁵⁰ Сведения о привозе бедренной кости Апостола обнаружить пока не удалось. См. *Христианские реликвии в Московском Кремле: Каталог выставки.* М., 2000. Кат. 42. С. 164–165.

⁵¹ Брюсова В. Г. *Федор Зубов.* М., 1985. Ил. 61–65.

⁵² Брюсова В. Г. *Русская живопись XVII века.* М., 1984. Ил. 65.

⁵³ *Синай. Византия. Русь. Православное искусство с VI до начала XX века.* Каталог выставки. СПб., ГЭ, 2000. Ил. см.: Кат. R–198. С. 411–413.

страстями». Наиболее ранним и ярким примером последнего извода служит образ письма «государева иконописца» Феодора Рожнова 1699 г. из церкви Двенадцати апостолов Московского Кремля⁵⁴. На иконе, написанной около 1717 г. для местного ряда иконостаса церкви Иоанна Предтечи в Рошенье в Вологде, по заказу местных купцов Ивана Смурова и Андрея Шапкина⁵⁵, рядом с величественной фигурой апостола Андрея, патрона одного из заказчиков, изображен целый цикл его деяний в нескольких ярусах. Он начинается с призвания братьев Петра и Андрея на апостольское служение, беседой их с Христом, затем, следуя евангельскому тексту, иллюстрируется эпизод предостояния Иисуса с Петром и Андреем перед Иоанном Предтечей. Далее изображается одно из прикизненных чудес Андрея — исцеление им царицы жены. После чего начинаются страсти апостола — влечение его по улицам города в стране антропофагов, где проповедовал Андрей и спасал своего собрата апостола Матфея, побиение его камнями, распятие на кресте.

Текст «Слова о Крещении русской земли святым апостолом Андреем, како приходил на Русь» свидетельствует также, что апостольская миссия привела Андрея в землю словен, где позднее возник Новгород. Там, в местечке Грузино, апостол якобы воздвигнул и оставил свой жезл⁵⁶. Поэтому в новгородском искусстве, а позднее и в наследовавшей его культуре Петербурга его образ занимал столь заметное место. На иконе 1830-х годов (ГРМ)⁵⁷ он изображен на фоне именина графа А.А. Аракчеева в селе Грузино как небесный предстатель и покровитель этого дома. Архитектурно-пейзажный фон средника является точным воспроизведением вида именина, каким оно известно по литографии, исполненной в 1833 г. по заказу Аракчеева в одной из петербургских типографских мастерских⁵⁸. Имя Андрей было семейным именем аракчеевых — его носили дед, отец и брат графа Алексея Андреевича. Идея, положенная в основу иконографии, глубоко традиционна и заставляет вспомнить многочисленные иконы русских святых, основателей монастырей, изображенных на фоне их обителей. Примечательно, что Андрей изображен предстоящим не Христу, а образу «Богоматери Знамения», чудотворной иконе и палладиуму Новгорода, поскольку Аракчеевское поместье Грузино принадлежало Новгородской епархии. Предстояние святыне древнего

⁵⁴ Бусева-Давыдова И. Л. Храмы Московского Кремля: святыни и древности. / Подробный историко-культурный путеводитель. М., 1997. Ил. 53. С. 199.

⁵⁵ Рыбаков А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. Ил. 106–107.

⁵⁶ Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении ап. Андрея в Киев и Новгород. Летописи и хроники: Сб. ст., 1973 г. М., 1974. С. 48–63; Мошин А. Н. Легенды Великих Лук. Богословские труды. 1986. Сб. 27. С. 95–211.

⁵⁷ «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995. Ил. 154. С. 242–243.

⁵⁸ Крупникова Е. Л., Сосновцева И. В. Икона «Андрей Первозванный» и литография с видом Грузино. Сб. Древнерусское искусство. Новые атрибуции. ГРМ. СПб., 1993. С. 91–96.

Новгорода усиливает идею покровительства апостола, чей крест, который он утвердил сначала на Киевских горах, а потом, согласно легенде, и в Новгороде, используется как художественный и символический мотив в памятнике Александру I, показанному перед Андреевской церковью в Грузино. Царственная эпоха освободителя Европы императора Александра смыкается с образом Андрея, пророчествовавшего о благодатном процветании будущего русского государства.

Поскольку Петр I считал Андрея своим небесным покровителем, его образ получает широкое распространение в иконописи Петербурга первой четверти XVIII века, причем фигура святого играет особую роль в имперских идеологемах новой столицы России. С основанием Петербурга меняется иконография апостола: в его облике начинают преобладать черты царственного величия, барочной парадности, официозности. На иконе из Эрмитажа⁵⁹, написанной в первой четверти XVIII века, апостол Андрей, подобно императорской особе, облокотившись на античную колонну с возложенной на ней книгой, показан на фоне классического портика смотрящим далеко вперед, словно провидящим будущее России. Он изображен в красном платье и зеленом плаще на фоне морского петербургского пейзажа с парусными кораблями, в мачтах которого варьируется тема креста. Вдали, на высокой горе, вновь появляется фигура апостола, держащего в руке, подобно царю Константину и крестителю Руси Владимиру огромный крест. Официальный образ апостола, проповедника, крестителя, пророка и небесного патрона русского самодержавного государства, получает здесь окончательный и зримый образ. Такой иконографии императоры Византии, которым так и не удалось сделать из Андрея своего официального патрона, конечно, знать не могли.

⁵⁹ Синай. Византия. Русь... С. 332–333.

Михаил Талалай

Российские афонские обители как источник культа апостола Андрея

«Монашеская республика»¹ Афон, играет роль блюстителя вековых традиций православия — со всеми трудностями, которые встречаются в подобном положении (включая и эксцессы излишней ревности, известного афонского зилотства). Его роль как живого проводника византийской цивилизации воистину велика: афонские обычаи, заявления, публикации, иконы и прочее обладают высочайшим, почти непрекаемым авторитетом у церковного народа.

Ту же степень значения имеют и культы, исходящие со Святой горы и получающие таким образом надежную «апробацию». В первую очередь, это, несомненно, богородичное почитание. Вслед за Девой Марией, «царицей Афона», одно из первых мест занимает культ апостола Андрея Первозванного, и у этого есть исторические причины.

Самая важная из них — кровная, «утробная» связь Афона с патриархией Константинополя, принявшая, как известно, своим небесным покровителем именно св. Андрея. Афон не только формально полагает собственное юрисдикционное положение в лоне Константинопольской церкви (несмотря на то, что сама территория полуострова есть неотъемлемая часть Греции и географически должна была бы подпасть под омофор церкви Элладской), многие вселенские патриархи являлись выходцами со Святой горы и, напротив, не раз афонское монашество пополнялось бывшими патриархами, ушедшими на покой или же изгнанными с берегов Босфора на берега Салоникского залива.

При этом на эманацию культа св. Андрея в славянский мир непосредственным образом оказывает влияние внутренняя ситуация на Афоне, а именно — его постепенная эллинизация и утрата связи с родиной его великих российских обителей, Андреевского и Ильинского скитов.

¹ Сами монахи не любят этот термин, полагая его поверхностным. В политическом отношении Афон представляет собой сообщество обителей, управляемое советом (кинотом) из представителей 20 главных, так называемых кириархических монастырей, между которыми и разделена территория полуострова и собственность; административно этим сообществом руководит протат. В трансцендентном смысле главой Афона, его «монархом», царицей, считается Божья Матерь.

Изначальным центром широкого почитания Первозванного — не только на самом полуострове, но и в самых дальних точках православной ойкумены — служил именно Андреевский скит².

История этой обители, первые упоминания о которой относятся к последней четверти XIV века, непосредственно связана с престолом цареградских патриархов. В 1630–1643 гг. в ней обитал свергнутый патриарх Афанасий III (Пателарий): к периоду его пребывания относится самая древняя постройка, так называемая патриаршая церковь, освященная во имя св. Андрея Первозванного. Таким образом, мы можем предполагать, что андреевский культ был перенесен сюда непосредственно из Константинополя. В 1761–1772 гг. здесь пребывал другой низложенный патриарх, Серафим II (Акарнан)³, возведший пышную, по афонским меркам, резиденцию, прозванную Серай, иначе Серайон (тур.: дворец). Вероятно, и он способствовал укреплению тут почитания Первозванного.

В 1841 г. келлию приобрели два русских афонца, оо. Виссарион и Варсонофий: так началась ее русская история. Дальнейшему подъему обители, уже в качестве российской, способствовал известный духовный писатель и паломник по православному Востоку Андрей Муравьев. Посетив Святую гору в 1849 г. и приняв близко к сердцу дела келлии св. Андрея, он добился у протата ее возвышения до статуса скита, не оставляя своими заботами обитель и далее. Муравьеву принадлежит и первое описание нового святогорского скита⁴. Следует заметить, что писатель вообще очень ревностно поддерживал места, связанные с апостолом⁵.

Кроме Муравьева, Андреевский скит нашел и ряд других культурных покровителей, среди них археолог Петр Севастьянов⁶. Этот неутомимый исследователь афонских древностей использовал скит как свою «научную базу»; по его рекомендации здесь останавливались западноевропейские исследователи и художники. Севастьянов был вхож к императрице Марии Александровне, которой рассказывал об Афоне, и по его протекции обители

² Согласно святогорской терминологии скитом называется достаточно большая обитель с церковью, но не имеющая самостоятельности, а приписанная к «господствующему», кириархическому монастырю.

³ О нем см. Papoulidis K. Le patriarche œumenique Séraphim II et les le russes, в: *Balkan Studies*. 17. 1974. P. 144–151.

⁴ Муравьев А.Н. *Русский на Афоне скит Серай и Лавры Афанасиева и Иверская*, в: *Прибавления к творениям святых отцов*. 1849. № 8. С. 629–659; это описание, расширенное и дополненное, вышло и отдельными брошюрами: *Новый Русский скит св. апостола Андрея Первозванного на Афоне*. СПб., 1852; изд. 2-е. 1859; *Общезнаменительный Русский скит св. апостола Андрея Первозванного на Афоне*. Одесса, 1866; изд. 2-е. 1869; изд. 3-е. М., 1873.

⁵ См. о его визите к гробнице апостола в Амальфи в данном сборнике в нашей статье «Амальфитанская святыня и ее обрамление».

⁶ О П. И. Севастьянове см. *Русские путешественники по греческому миру*. М., 1995. С. 35–39; Παπουλίδης Κ. Πέτρος Ιβάνοβιτς Σεβαστιάνωφ (1811–1867). Προέγυγιση στο έργο του. In: *Βαλκανικά Συναγίσματα*. Τ. 9. 1997. ΣΣ. 17–36.

удалось основать в Петербурге свое подворье — этой инициативе прежде противилось столичное священноначалие, не желавшее видеть у себя независимых монахов. Петербургское скитское подворье со Свято-Андреевской домовою церковью, в свою очередь, стало важнейшим местом почитания апостола (недавно оно частично возобновило свою деятельность)⁷. Кроме того, скит со временем устроил подворья в иных местах — в Одессе, Ростове, Константинополе: каждое из них, в свою очередь, репродуцировало культ апостола. Особенно важным стало Андреевское подворье на берегах Босфора, служившее главным храмом русской послереволюционной эмиграции в Турции. Знаменательно, что престольный праздник здесь и по сию пору обычно посещает сам патриарх⁸.

Знаком расцвета Андреевского скита стал его кириакон — так на Афоне называют соборный храм в скиту, в отличие от кафоликона (каталикона), соборного храма монастыря. Церковь строили (по проекту петербургского академика Михаила Щурупова) необыкновенно долго: она была освящена лишь спустя 33 года после закладки, в 1900 г., а нижний храм, во имя святителя Алексия Московского и в честь рождения цесаревича Алексея — в 1904 г. Однако в результате такого «долгостроя» на Афоне вырос храм, затмивший своей грандиозностью все предыдущие. Достаточно сказать, что и сейчас Андреевский скитский собор считается вторым по величине церковным сооружением на всей территории Греции (после собора в Патрах — знаменательно, что оба грандиозных храма посвящены Первозванному). Его интерьеры поражают и сейчас огромным золоченым иконостасом и монументальными росписями, в том числе многими образами св. Андрея. Всего же в ските действовало около двадцати церквей — как в полнокровной лавре.

Андреевцам, как стали называть скитян, была свойственна также деятельность, которую сейчас назвали бы «культурной»: они выпускали свой журнал и книги, собирали иконы. Большую коллекцию икон, в том числе византийских, иноки разместили в крипте собора, а для гигантской библиотеки отделили отдельный корпус. В ските действовала обширная иконописная мастерская, которая распространяла по православному миру тысячи образов — значительную часть в этой продукции занимали иконы апостола Андрея.

Культ укреплялся и за счет реликвии апостола, лобной части главы, помещенной в прекрасный серебряный ковчег русской работы с изображением мученичества апостола в Патрах и его пророчества на Днепре. Как это часто бывает на Афоне, происхождение реликвии не документировано и окутано преданиями — самое устойчивое гласит, что реликвию принес один из патриархов, жителей скита. Однако авторитет Афона дает святыне

⁷ Талалай М. Г., Яковлев Н. А. *Афонское Андреевское подворье на Песках*. Петербургские чтения — 97. СПб., 1997. С. 172–175.

⁸ Любопытно, что патриархи Константинопольские, посещающие русские святогорские подворья в Стамбуле, не смущаются чествовать церковные праздники по «старому стилю», хотя, как известно, Константинопольская церковь (и Элладская) сурово извергла из своего лоно «старокалендарников».

некий «сертификат»: к ней в первую очередь прикладываются и нынешние посетители скита.

В результате жесткого курса греческих властей по эллинизации Святой горы Андреевский скит к середине прошлого века практически вымер, прекратив свое существование как русская обитель и потеряв какое-нибудь значение для славянских земель (в начале XXI столетия в скит вселилась новая греческая община).

Схожий сюжет произошел и с другой великой русской обителью — Ильинским скитом⁹. И этот скит среди своих святынь, в числе наиважнейших, имел частицу мощей Первозванного. В данном случае ее происхождение было документировано: в обители хранился документ о приобретении частицы левой стопы апостола у афонского Иверского монастыря — подтверждающая грамота Константинопольского патриарха Иеремии от 9 июня 1809 г. (утрачена в середине XIX в.).

Если иноки-андреевцы ни разу не вывозили реликвию св. Андрея с Афона (в отличие от принадлежавшей им чудотворной богородичной иконы), то ильинцы в этом отношении оказались предприимчивее. Сначала стопа Первозванного, вместе с другими святынями, переносилась — 24 июня 1881 г. — на корабль «Эрикли» для почитания приплывшей к Афону великой княгини Александры Петровны с ее свитой. Главным же эпизодом стало перенесение стопы из Ильинского скита и в Россию — в 1893 г. в сопровождении настоятеля о. Гавриила. К мощам апостола в Петербурге приложились и члены св. Синода, и сам Николай II. Было организовано и перемещение реликвии по империи, при этом не скрывалась и практическая цель скитян — сбор средств на строительство нового кириакона. Миссия прошла с полным успехом.

И сейчас андреевская реликвия в Ильинском скиту — одна из главных целей его посещения паломниками. Однако в 1992 г. после изгнания небольшой группы последних монахов русской традиции и заселения скита греческими иноками и эта обитель, как — чуть ранее — Свято-Андреевская, потеряла всякую связь со славянскими землями.

В данной ситуации, при полном уходе со славянской «орбиты» двух великих скитов, на первый план по распространению культа апостола выдвинулся Пантелеимонов русский монастырь, также обладающей святыней — правой стопой св. Андрея.

Монастырю благодаря его кириархическому статусу удалось сохранить свою национальную идентичность, а его автономия позволила осуществить необыкновенно важную программу — перевоз стопы в славянских краях. Дабы принести мощи из Греции, понадобились многие согласования, вплоть до обращения правительства России к Константинопольскому патриарху. Монахи желали провезти стопу апостола по многим городам и селам,

⁹ Ильинский скит в числе своих насельников имел преобладающее число украинцев, однако они, естественно, имели российское подданство, что и дает основание продолжать называть этот скит «российским».

однако кинот определил быть реликвии вне Афона всего на один месяц. В итоге мощи доставляли самолетом в самые дальние точки бывшего СССР — Санкт-Петербург, Владивосток, Мурманск, Севастополь, с центром в Москве: апостол Андрей как бы перекрестил огромную Россию «географическим» андреевским крестом. Организацией этой программы занимался Фонд св. Андрея Первозванного.

Патриотический характер был придан принесению реликвии к кораблям Балтийского, Северного, Тихоокеанского, Черноморского флотов. Реликвии поклонялись политические лидеры России, Украины и Белоруссии. Тем самым культ апостола Андрея — через афонскую святыню — вновь связал Византию и ее духовных чад, славянские народы. В религиозном сознании это отложилось так: «стопа апостола Андрея вновь, как и две тысячи лет назад, ступила в славянские земли».

...Однако не забудем, что с миссией масштаба много меньшего, но другая стопа — из Ильинского скита — уже побывала в России в 1893 г. Если бы Ильинский скит был и сейчас заселен монахами-россиянами, они сами бы напомнили о своем «приоритете», но в нынешних условиях предыдущий эпизод выпал из церковной памяти¹⁰.

¹⁰ В 2001 г. из Греции в Киев, к 950-летию Киево-Печерской лавры, а также в Грузию прибыли на краткий срок мощи апостола Андрея — часть его главы из Св.-Андреевского собора в Патрах; в некоторых интернет-ресурсах неправильно указано, что мощи якобы привезли «из одного греческого монастыря на Афоне» (в этой неточности можно усмотреть и афонское первенство в распространении культа Первозванного и его реликвий).

Андреевские храмы в России и Украине

Крым и Причерноморье

Особое почитание св. апостола Андрея, первокрестителя Руси¹, выражалось в посвящении ему множества храмов, становившихся местами народного паломничества. Конечно, св. Андрею было посвящено меньше престолов на Руси, чем свв. Николаю Чудотворцу, Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Александру Невскому. Тем не менее Свято-Андреевские храмы занимают особое место в русской церковной истории. Среди них выделяются те, что располагались на путях миссионерского путешествия апостола по землям будущего российского государства: Киев, Грузино, Валаам; ктиторские храмы, выстроенные в честь небесного покровителя жертвователей; храмы в честь Андрея как брата св. Петра, покровителя столицы Российской империи и флота. Выдающийся интерес представляют Андреевские соборы в Санкт-Петербурге, Киеве, Кронштадте и Ставрополе; скитские храмы в самых знаменитых обителях русского Севера — Валаамском и Соловецком, церковь в Ново-Афонском монастыре.

Со времен митрополита Макария в историографии утверждалось мнение о том, что Андрей вел апостольскую миссию в северном и восточном Причерноморье. Традиция народной памяти апостола особенно укоренена в местах его непосредственной проповеди.

Начнем наше «паломничество» по Андреевским святыням с Крыма, Причерноморья и Кавказа.

¹ См. библиографию об апостоле Андрее в русских изданиях: *Деяния апостола Андрея* / Предисл., комм. А. Ю. Виноградова. М., 2004; *Греческие предания о св. апостоле Андрее* / Сост. А. Ю. Виноградов. СПб., 2005. Обобщающие популярные публикации: Петровский С. В., прот. *Жизнь, труды, мученическая кончина и прославление святого апостола Андрея Первозванного*. СПб., 2003 (с машинописи в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии: Одесса, 1919); Яхимец Андрей, свящ. *Летописное сказание о посещении Руси Святым Апостолом Андреем Первозванным в освещении русской церковной литературы*. Л., 1987. Рукопись. Библиотека Санкт-Петербургской духовной академии. № Д-658.

По преданию, св. Климент, папа Римский, сосланный в 98 г. в Инкерманские каменоломни, вырубил в скале пещерную церковь и освятил ее во имя св. апостола Андрея. Алтарь маленького Андреевского храма в пещерном инкерманском Свято-Климентовском монастыре отделен от основного помещения сплошной скальной преградой с воротами посередине и двумя маленькими окошечками у жертвенника и у исповедальни. Вместе с двумя другими пещерными храмами — во имя Климента и Мартина, он был закрыт в 1931 г., но в 1991 г. возобновлен, и ныне в этих древнейших храмах совершаются службы.

Собор св. Владимира в херсонесском Св.-Владимирском монастыре — также одна из величайших русских святынь. С Херсонеса Таврического (Корсуня, Херсониса) началось обращение Руси. Здесь первый просветитель России св. апостол Андрей Первозванный, обходя берега Черного моря, пристал к Херсонесу. На пристани долгое время показывали стопу его, напечатленную на камне, из которой затем христиане черпали накопившуюся в ней воду и получали исцеления. Продолжая дело апостольского служения, здесь совершали свои подвиги св. Климент, папа Римский; семь священико-мучеников — епископов Херсонесских; св. равноапостольные Кирилл и Мефодий; св. Евстратий Печерский. По инициативе архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова)², в соответствии с указом св. Синода о возрождении в Крыму древних обителей в 1850 г. на руинах древнего Херсонеса была основана обитель. Строился собор в Херсонесе по проекту академика Д. И. Гримма — пятипрестольный двухэтажный в византийском стиле — с 1859 по 1892 г. 23 августа 1861 г., после молебна, император Александр II и императрица Мария Александровна заложили первый камень нового собора, на который, по инициативе Александра II, вся царская семья и ее окружение положили золотые десятирублевые монеты. 14 августа 1867 г. был заложен первый камень верхнего храма, имевшего три престола: главный, освященный во имя св. равноап. кн. Владимира, южный — в честь св. благов. кн. Александра Невского и северный — во имя св. апостола Андрея Первозванного, его освятили последним, в 1910-е годы. Таким образом, символично, что монастырь на месте крещения св. равноапостольного князя Владимира получил престол в честь первокрестителя — св. апостола Андрея. С этого придела началось нынешнее возрождение разрушенного в 1930-е годы, а затем в войну верхнего собора (2002–2004 гг.).

30 ноября 1893 г. в Керчи открылась богадельня им. апостола Андрея, на строительство которой купец Андрей Золотарев пожертвовал 100 тысяч рублей. И при богадельне была освящена церковь во имя св. Андрея Первозванного с приделом во имя св. Марии Магдалины. В 1905 г. семья Золотаревых была зверски убита в их собственном доме. Богадельня была подвергнута разрушению в 20-е годы. Ныне (с 1996 г.) в парке, где она находилась, действует храм св. апостола Андрея Первозванного. В 1990-е годы в пос. Кача

² Прославлен в лике святых в 1997 г.

под Севастополем также устроена новая Андреевская церковь (в бывшем кинотеатре «Комсомолец»)³.

В Одессе также есть места, связанные с памятью апостола Андрея. Это, прежде всего, подворье Афонского Свято-Андреевского скита, где и поныне стоит церковь в русском стиле, в нижнем ее этаже устроен храм во имя св. Андрея (освящен 12 октября 1893 г.)⁴. В соборном Успенском храме Свято-Успенского мужского монастыря хранится ковчег с мощами Первозванного апостола. Кстати, апостол Андрей традиционно почитается покровителем Одесской духовной семинарии, где храм освящен в его честь⁵.

Согласно бессарабским преданиям, апостол Андрей проповедовал в Тире — будущей Бессарабии. Когда Екатерина II присоединила к России этот край, на Тирасе было решено построить крепость Тирасполь, план которой утвердил в 1794 г. А. В. Суворов. Вскоре после начала строительства, в 1796 г., в центре крепости началось возведение каменной Андреевской церкви, освященной в 1802 г. Храм именовался крепостным, принадлежал военному ведомству и имел приход из отставных военных, служивших в крепости, и жителей соседнего хутора. Храм закрыт в 1920-е годы, а затем разрушен. По описанию, это была каменная с деревянным широким куполом церковь в плане крестообразная. Судя по дошедшим изображениям, она была в виде ротонды типа римского Пантеона. Местные иконы числом четыре, в том числе св. Андрея и св. Николая, были написаны академиком Максимовым в 1846 г. Позади правого клироса, в киоте, располагался образ св. Андрея, пожертвованный чинами бывшей Тираспольской крепости⁶.

Апостол Андрей вместе с Симоном Кананитом, по преданию, проповедовал на территории нынешней Абхазии. На месте погребения апостола Симона в 1875 г. был устроен Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. В верхнем этаже трехэтажного корпуса располагалась большая церковь, посвященная апостолу Андрею. В храме находился чрезвычайно редкий и необыкновенно красивый майоликовый иконостас, чтимые иконы св. Пантелеимона с частицей мощей и Божьей Матери «Скоропослушница» в серебряно-позлащенных ризах⁷.

Ставрополь — «врата Кавказа» — находится на самой высокой точке Предкавказья и на водоразделе бассейнов Черного и Каспийского морей.

³ См.: От комитета высочайше утвержденного по сооружению храма Св. равноапостольного Князя Владимира в Херсонисском Первоклассном монастыре. Б.м. Б.г.; Никанор, архиепископ. *Херсонисский монастырь в Крыму*. Варшава, 1907; *Севастопальское благочиние: Справочник-путеводитель*. Севастополь, 1997. С. 46, 53, 55–56.

⁴ *Краткий исторический очерк русского на Афоне Свято-Андреевского общежительного скита*. Одесса, 1896. С. 35–39.

⁵ *Молитвенные лампы. История одесских монастырей*. Одесса, 1996. С. 14, 69.

⁶ *Краткие сведения относительно возникновения и столетнего существования Свято-Андреевской церкви тираспольского местного лазарета (Одесского военного округа)*. Тирасполь, 1902. С. 3–5, 9–11.

⁷ *Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, близ Сухума*. Одесса, 1900. С. 12–13, 63.

Кафедральный собор Ставрополя также посвящен св. апостолу Андрею. Это напоминание и о его проповеди на Кавказе, и о крестных страданиях апостола, ведь название города переводится с греческого как «город св. Креста». В 1777 г. при закладке крепости Азово-Моздокской линии солдатами Владимирского полка, был обнаружен каменный крест первохристианских времен. Он и дал название городу, сыгравшему особую роль в восстановлении православия на Северном Кавказе. 1 января 1843 г. состоялось официальное открытие Кавказской и Черноморской епархий в Ставрополе. А в 1846 г. здесь была устроена Духовная семинария с церковью во имя Андрея Первозванного. В 1887–1888 гг. в связи со строительством архиерейских покоев и церкви во имя св. равноап. князя Владимира (1889 г.) Андреевская церковь была почти полностью разобрана и перестроена в 1897 г. в русском стиле, с богатой декоративной отделкой. В 30-е годы XX века почти все храмы Ставрополя были закрыты и многие из них разрушены. Но Андреевская церковь возродилась в 1942 г., во времена Великой Отечественной войны и даже получила статус кафедрального храма Предкавказья. Православные румынские офицеры, вместе с немцами участвовавшие в оккупации Ставрополя, пожертвовали более четырех тысяч рублей на восстановление Андреевского храма. В последнее время восстановлена колокольня Андреевского собора, на нее водружен трехтонный колокол, отлитый в Воронеже, вновь действует семинария. В 1988 г. архиепископу Ставропольскому и Бакинскому Антонию (Завгороднему) была подарена австрийскими монахами частица мощей св. Андрея Первозванного в окладе⁸.

В станице Новотитаровской Динского района Краснодарского края также был некогда храм св. Андрея (построен в 1835–1836 гг.), в честь апостола названа и главная площадь станицы, на которой он находился. В 1938 г. храм был разрушен, но с 2001 г. он воссоздается по новому проекту.

Упомянем также Андреевский храм в с. Тарумовка (Дагестан, Бакинская епархия) 1856 г., полностью реконструированный после возвращения в 1989 г.⁹ и деревянную ярусную Андреевскую церковь с шатровой колокольней в Сочи, построенную в 1999–2000 гг. на средства кубанского казачества.

Современная Украина

Согласно «Повести временных лет», св. апостол Андрей водрузил крест на горах, где позднее был основан Киев. И в самом начале христианской истории Киевской Руси мы видим церкви, освященные во имя апостола Андрея. Так, младший сын князя Ярослава Мудрого Всеволод Ярославич, в крещении

⁸ Через одиннадцать лет после смерти Владыки его родственники решили незаконно продать реликвию, и она была конфискована. 3 февраля 2001 г. тогдашний министр внутренних дел Владимир Рушайло в московском храме Христа Спасителя передал святыню патриарху Алексию II.

⁹ Электр. ресурсы: <http://www.stv.ru>, <http://www.stavropol.net>; Михайлов Н. Т., свящ. *Справочник по Ставропольской епархии*. Екатеринодар, 1911. С. 249–250.

Андрей, в 1086 г. основал в Киеве Андреевский (Янчин) монастырь. В 1089 или 1091 г. митрополитом Киевским Ефремом Скопцом была построена Андреевская церковь в г. Переславле.

Самый знаменитый и, возможно, самый древний в своем основании, Андреевский храм является подлинным украшением Киева¹⁰. Есть основания полагать, что первый деревянный храм выстроил на этом месте еще св. князь Владимир — креститель Руси, а затем около 1215 г. его перестроил князь Мстислав Галицкий. Но затем история храма не ясна. Уже после воссоединения Украины и России, в 1656 г. киевский воевода Андрей Васильевич Бутурлин строит на этом месте церковь в честь своего небесного покровителя. В 1677 г. храм сгорел, и с того времени святое место обозначалось большим деревянным крестом. В 1690 г. решено было возвести новую Андреевскую церковь из материалов, оставшихся от разобранный Богоявленской церкви из Братского монастыря. В документах 1701 г. описан деревянный храм св. Андрея на холме, который «зело красовит». Но в 1724 г. эта церковь развалилась «от великих ветров». В 1735 г. магистрат собрался ее воссоздать, но помешала русско-турецкая война. В 1744 г. императрица Елизавета Петровна собственными руками положила первый кирпич в основание новой каменной церкви св. апостола Андрея Первозванного (в народе церковь потом называли «Государевою»). Но проект храма, представленный И.-Г. Шеделем, в Санкт-Петербурге одобрен не был. Проектировать церковь поручили Б.-Ф. Растрелли, знаменитому архитектору-итальянцу, «гениальному исполнителю благочестивого желания дочери Великого Петра», который сумел соединить в храме традиции древнерусской и барочной архитектуры. Проект был готов к лету 1748 г. Строителем стал московский придворный архитектор Иван Мичурин. Помимо того, что храм стоит на горке, Растрелли поставил его на высокий постамент, чтобы поднять его как бы над горами киевскими, которые по преданию благословил апостол¹¹. Изящно украшенный барочный Андреевский храм доселе парит над городом, едва касаясь земли, как бы некое видение.

В интерьере церкви сохранился величественный трехъярусный иконостас с богатой барочной резьбой. Над престолом — сень на витых позолоченных колонках, украшенных гирляндами цветов. Живописными работами руководил художник И. Я. Вишняков. 14 икон третьего яруса, которого не было в первоначальном проекте Растрелли, написал один из лучших живописцев XVIII века А. П. Антропов. Ему принадлежит и образ апостола Андрея, украшенный

¹⁰ Максимович М. *Археологические записки о Киеве*. Т. 1. О месте Киевской церкви Св. Андрея. Киев, 1866; *Храм св. апостола Андрея Первозванного. Киевский народный календарь на 1866 г.* Киев, 1865. С. 65–69; *Юбилей Андреевской церкви*. Киев, 1867; (А. М.) *Киевский храм св. апостола Андрея Первозванного (историческая справка о построении церковного здания и позднейших строительных в нем работах)*. Киев, 1898; Петровский С. В., прот. Киев, его святыни и достопримечательности. Одесса, 1918. С. 32–34; *Судьба Андреевской церкви в Киеве*. Б. г.; Логвин Г. Н. *Архитектура Андреевской церкви в Киеве*. Киев, 1959.

¹¹ Размеры церкви — 31 x 20 метров, высота — 47 метров. Высота стилобата (с фундаментами) — 15 метров.

серебряно-вызолоченной ризой. Среди живописцев Андреевской церкви назывались имена и знаменитых отца и сына Левицких.

К 1753 г. Андреевская церковь была готова к приезду императрицы. Но ни Елизавета, ни Екатерина II в Киев так и не приехали. Новопостроенный храм стоял неосвященным, без ризницы и колоколов, за что народом был прозван «беззвонным». Его освятили только в 1767 г. К этому времени храм уже требовал ремонта, почти 20 лет велась переписка по этому поводу и, наконец, с помощью наместника Малороссии графа П. А. Румянцева-Задунайского были проведены ремонтные работы: укреплены фундаменты, отремонтированы купола, обновлены орнаменты.

19 августа 1867 г. к 100-летию юбилею Андреевский храм предстал «в прежнем своем величии, весь обновленный и раззолоченный, как лучшее украшение древней матери городов русских», как писал А. Н. Муравьев, известный путешественник. Он привез с Востока в дар храму серебряную раку с частицей мощей Первозванного. В 1874 г. Муравьев был похоронен в крипте Андреевской церкви.

В 1930-х годах храм закрыли, в 1968 г. он стал музеем. По историческим чертежам киевские реставраторы (проект арх. В. Корнеевой) в 1978 г. восстановили первоначальную форму купола, повторные работы проведены в 1992–2000 гг. В рамках празднования 950-летия Киево-Печерской лавры с 25 авг. по 5 сен. 2001 г. в Киево-Печерской лавре были выставлены мощи св. апостола Андрея, привезенные из Патр, по благословению предстоятеля Элладской церкви¹². Небольшая часть мощей осталась на Украине в храме-часовне св. Андрея Первозванного, устроенной в Печерском районе Киева, близ Аскольдовой могилы. Рядом установлен памятный знак, который, как и часовня, сооружен по инициативе и на средства Общественного фонда св. Андрея Первозванного к 2000-летию Рождества Христова (авторы — архитектор Н. Жариков и скульптор В. Швецов).

Из исчезнувших стоит упомянуть о храме Спасова скита в Борках, на месте спасения императора Александра III с семьей при крушении поезда, в этот храм витебским дворянством была пожертвована икона апостола Андрея письма известного художника В. Г. Маковского, утраченная в советское время, как и сам храм.

Немало Андреевских храмов появилось в Украине в последнее время. В Запорожье в 2000–2001 гг. появился храм св. апостола Андрея (здание бывшего кинотеатра было перестроено в классицистический храм с приделами во имя преп. Серафима Саровского и Благовещения Пресв. Богородице). Этот храм является кафедральным собором Запорожской епархии¹³. Рядом с ним поставлен памятник апостолу Андрею Первозванному.

Андреевские церкви построены в 2000-е годы в г. Костополе Ровненской области, в с. Хоружевка Сумской области и в с. Андреевка Хмельницкой области.

¹² Во многих электронных ресурсах приводятся ошибочные сведения, что мощи якобы прибыли из «греческого монастыря на горе Афон». — Прим. ред.

¹³ Электр. ресурс: http://cathedral.zp.ua/?page_id=31.

Москва и Центральный регион России

В Москве с именем апостола Андрея также связаны некоторые храмы, причем среди них немало новоустроенных.

Из исторических святынь следует назвать Чудов монастырь, основанный св. Алексием, митрополитом Московским, где существовал храм св. Андрея Первозванного, построенный в 1680–1686 гг. и освященный в 1687 г. Впоследствии (вероятно, после пожара 1737 г.) он стал больничным и его переосвятили как Крестовоздвиженский. После наполеоновского разорения Москвы храм и вовсе упразднили, но при митрополите Макарии (Булгакове) в 1879–1881 гг. восстановили с древним посвящением. Андреевский храм был разрушен вместе с монастырем в 1929 г.

При церкви Святой Софии в Средних Садовниках, построенной в 1682–1686 гг. напротив Кремля, и в Тихвинской церкви в Новом Сущеве, были Андреевские приделы. В Софийской церкви придел упоминается с 1722 г. В Тихвинской церкви Андреевский придел был освящен в 1710 г. Оба храма ныне возрождаются — Тихвинский с 1992 г., Софийский — с середины 1990-х годов.

На Ваганьковском кладбище Андреевский храм был сооружен и освящен в 1916 г. Он предназначался для заказных литургий и отпеваний усопших. В советское время храм закрыли и переоборудовали под общежитие, затем в мастерскую, магазин похоронных принадлежностей. В 1989 г. здание было возвращено церкви.

В доме на Елоховской ул., некогда принадлежавшем знаменитому библиофилу гр. А. И. Мусину-Пушкину (ул. Спартаковская, 2/1), в XIX веке была мужская гимназия. При ней архитектор С. В. Дмитриев в 1867 г. устроил церковь св. Андрея. В советское время здесь разместился инженерно-строительный институт и церковь исчезла.

Андреевский придел был и при уничтоженном в советское время Преображенском храме на Братском кладбище в с. Всесвятском, сооруженном А. В. Щусевым как памятник павшим в Первую мировую войну. Придел св. Андрея, так же как и другой — Архангела Михаила, не были освящены в связи с революционными событиями¹⁴.

Единственный в Москве самостоятельный Андреевский приход ныне расположен в новом районе Люблино (Ставропольская ул., 25)¹⁵. Храм пока деревянный, но предполагается постройка каменного здания.

На подворье Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря существует домовая церковь св. Андрея Первозванного. Она освящена в 2006 г. на втором этаже дома причта, расположенном с северной стороны от храма св. вмч. Никиты (ул. Гончарная, 4).

¹⁴ Паламарчук П. Г. Сорок Сороков. М., 1992. Т. 1. С. 119; Т. 2. М., 1994. С. 597–600; Т. 3. М., 1995. С. 31–32, 181–182, 398–401, 485–486; Московский кафедральный Чудов монастырь. М., 1896; Александровский М. Указатель московских церквей. М., (1995?).

¹⁵ Православная Москва: Справочник монастырей и храмов. М., 2001. С. 47; 15 апреля 1999 г. патриархом Алексием II был освящен закладной камень. Деревянный храм с колокольной строился по проекту арх. А. Н. Оболенского.

В Московской области в 2000-е годы построены два Андреевских храма: в Подольском районе в с. Федюково — кирпичная одноглавая постройка с шатровой колокольной (возведена в 2005–2008 гг.) и деревянный клетский храм в Можайской исправительно-трудовой колонии для несовершеннолетних правонарушителей (построен в 2002–2004 гг.).

В жилом районе Воронежа (ул. Хользунова, 107Б) в 2000–2005 гг. построен кирпичный Андреевский храм в русском стиле. При Казанской церкви в Отрожке (Воронеж, ул. Суворова, 79) в 1990-е годы сооружена Андреевская водосвятная часовня.

В Белгородской области, в с. Хворостянка, существовала церковь св. Андрея Первозванного, построенная в 1804 г. Ф. М. и А. А. Раевскими, родителями Владимира Раевского, поэта и мемуариста, участника Отечественной войны 1812 г., приятеля А. С. Пушкина, члена «Союза благоденствия». От храма сохранился только закладной камень, находящийся ныне в Губкинском краеведческом музее. Но в другом районе той же Белгородской области, в селе Айдар, в 2006–2008 гг. построена новая пятиглавая церковь св. Андрея Первозванного в память утраченной.

В Тверской области, в Осташковском Житенном монастыре (1768 г.), есть надвратная каменная церковь, посвященная свв. Иоанну Богослову и Андрею Первозванному.

Во Владимирской епархии, под г. Киржач, находится погост, носящий имя св. апостола. Церковь на этом погосте существовала уже в начале XVII века, была перестроена в XIX веке. В советское время эта церковь — памятник архитектуры классицизма — использовалась под склад, затем пустовала. С возведением мемориала на месте гибели первого советского космонавта Ю. А. Гагарина и летчика В. С. Серегина она вошла в территорию охранной зоны, и ее внешний вид восстановили¹⁶. В церкви предполагалось устроить музей космонавтики, но это сочли неэтичным, ныне церковь — действующая.

Недавно возвращена верующим Андреевская церковь II пол. XVIII века в с. Новый Чирчим Камешкирского района Пензенской области.

В Ярославской области, в с. Лазарцево Ростовского района, в 1813–1821 гг. на средства А. Н. Волынской была построена зимняя кирпичная Андреевская церковь. В 1930-е годы храм закрыли и изуродовали, в 2000 г. он был возвращен верующим и в 2005 г. освящен.

Северо-Запад и русский Север

Северо-западные земли России, согласно преданию, освящены присутствием Первозванного апостола. Здесь находится один из самых известных Андреевских храмов в России — Андреевская церковь в Грузино: считается, что она стоит на пути следования апостола. Правда, сведений о древнейших

¹⁶ Пэнэжко Олег, прот. *Город Киржач, храмы Киржачского и Кольчугинского районов Владимирской области*. Владимир, 2005. С. 38.

храмах на этом месте нет. В середине XIV века Грузино, принадлежавшее новгородскому владычному дому, было пожаловано Деревяницкому Воскресенскому монастырю, во владении которого находился до 1764 г. упоминаемый в Писцовой книге 1499–1500 гг. «Погост Андрея Святого Грузинской в Обонежской пятине за Волховом». Первое литературное известие о Грузине относится к 1537 г., во вступлении боярина В. М. Тучкова к житию св. Михаила Клопского рассказывается о посещении этих мест апостолом Андреем. В нем объясняется происхождение топонима Грузино ссылкой на предание о том, что апостол в ознаменование будущего церковного просвещения Руси «погрузи мало» в землю свой жезл. В XVI веке это сказание было введено в «Книгу Степенную царского родословия» и впоследствии не раз служило аргументом в дипломатических спорах, касающихся исконности русского самодержавия и статуса Русской церкви. Постройка каменного храма в Грузино, вероятно, осуществилась в 1520–1560-е годы. В архитектуре псковские черты (прежде всего плановое решение) сочетались с московскими и новгородскими. Погост пострадал от шведов в 1582 г.; а в 1613–1614 гг. — от немцев и литовцев. Храм, отличавшийся редкой каменной алтарной преградой, был восстановлен в середине XVII века, но около 1691 г. его постигло новое несчастье — сильный пожар. При восстановлении к нему в 1693 г. с трех сторон были пристроены паперты с приделами Троицы и Покрова¹⁷.

В 1805 г. был заложен новый храм по проекту Ф. И. Демерцова, старую церковь разобрали. Осталось ее изображение, выполненное И. С. Семеновым в числе прочих построек усадьбы. В 1811 г. церковь получила уникальный для сельского храма статус собора. В 1821 г. на соборной площади усадьбы установили чугунный храм-колоннаду (арх. В. П. Стасов), в центре которого была помещена статуя св. Андрея Первозванного, исполненная И. П. Мартосом. Зодчий В. П. Стасов построил и колокольню (1812–1825 гг.), аналогичную колокольне кронштадтского Андреевского собора: переход от кубических объемов к открытой ротонде, завершение шпилем, дорическая круговая галерея нижнего яруса¹⁸.

В 1910 г. Грузинскому Андреевскому собору принадлежали 14 деревянных часовен в окрестных селениях, одна из которых — при знаменитой фабрике

¹⁷ В 1705 г. Петр I подарил Грузинскую волость князю А. Д. Меншикову, но вступивший в 1727 г. на престол Петр II вернул эти земли монастырю. В 1791 г. к церкви пристроили каменную колокольню, а через пять лет был устроен новый иконостас. В 1764–1796 гг. Грузино находилось в Экономическом ведомстве, а в декабре 1796 г. — январе 1797 г. Павел I пожаловал его известнейшему графу А. А. Аракчееву. Ко времени перехода Грузино во владение А. А. Аракчеева Андреевская церковь пришла в ветхость и была «непрочною и наклонною к падению во многих местах по оказавшимся трещинам».

¹⁸ Малиновский Ф. С. *Историческое описание села Грузино*. М., 1816. С. 58, 71; Михайлов А. И. *Жизнь и творчество. Архитектор В. П. Стасов. Материалы к изучению творчества*. М., 1950; Пилявский В. В. *Стасов архитектор*. М., 1959; Седов Вл. В. *Древняя церковь Андрея Первозванного. Архитектура и строительство России*. 1992. № 1; Седов Вл. В. *Еще раз о древней церкви Андрея Первозванного в погосте Грузино*. Архив архитектуры. XI. Новгородские древности. Вып. 5. М., 2000. С. 159–167; Бахарева Ю. Ю. *Церковь Андрея Первозванного в Грузино*. София. 1999. № 4. С. 20–22.

купца И. Е. Кузнецова — в 1912 г. была обращена в церковь. В годы Великой Отечественной войны Грузинская усадьба, включая собор, была полностью разрушена. В 2003 г. в поселке Грузино построили небольшой деревянный храм апостола Андрея, в котором ежемесячно совершаются богослужения.

Новгород Великий также отмечен на пути апостола Андрея. На Торговой стороне Новгорода еще в 1417 г. была построена каменная Андреевская церковь, позднее к ней был пристроен придел свв. Зосимы и Савватия. В 1796 г. церковь была приписана к Никитской церкви, а затем упразднена¹⁹. В XV веке упоминается также Андреевский монастырь близ Новгорода, впоследствии также упраздненный.

Во Пскове была лишь одна теплая каменная одноглавая церковь в Иоанновском монастыре, построенная на месте упраздненного Андреевского придела соборного храма монастыря. Ее разобрали при реставрации собора в 1948 г. В этой церкви был похоронен псковский вице-губернатор С. С. Фигнер, отец героя войны 1812 г.

Согласно преданию, апостол Андрей, просветив скифские и славянские земли, из Новгорода Великого отправился на Север, на Валаам, где разрушил языческие капища и воздвиг каменный крест и предрек великое будущее острова, наступившее с основанием и расцветом монашеской обители. О почитании апостола Андрея Первозванного упоминается в старейшем обнаруженном источнике о Валааме — «Сказании о Валаамском монастыре»²⁰. Во времена шведского разорения монастыря, располагавшегося на границе новгородских и шведских земель, иноки должны были покинуть остров. Когда в 1715 г. по воле Петра I обитель была восстановлена, усердием архимандрита Кирилло-Белозерского монастыря о. Иринарха на острове в начале 1719 г. возвели деревянную трехпридельную церковь Преображения Господня с приделами святых апостолов Иоанна Богослова и Андрея Первозванного. Особое почитание на Валааме апостола Андрея подчеркивает тот факт, что в 1873 г. для монастырского Преображенского собора в Санкт-Петербурге был отлит уникальный по весу Андреевский колокол в тысячу пудов — самый большой из 13 колоколов. В том же месте, где, согласно Валаамскому преданию, св. апостол Андрей Первозванный воздвиг каменный крест (или апостольский жезл), на берегу Большой Никоновской бухты, главной гавани Валаама, на горе издревле стояла Андреевская часовня, возобновленная в 1846 г. В 1896 г. на средства И. М. Сибирякова на этом месте устроен скит во имя св. Андрея с пещерным храмом²¹. К началу 1910-х годов число скитян воз-

¹⁹ Макарий (Миролюбов), архим. *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях*. М., 1860. Ч. 1. С. 399; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 275.

²⁰ См.: Охотина-Линд Н. А. *Сказание о Валаамском монастыре*. СПб., 1996.

²¹ В начале XX в. Валаам называли Новым Иерусалимом, подобием Святой земли на Руси. В 1906 г. главный престол верхнего храма архиепископ Финляндский (впоследствии патриарх) Сергей (Страгородский) освятил во имя Воскресения Христова. Пещерный храм во имя св. апостола Андрея Первозванного через три

росло до полусотни²². В 1931 г. здесь открыли школу-приют для сирот, а после вынужденного прекращения иноческой жизни на Валааме в скиту находилась туристическая база. Первые насельники возрождаемого Валаама прибыли на остров 30 ноября/13 декабря 1989 г. — в день памяти св. апостола Андрея.

Еще одна монастырская церковь во имя Андрея Первозванного расположена в столь же знаменитом островном монастыре — на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага. Андреевская церковь была срублена в августе 1702 г. по указу Петра I через год после того, как в Архангельске был спущен на воду корабль «Андрей Первозванный» — первенец русского военно-морского флота²³. Во времена Соловецкого лагеря особого назначения на Заяцком острове находился женский штрафной лагерь с особо строгим режимом. Храм уцелел, сегодня в нем совершаются богослужения, хотя и не регулярно.

Церковь во имя апостола Андрея Первозванного и святителя Николая (оба святых — покровители моряков) была построена также на берегу Печенгского залива напротив причала обители прп. Трифона Печенгского в 1912 г., в бывшем селении Баркино. В 1920-е годы храм был разграблен и отдан в распоряжение пожарной части. В планах Соловецкого монастыря — работа по обновлению храма²⁴.

В Вологде, у дворцового села Фрязиново, где селились обычно иноземцы, к 1618 г. уже существовала деревянная церковь. Около 1670 (или 1687 г.) ее заменил каменный храм с одной из красивейших в городе колоколен. Главный престол освящен во имя Преображения, но церковь чаще именуется по нижнему приделу Андреевской. Она отличалась уникальным собранием икон, начиная с XV века. Там, в частности, помещался чеканный с финифтью образ св. Андрея в рост, со свитками в руке, пожертвованный в 1703 г. из Москвы С. Г. Емельянцевым²⁵. С 1990-х годов храм действует и восстанавливается.

В Архангельской области, в с. Ведягино (Ведигино) близ Кенозера, сохранилась церковь св. Андрея Первозванного XIX века.

В Калининграде, где храмовое строительство началось только в 1990-х годах, в 2005–2007 гг. была устроена Андреевская церковь — каменный одногла-

месяца был освящен игуменом Пафнутием. Он по желанию игумена Маврикия был устроен как близкое подобие пещеры храма Гроба Господня в Иерусалиме — кувуклии. Мимо расположенного справа небольшого иконостаса белого итальянского мрамора и слева «камня помазания», обозначавшего камень, на котором свв. Иосиф и Никодим помазывали Пречистое Тело Спасителя (уничтожен в 1940–1941 гг.), проход ведет в «Притвор Ангела», а затем в пещеру, где находилось мраморное подобие Гроба Господня.

²² Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1903. Изд. 3-е; Воскресенский скит на Валааме и в нем кувуклия с подобием Гроба Господня. Пг., 1915. Изд. 3-е.; Valamo ja sen sanomo. Helsingfors, 1982.

²³ Скопин В. В. На Соловецких островах. М., 1990. С. 149–159.

²⁴ Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2007.

²⁵ Лукомский Г. К. Вологда в ее старине. СПб., 1914. С. 113–117 (репр. изд.: Вологда, б.г.); Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М., 1966. С. 100–101.

вый храм в стиле псковско-новгородского зодчества, в основание положена капсула с землей из греческого города Патры, где был распят апостол Андрей.

Санкт-Петербург и пригороды

Св. апостол Андрей считается одним из покровителей северной столицы. 16 мая 1703 г., в день Пресвятой Троицы, была совершена закладка Санкт-Петербургской крепости, в основание которой вложен золотой ковчег с мощами апостола Андрея. В ризнице устроенного Петром I деревянного Троицкого собора близ крепости хранилась икона с мощами св. Андрея. Две собственноручно выточенные из слоновой кости Петром I иконы св. апостола хранились в Петропавловском соборе: в алтаре (1716 г.) и на левом клиросе. В основание Троицкого собора Александро-Невского монастыря (в последствие лавры), также был вложен серебряный ковчежец с частицей мощей Андрея (1776 г.).

Ориентация русского общества на Запад в петровское царствование вызвала потребность в общехристианском символе — святом, который связывал бы Россию и западный мир и столь же был известен, как основатель западной церкви — св. апостол Петр. В связи с этим уже в последние годы XVII века усилилось почитание апостола Андрея как брата св. Петра. В XVIII веке распространилось предание, согласно которому Первозванный апостол дошел не только до Днепра, места будущего Киева, но и до «страны Санкт-Петербургской», где водрузил жезл — «предвозвещение царствующему граду Санкт-Петербургу». Символом почитания св. Андрея стали учреждение в его честь первого русского ордена, введение Андреевского флага, строительство в 1717–1718 гг. деревянного Андреевского собора в Кронштадте. По планам, утвержденным в те же годы, Петр предполагал построить и в Санкт-Петербурге, на центральной городской площади против здания Двенадцати коллегий, грандиозный кафедральный собор новой России, по своему значению сопоставимый с собором св. Петра в Риме. В 1723 г. царь даже объявил конкурс архитектурных проектов собора, в котором приняли участие ведущие зодчие: Н. Тессин-младший, Н. Микетти, Н. Гербель, К. Киавери, Д. Трезини, Т. Швертфегер. Однако Петр, вследствие особенно высоких требований, проекты отклонил. После его кончины городской центр переместился на Адмиралтейскую сторону, и замысел устройства собора не был реализован.

Андреевский собор в итоге был построен на Васильевском острове. Он был освящен в 1732 г. архиепископом Феофаном (Прокоповичем) как кавалерский, то есть как приходской для кавалеров ордена св. апостола Андрея Первозванного. Храм был деревянный и в июле 1761 г. сгорел от удара молнии. В 1764 г. заложили новый собор по проекту А. Ф. Виста. 6 августа 1766 г. купола храма рухнули, и зодчий был посажен под арест. Строительство продолжалось по проекту А. А. Иванова и в 1768 г. завершилось, однако окончательная отделка затянулась до 1780–1781 гг. Строительство колокольни завершено в 1786 г. Храм представляет собой образец столичного барокко, некоторую упрощенную

реплику Смольного собора. Необычно сочетание традиционной трехчастной схемы по типу «корабля» с формой основного объема в виде неправильного квадрифолия, увенчанного массивным пятиглавием с глухими боковыми барабанами. Тяжеловесная невысокая колокольня отличается сочетанием «вогнутых» фасадов и выступающих угловых граней. Императором Павлом 5 апреля 1797 г. Андреевский собор был наименован «кавалерским 1 класса», в связи с чем над входом был помещен знак ордена св. Андрея Первозванного. Крыша собора окрашивалась в зеленый цвет — цвет орденой мантии. До 1813 г. в соборе находилось особое царское место. В 1834 г. из холодного (не отапливаемого) собор был переоборудован в теплый. В 1848–1850 годы к собору по проекту архитектора Н. П. Гребенки были пристроены боковые приделы: во имя Успения прсв. Богородицы и свт. Николая Чудотворца. Собор сохранил своим резным деревянным барочным иконостасом, который сохранился до настоящего времени. 16 марта 1869 г. при Андреевском соборе было основано благотворительное общество. В 1871 г. при нем организовали приют для девочек-сирот, а несколько позже — лазарет для неизлечимо больных женщин.

В 1922 г. в Андреевском соборе, как и в других соборах и церквях города, было произведено изъятие церковных ценностей. В 1938 г. собор закрыли. Здание в течение ряда лет использовали как складское помещение. В 1972–1980-х годах в храме были размещены фонды Музея антропологии и этнографии. 13 декабря 1990 г., в день апостола Андрея, в соборе была совершена первая после 52-летнего перерыва божественная литургия. В 1991 г. общине Андреевского собора возвратили и передали в бессрочное пользование церковь Трех Святителей²⁶, в которой справа от царских врат находится образ св. Андрея Первозванного на фоне креста в зеленовато-коричневом гиматии (икона начала XIX века, реставрирована в 1971 г.). Со времени открытия главная святыня храма — аналойная икона св. Андрея с частицей мощей. Еще один житийный образ с клеймами, также с вложенной частицей мощей находится в южном приделе²⁷. 13 декабря 2004 г. прошли юбилейные торжества в честь 275-летия основания прихода Андреевского собора. 6 июля 2007 г. в сквере у храма торжественно открыт памятник первому кавалеру ордена святого апостола Андрея Первозванного — графу Федору Алексеевичу Головину.

²⁶ Камчатов А. *Собор во имя св. апостола Андрея Первозванного, что на Васильевском острове, с Трехсвятительской при нем церковью. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии*. Вып. третий. Ч. 2. СПб., 1873. С. 413–431; *Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси*. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 51–58; Корольков М. Я. *Андреевский собор в Санкт-Петербурге*. СПб., 1905; Антонов В. В., Кобак А. В. *Святыни С.-Петербурга*. СПб., 2003. С. 42–43, 112–113; Попов И. В. *Собор святого апостола Андрея Первозванного. Санкт-Петербургские епархиальные ведомости*. 1991. № 9. С. 84–87; Антонов В. В. *Александр Вист — забытый задчий Петербурга*, в: *Невский архив*. Вып. 2. М.: СПб., 1995; Агеева О. Г. *«Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град Святого Петра*. СПб., 1999. С. 286–287; Кириков Б. М. *100 памятников архитектуры Санкт-Петербурга*. СПб., 2000. С. 90–91.

²⁷ Не исключено, что эта икона, датируемая 1728 г., происходит из первого храма Петербурга, деревянного собора Пресв. Троицы на Троицкой площади.

Св. апостолу Андрею были посвящены два домовых, впоследствии упраздненных, храма: в доме А. И. Головина (Миллионная ул., 25) и в доме гр. М.А. Румянцевой (Марсово поле, 3).

В Петербурге с XIX века существует подворье Афонского Свято-Андреевского скита с собором во имя Благовещения Пресв. Богородицы и иконы Божьей Матери «В скорбях и печалях Утешение» (построена в 1888–1890 гг. по проекту архитектора Н. Н. Никонова в стиле XVII века) В соборе пять престолов: один из них — во имя апостола Андрея. В 1933 г. подворье было закрыто, а в здании разместился архив научно-технической документации. Как подворье Афонского Пантелеимоновского монастыря ныне действует Свято-Андреевская часовня, устроенная в бывшей подворской сторожке.

Во многих храмах Санкт-Петербурга были кресты, ковчегцы, иконы с мощами Первозванного апостола, но в советское время большая часть святынь утеряна. Однако сохранились некоторые иконы с изображением св. Андрея и статуи. В частности, при главном фасаде Казанского собора (1811 г.) в числе бронзовых изваяний находится статуя св. Андрея Первозванного работы В. И. Демут-Малиновского.

Возобновляется ныне и традиция скульптурных изображений святых. Так, на конкурсе к 300-летию Российского флота, проведенном в Санкт-Петербурге в 1996 г., первое место занял монумент с изображением св. Андрея. Вероятно, памятник апостолу появится в створе Морского канала после окончания строительства дамбы. На Средней Рогатке, на Пулковском шоссе, в составе храмового комплекса, предполагается установить памятник св. апостолу Андрею (проект скульпторов В. Оленева и А. Чаркина). В декабре 2006 г. при въезде в Санкт-Петербург со стороны Москвы был установлен и освящен закладной камень будущего памятника первому апостолу Господню.

Почти одновременно с Санкт-Петербургом, через год, была заложена крепость Кроншлот — будущий Кронштадт, «Коронный город», одна из главных морских крепостей России. Первые церкви здесь были построены по личному распоряжению Петра I. Одна из первых — церковь во имя св. апостола Андрея, деревянный храм, построенный «суммою князя Меншикова» в 1717 г., освященный 13 июля 1718 г. в присутствии Петра I. В 1721 г. храм приобрел статус соборного.

13 июля 1722 г. Петр издал указ о построении в Кронштадте Богоявленской церкви для матросов и адмиралтейских служащих. Богоявленский Морской собор хранил реликвии, связанные с историей флота и с апостолом Андреем. Так, в соборе находился небольшой золоченый эмалированный крест св. Андрея Первозванного на белом круглом медальоне и при нем — голубая орденская Андреевская лента. Крест и лента принадлежали Петру Великому. Образ апостола Андрея «с деяниями» в серебряном позолоченном окладе, переданный в Богоявленский собор контр-адмиралом Я.С. Баршем в 1742 г. в память о взятии Очакова в 1737 г. Необычны были и иконы иконостаса, написанные в петровское время Д. Соловьевым, одна из них представляла образ св. Андрея стоящим у двух наклоненных деревьев, образующих Андреевский крест. На заднем плане были изображены рыбаки в лодке и приближающийся к ним Спаситель.

В 1742 г. Андреевский храм пришел в ветхость, его было решено разобрать и построить на новом месте в связи со строительством канала. Церковь перенесли во временное помещение, в 1752 г. в нем было торжественное служение по поводу открытия канала имени Петра Великого. Только в 1804 г. было принято решение о строительстве нового Андреевского собора. Первоначальный проект составил арх. Ч. Камерон, окончательный, утвержденный — знаменитый русский зодчий А. Д. Захаров. Существует предание, что по замыслу архитекторов собор должен был своим внешним видом напоминать корабль с колокольней в виде мачты. Многоярусная колокольня, завершенная шпилем, напоминала главную башню Адмиралтейства, громадный купол на широком барабане был увенчан фигурой Ангела с крестом. Освящение 26 августа 1817 г. совершил епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии, свт. Филарет (Дроздов), впоследствии Московский митрополит. В дальнейшем собор неоднократно перестраивался.

В церкви хранились многочисленные реликвии, в том числе медальонное изображение св. апостола Андрея Первозванного, вырезанное из слоновой кости императором Петром и повешенное на принадлежавшую ему Андреевскую ленту, образа, присланные в Крымскую войну в благословение адмиралу П. И. Рикорду, командовавшему русской эскадрой на Балтийском море. Здесь хранился крест с частицей мощей св. Андрея Первозванного, к сожалению, похищенный в 1813 г. Во второй половине XIX века Андреевский собор стал одним из самых известных храмов России благодаря служению в нем протоирея Иоанна Сергиева — св. прав. Иоанна Кронштадтского.

Собор был закрыт 4 апреля 1931 г. вместе с другими храмами города — Богоявленским и Владимирским, и на следующий год снесен, хотя числился памятником архитектуры первой категории²⁸. На месте собора был разбит сквер, где в 1955 г. установили памятник Ленину. В 2001 г. этот памятник убрали, а в 2002 г. на месте Андреевского собора установлен памятный гранитный знак с надписью: «На этом месте стоял собор Андрея Первозванного, в котором 53 года служил великий молитвенник Земли Русской, святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Собор был освящен в 1817 г., разрушен в 1932 г. Пусть камень сей вопиет к сердцам нашим о восстановлении поруганной святыни». Существуют проекты восстановления этого храма.

Единственная Андреевская церковь в пределах Санкт-Петербургской епархии за пределами столицы и Кронштадта находилась в местности Палкела (Палкеала), ныне Замостье. Деревянный храм построили в 1864–1865 гг. архитекторы Г. И. Карпов и Н. И. Ржанов. Храм разрушен во время советско-финской войны.

В память о предполагаемом прохождении апостола Андрея по землям западного Приладожья в живописном месте на островке посреди протоки озера Вуокса, близ дер. Васильево, осенью 2000 г. построена и освящена шатровая деревянная церковь св. Андрея Первозванного. Св. Андрею посвя-

²⁸ Ему — единственному из разрушенных храмов города и пригородов — была посвящена статья в фундаментальном описании «Памятники архитектуры пригородов Ленинграда» (Л., 1975).

щены и восстановленная часовня в дер. Келло Лужского района. Св. Андрею были посвящены также лютеранские храмы в Антреа и Токсово.

Рядом со скитом Александро-Невской лавры, который возводится во Всеволожском районе, близ деревни Коркино, на старинном сухопутном пути из Скандинавии в Византийскую империю («из варяг в греки») стоит огромный древний валун, который предание связывает с именем апостола Андрея. 18 сентября 2006 г. рядом с камнем был установлен Поклонный крест (архитектор и скульптор Э. П. Соловьева).

В Петергофе при Военной школе для малолетних императора Александра II была домовая церковь во имя свв. Зосимы и Савватия Соловецких (1914–1916 гг., арх. Л. А. Ильин). В 1918 г. храм закрыли, и в здании разместился Военно-морской институт радиоэлектроники. Но в начале 2000 г. в городе был освящен храм во имя апостола Андрея.

Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток

По всей России немало храмов, связанных с апостолом Андреем. Назовем лишь некоторые из них.

В Богоявленском соборе Казани св. апостолу Андрею посвящен зимний храм во втором ярусе самой высокой в городе колокольни (1902 г.). Еще один поволжский город — Маркс — обрел Андреевский храм недавно, это была первая православная церковь в городе, освященная в 2001 г.

В 1999 г. в новом микрорайоне Зеленодольска (Татарстан) также открылся первый в истории этого города православный храм: он освящен в честь св. Иоанна Кронштадтского, а рядом заложена церковь, которая будет посвящена св. Андрею.

В Благовещенском монастыре Нижнего Новгорода сохранились кирпичные сводчатые Святые врата с одноглавой надвратной церковью св. апостола Андрея (1836 г.).

В Арзамасе сохранилась старая церковь св. Андрея Первозванного (1793 г.). А в Астрахани силами местной администрации и фонда апостола Андрея Первозванного ведется подготовка к строительству новой церкви, которая будет посвящена св. Андрею.

В Удмуртии, в с. Большая Пудга, в 2007 г. построена деревянная Андреевская церковь вместо утраченной в советское время. В Уфимской епархии действуют два новопостроенных Свято-Андреевских храма: в Уфе и в Туймазы (1993 — 1993 гг.).

В Пермском крае (с. Суда) сохранилась кирпичная двухэтажная Андреевская церковь, построенная в 1778 или в 1764 г. и перестроенная в 1904 г., но, к сожалению, здание используется как дом культуры.

Миссионерская апостольская традиция, по сути дела, создала еще один город Святого Креста — Ставрополь на Волге, основанный в 1738 г. для поселения новокрещенных калмыков. У истоков создания первых храмов города стояли два человека, носивших имя св. апостола: протоиерей Андрей Чубовский,

ставший первым настоятелем Троицкого собора (построен в 1739–1743 гг.) и комендант крепости Андрей Змеев, инициатор строительства нового храма, возведенного и освященного в 1750 г. При Троицком храме был отапливаемый (зимний) Андреевский придел.

Основание еще одного города в те же годы и также на востоке Российской империи связано с именем апостола Андрея. 15 августа 1735 г. при впадении р. Орь в р. Урал известным ученым-географом И. К. Кирилловым основана крепость, а потом и город Оренбург (Орск). Спустя 4 года вышел указ о том, что город Оренбург необходимо строить на другом месте, а «прежний Оренбург именовать Орская крепость». Тогда же была построена деревянная церковь св. Андрея Первозванного, которую из-за половодья дважды переносили ближе к основанию Преображенской горы. В 1749 г., после сильного разлива Урала церковь перенесли на вершину горы²⁹. До нашего времени она не дошла. Но в 2008 г. в Оренбургской области была сооружена церковь во имя св. Андрея Первозванного в поселке Караванный.

В Екатеринбургской епархии до 1917 г. не было Андреевских храмов, но в 1990-е годы возведены уже три: в рабочих поселках Лобва (Новолялинский р-н) и Шала, с. Таборы (Сысерский р-н)³⁰. А в древней столице Сибири — Тобольске — Андреевская церковь была построена еще в XVIII веке (1744–1755 гг.)³¹.

Имя св. Андрея не носили русские императоры, и большинство русских церквей в честь небесных покровителей представителей Царствующего Дома были посвящены св. Александру Невскому или св. Николаю Чудотворцу. Однако известен, во всяком случае один, ктиторский храм в честь рождения великого князя Андрея (1897–1981), сына великого князя Александра Михайловича и правнука императора Николая I³². Этот храм во имя св. Андрея Первозванного был построен в районе Сибирской железной дороги. В 1885 г. император Александр III на докладе Синода, свидетельствовавшем о недостатке церквей в Сибири, просил обратить на это «внимание жертвователей». В 1894 г. начался сбор пожертвований на церковное и школьное строительство: первую лепту внес св. Иоанн Кронштадтский. Число пожертвований в фонд в 1897 г. позволило в январе — феврале одновременно приступить к постройке 20 новых храмов, в числе которых была и Андреевская церковь³³.

9 сентября 1894 г. в Чите открыта Духовная консистория и при ней архиепископальная Андреевская церковь. Храм снесли в 1970-е годы при строительстве здания обкома компартии.

²⁹ См.: Орск. М., 1995.

³⁰ Лавринов Валерий, прот. Екатеринбургская епархия. Екатеринбург, 2001. С. 285, 306, 316.

³¹ Масиель Санчес А. К. Каменные храмы Сибири XVIII века: эволюция форм и региональные особенности. Автореферат дис. ... канд. искусствоведения. М., 2004.

³² О вел. кн. Андрее Александровиче см.: Пчелов Е. В. Романовы. История династии. М., 2002. С. 431–432.

³³ Сибирские церкви и школы. К десятилетию фонда имени Императора Александра III. СПб., 1904. С. 3–10.

Наконец, на Дальнем Востоке св. апостолу Андрею были посвящены две военные церкви: 4-го Сибирского стрелкового полка (г. Н.-Уссурийский) и 6-го Сибирского стрелкового полка (пос. Раздольное Приморской области)³⁴.

В г. Канске Красноярского края совсем недавно открыт второй в России морской кадетский корпус, с самого основания получивший имя св. апостола Андрея Первозванного.

В Кемеровской области день св. Андрея Первозванного — престольный праздник церкви в городе Мыски (приход открыт в 1995 г.) и часовни, сооруженной в 2003 г. по предложению губернатора области А. Г. Тулеева в пос. Мундыбаш Таштагольского района в память о его погибшем в автокатастрофе сыне Андрее, в Алтайском крае (Тальменский район) — церкви в пос. Озерки.

В северной части города Лесосибирска 20 августа 2007 г. заложена одноглавая каменная Андреевская церковь в новгородском стиле. В деревне Батурино Шегарского района Томской области построена, освящена церковь св. апостола Андрея Первозванного.

Во Владивостоке храм-часовня в честь св. апостола Андрея стала частью мемориального комплекса «Боевая слава Тихоокеанского флота» на Корабельной набережной. В Южно-Сахалинске в 2000 г. состоялось торжественное открытие памятника святому апостолу Андрею Первозванному (скульптор В. Чеботарев). Все эти примеры свидетельствуют о том, что Дальний Восток, как и вся Россия, ощущает себя миссионерским краем, находящимся под покровительством св. Апостола.

Видимо, с этим связано и то, что в последнее время в РПЦ появились две мужские обители, посвященные св. Андрею. Символичны сами названия сел, где они находятся, — Первозвановка (Луганская обл., Украина) и Андреевка (Оренбургская обл., Россия).

Рост почитания апостола Андрея с 1990-х годов проявился в восстановлении высшей российской награды — ордена св. Андрея Первозванного, и появлении новых наград в честь апостола³⁵, и, наконец, в том, что половина существующих Андреевских храмов сооружена в эти годы. Из выявленных 75 Свято-Андреевских церквей или приделов 35 появились в 1990–2000-х годах, причем в таких регионах, как Украина, Урал и Сибирь, они составляют значительное большинство. Правда, нынешнее умножение Андреевских церквей больше связано с покровительством апостола ктиторами, чем русскому флоту.

13 церквей были построены в длившееся 23 года царствование последнего императора; 2 собора и 4 церкви устроены при Александре I. Значительно больше Андреевских храмов находится в центральной полосе и на юге, чем на севере. В РПЦ ныне — два кафедральных Андреевских собора, в Ставрополе и Запорожье, и 2 монастыря, ни тех ни других до 1917 г. в России не было.

³⁴ См.: Цитович Гр., свящ. Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913.

³⁵ 19 мая 2002 г. Фондом Святого всехвального апостола Андрея Первозванного и Центром национальной славы России состоялось учреждение международной премии Андрея Первозванного в двух номинациях: «За Веру и Верность» и «Диалог цивилизаций».

Михаил Шкаровский

Апостол Андрей в исторической и церковной традиции на Северо-Западе России*

Согласно церковному преданию, первоученик Иисуса Христа апостол Андрей, проповедуя слово Божье, в середине I века по Р. Х. с берегов Черного моря поднялся по Днепру и далее по пути, ведущему из Скандинавии в Византийскую империю — «из варяг в греки», достиг северо-западных земель. Здесь, на берегу реки Волхов (в районе будущего села Грузино), апостол поставил крест и отплыл на Валаамские острова в Ладожском озере. На одном из островов, где до его прибытия находилось языческое капище, св. Андрей воздвиг на высокой скале каменный крест (позднее здесь был создан Спасо-Преображенский Валаамский монастырь). Затем апостол вернулся на южный берег Ладоги и, направляясь в Рим, проехал по сухопутной дороге вдоль правого берега Невы к Финскому заливу, откуда на корабле отплыл в Балтийское море. Далее он отправился по так называемому Янтарному пути, который начинался у берегов Балтики, от побережья севернее устья Немана до устья Вислы, шел на юг и выходил на Карнунт — римскую крепость на Дунае.

В основе преданий о посещении Русской земли апостолом Андреем лежит восходящее к первой половине III века свидетельство Оригена (†254) о Скифии как об апостольском уделе Андрея, доставшемся ему по жребию для проповеди веры Христовой. Со Скифией проповедь апостола Андрея связывает и вся последующая византийская традиция — от «Церковной истории» епископа Кесарийского Евсевия Памфила вплоть до «Месяцеслова» Василия II. Географическое местоположение Скифии со времен Геродота совершенно определенно отождествлялось с землями, находящимися к северу от северного побережья Черного моря. Эти земли именовали Скифией на протяжении многих веков, вплоть до Средневековья, когда этнические скифы давно исчезли. По мнению многих исследователей, этнонимом «скифы» ранневизантийские авторы обозначали различные народы, обитавшие на бывших скифских землях.

* Доклад на конференции в Ареццо (Италия) 1–4 февраля 2007 г., часть которого выделена в нашем сборнике в отдельную статью «Орден св. апостола Андрея Первозванного и Андреевский флаг». — Прим. ред.

Существует и другая группа источников, правда, в отличие от первой, не признанная церковью — апокрифические сказания об апостоле Андрее. Их несколько: «Деяния апостолов Андрея и Матфия в стране антропофагов», «Деяния свв. апостолов Петра и Андрея в стране варваров», «Деяния и мучения св. апостола Андрея», «Деяния Андрея, Иоанна и других апостолов». По предположению дореволюционного российского историка С. П. Петровского, самые ранние редакции сказаний об апостольской проповеди по северо-восточному побережью Черного моря возникли в конце I — сер. II века, и следовательно, они древнее аналогичных кратких церковных известий. Основатель российской византистики академик В. Г. Василевский считал, что «Деяния Апостолов» сохранили живое свидетельство о посещении апостолами, и прежде всего Андреем Первозванным, ряда городов Северного Причерноморья и Скифии.

К XI веку на Руси было создано собственное сказание о посещении св. Андреем Первозванным русских пределов — вошедшее в состав знаменитой «Повести временных лет» — «Слово о проявлении Крещения Руская земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь». Согласно этому тексту, апостол, прибывший из Синопы (Малая Азия) в Корсунь (Херсонес на Крымском полуострове), узнал о близости днепровского устья и «всхоте поити в Рим»; поднявшись вверх по Днепру, он благословил место будущего Киева и поставил там крест, а затем отправился на север, в землю словен (ильменских славян), где позднее возник Новгород. Подивившись местным обычаям, св. Андрей отбыл в Рим, а оттуда вернулся в Синопу.

Уже в XI веке почитание апостола Андрея на Руси получило значительное распространение. Так, в 1030 г. младший сын князя Ярослава Мудрого Всеволод Ярославич был крещен с именем Андрей. В 1086 г. он основал в Киеве Андреевский (Янчин) монастырь. В это же время дни памяти апостола Андрея были внесены во все виды русских календарей. Следствием пребывания апостола Андрея на северо-западных русских землях стало его особое почитание в этих местах, существовавшее еще во времена Новгородской республики.

В конце XI века князь Всеволод Ярославич построил в Новгороде первый храм во имя св. Андрея Первозванного. В 1417 г., вероятно, на месте этого храма, на Щитной улице в Плотницком конце, была возведена новая церковь апостола Андрея с приделами Зосимы и Савватия¹.

Со времен святителя Макария (в 1526–1542 гг. архиепископ Новгородский) местные предания о проповеди апостола Андрея в земле русской, дополняющие «Повесть временных лет», получили общероссийскую известность. Такие сказания содержит «Степенная книга» (1560–1563); в ней говорится, что, придя в землю словен, Апостол проповедовал Слово Божье, водрузил и оставил свой жезл в «веси, нарицаемой Грузине», где позднее была поставлена церковь во имя св. Андрея. Отсюда по реке Волхов, Ладожскому озеру

¹ В XVIII в. Андреевская церковь на Щитной улице была упразднена, но святыни из нее, в том числе храмовую икону апостола, перенесли в устроенный тогда же придел св. Андрея в Никитской церкви Новгорода.

и Неве он отправился в «варяги», затем в Рим и Царьград (Константинополь). Повествование завершается словами: «Сий бо Божественный апостол Андрей первые благословивый землю нашу Рускую и прообразивый нам святое Крещение истинного благочестия».

О жезле св. Андрея Первозванного, уставленном им в веси Грузино, подробнее говорится в житии новгородского подвижника, преп. Михаила Клопского, составленном по благословиению архиепископа Макария в 1537 г. в Новгороде боярским сыном В. М. Тучковым. В предисловии к житию сообщается, что после Крещения Руси «на том месте, идеже святой апостол жезл свой водрузил, храм во имя святого апостола Андрея поставляется и в нем безценное и честное оно сокровище, многоцелебный жезл полагается, о немже многа и неисповедимая сказуются чудеса иже и до дньх всеми видим есть».

Тогда же, скорее всего, было написано и Похвальное слово апостола Андрея Первозванного «о монастыре, рекомом Грузино», известное в списках XVII века. Согласно местным преданиям о пребывании апостола, его память особо почиталась в Деревяницком Новгородском монастыре, вотчиной которого с середины XIV века (предположительно с 1334 г.) было село Грузино.

Во второй половине XVI века было составлено «Сказание кратко о создании пречестныя обители боголепнаго Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа на Валааме и отчасти повесть о преподобных святыя отец той же обители начальник Сергия и Германа и о принесении святыя мощей их», где говорится о посещении апостолом Андреем Валаама.

Более подробно это посещение описано в опубликованном в 1993 г. анонимном тексте об основании Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, написанном в 1560 г. предположительно монахом расположенного вблизи Новгорода Ефремо-Перекомского монастыря. Автор текста в деталях описал предание, по которому апостол Андрей, стоя на берегу Ладожского озера, предсказал возвышение там двух светочей — монастырей Валаамского и Коневского (на острове Коневец).

Подкрепленное новгородскими преданиями начальное сказание о путешествии св. Андрея Первозванного по Днепру и Волхову обратилось в традицию об апостольской проповеди на значительной части русской земли. Со времен царя Иоанна IV Грозного об этом заявлялось в тех случаях, когда требовалось защитить самостоятельность России в церковных делах.

«Святой апостол Андрей есть первый архиепископ Константинопольский, патриарх вселенский и апостол Русский, и на Киевских горах стояли ноги его, и очи его Россию видели и уста благоволили», — засвидетельствовал определением своим Киевский собор 1621 г.

Первоначальная деревянная церковь апостола Андрея в селе Грузино, вероятно, была построена в середине XIV века, а после того как она сгорела, в 1520–1530-х годах на том же месте возвели каменный храм². В составленном

² О церкви в Грузино и о других Свято-Андреевских церквях см. также статью в нашем сборнике «Андреевские храмы в России и на Украине» о. Александра Берташа. — Прим. ред.

в 1692 г. деревянником игуменом Маркелом краткой истории Грузина от посещения его апостолом Андреем говорилось: «И на том месте правовернии людие поставиша церковь деревянную во имя святого апостола Андрея Первозванного ради пришествия его, и та церковь волею Божію згоре, и на том месте создаше другую церковь каменную во имя святого апостола Андрея Первозванного и пресовокупиша к ней придел во имя Пресвятыя Богородицы честного и славного ея Покрова». Покровский придел был устроен к 1583 г., но вскоре Андреевская церковь была разорена шведами и возобновлена в XVII веке при митрополите Никоне. В 1650 г. около храма была сооружена галерея, а в 1693 г. к нему пристроили северный придел Живоначальной Троицы (после того как в Грузии в 1692 г. сгорела деревянная Троицкая церковь). К XVIII веку в Андреевском храме сохранилось много святынь, в том числе Евангелия 1595, 1608, 1651 и 1658 гг., но чудотворный жезл апостола к тому времени уже бесследно исчез.

Во время смуты начала XVII века часть северо-западных земель России была захвачена Швецией, при этом большинство православных храмов и обителей оказалось уничтожено. Так, в 1611 г. шведские войска полностью уничтожили Валаамский монастырь, возможно, в это время пропал и жезл апостола из Андреевской церкви в Грузии. Возрождение и даже еще более широкое распространение почитание апостола Андрея получило с начала XVIII века, после возвращения Россией захваченных Швецией примерно на 100 лет приневских и приладожских земель.

С момента создания Санкт-Петербурга св. Андрей Первозванный стал одним из его небесных покровителей, так как в день основания северной столицы — в праздник Пресвятой Троицы 16 (27) мая 1703 г. — Петр Великий заложил в основание крепости ковчег с частицей мощей апостола Андрея. Кроме того, св. Андрей Первозванный был родным братом апостола Петра, в честь которого назван город.

В XVIII–XIX веках почитание апостола Андрея на Северо-Западе России только усиливается, здесь было построено несколько Андреевских храмов. Так, в 1717–1718 гг. в Кронштадте — первой и главной базе русского военноморского флота — по личному указанию Петра Великого был возведен деревянный Андреевский собор. Средства на строительство выделил генерал-губернатор Санкт-Петербурга и Кронштадта Александр Данилович Меншиков, избравший место для храма вблизи своего дворца. 13 июля 1718 г. состоялось торжественное освящение храма в присутствии императора. В 1721 г. по высочайшему повелению церковь была наименована собором.

В 1805–1817 гг. вместо обветшавшего деревянного здания один из лучших петербургских архитекторов Андрей Захаров возвел в Кронштадте, на Андреевской улице, каменный собор св. апостола Андрея. Церемонию закладки 20 июня 1805 г. в присутствии императора Александра I освятил Санкт-Петербургский митрополит Амвросий (Подобедов). Торжества происходили как грандиозный праздник с салютом военных кораблей, в память о закладке храма отчеканили золотую медаль. Освящение собора совершил

26 августа 1817 г. епископ Ревельский, впоследствии митрополит Московский, святитель Филарет (Дроздов).

В Андреевском соборе 53 года служил великий молитвенник земли русской, св. праведный Иоанн Кронштадтский (с декабря 1855 по декабрь 1908 г.). Одной из главных святынь храма был золотой крест с частицей мощей св. Андрея Первозванного, находившийся в киоте храмовой иконы апостола Андрея. Не менее почитаемым был резной костяной медальон-образ св. Андрея Первозванного, вырезанный самим Петром Великим и подаренный им в первый деревянный собор. В этом соборе отмечались многие важные события государственного значения.

В других храмах Кронштадта также хранились реликвии, связанные с апостолом Андреем. Так, в Морском Богоявленском соборе находился принадлежавший Петру I небольшой золоченый с эмалью крест св. Андрея Первозванного на белом круглом медальоне и при нем — голубая орденская Андреевская лента, принадлежавшая императору и подаренная в храм после его смерти. О взятии г. Очакова в 1737 г. напоминал образ св. апостола Андрея «с деяниями» в серебряном позолоченном окладе, переданный в Богоявленский собор контр-адмиралом Я. С. Баршом в 1742 г. В церкви св. князя Александра Невского при кронштадтском Доме трудолюбия почиталась икона св. апостола Андрея, по преданию, написанная для первоначального Андреевского собора. Ее военная история связана с сербо-черногорско-турецкой войной 1876 г., так как образ в тот период находился при врачебно-санитарном отряде, выезжавшем из Кронштадта на помощь сербам.

Помимо кронштадтского Петр I задумал построить соборный храм апостола Андрея на стрелке Васильевского острова (перед зданием Двенадцати коллегий), где планировал создать центр своей новой столицы Санкт-Петербурга. За год до кончины, в 1724 г., император заказал проект этого храма известному шведскому архитектору Николемусу Тессину-младшему. Зодчему было поставлено условие: храм должен напоминать римский собор св. Петра и иметь в длину 427 футов (130 метров). В 1725 г. Тессин представил проектные чертежи собора; была изготовлена его модель, но осуществить замысел не удалось из-за скоропостижной кончины императора.

В январе 1727 г. императрица Екатерина I — «первейшая Великая Магистра ордена святого апостола Андрея кавалеров Российских» именным указом распорядилась отпустить 3 тыс. рублей для возведения церкви апостола Андрея на выделенном участке Васильевского острова (на углу Большого проспекта и 6-й линии). В том же году началась подготовка к строительству храма, которое частично осуществлялось на пожертвования кавалеров ордена св. апостола Андрея.

В 1729 г. архиепископ Нижегородский Питирим освятил закладку деревянного однопрестольного храма, построенного по проекту архитектора Джузеппе Трезини и освященного после окончания строительства 8 октября 1732 г. во имя апостола Андрея «для торжества и праздников кавалеров Андреевского ордена». Освящение храма совершил сподвижник Петра Великого

архиепископ Новгородский и Великолукский Феофан (Прокопович) — духовный пастырь кавалеров ордена.

Иконостас в новый храм перенесли из домовой церкви петербургского дворца А. Д. Меншикова, средства на облачения и утварь пожертвовала императрица Анна Иоанновна. 4 февраля 1744 г. Андреевскому храму по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны и решению Святейшего синода присвоен статус собора. Новый каменный собор был заложен 18 июля 1764 г. по проекту архитектора А. Ф. Виста, но 6 августа 1766 г. во время сооружения сводов купола неожиданно рухнули, за что зодчего посадили под арест. Строительство продолжалось, вероятно, по проекту выпускника Академии художеств архитектора А. А. Иванова и в 1768 г. было в основном завершено. Однако собор был полностью освящен только 23 марта 1780 г., и в 1797 г. повелением императора Павла I официально назначен орденом, кавалерским, в связи с чем над входом был установлен барельеф с изображением ордена апостола Андрея Первозванного, который несут два ангела.

В Санкт-Петербурге помимо Андреевского собора на Васильевском острове было устроено подворье Старо-Афонского Свято-Андреевского мужского скита в районе Пески. 2 июля 1879 г. Андреевский скит получил в дар от купчихи г. Павловска А. У. Джамусовой участок земли на углу 5-й Рождественской и Десятной улиц. 11 мая 1889 г. на территории подворья было начато сооружение церкви во имя Благовещения Пресв. Богородицы в память чудесного спасения императорской семьи при крушении поезда 17 октября 1888 г. на станции Борки. Строительство трехэтажного храма в московско-ярославском стиле по проекту епархиального архитектора Н. Н. Никонова было завершено в 1890 г. В церкви в тот же год освятили пять престолов, в том числе 19 января 1892 г. епископ Выборгский Антоний (Вадковский) освятил в верхнем этаже здания правый придел во имя св. Андрея Первозванного. В праздник апостола Андрея литургия в храме сопровождалась пением на афонский манер.

Вскоре после отвоевания Россией приладожских земель, в 1717 г., началось возрождение Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. В 1719 г. на Валааме была устроена первая после столетнего перерыва монастырская церковь во имя Преображения Господня с приделами свв. Андрея Первозванного и Иоанна Богослова. На месте воздвигнутого, по преданию, апостолом Андреем на вершине высокой скалы каменного креста в 1847 г. были построены часовня и кельи для братии (в XVIII в. здесь подвизался известный подвижник иеросхимонах Никон).

В 1901–1906 гг. на этом месте была построена по проекту архитектора В. И. Баранкеева кирпичная церковь Воскресенского скита, 30 июля 1906 г. нижний храм ее был освящен в честь св. Андрея и устроен по образцу Гроба Господня в Иерусалимском храме.

Старинный Андреевский храм в Грузии сохранялся до начала XIX века, в 1791 г. вблизи него даже построили каменную колокольню. В 1806 г. эту церковь разобрали, а антиминс из нее перенесли в новгородский Софийский собор.

Однако вскоре (к 1821 г.) в Грузии, ставшем имением графа Аракчеева, возвели новый каменный собор во имя апостола Андрея.

В XIX веке Андреевские храмы появились и в других местах северо-западных епархий. Так, в 1864–1865 гг. в поселке Палкела (ныне Замостье) на Карельском перешейке, близ реки Вуокса, по проекту архитекторов Г. И. Карпова и Н. И. Ржанова была построена деревянная церковь св. апостола Андрея с приделом св. равноапостольной Марии Магдалины (перестраивалась в 1896, 1926 и 1939 гг.). Это место выбрали не случайно: по одной из версий, апостол переплыл из Ладожского озера в Финский залив по реке Вуокса. Кстати, расположенный на Вуоксе нынешний город Каменогорск до 1948 г. носил финское название Антреа, то есть Андрей, — в честь апостола.

В советское время в русле общей антирелигиозной политики почитание св. апостола Андрея пытались искоренить. В январе 1931 г. был закрыт и в начале 1932 г. взорван Андреевский собор в Кронштадте. 31 марта 1933 г. ленинградские власти закрыли храм подворья афонского Андреевского скита в северной столице (его здание после перестройки занял Центральный государственный архив научно-технической документации). В начале 1920-х годов при создании бульваров на Большом проспекте Васильевского острова снесены ограда и часовня Андреевского собора. 16 мая 1938 г. был закрыт сам собор св. апостола Андрея (при этом почти все члены его причта и наиболее активные прихожане расстреляны). С куполов сняли кресты, а здание собора передали Тресту художественно-промышленного производства, который произвел частичную перепланировку помещений (к счастью, уцелел уникальный резной деревянный позолоченный иконостас XVIII в.). В 1939 г. была разрушена деревянная Андреевская церковь в Палкеле и т. д.

Спасо-Преображенский Валаамский монастырь прекратил свое существование на островах в 1940 г. В послевоенные годы возле Воскресенского скита была открыта турбаза, а в нижнем Андреевском храме устроена прачечная. Однако искоренить почитание апостола Андрея советским властям не удалось: с конца 1980-х годов это почитание не только возродилось, но и получило дальнейшее развитие.

Возобновление монашеской жизни в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре после полувекового перерыва началось именно 13 декабря 1989 г. — в день памяти св. апостола Андрея Первозванного по новому стилю. Тогда после 50-летнего запустения на святую валаамскую землю вступили первые шесть иноков: четыре иеромонаха и два послушника. Корабль с ними символично пришвартовался в Большой Никоновской бухте, у Воскресенского скита, именно там, где была воздвигнута часовня апостола Андрея. Сразу же после высадки иноки 12 раз ударили в колокол, что означало возвращение в обитель братии (уезжая в конце 1939 г. с острова, монахи так же 12 раз ударили в колокол), начались ежедневные богослужения. Теперь эта дата празднуется в монастыре как день возрождения обители.

В 1990-х годах на Валааме началось восстановление возвращенного обители Воскресенского скита с Андреевским храмом. В августе 2005 г. патриарх

Московский и всея Руси Алексий II освятил нижний храм во имя апостола Андрея, а 10 июля 2006 г. совершил чин малого освящения всей церкви в честь Воскресения Христова.

В год празднования тысячелетия Крещения Руси по благословию посетившего Андреевский собор митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, будущего патриарха, возродилась община храма, зарегистрированная в северной столице в сентябре 1988 г. В 1989 г. был отслужен первый молебен в Андреевском соборе, еще занятом коллекциями Музея антропологии и этнографии имени Миклухо-Маклая Академии наук СССР (Кунсткамеры). В 1990 г. алтарь и подкупольная часть храма были возвращены верующим, и 13 декабря того же года, в день памяти св. апостола Андрея, была совершена в соборе первая после 52-летнего перерыва божественная литургия. Полностью Андреевский собор возвратили Санкт-Петербургской епархии 10 декабря 1992 г., при этом вывоз из части здания хранившихся там коллекций Музея антропологии и этнографии завершился в 1995 г.

В 2001 г. при создании пешеходной зоны на 6-й линии Васильевского острова перед зданием собора был установлен обелиск в честь 300-летия учреждения ордена св. апостола Андрея, а 15 ноября 2001 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир освятил воссозданную на месте снесенной часовню во имя св. равноапостольного князя Владимира, крестившего Русь на берегах Днепра после того, как примерно за 950 лет до этого там побывал с апостольским благословением Андрей Первозванный. В 2001–2002 гг. был установлен над входом барельеф с изображением андреевского ордена.

13 декабря 2004 г. прошли юбилейные торжества в честь 275-летия основания прихода Андреевского собора. 6 июля 2007 г. в сквере близ храма был торжественно открыт памятник первому кавалеру ордена св. апостола Андрея Первозванного графу Федору Алексеевичу Головину. Увековечение памяти знаменитого государственного деятеля, полководца и дипломата — часть проекта Центра национальной славы «Служение Отечеству: события и имена». В настоящее время в соборе находятся две особо чтимые иконы св. апостола Андрея: одна с житием, датируемая 1728 г., из первого храма Санкт-Петербурга — деревянного собора Пресв. Троицы на Троицкой площади (снесенного в 1933 г.) и вторая — аналойная с частицей мощей апостола. Алтарный образ апостолов Андрея и Филиппа также содержит частицу мощей св. Андрея Первозванного.

В 1998 г. у главного монастыря Санкт-Петербургской епархии — Александро-Невской лавры появился свой первый Андреевский скит, расположенный близ деревни Коркино в Колтушской волости Всеволожского района, на Агафоновом лугу — месте, связанном с памятью о первоученике Иисуса Христа апостоле Андрее. Скит находится на старинном сухопутном пути из Скандинавии в Византийскую империю («из варяг в греки»). Выше уже упоминалось, что, согласно церковному преданию, апостол Андрей, проповедуя Слово Божье, двигался по этому пути к Риму.

В настоящее время планируется восстановление уничтоженного Андреевского собора в Кронштадте. 29 декабря 2000 г. из прежнего церковного сквера был перенесен памятник Ленину, и на его месте в 2002 г. Андреевским союзом и другими общественными организациями установлен камень в память о том, что здесь стоял собор апостола Андрея Первозванного. В качестве первого шага к воссозданию храма разработан проект восстановления Тихвинской часовни, построенной в 1890 г. в церковной ограде как копия Андреевского собора и снесенной в 1932 г.

Строятся новые Андреевские церкви. Так, в 1999–2000 гг. по проекту архитектора А. Н. Ротина вблизи поселка Васильево Приозерского района Ленинградской области возведен храм во имя апостола Андрея. Эта деревянная церковь в старинном русском стиле была построена по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна на маленьком островке посередине старого русла реки Вуокса (в 30–40 метрах от берега), где, по одной из версий, проплыл апостол.

В 2003 г. на праздник 300-летия Санкт-Петербурга в северную столицу была привезена со Святой горы Афон хранящаяся в русском Пантелеимоновском монастыре часть мощей св. апостола Андрея³. Через несколько лет, 3 марта 2007 г., в Санкт-Петербург привезли из Одессы другую часть мощей апостола Андрея, хранящихся в специально сделанном в форме стопы, украшенном эмалью и драгоценными камнями ковчеге.

В декабре 2006 г. на Пулковском шоссе, при въезде в Санкт-Петербург со стороны Москвы, был установлен и освящен закладной камень будущего памятника первому апостолу Господню. Еще один памятник апостолу планируется установить в Кронштадте: монумент появится в створе Морского канала после окончания строительства дамбы. Образ небесного покровителя Санкт-Петербурга и России возникнет как на южных, так и на северных границах города.

Почитание св. апостола Андрея Первозванного на Северо-Западе России распространяется всё шире.

³ Об афонских реликвиях апостола Андрея см. статью М. Г. Талалая в нашем сборнике. — *Прим. ред.*

Послесловие

Одно из самых впечатляющих изображений апостола Андрея мне довелось увидеть в Стамбуле, бывшем «Втором Риме», в скромной домовой церкви подворья афонского Андреевского скита. Церквушка эта служила главным храмом для послереволюционного «белого» исхода в Турцию, и художник-эмигрант изобразил Первозванного на фоне сочно-зеленых рощ, с крестом, сложенным из стволов столь родной — и редкой в Турции — березы. Рядом с Первозванным стоял Владимир Креститель в виде былинного богатыря Киевской Руси, следом шли другие древнерусские святые...

В то время как историки ломают копыя на предмет, был или не был св. Андрей на днепровских холмах или — что еще проблематичнее — в Новгороде или на Балааме, в народном сознании его проповедь в «прото-Киеве» давно уже стала частью национального «священного предания». Эту убежденность и выразил проникновенно художник на стенах той далекой стамбульской церквушки.

К Андрею, как к «первокрестителю», как к одному из небесных покровителей Руси, веками обращались в своих молитвах крестьяне, воины, купцы, ремесленники, но и — государственные мужи, чувствительные к «знаковым» небожителям: ведь Андрей — покровитель Второго Рима, а раз тот пал, то его омофор смещается на север, в новое православное царство, а затем и в его новую столицу — в Петербург. Так на высшей государственной награде империи (а позднее и Российской Федерации) появляется крест, с пояснительной надписью на латыни: Святой Андрей, покровитель России (помню, как удивленно прокомментировали это мое сообщение греческие монахи, нынешние насельники Андреевского, бывшего русского, афонского скита: «А мы думали, что небесный покровитель России — это святой Николай Чудотворец»).

...Христианская ойкумена давно сходится на том, что мощи апостола почитают в итальянском городке Амальфи: существует подробное описание их переноса из Константинополя в 1208 г., а Константинополь — надежный гарант достоверности святынь. Но, несмотря на это, святыня эта до поры до времени была как бы прикровенной — в особенности от православного мира, у которого еще не зарубцевались раны от четвертого крестового похода. Побывавший тут в середине XIX века духовный писатель Андрей Муравьев призвал соотечественников к этому святому месту: «Странно, однако, что мы, русские, для которых особенно должна быть священна память сего велико-

го Апостола, водрузившего первый крест на горах Киевских и предрекшего грядущую славу нашей родины, мы, русские, не знаем о нахождении святых мощей в Амальфи». Прошло, впрочем, полтора столетия с той поры, как его призыв был услышан. Возродившееся на рубеже XX–XXI столетий православное паломничество открыло — с большой радостью, усиленной божественной красотой Амальфитанского края, — раку Первозванного.

В Амальфи нашлись люди, которые с большой готовностью откликнулись на паломническое движение из славянских земель: в первую очередь, следует назвать имя священника Антонио Порпора, поклонника восточного богослужебного пения и частого посетителя православных общин в Италии и конференций по православной духовности в монастыре Бозе. Именно в наших беседах с ним и вызрела идея научно-церковной конференции в Амальфи в 2002 году, как оказалось, не единичной, а лишь первой в ряду последующих. Ее успеху, как и вообще знакомству православного мира с великой итальянской (вселенской!) святыней, способствовало одновременное появление в столице Кампании, Неаполе, новой общины Московского патриархата, посвященной св. Андрею, и командирование в качестве ее настоятеля о. Андрея Бойцова. Через его посредничество о первой амальфитанской конференции узнало священноначалие Русской церкви: будущий патриарх, Кирилл, прислал свое приветствие в Амальфи.

Вокруг святого имени Андрея стали объединяться разные люди и учреждения, и от амальфитанской курии «эстафету» подхватил местный Центр по истории и культуре: первым следует назвать его председателя Джузеппе Кобальто. Так прошли еще две конференции в Амальфи, в последней из которых, в 2007 году, в качестве организатора на первый план вышел Библейско-богословский институт св. апостола Андрея. Имея такое высокое имя, московский институт — в первую очередь, в лице его ректора А. Э. Бодрова — не мог оставаться равнодушным к новому научно-церковному движению по изучению свято-андреевского предания и наследия. Институт выступил в качестве главного устроителя и следующих конференций в тосканском городе Ареццо (февраль 2007 г.), пьемонтском монастыре Бозе (октябрь 2007 г.) и в баварской духовной столице Фрайзинге (июнь 2008 г.).

В 2009 году в Амальфи, в издательстве Центра по истории и культуре, вышел увесистый том «От Тивериадского озера до Амальфитанского моря. Апостольское путешествие Андрея Первозванного: свидетельства, хроники и экуменические перспективы к 800-летию перенесения мощей (1208–2008)». В него вошли статьи 34 авторов из разных стран.

Основу новой книги «Андрей Первозванный — апостол для Запада и Востока», подготовленной Библейско-богословским институтом св. апостола Андрея, составляют доклады международных конференций в Ареццо, Амальфи, Бозе и большой заключительной во Фрайзинге «Апостол Андрей и христианская экумена: богословское, культурное и историческое значение почитания апостола Андрея в современном мире». Были также включены и другие интересные материалы.

В первую часть книги вошли тексты, связанные с межконфессиональным диалогом под «омофором» св. Андрея, во второй — библейские и исторические исследования, в том числе по культу апостола в разных странах, а третья исключительно отведена его почитанию на Святой Руси (и в ее «правопреемниках»). Фундаментальную работу по сбору материала и его редактированию проделала сотрудница ББИ и исследовательница Ирина Константиновна Языкова, она же автор ключевого подхода к новому образу святых братьев-апостолов Петра и Андрея.

В итоге перед заинтересованным читателем — некая «энциклопедия», новый свод наших знаний о Первозванном — званном Христом не только первым в число Апостолов, но и первым — в будущие славянские земли. Но это не только знания, это и чаяния.

*Михаил Талалай,
Неаполь, июнь 2010 г.*

Sant'Andrea: un apostolo per L'Oriente e L'Occidente

a cura di Michail G. Talalay e Irina K. Yazykova

Nel 2008 il mondo cristiano ha celebrato gli Ottocento anni della Traslazione delle reliquie dell'Apostolo da Bisanzio in Italia. La permanenza delle reliquie ad Amalfi, nella meravigliosa cripta della sua Cattedrale, ha consentito la loro provvidenziale custodia, al riparo dalle possibili offese che avrebbero potuto subire nella Costantinopoli ormai caduta. Le reliquie del grande evangelizzatore, divenuto protettore celeste di molti popoli, da qualche tempo costituiscono un punto di riferimento del nuovo dialogo interconfessionale: negli ultimi anni ad Amalfi, ma anche in altre città, si sono svolti incontri ecumenici e culturali dove studiosi di tutti i Paesi ed autorevoli esponenti di differenti confessioni religiose hanno 'condiviso' le proprie conoscenze sull'Apostolo. Sempre nel 2008 uscì la pubblicazione del Centro di Cultura e Storia Amalfitana *Dal lago di Tiberiade al mare di Amalfi. Il viaggio apostolico di Andrea, il Primo Chiamato: testimonianze, cronache e prospettive di ecumenismo nell'VIII Centenario della Traslazione delle Reliquie del Corpo (1208-2008)*. Il nuovo libro russo, curato da uno dei principali organizzatori delle conferenze 'andreine', l'Istituto teologico-biblico di S. Andrea, dedicato all'ottavo centenario della traslazione delle reliquie dell'Apostolo ad Amalfi, non soltanto include una serie di articoli della raccolta italiana nella loro lingua originale, ma propone anche nuovi autori e nuovi soggetti. È stata creata una nuova struttura, che si divide ora in tre grandi sezioni. La prima di esse riguarda il *Viaggio spirituale dell'apostolo Andrea come simbolo dell'unità ecclesiale*, e presenta le prospettive ecumeniche sulle orme evangeliche dell'Apostolo (don Stefano Caprio, fra Adalberto Mainardi, padre Vladimir Zelinskij, V. Malachov), ispirata dalla simbolica icona dell'abbraccio tra Pietro e Paolo (I. Yazykova, E. C. Suttner, J. Oeldemann), ed anche dal ricostruito 'itinerario paneuropeo' del Primo Chiamato (A. Robinson). La seconda sezione si occupa della *Persona dell'apostolo Andrea nella storia ecclesiastica e nella tradizione dei vari paesi*, e include le ricostruzioni neotestamentarie (don Andrea Milano e don Luigi Saccone), il significato dell'itinerario seguito nel trasferimento delle sue reliquie (E. C. Suttner), della diffusione del suo culto nell'Italia meridionale (don Stefano Caprio), ad Amalfi (M. Talalay), in Scozia (V. Kosjakova), in Georgia (I. Bagration-Muchranelli), in Ucraina (O. Dobroer). Infine, la terza sezione è completamente dedicata ai vari aspetti della devozione del Primo Chiamato in Russia (sacerdoti Kirill Kopejkin e Aleksandr Bertaš, M. Škarovskij, A. Motorin, M. Talalay, I. Šalina). Il libro contribuisce così a far meglio conoscere l'immagine del Primo Chiamato e le prospettive ecumeniche legate al suo ruolo 'storico' di testimonianza e di intermediazione religiosa e culturale.

Об авторах

Багратион-Мухранели Ирина — кандидат филологических наук, автор книг и статей по русской и грузинской культуре, преподает в МГУ, ББИ, СПбГУ и других учебных заведениях.

Берташ Александр — священник, клирик при подворье Черемнецкого монастыря (Спб.), зам. председателя епархиальной архитектурно-художественной комиссии, ведущий научный сотрудник Гос. музея истории СПб., научный сотрудник СПбГУ, преподаватель СпбДС.

Доброер Александр — директор Европейского института социальных коммуникаций (Одесса), преподаватель, публицист, автор книг и статей по социологии, философии, экуменическому диалогу.

Зелинский Владимир — священник, филолог, богослов, переводчик, писатель, эссеист, автор многих книг о православии и религиозно-философских статей. Преподает в Университете г. Брешиа (Италия).

Каприо Стефано (Stefano Caprio) — священник, доктор богословия, специалист в области межконфессиональных отношений. Преподает в Фоджийском институте религиозных наук имени Иоанна Павла II.

Копейкин Кирилл — протоиерей, кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, доцент, секретарь ученого совета Санкт-Петербургской духовной академии, настоятель церкви Святых апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургском университете.

Косякова Валерия — соискатель ученой степени кандидата наук в центре «Русская антропологическая школа» при РГГУ.

Майнард Адальберто (Adalberto Mainardi) — доктор философии, член монашеской общины в Бозе (Италия).

Малахов Виктор — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины.

Милано Андреа (Andrea Milano) — священник, доктор богословия, профессор истории христианства, Университет г. Неаполя «Федерико II».

Моторин Александр — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой нравственного и эстетического воспитания Новгородского государственного университета.

Робинсон Андрей (1917–1993) — доктор филологических наук, был сотрудником Института мировой литературы РАН, специалист по древнерусской литературе и культуре, автор многих книг и статей.

Сакконе Луиджи (Luigi Saccone, 1938–2009) — священник, ректор духовной семинарии г. Поццуоли, викарий по культуре Путеоланского диоцеза.

Суттнер Эрнст (Ernst C. Suttner) — доктор богословия, профессор патрологии и богословия Венского университета, специалист в области истории и богословия Восточной церкви, член Международной смешанной богословской комиссии.

Талалай Михаил — кандидат исторических наук, представитель Института всеобщей истории РАН в Италии, секретарь приходского совета общины св. апостола Андрея Первозванного г. Неаполя (РПЦ МП).

Шалина Ирина — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела древнерусской живописи Русского музея.

Шкаровский Михаил — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного архива Санкт-Петербурга, автор ряда книг и статей по истории Русской православной церкви.

Эльдеманн Йоханес (Johannes Oeldemann) — доктор богословия, директор Института экуменизма Йохана Адама Мёлера в Падерборне (Johann-Adam-Möhler-Institute for Ecumenics in Paderborn).

Языкова Ирина — кандидат культурологии, искусствовед, зав. кафедрой христианской культуры в ББИ, автор книг и статей по богословию иконы, древнерусской и современной иконописи, русской культуре.

Епископ Пьер Дюпре

«То, что более всего волновало его, то, чему он посвящал всю свою энергию и все свои устремления, можно кратко выразить в двух словах: миссия и единство».

Кардинал Вальтер Каспер

Епископ Пьер Дюпре родился 26 ноября 1922 г. в Круа на севере Франции и был десятым ребенком в семье, где всего было одиннадцать детей. В сентябре 1940 г. он тайно приезжает в Тунис для обучения в семинарии Миссионеров Африки («Белых отцов») в Тибаре, и в 1950 его рукополагают в Карфагене. С 1950 по 1953 г. он пишет диссертацию при Папском восточном институте в Риме, в 1953-1954 гг. учится на богословском факультете Афинского университета, а также начинает работать в редакционном совете журнала «Proche-Orient Chrétien», издаваемого в Иерусалиме. С 1954 по 1956 г. он изучает арабский язык и литературу в Университете *Saint-Joseph* в Бейруте, а также принимает участие в создании и редактировании «Bulletin d'orientation oecuménique», издаваемого группой бейрутских католиков, православных и протестантов. В 1956-1963 гг. он преподает догматическое богословие и историю догматики в Семинарии *Sainte-Anne* в Иерусалиме, созданной для арабов-католиков византийской традиции (мелькитов). В эти годы он устанавливает отношения с рядом православных и англиканских общин в Иерусалиме и на Ближнем Востоке. Он также становится членом Католической конференции по экуменическим вопросам, созданной и возглавляемой монсеньором Йоханнесом Виллебрандсом.

В сентябре 1961 г. патриарх Афинагор I приглашает о. Дюпре на первую всеправославную конференцию на Родосе. Патриарх, с которым о. Дюпре познакомился в 1954 г., часто называл его «Агафангелом», «вестником добра». В 1962 г. он участвует в первой сессии II Ватиканского собора в качестве богослова, а также переводчика для наблюдателей от других церквей и общин. В 1963 г., вскоре после возвращения к своим преподавательским обязанностям в Иерусалиме, о. Дюпре начинает работать в Секретариате по христианскому единству в Риме. Его активная деятельность, направленная на восстановление полноты общения между христианами, не прерывалась до конца его жизни. С 1965 г. он входил в Совместную рабочую группу между Католической церковью и Всемирным советом церквей; в 1971-1983 гг. координировал взаимодействие между Секретариатом по христианскому единству и Комиссией «Вера и церковное устройство» (богословской секцией Всемирного совета церквей). С 1970 г. он был членом Англикано-католической международной

комиссии. В 1975 г. он становится президентом «Подготовительной комиссии по богословскому диалогу между Католической церковью и Православной церковью», а в 1980 г. – секретарем «Совместной международной комиссии по богословскому диалогу между Католической церковью и Православной церковью», о создании которой папа Иоанн Павел II и патриарх Димитрий I объявили в Стамбуле 30 ноября 1979 г. Кроме того, он участвовал в диалоге Католической церкви с Лютеранской всемирной федерацией, со Всемирным союзом реформатских церквей и с пятидесятниками. В 1963 он основывает и становится первым секретарем Католического комитета по культурному сотрудничеству с православными и древними восточными церквями.

29 апреля 1983 г. папа Иоанн Павел II назначает его секретарем Секретариата по содействию христианскому единству, позднее переименованного в Папский совет по содействию христианскому единству. Одновременно он становится вице-президентом Комиссии по религиозным отношениям с иудеями.

На Богоявление 1990 г. в Базилике св. Петра папа Иоанн Павел II возвел о. Дюпре в епископский сан, назначив ему титулярную кафедру Тибара, расположенного неподалеку от места его рукоположения в священники. 22 ноября 1997 г., в возрасте 75 лет, еп. Дюпре подал прошение об отставке, но до 31 мая 1999 он оставался действующим секретарем *ad interim* Папского совета по содействию христианскому единству.

С 1999 по 2002 г. еп. Дюпре был президентом Католического комитета по культурному сотрудничеству. В этом качестве он, вместе со своим другом митрополитом Швейцарским Дамаскином, стал инициатором проекта «Живые Источники» по созданию сети католических и православных институтов, цель которого – распространение стремления к христианскому единству среди молодого поколения. Этот проект, активным участником которого стал ББИ, оказался очень успешным и продолжает развиваться.

В последние годы жизни еп. Дюпре отошел от активной деятельности, что было связано с усиливающейся болезнью, а также желанием посвятить себя молитве. Он всегда относился к своим болезням с терпением, в подлинно христианском духе. 13 мая 2007 г., в Риме, он отошел к Господу. Отпевание в Базилике св. Петра совершал кардинал Вальтер Каспер. В конце Святой Мессы, во время которой кардиналу Касперу сослужили несколько кардиналов, епископов и множество священников, в т.ч. миссионеры Африки, и на которой присутствовали члены семьи епископа Дюпре, представители различных церквей и церковных общин, а также члены Папского совета по содействию христианскому единству, было зачитано письмо папы Бенедикта XVI с выражением соболезнований.

Еп. Дюпре похоронен в часовне Белых Отцов на кладбище Верано в Риме.